Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

В. Ш. Авидзба

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО АБХАЗИИ

(Обзор книг русских авторов XIX — нач. XX в.)

Сухум
Абгосиздат
2024

УДК 821.0
ББК 83.3(5Абх)
А20

Утверждено к печати Ученым советом
Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

Ответственный редактор:
д. филол.н. М. И. Щербакова
Рецензенты:
д. филол. н. В. А. Бигуаа,
к. филол. н., д. филос. н. Б. А. Бичеев

Авидзба В. Ш.
А 20 Образы прошлого Абхазии : обзор книг русских авторов XIX — нач. XX в. / Василий Авидзба. — Сухум: Абгосиздат, 2024 — 512 с.

Г/Р 978-5-122-29-05024

В книге представлен аналитический обзор свыше 40 книг русских авторов XIX — начала XX в., в которых освещены вопросы, относящиеся к разнообразным сторонам жизни Абхазии. На основе широкого использования разных источников проведен обзор книжной литературы о нашей стране. В их числе есть издания, как хорошо известные в исследовательских кругах, так и книги, по разным причинам, оказавшиеся не востребованными. Проводится мысль, что рассмотренные книги сыграли важную роль в научном изучении истории и культуры абхазского народа. Даются биографические очерки большинства авторов этих изданий; в необходимых случаях излагается история публикации того или иного издания; рассмотрены проблемы атрибуции и текстологии.

Книга предназначена специалистам гуманитарных наук и интересующимся проблемами историей и культурой Абхазии.

УДК 821.0
ББК 83.3(5Абх)

© Авидзба, В. Ш., 2024
© Абгосиздат, 2024

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга написана в определенной мере случайно. У меня не было планов специально заняться изучением нарративных источников русской словесности, относящихся к истории Абхазии. Считал, что это дело специалистов исторических дисциплин. Но случилось так, что приняв предложение руководителя Научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН М.И. Щербаковой, участвовать в совместном проекте «Абхазия в русской словесности XIX–XX веков», я постепенно втягивался в работу над материалом. Процесс работы позволил выявить значительный пласт информации об Абхазии.

Не то чтобы я ранее вовсе не знал имен авторов и их сочинений; о многих из них у меня было определенные представления по трудам историков, археологов, этнографов, лингвистов, которые в своих исследованиях ссылались на них, как на литературные, мемуарные и археографические источники. Однако, как оказалось, имевшиеся знания о самих авторах и их сочинениях, были далеко неполными и отрывочными. Кроме того, в ряде случаев, удалось выявить и такие работы, которые никак не были отражены в исследованиях предшественников.

В результате поисков и работы над выявленными текстами удалось раскрыть и проанализировать значительный пласт информации об абхазах и Абхазии. Объектом нашего исследования стали, главным образом, книжные издания русских авторов, в которых содержалась разнообразные сведения о нашем народе и нашей стране. Хронологические рамки охватывают весь XIX и первое десятилетие XX в. Не все рассмотренные книги целиком повествуют исключительно об Абхазии, часть из них содержат материал, относящийся ко всему Кавказу или его отдельным регионам. В таких книгах име-

лись соответствующие разделы и главы и об Абхазии. Конечно же, наше исследование не ограничивается анализом текстов исключительно книжных изданий, в ней широко используются также и публикации периодических изданий того времени.

В жанровом отношении, рассматриваемые книги, представляют достаточно широкий спектр. Это — и обзорные работы, и описания, и путевые заметки, и путешествия, и дневниковые записи, и путеводители, и специальные исследования, отражающие ту или иную сторону прошлого Абхазии (археологические памятники, христианские культовые сооружения и т. д.). Несмотря на это обстоятельство, мы предпочли тематическому принципу хронологическое построение структуры книги. Это сделано, во-первых для удобства восприятия читателем материала, а во-вторых, тематическая разбивка в определенной мере невозможна, поскольку большинство анализируемых книг содержат самый разнообразный материал (исторические, географические, этнографические, религиозные и т.д. сведения). Подобный подход не позволил бы усмотреть, те изменения в освещении жизни, происходившие Абхазии, поскольку авторы принадлежат разным поколениям; они жили и творили в отличные друг от друга исторических условиях. Правда, в отдельных случаях и хронологический принцип оказывался уязвимым, и полностью соблюсти его не всегда удавалось. В тех случаях, когда автор издал более одной книги и опубликовал в разные годы (А.В. Верещагин), мы, дабы не нарушать компактность, не отделяли анализируемые труды по соответствующим годам выхода в свет того или иного издания.

Как известно, в прошлом оформление издаваемых книг отличалось от утвердившихся в наше время правил. В них часто имя автора или псевдонима обозначалось после заглавия книги, иногда в родительном падеже. В таких случаях, опять же, для удобства читателей, при ссылках на источник вначале указываем фамилию

и инициалы автора в квадратных скобках, а затем воспроизводим библиографические данные оригинального издания.

Особенностью данного исследования является и то, что в необходимых случаях освещаются вопросы, связанные с историей публикации книги. Известно, что иногда время между описываемыми в книгах событиями и их выходом в свет пролегали годы, иногда целые десятилетия (С. М. Броневский, Ф. Ф. Торнау).

Важно подчеркнуть, что, за редким исключением, мы пользовались текстами первых изданий книжных источников, и лишь в одном случае (И. М. Тези) — повторным изданием.

Не менее важной задачей, которую мы ставили перед собой, была выяснение биографических сведений авторов рассматриваемых книг. Можно сказать, что в целом нам удалось справиться с ней, а в отдельных случаях установить личности, чье авторство было скрыто за инициалами.

Проведенная работа открывает перспективы для дальнейших исследований в подобном ключе. Поскольку, книжных изданий, в которых, в той или иной мере, была отражены образы прошлого Абхазия гораздо больше. Это подтверждается ссылками на них в работах разных ученых и сведениями о них в библиографических справочных изданиях. Некоторые из них переиздавались в разные годы, но, как было сказано, мы, в качестве источника, стремились пользоваться первичными печатными текстами. Иначе говоря, в нашей работе рассмотрены те книги, первые издания которых оказались нам доступными. Их общее количество превышает 40 изданий.

В заключение, хочу выразить слова благодарности и признательности М.И. Щербаковой — автора идеи и руководителя проекта «Абхазия в русской словесности XIX — XX веков». Благодаря ей подготовлены и изданы три тома, включавшие в себя исследования и материалы, отражающие российско-абхазские культурные и литера-

турные связи. В этих сборниках частями была опубликована и предлагаемая читателю данная работа. Тексты не сильно различаются, в настоящем труде введены лишь некоторые дополнения и уточнения, а также сделаны незначительные авторские правки.

Также выражаю благодарность научному сотруднику АбИГИ А. Я. Дбару, за оказанную помощь в подготовке книги к изданию.

ГЛАВА I. АБХАЗИЯ В СОЧИНЕНИЯХ РУССКИХ АВТОРОВ 1810–1850 ГГ.

Литература об Абхазии, опубликованная русскими исследователями и на русском языке, значительно превосходит все, что написано на других языках. Она представлена текстами разных эпох: древнерусскими летописями, произведениями художественной литературы, публицистикой и научными работами различных направлений гуманитарных знаний. Создавалась эта литература неравномерно; были большие отрезки времени, когда русское печатное слово обходило молчанием Абхазию, и, наоборот, когда оно уделяло ей большое внимание. Выявление и изучение всего свода русского текста об Абхазии является важной научной задачей — как для абхазоведения, так и для самой русистики.

Работа по выявлению, публикации и изучению русских письменных нарративов об Абхазии имеет определенную историографическую традицию. К настоящему времени мы обладаем корпусом некоторых опубликованных текстов.

Пионером в изучении проблемы выступил В. П. Пачулиа. Его книга «Русские писатели в Абхазии»[1] представляет собой сборник статей, содержащий информацию о пребывании 23 русских писателей XIX–XX вв. в Абхазии. В частности, автор сообщает о творческих связях с Абхазией таких писателей, как: А. А. Бестужев-Марлинский, Вл. Соллогуб, А. П. Чехов, М. Горький, А. Н. Толстой, А.С. Серафимович, В. В. Маяковский, В. В. Каменский, К. Г. Паустовский, Д. А. Фурманов, А. А. Фадеев, К. А. Федин, Л. М. Леонов и др.

Из изданий, содержащих русские тексты об Абхазии, необходимо выделить книгу И. И. Квициния «Абхазия в русской литературе»[2]. Автор собрала и опубликова-

[1] *Пачулиа В. П.* Русские писатели в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980. 102 с.

[2] Абхазия в русской литературе / сост. И. И. Квициния. Сухуми: Алашара, 1983. 290 с.

ла полностью или в отрывках произведения 44 русских писателей XIX–XX вв. В дальнейшем проблема стала предметом исследования С. З. Лакоба. В его книге«Крылились дни в Сухум-Кале»[1] акцент сделан на русско-абхазский культурный взаимообмен первых десятилетий XX в. и заметной роли русской культурной среды, в которую входили писатели Н. Н. Евреинов, В. В. Каменский, В. И. Стражев, В. Г. Шершеневич, И. Э. Бабель, Ф. В. Гладков. Показано, как обогащалась и накапливалась «абхазская тематика» в русской литературе и публицистике. Ряд аспектов проблемы отражен в исследованиях И. Х. Дамения «Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений XIX–XX вв.» и «Историография истории народов Кавказа XIX — нач. XX в.»[2].

Определенный исследовательский вклад сделан А. Л. Папаскиром. В своем исследовании «Абхазия в русской литературе XIX столетия»[3], автор анализирует прозаические произведения, отображающие абхазскую тематику: А. А. Бестужева-Марлинского, П. П. Каменского, В. И. Савинова, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Д. Л. Мордовцева, а также освещает некоторые факты пребывания А. П. Чехова и А. М. Горького в Абхазии. В своей другой монографии «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии»[4] А. Л. Папаскир предпринял попытку изучения источников раннего периода.

---

[1] *Лакоба С. З.* Крылились дни в Сухум-Кале. Историко-культурные очерки. Сухуми: Алашара, 1988. 199 с.

[2] *Дамения И. Х.* Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX–XX вв. СПб.: Общ-во «Знание», Санкт-Петербургская организация, 1994. 72 с.; ее же. Историография истории народов Кавказа XIX — нач. XX вв. СПб.: Санкт-Петербургская организация общества «Знание» России, 1996. 72 с.

[3] *Папаскир А. Л.* Абхазия в русской прозе XIX столетия. Сухум: АГУ, 2004. 174 с.

[4] *Папаскир А. Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, АГУ, 2005. 548 с.

В освещении нашей темы определенный интерес представляют издания, в которых преимущественно опубликованы документальные архивные материалы: официальная переписка, записки, рапорты, сообщения, а также выдержки из различных статей, воспоминаний и описаний Абхазии. Это «Абхазия и абхазы в российской периодике» (в 2-х кн.)[1]; «Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв.»[2]; двухтомник «Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах»[3]; второй том двухтомного сборника «По обе стороны Большого Кавказа»[4], тридцатый том «Антологии памятников права народов Кавказа. Памятники права абхазов»[5], «Абхазия туристическая». (Сборник документов)[6] — «Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я Лисовского и В. Л. Чуркина»[7].

---

[1] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.): в 2 кн. / сост.: Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Т. 1. 652 с.; Т. 2. Сухум: АбИГИ, 2008. 732 с.

[2] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1803–1839). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост. Г. А. Дзидзария. Т. 1. Сухум, АбИГИ, 2008. 288 с.; Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов / сост.: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. 2. Сухум: АбИГИ, 2011. 513 с.; Материалы по истории Абхазии (1863–1874). Сборник документальных материалов / сост.: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. 3. Сухум: АбИГИ, 2012. 628 с.

[3] Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост.: М. и В. Котляровы. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. Т. 1. 608 с. ; Т. 2. 576 с.

[4] По обе стороны Большого Кавказа: сб. документов / автор-сост. М. Х. Экзеков; отв. ред. Н. М. Емельянова. СПб.: Издательство «Питер», 2012. Т. 2. Абхазы. 608 с.

[5] Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов / автор и рук. проекта Д. Ю. Шапсугов; сост. Д. Ю. Шапсугов, А. Ф. Авидзба, С. Ш. Салакая, З. Ф. Яхтанигов. Ростов-на-Дону: ООО Альтаир, 2017. 928 с.

[6] Абхазия туристическая. Сборник документов / сост.: М. Г. Бжания, А. А. Князева. М.: 2019. 240 с.

[7] Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина. Сборник архивных

Все перечисленное — и исследования, и сборники материалов — содержит ценную информацию, отражающую абхазскую проблематику в «русском тексте». Этими изданиями в научный оборот введено большое количество источников, они часто цитируются историками, этнографами, литературоведами и специалистами других отраслей знаний.

При этом все же необходимо заметить, что абхазская тема в русском печатном слове пока остается недостаточно исследованной. Полученные сведения носят фрагментарный характер. В изучении данной темы по сей день не предпринималась попытка систематического, всестороннего изучения ни всего свода целиком, ни отдельно взятого периода. Отсутствует полный корпус из написанного российскими авторами об Абхазии и ее народе. Публикации самих материалов также далеки от полноты, пока нет изданий, которые позволили охватить, хотя бы отдельные хронологические периоды. Творческое наследие только двух русских авторов XIX в. было удостоено внимания исследователей. Известный историк Г. А. Дзидзария[1] и литературовед Р. Л. Авидзба[2] написали монографические исследования о творчестве Ф. Ф. Торнау с приложением различных документов. Отдельной книгой была издана работа известного русского ботаника и этнографа Н. М. Альбова под названием «Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова»[3].

документов / сост., автор предисл., примеч. и указателей Л.И. Цвижба. ИВ РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2019. 190 с.

[1] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. 129 с.

[2] *Авидзба Р. Л.* Наследие Ф. Ф. Торнау и традиции русской реалистической литературы: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016.

[3] Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост. З. И. Адзинба, Л. Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. 288 с.

Безусловно, выявление источников и их публикация заслуживают всяческого одобрения. Однако текстологическая подготовка переизданий источников вызывает много нареканий. Так, иногда имеет место непозволительное вмешательство составителей, берущих на себя роль редактора задним числом. Но стремление издателей адаптировать или подредактировать текст с текстологической точки зрения не выдерживает критики. Поэтому мы, по возможности, при ссылках на материал, старались использовать первоисточники, и лишь в случаях, когда эти материалы оказывались недоступными, использовали тексты, опубликованные в сборниках.

* * *

Исследование книжных изданий русских авторов XIX в. — задача, чрезвычайно сложная, требующая комплексного междисциплинарного подхода, которую вряд ли можно охватить рамками настоящей работы. Наша задача скромнее — сделать схематический обзорный анализ сочинений (за исключением художественных текстов) русских авторов обозначенного периода. При этом приоритет будет отдаваться малоизвестным, иногда и вовсе забытым публикациям, и их авторам. В этой связи представляется необходимым, уточнение некоторых понятий, семантическое значение которых в наше время имеют иное, более узкое, чем это было в прошлом. Таковыми в данном исследовании часто будут выступать слова: *путешественник, писатель, публицист, литература*. И поэтому следует остановиться на них.

Как известно, «в разные эпохи истории культуры слово живет разной жизнью»[1]. В лексическом фонде любого языка можно найти немало слов, которые с течением времени приобретают иное значение, нежели имели первоначально, а иногда и вовсе противоположенное

[1] *Борев Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. С. 412.

ему. Один из таких случаев приводит С. С. Аверинцев, показывая пример того, как слово «софистика» из «профессионально практикуемого и профессионально преподаваемого <…> приобрело одиозный привкус еще для самой античности»[1].

Также можно привести много примеров, когда смысловое значение тех или иных слов с течением времени принимает расширительное или, наоборот, узкое терминологическое значение. К таковым относятся слова *путешествие /путешественник*, *писатель, литература и т.д.* Современное смысловое значение этих слов несколько отличается от того, какое им придавали, скажем, в XVIII–XIX вв. Хотя В. И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» уже передает значения слова *писатель*, как «пишущий что-либо, пером или кистью, но более в значении сочинитель, литератор»[2], мы встречаем массу примеров, когда этим словом обозначаются, не только и не столько люди, создающие художественные произведения, а подразумеваются все, кто писал на любую тему. Так, в «Русском биографическом словаре» часты примеры таких определений: «врач-писатель», «военный писатель», «духовный писатель», «писатель-беллетрист», «писатель по сельскому хозяйству», «военно-исторический писатель», «писатель по этнографии», «писатель-историк» и т. д.

Известна биобиблиографическая книга Л. Ф. Змеева «Русские врачи писатели», в которую включены биогра-

---

[1] *Аверинцев С. С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1991. С. 3.

[2] [*Даль В. И.*]. Толковый словарь живого Великорусского языка. Владимира Даля: в 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М.: Изд-е. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882; М.: «Русский язык», 1980. Т. III. С. 113.

фии 4000 авторов, писавших исключительно на медицинские темы[1].

Примечательно, что в словарях и энциклопедиях XIX в. (К. Края и А. В. Старчевского, И.Н. Березина, Брокгауза и Ефрона и т.д.) слово *писатель* в качестве словарной единицы отсутствует вовсе, хотя имеет применение для определения рода деятельности тех или иных литераторов. Это понятие, в значении человека, создающего художественный текст, окончательно закрепилось только в XX в. В «Толковом словаре русского языка» *писатель* определяется как «человек, пишущий литературное произведение»[2].

Показательно также, что в многотомных энциклопедических и специальных литературных терминологических словарях данное понятие зачастую игнорируется[3]. Любопытно, что в «Краткой литературной энциклопедии» содержится словарная статья «писатель в газете», но нет статьи «писатель»[4]. Только в некоторых справочных изданиях более позднего времени оно вновь начинает фигурировать. Так, в «Новом литературном словаре» слово *писатель* толкуется как «человек, создающий

---

[1] При этом Л. Ф. Змеев не включил в свою книгу В. И. Даля, который был военным врачом и популярным для своего времени писателем — автором поэтических, прозаических и фольклорных сборников.

[2] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3. Стб. 265.

[3] См.: Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974; Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1987; Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003.

[4] *Григоренко С.* Писатель в газете // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1968. Т. 5. Стб. 759–761.

литературное произведение»[1]. Поэтому, не случайно, М. И. Щербакова отмечает, что в свое время, например, «звание *беллетрист* теснило прежние привычные определения творческой личности: *поэт, художник,* и тем самым открывало дорогу другому профессиональному определению: *литератор*»[2].

Таким образом, налицо определенный сдвиг значения слова писатель от более расширительного и многоохватного к более узкому, и профессиональному. То же самое можно сказать и о понятии *литература*. В. И. Даль это и связанные с ним слова определял так: «Литература — словесность, письменность», «Литератор — словесник, писатель, сочинитель»[3]. Определение этого понятия даны в статьях В.В. Кожинова, помещенных в справочно-энциклопедических изданиях[4]. Он данному понятию дает следующую дефиницию: «[lit(t)eratura, букв. — написанное, от lit(t)era — буква], один из основных видов искусства — искусства слова. Термин «литература» обозначает также любые произведения человеческой мысли, закрепленные в письменном слове и обладающие общественным значением; различают литературу техническую, научную, публицистическую, справочную, эпистолярную и др. Однако в обычном и более строгом смысле литературой называют произведения художественной письменности». Относительно истории тер-

---

[1] *Гурьева Т. Н.* Новый литературный словарь. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2009. С. 219.

[2] *Щербакова М. И.* Текстологические особенности этнографической прозы // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. М.; Сухум: АбИГИ, 2012. С. 124.

[3] *Даль В. И.* Указ. соч. 1881. Т. 2. С. 255.

[4] См. статьи В.В. Кожинова: Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1967. Т. 4. С. 219–227 стб.; Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 186–188; Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 453–457.

мина он там же пишет: «Термин “литература” (или, как говорили раньше “изящная литература” — В. Г. Белинский) возник сравнительно недавно и начал широко употребляться лишь в 18 в. (вытеснив термины “поэзия”, “поэтическое искусство”, которые ныне обозначают стихотворные произведения)»[1]. Заметим, что и «Большой этимологический словарь русского языка возникновение термина “литература” также относит к XVIII в.[2].

Добавим, что хотя в качестве термина понятие *литература* возникло и получило распространение в XVIII, он еще долгое время использовался у многих авторов в качестве синонима *словесность, изящная словесность*. И это несмотря на то, что к тому времени уже выходили специализированные издания — «Литературная газета» (1830–1831) и «литературный журнал “Современник”» (с 1836 г.) к изданию которых А. С. Пушкин имел самое прямое и непосредственное отношение. В тоже время, во многих своих статьях, рецензиях, заметках и набросках, Пушкин, наряду со словом *литература*, весьма часто пользуется и словом *словесность*, в том числе и заглавиях[3]. В качестве наглядного свидетельства того, что понятие *литература* в то время имело более широкое толкование, может служить и статья ректора Харьковского Императорского университета И. Я. Кренеберга «О значении словесности» в «Журнале Министерства народного просвещения». В ней автор недвусмысленно заявляет: «Под словом литература я разумею все ветви

---

[1] *Кожинов В. В.* Литература // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 186.

[2] Большой этимологический словарь русского языка / сост. М. В. Климова. М. ООО «Дом Славянской книги», 2013. С. 277.

[3] Напр.: «О причинах, замедливших ход нашей словесности», «Мнение М. Е. Лобанова о духе нашей словесности, как иностранной, так и отечественной», «О французской словесности» и др. (См.: *Пушкин А. С.* Мысли о литературе / вступ. статья М. П. Еремина, примеч. М. П. Еремина и П. М. Еремина. М.: Современник, 1988. С. 53, С. 281–287, С. 345–346).

Знания и Искусства человеческого, распространяемые посредством слова письменного»[1].

Такой же процесс — от широкого к узкому — мы наблюдаем и с осмыслением понятия *путешествие / путешественник*. Причем эти слова одинаково часто использовались авторами как художественных[2], так и научных, публицистических и научно-популярных текстов. Особенно часто слово *путешествие* для обозначения результатов своих изысканий употребляли географы[3] и этнографы[4]. Общим и главным для всех этих текстов — описание новых ощущений от реально увиденных картин, природных особенностей и изображение жизни людей неизведанных стран. Поэтому неудивительно, что всех авторов таких текстов определяли преимущественно одним общим понятием путешественник.

Такой подход мы встречаем в книгах М. А. Полиевктова о европейских путешественниках по Кавказу[5]. В его работах, наряду с авторами художественных про-

---

[1] *Кренеберг И.Я.* О значении словесности // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. VIII. № XI. Ноябрь, 1835. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1835. Отделение II. С. 274.

[2] Из массы примеров приведем несколько наиболее известных: *Дж. Свифт* «Путешествие Гулливера», *А. Н. Радищев* «Путешествие из Петербурга в Москву», *А. С. Пушкин* «Путешествие в Арзрум».

[3] Например: *Н. М. Пржевальский* «Четвертое путешествие в Центральной Азии», *П. П. Семенов-Тян-Шанский* «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах».

[4] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступительной статьей Д. Н. Анучина, Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: «Новая Москва», 1923. 616 с.

[5] *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов; Акад. наук СССР, Научно-исследовательский ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра. Тифлис: 1935. 221 с.; *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. / М. А. Полиевктов; Арх. упр. МВД Груз. ССР. Тбилиси: тип. Заря Востока, 1946. 151 с.

изведений, приводятся и биографические сведения о представителях различных сфер деятельности: военных, дипломатах, этнографах, лингвистах, географах, естествоиспытателях, врачах, священниках, художниках, разведчиках, предпринимателях и т. д. При этом М. А. Полиевктов к числу европейских путешественников относит и русских авторов. Так, из 122 авторов, отмеченных в первой книге, русских — 43; а во второй из 101 автора — русских 41 и три анонимные работы, в которых имена авторов не установлено. Среди тех, кого автор причислил в разряд русских путешественников по Кавказу, есть имена широко известные, такие как А. С. Пушкин, А. А. Бестужев-Марлинский, Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, Е. Е. Лачинов и некоторые другие. Однако ученый к числу русских путешественников не относит деятелей иностранного происхождения, которые совершали свои экспедиции на Кавказ, находясь на русской службе, по прямому указанию правительства или Академии наук; их биографические и другие данные размещены в отдельном разделе. В их числе оказались академики И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, Ю. Клапрот, А. Я. Купфер, Э. Х. Ленц, профессора И. Г. Поррет, М. Ф. Энгельгардт и даже генерал-лейтенант русской армии И. Ф. Бларамберг и т. д. Заметим, что позже в кавказоведении такой подход был скорректирован. Так, М. О. Косвен в своей обстоятельной работе «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке»[1] дает следующее пояснение: «Этнографическое изучение Кавказа велось в ранние периоды и иностранцами. Их продукцию мы не учитываем, поскольку их работы не имеют отношения к истории русской науки. Мы, однако, берем относящиеся к нашей теме работы иностранцев, притом хотя бы написанные на иностранных языках, в

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955, 1958, 1961.

тех случаях, когда эти иностранцы состояли на русской службе, работали по прямому поручению или заданию русского правительства или русских научных учреждений, в частности русской Академией Наук»[1].

В данной работе мы используем понятие *путешественник* в широком смысле слова, т. е. рассматриваем работы, написанные на русском языке, вне зависимости от профессиональной деятельности. При этом исходим не из этнического происхождения авторов, а принадлежности работы к российскому кавказоведению. Нами не рассматриваются авторы, имеющие кавказское происхождение, несмотря на то, что ими создан на русском языке целый ряд значительных сочинений.

Диапазон публикаций об Абхазии в русской научной, художественной и публицистической литературе весьма широк, но их главной чертой является стремление глубже узнать страну и народ. Несомненно, реализация такой задачи не всегда имела положительный результат, начиная от личной подготовленности и опыта, исследовательского таланта, кончая мировоззрением, идеологическими и политическими установками того или иного автора. Все это вкупе имело значение в решении поставленной задачи — описать жизнь малознакомого автору народа и среду его обитания. Это весьма сложная и трудновыполнимая задача, на достижение которой отваживались некоторые исследователи, и далеко не всем эта задача оказалась по плечу. М. А. Полиевктов так описывает психологическое состояние путешественника: «В путешественнике-иностранце, попадающем в новую для него природную и культурную среду, естественно, повышается впечатлительность и обостряется желание в той или другой степени зафиксировать свои впечатления и наблюдения

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955. Ч. 1. С. 265.

<...>, иностранец часто бывает национально — и особенно классово — пристрастен, что он может многого не понять в местной жизни, что на его впечатления и наблюдения оказывает влияние целый ряд привходящих обстоятельств, начиная от состояния погоды и кончая состоянием здоровья». И что еще важнее, — продолжает автор, — он «редко входит в соприкосновение со всем местным населением <...>, в большинстве случаев он соприкасается лишь с некоторыми определенными слоями местного общества, и это опять отражается на его личных впечатлениях»[1].

В числе рассматриваемых нами работ есть публикации, как являющиеся результатом личных наблюдений, так и созданные на основе различных архивных и литературных источников. При этом работы путешественников, несмотря на ряд обстоятельственных преимуществ, не всегда могут быть гарантом того, что они более достоверны и точны, чем сочинения тех, кто пользуется документальными или литературными источниками. Для объективного понимания увиденного даже собственными глазами необходимы определенные качества, которыми могут и не обладать даже самые беспристрастные авторы. Говоря словами А. А. Керсновского, необходимо обладать не только «телесными, но духовными очами»[2].

Безусловно, при анализе материала важно учитывать то обстоятельство, что ход и темп исторического процесса был иным, нежели в современную нам эпоху. Как было замечено еще в 1935 г. знаменитым нидерландским культурологом Й. Хёйзингой, «совершенно иным стал сам исторический темп перемен: что прежде

---

[1] *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: Научно-исследовательский ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра, 1935. С. 2.

[2] *Керсновский А. А.* Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. С. 138.

измерялось столетиями, сейчас укладывается в годы»[1]. Еще конкретней по этому поводу высказался современный исследователь А. Т. Урушадзе, труд которого имеет определенное отношение к нашей теме. Урушадзе пишет: «Движение материи в первой половине — середине XIX столетия не отличалось по сегодняшним меркам высокой скоростью. Нормативы скорости, установленные для российских ямщиков в 1824 г., составляли от восьми верст в час осенью до двенадцати зимой. На преодоление российских просторов даже в экстремальных случаях тратилось изрядное количество времени. О вторжении Наполеона в Твери узнали только 10 июля, спустя месяц после форсирования Немана Великой армией 12 июня 1812 г.»[2].

Это не требующее доказательств верное наблюдение со всей очевидностью подтверждается и последующим интенсивным ходом истории, со специфичным разнообразием информационного потока. Стало быть, при оценке текстов прошлого руководствоваться исключительно современными категориями миропонимания не следует. Только комплексный подход, учет всех обстоятельств, начиная от совокупности исторических обстоятельств, заканчивая индивидуальными особенностями автора, может позволить более верно и полнее охарактеризовать рассматриваемый документ. К сожалению, встречающаяся, за редким исключением, скудость биографических сведений многих авторов, а то и вовсе их отсутствие, во многом сковывает, не дает возможности разобраться до конца о мотивах их ис-

---

[1] *Хёйзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Homo ludens / пер. с нидерландского В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 255–256.

[2] *Урушадзе А. Т.* «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: «Аспект Пресс», 2017. Т. 10(42). С. 161–162.

следовательского интереса, человеческих и профессиональных качествах.

Рассматриваемая тема является частью кавказоведческой проблемы, поскольку многие авторы, работы которых предполагается рассмотреть, писали не только об Абхазии. И это обстоятельство требует определенного учета общекавказского контекста. Не умаляя значимости европейского кавказоведения, все же заметим, что как научная отрасль оно во многом сложилось в русской гуманитарной науке. Еще в начале 1870-х гг. Н. Ф. Дубровин, выражая неудовольствие по поводу неразборчивого использования отдельных этнонимов и раскрывая побудительный мотив, заставивший его приступить к написанию своего фундаментального труда, писал: «Все это тем более странно, что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но зато все это разбросано отдельными статьями по различным газетам и журналам и не представляет ничего целого»[1].

И в последующие периоды интерес к Кавказу со стороны российских научных кругов никогда не ослабевал; был накоплен огромный материал практически по всем гуманитарным дисциплинам, который время от времени актуализировал те или иные исследовательские темы. Современные историки М. А. Волхонский и В. М. Муханов, в частности, считают, что «последние два десятилетия стали временем определенного ренессанса в изучении Кавказской войны XIX столетия»[2].

Кавказоведческий материал настолько объемен и обширен, что некоторые исследователи начали зада-

---

[1] [*Дубровин Н. Ф.*]. История войны и владычества русских на Кавказе: в 5 т. Н. Дубровина. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. СПб.: Печатано в тип. Департамента уделов, 1871. С. XIV.

[2] *Волхонский М. А., Муханов В. М.* Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. М.: Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 22.

ваться вопросом — а что, собственно, из написанного о Кавказе считать кавказоведением. Причины постоянного интереса к кавказской тематике кроются в ряде особенностей, из которых необходимо выделить следующие: во-первых, многочисленностью населяющих этот регион народов, изучение которых соответственно увеличивает количество работ, и, во-вторых, исторической сложностью вхождения Кавказа в состав Российской империи, а именно — продолжительной Кавказской войной. Уже с первой половины XIX в. в кавказоведение включается достаточно большое количество местных авторов, а в советский период во многих республиках и национально-территориальных образованиях складываются национальные научные школы, что, безусловно, также является результатом благотворного влияния российского кавказоведения. Однако, в данном случае, речь будет идти исключительно о сочинениях, написанных российскими авторами. Эти люди, независимо от рода своей профессиональной деятельности, прибыли на Кавказ для решения тех или иных государственно-политических, военных, религиозных, научных задач или удовлетворения личных познавательных интересов и оставили нам свои впечатления в виде трудов, описаний, воспоминаний, дневников, записок, статей, заметок, очерков и т. д. Имеют место случаи, когда отдельные деятели в дальнейшем остались жить в Абхазии, но это не может служить причиной исключения их из круга рассматриваемых авторов, поскольку прибыли сюда с уже установившимися жизненными взглядами, и их наблюдения в период своего вживания в среду местного населения способствовало лучшему пониманию жизни коренного населения.

Русские письменные источники об Абхазии имеют свою специфику. Они количественно неравномерно распределены по отдельным историческим периодам, и даже при своем значительном массиве заметно уступают некоторым источникам о других кавказских народах.

Это обстоятельство констатирует М. О. Косвен, который, в своем замечательном обзоре этнографической литературы, неоднократно замечает качество и количество публикаций об Абхазии. Например, он работе Р. Скаси отзывается, как о «документе», свидетельствующем «насколько ограничены, и притом невежественны, были в ту пору сведения об Абхазии»[1]. В другом месте, автор в очередной раз подчеркивает «крайнюю недостачу в то время сведений об Абхазии и абхазах»[2].

На первый взгляд, это может показаться странным, ибо Абхазия, по крайней мере, его центральная часть, официально вошла в состав Российской империи в 1810 г., и считалась ее составной частью. Стало быть, препятствий для добычи информации о ней, казалось бы, не должно было быть. На наш взгляд, причиной такого положения дел являлось отсутствие путей сообщения. Путешественники из России на первых порах могли попасть в Абхазию только морским путем. Прямой сухопутный путь продолжительное время отсутствовал. А сообщение, по которому все-таки следовали путешественники, было окольным и пролегало по магистрали Новочеркасск — Ставрополь — Георгиевск — Горячеводск — Минеральные Воды и далее по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. Таким образом, помимо морского сообщения в Абхазию можно было попасть только через Тифлис, далее — Имеретию, Гурию и Мегрелию, или также морским путем из Поти. Движение же с западного направления, по прямому сухопутному сообщению, было открыто лишь в мае 1893 г. Это существенно ограничивало возможность прибытия путешественников в Абхазию, и как следствие — относительная скудость информации о стране в русской печати. Между тем, мы все же имеем

[1] *Косвен. М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд. Академии наук СССР, 1955. Ч. 1. С.302.

[2] Там же. С. 357.

определенное количество публикаций, содержащих значимые сведения о стране и ее народе. Они представлены работами участников научных экспедиций, организованных Санкт-Петербургской Императорской Академией наук, П. С. Палласа, И. А. Гюльденштедта. Результаты их работы были оформлены и опубликованы, сперва, на немецком языке, а затем переведены на русский язык. Словарная статья «Абхазы» содержит энциклопедическое по своему содержанию издание «Новый и полный географический словарь Российского государства…», в котором имеется статья «Абхазы», где кратко изложены сведения об истории, языке, вере и т. д.[1]

* * *

В числе публикаций, написанных до вхождения Абхазии в состав Российской империи, выделяется сочинение С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»[2]. В данном труде сведения об Абхазии представлены масштабно и разносторонне. Книга Броневского получила признание и широкую известность среди современников, лестно отозвавшихся в хвалебных рецензиях. Некоторые отзывы приведены в обстоятельном предисловии И. К. Павловой, подготовившей полное издание книги С. Броневского. Как указывает М. О. Косвен, исследование Броневского «сделалось надолго главным источником сведений о Кавказе»[3].

---

[1] Новый и Полный географический Словарь Российского государства или Лексикон: в 6 ч. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1788 Ч. 1. С. 2–5.

[2] [*Броневский С.М.*]. Новейшия географические и исторические известия о Кавказе. Собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селивановскаго, 1823.

[3] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во. Академии наук СССР, 1955. Ч. 1. С. 297.

В «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара книга Броневского о Кавказе охарактеризована как «лучшее описание того края»[1]. И позже многие кавказоведы вполне обоснованно давали и дают высокую оценку этой работе. М. О. Косвен в обзоре русской этнографической литературы неоднократно указывал на достоинства этого издания, характеризуя его как «первое в русской литературе общее, и притом обширное и разностороннее сочинение о Кавказе, в частности и первое собрание соответствующих этнографических сведений», а его автора считал «первым автором-исследователем»[2] этнографии Кавказа. Столь же лестная оценка дана и абхазским историком Г. А. Дзидзария, писавшим: «Говоря о научном знакомстве с народами Кавказа, следует выделить С. М. Броневского <…> Его основной труд "Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах" содержит в себе ценные сведения о Кавказском крае, в том числе и об Абхазии. В нем дается первая в истории русской науки общая характеристика общественного строя кавказских народов»[3]. Адыгский ученый М. Н. Губжоков характеризует С. М. Броневского как «одного из классиков отечественного кавказоведения»[4].

Востоковед И. К. Павлова, подготовившая к печати полное издание исследования С. М. Броневского, видит в этом труде «многогранный и важный источник, который с полной уверенностью можно назвать краткой энциклопедией по Кавказу», и считает, что его

---

[1] Энциклопедический Лексикон: в 17 т. А. А. Плюшара. СПб.: В тип. А. А. Плюшара, 1836. Т. 7. С. 138.

[2] *Косвен М. О.* Указ. соч. Ч. I. С. 297; Ч. III. С. 267.

[3] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е допол. изд. // Г. А. Дзидзария. Труды. / науч. ред. С. Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. 4. С.101.

[4] *Губжоков М. Н.* Комментарии // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы / сост., подгот. текстов, науч. ред., коммент. М. Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 630.

автора «мы вправе назвать первым российским кавказоведом»[1].

Семен Михайлович Броневский (1763–1830) происходил из польского дворянского рода. В русских энциклопедиях XIX и нач. XX вв. его биография присутствует весьма скупо. Отмечая лишь то, что он был действительным статским советником, градоначальником Феодосии и написал труд о Кавказе. Более подробные биографические сведения о Броневском приведены в вышеназванных работах М. О. Косвена и И. К. Павловой. Согласно сообщаемой ими информации, Броневский, получив военное образование, в течение нескольких лет был инспектором классов Шкловского благородного училища. Еще в молодости много путешествовал по Кавказу, а в 1790-х гг. оказывается здесь на службе. Был участником персидского похода русской армии в 1796 г. Здесь Броневский начал интересоваться географией, историей и этнографией Кавказского края, изучает существовавшую литературу и собирает сведения о нем. Перейдя на гражданскую службу (1801), становится правителем канцелярии при главнокомандующем русскими войсками на Кавказе П. Д. Цицианове, и некоторое время — при И. В. Гудовиче. Далее свою службу продолжил в Департаменте иностранных дел в Петербурге, в период с 1808 по 1816 гг. был градоначальником Феодосии. В годы работы в Министерстве иностранных дел, где занимал должность директора Азиатского департамента, Броневский получил задание написать книгу по истории русско-кавказских отношений. Как пишет И. К. Павлова, он «сам, долго мечтавший об этом, с энтузиазмом приступил к работе. Занимаемая им новая должность и поддержка кн. А. А. Чарторыйского открыли ему доступ ко многим секретным документам, поступавшим

[1] *Павлова И. К.* К читателю // Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: в 2 т. / подгот. текста, предисл., примеч., словарь малоупотребительных слов, указатели И. К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 5, 11.

в департамент Коллегии иностранных дел»[1]. Перемещение по службе и непростые отношения с вышестоящим начальством отразились в ходе написания и, особенно, в истории издания труда Броневского. Как видно из текста, свое сочинение автор завершил к 1810 г., но его издание по разным причинам задерживалось. И только в 1823 г. в Москве была издана первая часть работы, как полагает И. К. Павлова, при поддержке графа Н. П. Румянцова, возглавлявшего в этот период Общество истории и древностей российских. Вторая же часть сочинения Броневского была опубликована спустя 173 года — лишь в 1996 г. И. К. Павловой. В 2004 г. Павлова осуществила полную публикацию труда, т. е. обеих его частей. В течение этого большого промежутка времени работа С. М. Броневского имела незавидную судьбу. Лестные отзывы о ней, имевшие место после выхода первой ее части, через некоторое время были преданы забвению. Долгое время исследователи полагали, что работа осталась незавершенной, что вторая ее часть не была написана. Мало того, имели место случаи, когда авторство изданной при жизни создателя первой части приписывалось другому лицу. Так, в авторитетной Энциклопедии Брокгауза и Эфрона в статье о генерал-губернаторе Восточной Сибири Семене Богдановиче Броневском, доводившемся племянником Семену Михайловичу, читаем: «Известен как писатель. В 1823 г. он напечатал в Москве, в 2-х частях “Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе”»[2]. Очевидно, что совпадение имени ввело в заблуждение автора статьи и издателей; авторство было отнесено другой (хотя и родственнику) известной исторической персоне. Кроме того, процитированный текст вводит в заблуждение читателя по поводу судьбы второй части сочинения С. М. Броневского.

[1] Там же. С. 9.

[2] Броневский (Семен Богданович) //Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С-Петербург). СПб: Типо-лит. (И. А. Ефрона), 1891. Т. IV-а. С. 741.

ского; может сложиться впечатление, что обе части были опубликованы в одной книге. И только спустя много лет, благодаря усилиям И. К. Павловой, безусловно, выполнившей благородную и весьма полезную миссию, было осуществлено полное научное издание всего труда, что окончательно прояснило его судьбу.

С. М. Броневский в своей работе отводит достаточно много места Абхазии. Помимо того, что он говорит об Абхазии в разных частях своего сочинения, региону непосредственно посвящена вторая глава первой — иногда именуемой географической — части книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Глава эта имеет заглавие «Абхазия или Абаза». Она, в свою очередь, содержит следующие параграфы и разделы: «Общее обозрение: Пределы, величина, именования, исторические известия, религия, облик, нравы, одежда, язык, упражнения, естественное разделение»; «Естественное разделение Абхазии: климат, произведения»; «Политическое разделение: «Малая Абаза, Алти-Кизек», «Абхазия северо-западная», «Абхазия юго-западная», «Известия о Согумском владении», «Известия о торговле».

Автор свой очерк об Абхазии начинает с названия страны, отмечая, что в разные эпохи у разных народов она называлась по-разному: «по-грузински Абхазети <…>, Абазгия — у Императора Константина Багрянородного и Обези у Нестора летописца»[1]. Тем самым Броневский демонстрирует свою осведомленность и знание древних письменных источников. В следующем разделе автор отмечает, что сами абхазы «называют землю свою Абсне»[2]. Необходимо заметить, что автор и при географическом описании, и при описании процессов политического разделения на различные ответвления в Абхазии, приводит сведения об абазинах, именуя терри-

[1] *Броневский С. М.* Указ. соч. С. 318.

[2] Правильно — Апсны. Вероятно, здесь имеет место озвончение п / б при слуховом восприятии иностранцами.

торию их проживания «Малой Абазой». Причем, об абазинских коленах он пишет гораздо подробнее, нежели непосредственно о самой Абхазии, которую он называет «собственно Старой, или Большой Абхазией»[1]. В частности, он, подробно рассматривает абазинские роды Жантемириковых, Лоовых, Дударуковых, Клыч, Кича и Беберт, отмечая места их проживания и численность.

Территориальные границы Абхазии в работе Броневского обозначены шире, чем у других авторов в современную нам эпоху. Броневский писал: «Фигура Абхазии есть трапеция, приближающаяся к треугольнику, который в самой большой долготе по Черному морю имеет около 300 верст, начиная от Геленчикского залива в 20 верстах на полдень от крепости Суджук-Кале[2] до устья реки Енгури»[3]. Таким образом, если восточная граница Абхазии совпадает с современной и исторической, то западная, по сравнению с нынешней, укрупнена и простирается вплоть до Геленджика. Из-за несовпадений этнических границ, описанных Броневским, с более поздними их обозначениями, вряд ли стоит делать вывод об ошибочности сообщаемых им сведений. Детальной разработки в современной исторической литературе этой проблемы нет. Но имеющиеся источники и исследования указывают на то, что проведенная Броневским восточная граница имела все основания. Важным источником в этом вопросе является работа Султана Хан-Гирея, по этническому происхождению принадлежащего к бжедугской ветви адыгского народа. На многих страницах книги его «Записок о Черкесии», изданной в 1836 г., мы встречаем свидетельства о проживании абхазов отдельными островками среди различных адыгских племен. Примечательно, что границу между адыгами и абхазами он определяет районом Ордане[4], что сужа-

[1] *Броневский С. М.* Указ. соч. С. 330.

[2] Современный Новороссийск.

[3] *Броневским С. М.* Указ. соч. С. 318.

[4] Современное название — Вардане.

ет границы Абхазии, определенные Броневским, но не столь отдаленно от Геленджика (135 миль). С. Хан-Гирей, определяя реку Ордане как границу черкесов, дает следующее примечание: «На этой реке живут смешанно шапсхгцы, натххольдцы и абхазцы; река эта служит настоящею границею на берегу Черного моря между Черкесиею и Абхазиею, хотя и предшествующие три реки (Буо, Ххазжие, Хзе. — *В. А.*) считаются таковыми»[1]. Более того, автор допускает происхождение этнонима абадзех от абхазов. Он пишет: «Племя это именуется **абедзах** для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя по-настоящему должно выговариваться **абадзах**; ибо это нименование, по всем вероятностям, произошло от того, что первоначальные абедзахи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы <…>, каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что происхождение первобытных абедзахов есть абхазское, а потому предков их должны причислять к коренным или древним обитателям сих мест, ибо из исторических сведений <…> видно, что адыги и абазы вместе явились после аланов в начале христианской эры. Впрочем, как бы то ни было, абедзахское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более, то все они соделались черкесами, и ныне абедзахское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими»[2].

---

[1] *Хан-Гирей Султан.* Избранные труды и документы / сост., подгот. текстов, науч. ред., коммент. М. Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 73.

[2] Там же. С. 168. Заметим, что работы С. Хан-Гирея в постсоветское время издавались неоднократно. Последняя, на которую мы ссылаемся, была издана с соответствующим научным аппаратом, в котором обстоятельные комментарии написаны М. Н. Губжоковым. Но относительно указанных этнических границ он допускает, что С. Хан-Гирей, ошибочно следует

Не претендуя на истину в последней инстанции, сделаем осторожное предположение, что этнические границы, обозначенные в работах С. М. Броневского и

С. М. Броневскому (С. 632). На наш взгляд, вряд ли это имеет серьезные основания. Во-первых, Хан-Гирей безусловно пользовался работами предшественников, в том числе и Броневского, на что у него имеются прямые указания. Но допускать, что он пользовался исключительно литературными источниками, у нас нет оснований. Он как современник и участник многих событий, имевших место в этом регионе, обладал достаточно полным представлением того, о чем писал. Во-вторых, ссылка на Э. Челеби относительно якобы зафиксированной им границы между Черкесией и Абхазией, которая практически не менялась, является не совсем корректной, если иметь в виду не политические, а этнические границы. Дело в том, что сочинение Э. Челеби переводилось на русский язык неоднократно разными переводчиками, которые неодинаково трактовали, встречающиеся в ней название местностей и этнонимы. Так, Ф. К. Брун, переведший отрывок сочинения Челеби, подвергает сомнению, в числе прочих, и то место, где сказано: что «страна абхазов пролегает р. Фазиса, вдоль по морскому берегу, на протяжении сорока дней в длину, при ширине от пяти дней до одного, каково действительное расстояние между абхазскими Кютасси и черкесским Шана…» (См.: *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Одесса, В городской тип.,1875. Т. 9. С. 179–180). То есть, в данном случае, речь идет не о этнических границах, определяемых Э. Челеби, а о их интерпретации переводчика и комментатора сочинения – Ф. Бруна. В этой связи можно добавить, что в более современном переводе текста произведения Э. Челеби читаем: «Началом расположенной целиком на северном берегу Черного моря страны Абаза является река Фаша, а конечный предел – гавань Анапа, расположенная в сорока двух переходах к западу [от нее], вблизи Таманского полуострова…» (См.: Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. М.: Изд –во «Наука». Гл. ред. Восточной литературы, 1983. С. 47–48).

С. Хан-Гирея, не результат их ошибок, а вполне отражают реальную картину этнических процессов, а именно — подвижность этнических границ. Анализируя данные авторов XVIII–XIX вв. (Э. Челеби, Г. Ксаверио, Г. Филипсон и др.), З. В. Анчабадзе приходит к заключению, что в течение этого времени имел место процесс ассимиляции абхазского этнического массива. Он пишет: «В северном секторе Сочи-Туапсинской зоны с течением времени происходит черкесизация абхазского населения адыгами, а в южной — ассимиляция со спустившимися с гор убыхами. Этот процесс происходил в XVIII — первой половине XIX вв.»[1]. Скорее всего, процесс этот протекал естественным образом, миролюбиво, поскольку происходил между народами, имевшими общие этногенетические корни, языковую и культурную близость.

Броневский дает схематичную картину исторического прошлого Абхазии — с античных времен до современного ему времени. Важно заметить, что автор в некоторых случаях полемизирует с устойчивыми историческими толкованиями. Например, отмечает: «По преданиям грузинским, Абхазия управлялась прежде своими владельцами, потом перешла под власть грузинских царей, которые ввели туда христианский закон греческого исповедания, поставя трех епископов в Пичунте, Мокви и Дандаре. Но с большею вероятностью полагать можно, что христианский закон распространен в Абхазии Римскими и Греческими императорами Средних веков, начиная от Юстиниана I»[2]. Здесь сделанное с осторожностью автором предположение исторически достовернее того, с чем он полемизирует, поскольку начальный этап проникновения христианства в Абхазию шло из Византии.

Броневский коротко останавливается на вопросе религиозного состояния; отмечает, что «с недавнего вре-

[1] *Анчабадзе З. В.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976. С. 69.

[2] *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 320.

мени начали принимать магометанский закон, но частью держатся еще древних языческих обрядов, причем и знаки христианства обнаруживаются в соблюдении постов, в употреблении свиного мяса и в почтении, оказываемом к развалинам церквей»[1]. Далее он описывает обряд моления и завершает раздел определением, какие части народа в большей или меньшей степени придерживаются той или иной религии.

Останавливаясь на образе жизни и характере абхазов, Броневский обращает внимание на то, что они «не почитаются за свирепый народ между горцами»[2]. В то же время он сообщает о том, что «приморские абхазы разбойничают в лодках по Черному морю, нападая на оплошных корабельщиков <...>. Сверх того, беспрерывную ведут войну между собою, побуждаясь к тому наипаче корыстью, получаемою от продажи пленников, коих захватывают друг у друга»[3]. Причину такого положения дел автор видит в климате и дурном влиянии чужестранцев — турок, армян, греков. Далее он задается вопросом: почему абхазы, имевшие еще две тысячи лет назад связи с римлянами, греками Средних веков, с босфорцами, с генуэзцами и венецианцами, не заимствовали от них ни малейшего гражданского образования. На поставленный вопрос он дает следующее объяснение: «Статься может, что сия закоренелость основана на тех же причинах, по коим и нынешние европейцы побуждаются изыскивать пользы свои не в просвещении диких народов, а в торговых с ними оборотах, присовокупляющих разврат к бесчеловечью»[4]. Определенная доля истины, в словах автора, конечно же есть, учитывая тот факт, что, например, работорговля, активно «культивируемая» генуэзцами и принявшая еще больший размах в период турецкой экспан-

[1] Там же. С. 322.
[2] Там же. С. 323.
[3] Там же. С. 324.
[4] Там же.

сии, стала занятием значительной части. Но, наряду с негативным чужеземным и чужестранным влиянием, имел место глубокий и продолжительный кризис. После распада Абхазского царства начинается процесс культурного упадка, ослабление государственных механизмов управления становится тормозом общественного развития и созидательной деятельности социума. Редко кто из владетелей Абхазии обладал даром политического провидения и государственного мышления, большей частью следуя навязанным извне решениям и руководствуясь собственными корыстными интересами. По этой причине имели место частые междоусобные войны и непрерывные неприязненные отношения между различными княжескими родами, часто и внутри одного рода. Все это способствовало утере общественного согласия, отмежеванию отдельных частей страны, неподчинению владетельному князю. Таким образом, при отсутствии объединяющей государственной цели создавались условия, при которых каждый член общества был практически представлен самому себе. Несомненно, что и в такой обстановке народ создавал, развивал свою культуру, определенным образом регламентируя взаимоотношения внутриобщественного устройства. При этом в культурном плане развитие получали этикетные поведенческие стереотипы, в которых доминирующую позицию в оценочной иерархии человеческих достоинств занимали качества, связанные с военными действиями. Имеется свидетельство на этот счет итальянского миссионера XVII в. Арканджело Ламберти, который писал: «Абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседлую лошадь привязывают у своего ложа»[1]. Специфический набор воинских достоинств, таких как храбрость, смелость, отвага, про-

[1] *Ламберти А.* Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелия // СМОМПК. 1913. Вып. 49, отд. 1. С. 190.

явления героизма, стремление отстаивать собственную честь и свободу, относится к разряду добродетельных. Но достоинства эти окажутся выхолощенными, если не будут содержать ценностных, духовных ориентиров. Становясь самоцелью, эти качества зачастую обречены превратиться в свою противоположность — пороки, приносящие горе и разорение себе и другим людям. Несомненно, культивирование военного образа жизни и молодечества в социальной практике кавказских народов, в том числе и абхазов, имеет свои конкретные исторические причины. Но каковыми они ни были, результатом являлось цивилизационное отставание, которое в глазах многих иностранцев выглядело и как культурная неразвитость и невежественность. Поэтому часто их нарекают «дикарями», «варварами» и прочими нелестными характеристиками.

В разделе, посвященном Согумскому[1] владению, С. М. Броневский очерчивает его границы, с какими народами и регионами оно соприкасается. То, что западные границы автор определяет Пичунтой (Пицундой. — *В. А.*), не вступает в противоречие с заявленным им ранее об этнических границах, поскольку он пишет, что на Западе оно граничит «также с абхазами». Автор в данном случае имеет в виду территорию владения, а не народа. К тому времени эти исторические области, как и некоторые другие (Дал, Цабал), были самостоятельными владениями под управлением своих князей.

Далее Броневский перечисляет прибрежные места и крепости: Пичунта, Анакопир, Залумка, Согум-Кале,

[1] Дать однозначный ответ: почему в тексте С. Броневского крепость-город Сухум назван Согумом мы не можем; но полагаем, что это связано с архивными источниками, которыми пользовался автор. Например, в рапорте главноуправляющего в Грузии ген.-м. К.Ф. Кнорринга Александру I обозначается «турецкая крепость Согум – Келеш-бея». (См.: Антология памятников права народов Кавказа. Ч.I. Т. 30. Памятники права абхазов. Ростов-на Дону, ООО Альтаир, 2017. С. 76).

Дандар, Искурия, Илори, Анаклия и местечко Бедия, расположенное в горах. Сообщает также о торговле турецких купцов, коротко — о климате, выращиваемых местным населением сельскохозяйственных культурах и домашнем скоте; дает сведения о внешнем виде жителей, отмечая их бедность, в том числе и оруженосцев владетеля Абхазии Келеш-бея. При этом не соответствует исторической правде сообщаемое автором сведение, что «Келеш-бей происходил от знатного в Мингрелии княжеского рода Ширвашидзе»[1]. В исторической литературе имеют место несколько версий происхождения рода Шервашидзе и появления их в Абхазии в роли правителей, но ни одна из них не указывает на мигрельское их происхождение. Затрагивая политические вопросы, Броневский повествует о том, что еще в 1770 г. отец Келеш-бея Леван Шервашидзе «просил генерала графа Тотлебена о принятии его под Российское покровительство <…>. Сии переговоры кончились тем, что подданные его абхазцы в том же году, напав на табун гусарский и карабинерный, отогнали большую часть лошадей. За несколько лет перед тем, или после того, Леван Ширвашидзе принял магометанский закон и назначен от Порты Согумским начальником»[2]. Приведенный факт подтверждает неустойчивое политическое видение Левана Шервашидзе, как и многих его предшественников. В отличие от него, сын — Келеш-бей — характеризуется Броневским как владетель, стремящийся проводить самостоятельную политику и не слепо следовавший указаниям Турции, создавшим свое войско, насчитывающее до 12.000 человек и еще наемного контингента. Автор говорит и о тех непростых отношениях его с Россией, сложившихся в связи с вступлением Мингрелии в ее состав при решении вопроса спорной территории —

[1] *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 346. Фамилия правителей Абхазии была Чачба, а грузинский ее вариант — Шервашидзе.

[2] Там же. С. 346–347.

Анаклии. После того, как Келеш-бей выдал наследника Мингрелии, «до смерти своей оставался добрым России соседом»[1]. Автор завершает этот раздел сообщением об убийстве Келеш-бея его сыном Арслан-беком. «Старший брат его и наследник владения Сефир-Али-Бек поклялся отомстить отцеубийце и, как слышно, он имеет на своей стороне большую часть абхазского народа, ему не трудно будет успеть в своем намерении и вступить в отцовское наследство». Эта часть текста сопровождена сноской: «Сие уже исполнилось; Сефир-Бей признан наследником, и, для обеспечения его прав, крепость Согум-Кале занята Российским гарнизоном»[2]. Данная сноска указывает на то, что она появилась в основном тексте после 1810 г. — присоединения Абхазского княжества в состав Российской империи. Стало быть, основная часть своего труда автор создавал до этого события.

В последнем разделе, посвященном Абхазии, Броневский сообщает о торговле, перечисляет товары экспортные (буковое и пальмовое дерево, воск, мед, невыделанные шкуры — волчьи, лисьи, куньи, бурки, толстое сукно и др.) и импортные (соль, сафьян разных цветов, железные изделия, ружья, кинжалы, сталь, свинец, шелковые материи и т. д.). Упоминает, что торговые операции осуществлялись с Крымом и турецкими городами (Требизон, Константинополь и др. порты). «Отпускной и привозной торг в Абхазии производится через руки армян и турецких купцов», из-за чего невозможно установить, сколько составляет торговый оборот, — сетует автор. Важным моментом этой части сочинения Броневского является то, что они подтверждают сообщения о торговле полувековой давности, оставленные французским ученым и дипломатом К-Ш. Пейссонелем[3]. Получается, что за это время торговые операции существен-

[1] Там же. С. 349.

[2] Там же. С. 350.

[3] См.: Пейссонель К-Ш. Трактат о торговле на Черном море. 1774.

но не изменились, за исключением того, что «весьма уменьшился торг пленниками»[1].

Необходимо также отметить, что в разделе о политическом устройстве, значительная часть текста посвящена абазинам. Броневский с оговоркой, что не обладает «достаточными сведениями», тем не менее, со ссылкой на данные И. Гюльденштедта, перечисляет абазинские княжеские колена, обозначает места их проживания, приводит некоторые исторические факты и т.д.[2]

* * *

С начала XIX в., после присоединения Грузии к России, а позже и других частей Кавказа, начинают выходить в свет работы, посвященные Кавказу и населяющим его народам. Справочная литература в виде книг по географии и разных статистических описаний является особой, богатой информативной отраслью русской словесности того времени. К таким трудам относится, например, серия работ Е. Ф. Зябловского[3].

Евдоким Филиппович Зябловский (1763–1846), профессор статистики, истории и географии Санкт-Петербургского педагогического университета, опубликовал большое количество книг. По информации «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, Зябловский был «воспитанником Севской духовной семинарии и учи-

[1] *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 350–252.

[2] Там же. С. 330–343.

[3] См.: Землеописание Российской империи для всех состояний / Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. СПб., 1810; Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике с общим обзором Европы в статистическом виде / Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора, коллежского советника и кавалера Е. Зябловского. Изд. 2-е, испр. и доп., в 5 ч. СПб.: В Морской тип., 1815; География Российской империи / [соч.] заслуженного профессора Зябловского. СПб.: В тип. Министерства внутренних дел, 1837.

тельской гимназии в Санкт-Петербурге, в 1788 оправлен был на службу учителем народного училища в Колывань», где он разъезжая по разным местам Колыванского наместничества «составил описание их». Е. Зябловский в 1897 г. «был назначен профессором истории и географии и потом статистики в Санкт-Петербургской учительской гимназии (с 1803 г. педагогический институт». В 1816–1833 гг. преподавал и в Санкт-Петербургском университете. С 1818 г. — заслуженный профессор, а в 1946 г. — стал почетным членом университета.

В этом же словаре перечислены его следующие труды: «Статистическое землеописание Российской империи с обозрением Европы в статистическом виде» (СПб., 1808, 1815), «Краткое землеописание Российского государства» (СПб., 1787,1807, 1810), им были изданы «Краткое землеописание Российского государства» (СПб., 1787, 1807, 1810), «Новейшее землеописание Российской империи» (СПб., 1807, 1818), «Землеописание Российской империи для всех состояний» (СПб., 1810), «Курс всеобщей географии» (СПб., 1818–1819), «Всеобщая география» (СПб., 1831, 1835, 1837), «География Российской империи» (СПб., 1831, 1837). Зябловский преподавал в корабельном училище лесоводства, для которого издал «Начальные основания лесоводства» (СПб, 1804). Он также написал «Курс всеобщей истории» (СПб., 1811–1812) и составил «Историческую повесть об учительской гимназии и педагогическом институте» (СПб., 1838).

«Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, характеризует Е. Зябловского как «малосамостоятельного» автора, но вместе с тем, отмечает, что его труды «по статистике и географии, доставившие ему, при всей шаблонности, в свое время громкую известность»[1], содержат колоссальный по своему объему материал. Не-

[1] Зябловский (Евдоким Филиппович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрона (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1894. Т. XII-а. С. 734–735.

обходимо учитывать, что доступность информации в эпоху, когда Зябловский создавал свои труды, была чрезвычайно затруднена. Поэтому краткость справок об Абхазии, как о небольшом регионе империи, объясняется соразмерностью ее присутствия в масштабных исследованиях Кавказа и России в целом. Ошибки и неточности, встречающиеся в книгах Зябловского, можно отнести к неизбежным издержкам в условиях раннего периода изучения Абхазии.

В сочинениях Зябловского находим упоминания об Абхазии и абхазах, о географическом положении региона, перечисление некоторых рек, информацию о почве, флоре и фауне, о распространенных плодовых деревьях, о домашних животных и пчелах. По своему назначению труды Зябловского носили справочный характер и не предполагали развернутых описаний, что отразилось на их информативности относительно отдельных упоминаемых автором народов, в числе которых оказались и абхазы. В наиболее ранней книге Зябловского «Землеописание Российской империи для всех состояний…» (1810), в разделе, озаглавленном «Народы, обитающие по Кавказским горам», дана информация о черкесах, абхазах, осетинах, лезгинах, кистах. Об абхазах сказано следующее: «Абхазы или Абхазети живут по Восточному берегу Черного моря и по Кубани. Они прежде были подвластны особливым князьям, зависевшим от грузинских царей, а теперь принадлежат России; управляются по своим обрядам. Что касается до веры, то приметны в них некоторые следы Христианства. В рассуждении нравов, обычаев, жилища, упражнений и прочего весьма сходны с черкесами»[1]. Упоминание, что Абхазия «теперь принадлежит России», указывает на то, что эта часть книги писалась Зябловским после принятия Абхазского княжества под покровительство

[1] *Зябловский Е. Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. II. С. 59–60.

Российской империи, т. е. после 17 февраля 1810 г., когда император Александр I своей Грамотой засвидетельствовал этот исторический факт.

Другое сочинение Зябловского «Статистическое описание Российской империи в ее нынешнем состоянии…» выходило дважды — в 1808 и 1815 гг. Первое издание давно является библиографической редкостью. Во втором издании размещена краткая информация об абхазах: «Абхазы или абаса, разделяющиеся на три рода: абхазов загорных, западных и восточных; живут по Восточному берегу Черного моря и в горах при вершине Кубани»[1]. Очевидно, что автор не делает различий между абхазами и абазинами, проживавшими на северном склоне Кавказских гор. При лингвистической классификации Зябловский относит язык абхазов, наряду с языками некоторых северокавказских (черкесы, кисты, лезгинцы) и восточносибирских (коряки, чукчи, юкагиры, камчадалы, курильцы, алеуты) народов, к разряду «языков неизвестных народов»[2]. В труде «География Российской империи», изданном по прошествии 20 лет, Зябловский повторил содержание своих ранних публикаций, расширив лишь географический материал. При этом Абхазия помещена в разделе «Имеретинская область с Мингрелиею, Гуриею и Абхазиею». Об Абхазии сказано следующее: «Пределы: Мингрелия, разные горские народы и Черное море. Реки: Гудава, Ингур, Гагида, Морква (Моква. — *В. А.*), текущие в море. Положение очень гористое; между горами лежат знатные долины; почва глиниста, камениста; есть многие отменно плодоносные деревья, домашний скот, особенно рогатый, пчелы. Число жителей от 35 до 40 тысяч душ. Примечательные места: 1) Сухум-Кале, крепость на берегу моря; 2) Бодия (Бедия. — *В. А.*) — крепость, при вершине Гудавы; 3) Анапа, крепость при Черном море с

[1] *Зябловский Е. Ф.* Статистическое описание Российской империи. Ч. II. С. 132.

[2] Там же. С. 150.

гаванью, присоединенная по Адрианопольскому миру»[1]. В приведенном небольшом по объему тексте обнаруживается недостаточная информированность автора об Абхазии. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что не названы самые крупные реки Абхазии — Кодор и Бзыбь (перечислены лишь территориально близкие к Мингрелии). Во-вторых, при различии данных, публиковавшихся во всех современных Зябловскому изданиях, автор значительно занижает близкие к реальности числа. Историк Г. А. Дзидзария, специально посвятивший этому периоду целый ряд замечательных работ, указывает, что население Абхазии составляло 100–150 тыс. человек[2]. Он же неоднократно указывал на отдельные примеры неточного воспроизведения географических названий, фамилий и имен исторических лиц и причины их искажения[3]. У Зябловского, например, Моква и Бедия обозначены как Морква и Бодия; к примечательным местам Абхазии причислена Анапа, хотя в XIX в. она не входила в состав ее территории.

Общие сведения об абхазах переходят иногда у Зябловского из работы в работу. Например: «Абхазы, разделяющиеся на некоторые поколения, живут около берегов Черного моря и при вершине реки Кубани. Они в рассуждении языка, жилищ и образа пропитания сходны с черкесами; что касается веры, то приметны некоторые следы прежнего Христианства»[4].

---

[1] [*Зябловский Е. Ф.*]. География Российской империи. С. 112.

[2] См.: *Дзидзария Г.А.* Социально – экономический строй Абхазского княжества в XIX веке // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. I. С.142; *Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э.* История Абхазии. Учебное пособие. Раздел третий. Новое время. Сухуми: Алашара, 1986. С. 72.

[3] См.: *Дзидзария Г. А.* Восстание 1866 года в Абхазии // Г.А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2015. Т. 2. С. 467. Со своей стороны заметим, что это тема может стать предметом специального исследования, поскольку в большинстве сочинений того времени встречаются неточное воспроизведение топонимических названий, фамилий и имен.

[4] *Зябловский Е. Ф.* География Российской империи. С. 118.

***

Материалы об Абхазии, содержавшие сведения обзорного характера, также публиковались в периодических изданиях. В нескольких номерах «Тифлисских ведомостей» была напечатана статья без подписи автора «Статистический взгляд на Абхазию»[1]. В ней содержится краткая, но разносторонняя информация по истории страны, дано ее географическое описание, названы ее региональные части. Представлены сведения о народонаселении: сословной структуре, народном характере, одежде, состоянии хозяйства и торговли, промыслах, системе внутреннего управления и др.

Полезным историческим материалом является приложенная в конце статьи «Перечневая ведомость о числе деревень и дворов в Абхазии». Хотя названия многих сел в ней искажены, но в общих чертах можно судить об их существовании на карте Абхазии и составе населения. «Перечневая ведомость…» вполне могла стать источником, на который опирались более поздние авторы. На это вполне убедительно указывают различного рода текстовые совпадения, например, в публикации О. С. Евецкого «Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним» (1835).

Орест Степанович Евецкий (1805–?) был статистиком, выпускником историко-филологического факультета Харьковского университета. Служил на Кавказе, в канцелярии графа И. Ф. Паскевича-Эриванского. Также занимался собиранием образцов народной малороссийской словесности. Печатался в журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», помещал свои статьи по географии и статистике Кавказа в «Энциклопедическом

[1] Статистический взгляд на Абхазию // Тифлисские ведомости. 1831. № 24–29 // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX в.): в 2 кн. / сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. 1. С. 9–28.

словаре» А. Плюшара[1]. Был автором оригинальных и переводных статей по истории Украины, описал свое путешествие по Западной Европе[2].

Книга Евецкого с характерным для того времени длинным названием «Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним» вышла в 1835 г. в Петербурге. В ней содержатся сведения и об Абхазии. На титульном листе Евецкий обозначен как составитель. В предисловии отмечено, что обе части книги подготовлены «по приказанию Господина Главноуправляющего Грузиею генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского» и печатаны «с Высочайшего соизволения». Таким образом, труд Евецкого представлял собой правительственный заказ, целью которого было собрать под одной обложкой самую разнообразную информацию о Закавказском крае. Такое издание позволило бы, с одной стороны, ясно представить нынешнее состояние региона, с другой — определить дальнейшие шаги по его развитию.

Источниками для труда Евецкого послужили сообщения, собранные чиновниками при Управлении главнокомандующего Грузией, хранящиеся в архиве его канцелярии официальные документы, а также литературные источники — сочинение С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», работы немецкого орнитолога, академика Санкт-Петербургской академии наук Юлиуса Клапрота «Путешествия по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.» (1812), итальянского географа и ста-

[1] Евецкий (Орест Степанович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1893. Т. XI. С. 417.

[2] См.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. I. С. 306.

тистика Адриана Бальби «Этнографический атлас, или Классификация древних и современных языков и народов мира» (1826). Можно предположить, что Евецкий не предпринимал самостоятельные экспедиции, а преимущественно использовал результаты проведенных ранее исследований. Это не лучшим образом сказалось на достоверности приводимых им сведений, в частности об Абхазии.

Композиция труда Евецкого включает две части и прибавления. В первой части — 7 отделений и 21 глава, во второй — 11 глав. В первом отделении первой части дается географическое описание края; второе посвящено провинциям Закавказья, их политическому состоянию и образу управления; в третьем изложены данные о народонаселении с краткими характеристиками и этнографическими зарисовками; четвертое отделение посвящено природным богатствам и состоянию народного хозяйства: промыслам, торговле, дорогам; пятое — верованиям; шестое — языкам и степени образованности населения; седьмое — образу управления в разных провинциях, судопроизводству и экономической жизни. В главах второй части даны статистические сведения о закавказских провинциях (Грузии, Имеретии, Гурии, княжества Мингрельского, княжества Абхазского, провинции Ахалцихской, Армянской области, Мусульманской провинции, провинции Талышинской, Чаро-Белоканской области, Дагестана и ханства Аварского). В небольшом прибавлении к основному тексту Евецкий представил читателю сравнительную картину состояния разных частей Закавказского края до и после вхождения их в состав Российской империи.

Упоминания об Абхазии разбросаны по разным частям и главам книги Евецкого. О ее территориальных границах в составе Закавказского края сказано: «…к Западу, с округом Анапским и Черным морем, от раз-

рушенной крепостцы Гагры (в Абхазии) до крепости Св. Николая (в Гурии)»[1].

Раздел о водных ресурсах Абхазии «Воды» включает сведения о бухтах в Сухум-Кале и Бичвинте (Пицунде). Сухумская пристань характеризуется как место, где «самые большие суда могут стоять на якоре, в расстоянии от берега на 200–400 сажень»; сообщено также, что бухта «при монастыре Бичвинтском доставляет военным судам довольно безопасное якорное стояние, за исключением того, что совершенно открыта с юго-запада»[2]. Список гидронимов продолжен перечислением наиболее значительных рек и озер края. В их числе автор называет пять рек Абхазии: Гагринис, Хапетис-цхали (Бзыбь. — *В. А.*), Маркули, Галицга, Ингури и два озера — Ачардзе и Энкит. Неустойчивые названия рек, повторяющиеся и у других авторов первой половины XIX в., говорят о том, что информация получена из некомпетентных источников. Нередко вместо исконных абхазских названий даются грузинские или турецкие (напр. Хапетис-цхали, Соуксу), добавляется грузинское окончание (Ингури). Заметим, кстати, что многие названия местностей и рек самой Грузии в русских текстах часто писались без этого самого «и» (Тифлис, Кутаис, Рион и т. д.). Обращает на себя внимание и тот факт, что отсутствуют упоминания о высокогорных озерах, например об озере Рица. Сведения о ней у русских авторов встречается лишь со второй половины XIX в.[3] Автор и в других случаях ограничивает свой географический обзор Черноморским побережьем

---

[1] [*Евецкий О. С.*]. Статистическое описание Закавказского края. С присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним: в 2 ч. Сост. Орест Евецкий. СПб.: Печатано в Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. С. 2.

[2] Там же. С. 5.

[3] См.: *Тания И.В.* Рица // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 240.

(не названа ни одна из горных вершин Абхазии), что подтверждает его недостаточную информированность.

Характеризуя отдельные провинции Закавказского края с точки зрения их политического устройства, Евецкий определяет две основные категории: «провинции, находящиеся в *непосредственной зависимости* от Российского правительства» и «провинции, находящиеся в *посредственной* только *зависимости* от оного»[1]. Абхазия отнесена ко второму типу государственного устройства; такие провинции «управлялись своими владетелями или старшинами» и «находились под посредственною только зависимостью Российского правительства»[2]. Такое положение предполагало автономное существование Абхазии в составе Российской империи, вытекавшее из условий ее вхождения. Однако ниже автор отмечает, что «Гурия, Княжества Абхазское и Мингрельское состоят под влиянием Управляющего Имеретиею»[3]. Это означает, что первоначальная управленческая вертикаль была несколько изменена; вместо нее создавалась новая промежуточная структура. Если в 1810 г. сношение между царем России и владетелем Абхазии, согласно Грамоте Александра I, осуществлялось через главнокомандующего Грузией, то здесь она оказалась на одну ступень ниже. Впрочем, как будет показано ниже, в связи с имевшими место изменениями в военно-административной структуре Кавказского края, менялось и внутреннее устройство Абхазии, часто переходившей из состава одной административной единицы в состав другой.

О разделении жителей Абхазии по племенам, языкам и вероисповеданию Евецкий сообщает кратко: «Абхазцы обитают в Абхазии и частью в прилегающей к оной западной стороне Мингрельского княжества, говорят абхазским языком; их числится около 50 000 душ обоего пола. Князь Сафар-Бей, отец нынешнего Владете-

[1] *Евецкий О. С.* Указ. соч. С. 25.
[2] Там же. С. 25–26.
[3] Там же. С. 26.

ля, вместе с своими приверженцами, принял веру христианскую; но братья его и большая часть народа остаются в магометанстве и оным оправдывают притязания свои на непокорность»[1].

Также Евецкий упоминает о делении населения Закавказского края на три основных сословия: духовенство, дворянство и крестьянство. Перечисляет некоторые специфические для отдельных народов прослойки. «В Абхазском Княжестве, — пишет он, — есть еще сословие, так называемое чинакма; это телохранители владетельных князей, и, хотя происходят из крестьян, но пользуются правами вольных людей»[2].

В главах, посвященных национальным чертам жителей Закавказского края — образу жизни, внешнему облику, характеру, жилищам, одежде, домашнему хозяйству и проч., Евецкий не выделяет абхазов. Небольшие этнографические зарисовки и характеристики даны грузинам, армянам, осетинам, цыганам, евреям, грекам, хевсурам, татарам, персам, туркам и, совокупно, горским народам, в число которых, вероятно, включены и абхазы. В разделе о народных богатствах Евецкий отмечет, что «лучшая порода овец считается в Абхазии», а произрастающие в ней леса «годные для кораблестроения»[3]. Автор кратко характеризует состояние сельского хозяйства в крае: хлебопашества, садоводства и огородничества, виноделия, пчеловодства, шелководства, производства хлопчатой бумаги, рыболовства, различных промыслов. В отношении Абхазии сообщается об успешном занятии пчеловодством, удовлетворяющем «внутренние потребности»: у абхазов (наряду с мингрельцами и гурийцами) «мед и воск составляют предметы их торговли», имеется вид так называемого пьяного меда, обладающего «свойствами опиума»[4].

---

[1] Там же. С. 31.
[2] Там же. С. 35–36.
[3] Там же. С. 55, 56.
[4] Там же. С. 58, 59.

В разделе о ремеслах отмечено следующее: «Выделкой сабельных клинков и так называемого булата отличаются тифлисские, ахалцихские, абхазские и дагестанские, из коих в особенности кубачинские мастера»[1].

Примечательно, что в главе, посвященной торговле, информация об Абхазии отсутствует.

О религии абхазов Евецкий пишет, что незначительная их часть исповедует христианство, большая — магометанскую веру. При этом уточняет: «Абхазцы и лекзгины исповедовали в древности христианскую греческую веру; но нашествия аравитян и Тамерлана, вкоренившаяся на Кубань власть крымских ханов и влияние Порты Оттоманской способствовали ко введению в сии земли магометанства»[2]. Относительно данного утверждения заметим, не отрицая определенного влияния ислама, что он все же не получил столь широкого распространения в Абхазии, как это представлено в работе Евецкого.

Не выглядит убедительной и та часть текста, где Евецкий характеризует языки. Так, по его мнению, мингрельский представляет собой «смесь грузинского с турецким и абхазским», не слишком отделившуюся от корня. Сванетский (сванский. — *В. А.*), согласно автору, является смесью «грузинского с абхазским и башлыбайским», весьма далеко отдалившейся от своего корня[3].

Абхазский язык Евецкий считает диалектом черкесского языка, наряду с кабардинским, темиргоевским, шапсугским и башлыбайским. По поводу области его распространения пишет: «Абхазский диалект во всеобщем употреблении в Абхазии или южной части Черкесии»[4]. Здесь верно уловлено лишь то, что перечисленные языки и диалекты родственны: относятся к одной языковой семье и имеют общее происхождение. Но степень их различий в XIX столетии достигала такого уровня, что

[1] Там же. С. 68.
[2] Там же. С. 85.
[3] Там же. С. 89.
[4] Там же. С. 92.

лингвисты квалифицировали абхазский как самостоятельный язык, а не диалект какого-либо другого языка.

О распространении образования в провинциях Закавказского края в труде Евецкого сообщается: к 1829 г. в различных частях края были учреждены и функционировали 1 гимназия и 20 училищ. Отдельно об Абхазии информация отсутствует.

Образ управления Закавказским краем описан Евецким с опорой на работу Е. Зябловского. Отмечено, что к тому времени Абхазия находилась в заведывании управляющего Имеретией[1], что в Сухум-Кале имеется таможенный пункт. В отношении принципов управления владениями, к числу которых относилась Абхазия, сказано: «Общая черта по управлению владений состоит в том, что суд и расправа, по части полицейской и гражданской, равно как и доходы с земли, принадлежат владетелям; но за уголовные преступления преступники отсылаются к нашему начальству и судятся по нашим военным законам»[2]. Есть информация и в отношении доходов, собираемых с населения: «Так, Абхазскому Князю каждый крестьянский двор принадлежащего ему Бзыбского округа дает ежегодно корову, кувшин вина и третью часть урожая хлеба»[3].

Пятая глава второй части книги Евецкого целиком посвящена Абхазии. Объем текста небольшой и составляет всего четыре страницы. В нем выделены следующие аспекты: историческое значение присоединения Абхазии к России; разделение на общества, площадь и границы, горы и воды, качество почвы, климат и природные явления, пространство, народонаселение и народные ремесла, образ управления и примечательные места. Текст содержит несколько примечаний, в которых, во избежание повторов, автор ссылается на ранее приведенные сведения.

---

[1] Там же. С. 99.

[2] Там же. С. 103–104.

[3] Там же. С. 108.

Несколько неточностей содержит краткая историческая справка об Абхазии. Согласно автору, «в 1770 году, во время пребывания российских войск, действовавших против турок, князь Леван изъявил желание вступить в подданство России. В 1804 г. Сафар Бей (в крещении Георгий Ширвашидзе), внук Левана и отец нынешнего Владетельного Князя, вступил в подданство. Для обеспечения прав, крепость Сухум-Кале занята тогда же российскими войсками»[1]. Здесь почему-то упоминается о том, что самурзаканский князь Леван обращался о принятии Абхазии под покровительство России, но ничего не сказано о предпринимавшихся мерах Келешбее — отце Сафарбея[2]. Кроме того ошибочно указана и сама дата вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи: вместо 1810 г. напечатано 1804 г. Это можно было бы принять за опечатку, не обозначенную в приложенном списке для исправлений, но из сказанного выше, видно, что автор не владел полной информацией об обстоятельствах присоединения страны к империи.

Наиболее ценными в этой части сочинения Евецкого являются сведения о внутриполитическом положении Абхазии. Автором представлена достаточно подробная картина взаимоотношений отдельных членов владетельского дома. Абхазы разделялись на четыре общества: Абшавское (Абжуйское. — *В. А.*), Цебельдинское, Абхазское и Бзыбское; в книге указана примерная численность каждого из них. Однако не учтены западная часть Абхазии — Садзен и восточная — Самурзакань. Три округа этих территорий управлялись членами владетельского дома, а Цебельда представляла собой, как тогда именовали, отдельное вольное общество, поскольку не приня-

[1] Там же. С. 170.

[2] См.: *Дзидзария Г.А.* Присоединение Абхазии к России и его историческое значение // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. 1. С. 130–136.

ла «верховное покровительство» Российской империи[1]. Но и в тех округах, где управление осуществлялось представителями владетельского дома, не было единства, имели место непрекращающиеся междоусобицы. Поэтому информация автора о раздробленности страны, отсутствии сильной и централизованной вертикали власти вполне соответствует исторической реальности. Из вышеназванных обществ только один Бзыбский округ, «как собственный удел Шервашидзе, действительно признавал власть сего князя»[2]. Справедливости ради нужно отметить, что несколько улучшить ситуацию в отдельные периоды владетельному князю удавалось, но без долгосрочной перспективы. Административно-государственное объединение страны стало возможно после 1864 г., когда прекратил свое существование институт владетельского управления Абхазией.

К достопримечательностям Абхазии Евецкий относит Соуксу (Лыхны. — *В. А.*) и Сухум-Кале: Соуксу — «местопребывание Владетеля, с 5000 жителями и церковью; и крепость Сухум-Кале, выстроенная на морском берегу из дикого камня»[3].

Позитивным процессам, происходившим со времени вхождения края в состав Российской империи, посвящена статья Евецкого «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнения оного с нынешним».

Описывая крайне нестабильное и тяжелое положение разных народов края в прошлом, в числе достижений последнего времени автор отметил явное оживление, послужившее толчком к дальнейшему развитию многих сфер жизни. Многие факторы, прежде сковывавшие это развитие, по мнению автора, были устранены

[1] *Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э.* История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, Алашара, 1986. С. 75.

[2] *Евецкий О.* Указ. соч. С. 171.

[3] Там же. С. 173.

введением русских законов; налаживались сообщения между отдельными провинциями и торговые связи, открывались учебные заведения, что способствовало распространению просвещения, и т. д.

* * *

В 1836 г. было выпущено «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях»[1] — «произведенное и изданное по Высочайшему соизволению». Это четыре объемных тома, в которых размещены сведения об административно-территориальных частях Закавказья — уездах, округах, дистанциях, провинциях, областях, одном пашалыке — и отдельно о некоторых народах. О каждом — географические, топографические, статистические и в той или иной степени исторические и этнографические сведения. Очевидно, желание составителей труда полнее осветить экономическую сторону жизни народонаселения, затрагивая такие вопросы, как состояние и качество земель, хозяйственная деятельность, торговля; есть сведения о монетах, весах и мерах, имевших хождение на той или иной территории.

Информация об Абхазии в этом сочинении весьма скудна; она не удостоилась отдельного раздела, как другие провинции. Имеются лишь отдельные упоминания о том, что Абхазия пользуется покровительством России, и дается несколько справок исторического и географического свойства.

* * *

В 1837 г. была выпущена в свет книга с информацией об Абхазии — «Поездка к Восточным берегам Черно-

[1] Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему соизволению: в 4 ч. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1836.

го моря на корвете “Ифигения” в 1836 году» С. В. Сафонова[1]. Это дневник путешествия, совершенного в июле 1836 г. на военном судне от Анапы до Поти и обратно. В этой поездке С. В. Сафонов сопровождал графа М. С. Воронцова — тогда генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского, выполнявшего, как отмечено в предисловии, «высочайшее Государя Императора повеление обозреть восточные берега Черного моря». Автор и посвящает Воронцову свою книгу — «как слабый знак душевной признательности за многое».

Путешествие длилось 12 суток, о чем свидетельствуют даты путевых записей, начало которых обозначено 13 июля, и конец — 22 июля. Нужно полагать, что обтекаемо сказанное «высочайшее повеление» не раскрывает, какие конкретные цели стояли перед М. С. Воронцовым. Но учитывая тот факт, что император Николай I осенью 1837 г. совершил продолжительную поездку на Кавказ, плавание вдоль Черноморского побережья, скорее всего, носило инспекционный характер и служило подготовкой высокого визита. Такая задача требовала от исполнителя соответствующего официального донесения. Конкретных же сведений о целях плавания в книге Сафонова мы не встречаем. Она создана по материалам путешествия как популярное издание, рассчитанное на широкий читательский круг.

Степан Васильевич Сафонов (1811 или 1808–1862) — российский государственный деятель, тайный советник, сенатор, писатель, историк, директор гражданской канцелярии Кавказского наместника. Родился в г. Екатеринослав[2], в семье секретаря Екатеринославской духовной консистории и надворного советника.

---

[1] [*Сафонов С. В.*]. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. Соч. С. Сафонова. Одесса: В городской тип., 1837. 73 с.

[2] Город на Украине, ныне — Днепр; до 1796 г. и в 1802–1926 гг. носил название Екатеринослав, в 1796–1802 гг. — Новороссийск, с 1926 по 2016 гг. — Днепропетровск.

«Воспитывался в Екатеринославской семинарии, и впоследствии в Харьковском университете. В 1825 г. начал службу в Канцелярии Новороссийского и Бессарабского губернатора гр. Палена и позднее — кн. Воронцова, пользовался расположением этого последнего и скоро, вместе с бароном А. П. Николаи и М. П. Щербатовым был сделан его личным секретарем для переписки писем и официальных бумаг»[1].

Эту информацию дополняет «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, в котором Сафонов назван «исследователем Южной России». В нем указано, что он «служил при М.С. Воронцове в Одессе и Тифлисе; в 1852 г. сделан сенатором». Там же перечислены его главные литературные труды: «Путевые заметки по Новороссийскому краю» (1828–1830), «Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы», «Записка о сербском деле 1752 года…». Первая работа публиковалась в «Одесском вестнике», другие — в «Записках Одесского общества истории и древностей России»[2] и др.

С. В. Сафонов был членом нескольких общественных, благотворительных и профессиональных организаций: Одесского института благородных девиц, комитета Одесской лечебницы; «принимал участие в учреждении Одесского общества истории и древностей и числился одним из первоизбранных членов этого общества, учрежденного в 1839 г., <…> в 1842 г. был избран его вице-президентом этого общества», С. В. Сафонов также состоял членом Общества сельского хозяйства России. Его большой заслугой в культурной сфере можно считать

---

[1] *Полиевктов М.* Сафонов Степан Васильевич // Русский Биографический Словарь: в 25 т. Издан под наблюдением Председателя Императорского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904, [Т. XVIII]. С. 209.

[2] Сафонов (Степан Васильевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. общ-ва «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900. Т. XXVIII-а. С. 477.

то, что он, «будучи директором наместничьей канцелярии, заведовал изданием в 1846 г. "Кавказского Календаря"; этой же канцелярией было положено основание нумизматической коллекции и Тифлисской библиотеки»[1].

В качестве эпиграфа к своей книге С. В. Сафонов использовал начальную строфу стихотворения Лукьяна Якубовича «Кавказ». «Поездка к Восточным берегам Черного моря…» содержит описание берегов Керчи, Бугаза, Тамани, Суджук-Кале (Новороссийск), Геленджика, Субаши, Вардане, Гагры, Пицунды, Бомбор, Сухум-Кале, Дандариса (Дранды), Анакрии (Анаклии), Редут-Кале (Кулеви) и Поти. Автор попутно перечисляет названия встречаемых рек, мысов; часто вставляет в текст исторические сюжеты, связанные с той или иной местностью, и сообщает о событиях недавнего прошлого. Он восхищен увиденным; красота и богатство природы, климат края оставляют неизгладимое впечатление. Сафонов на многих страницах своего текста вновь и вновь обращается к поражающей его воображение удивительной красоте природы. Вот одна из таких зарисовок: «Трудно человеку, не посещавшему этого края, иметь понятие о богатстве, прелести и растительной силе пройденного нами берега. С избытком рассыпала природа на этот край свои дары: вековые деревья, дубовые и ореховые, тянутся в одной бесконечной и величественной картине от гор до берега моря. Это отличительная черта растительной силы здешнего края, доказывающая сильную почву земли <…>, здесь сильная, могучая и щедрая рука природы поставила громады лесов на берегу глубоких пропастей, переплела дубы зеленым виноградом, засыпала почву растениями и цветами, чтобы привлечь ум и деятельность человека, образовать, хотя немного, полудикость, и вызвать край из грубой жизни к жизни общественной — деятельной»[2].

---

[1] *Полиевктов М.* Указ. соч. С. 210.

[2] *Сафонов С.В.* Указ. соч. С. 24–25.

Относительно людей, населяющих эти края, мнение Сафонова несколько иное, нежели чувства, вызываемые у него природой. Он не принадлежит к числу тех авторов, которые призывали к самым решительным и радикальным мерам по отношению к горцам. Но Сафонов, отмечая достоинства горцев как «смельчаков», «дышащих любовью к дикой свободе», все-таки характеризует их как «варваров», «алчных к набегам и грабежу, ненасытных к войне, коварных во время мира»[1].

Описанию непосредственно Абхазии Сафонов уделяет третью часть своей книги. Причем, описания эти не результат наблюдения с палубы судна; путешественники, сойдя на берег, посещают некоторые находящиеся в этих пунктах военные и историко-культурные объекты. Автор свои впечатления о Гагре начинает с рассказа о расположенной в ней крепости, которая, по его словам, «не составляет еще совершенно части Империи». В Гагре спутники осмотрели расквартированный в крепости русский гарнизон; по сведениям автора, он систематически самоотверженно отражает нападения, совершаемые горцами. Далее описываются «прекрасные остатки древнего храма, служащего теперь магазином артиллерийских снарядов»[2]. Сообщая об истории этой церкви, автор отдает предпочтение версии, по которой она была построена во времена «византийских поселений на этих берегах»[3]. Он описывает встречу с двумя местными жителями — абазинцами, продававшими огурцы: «Самое бедное, чтобы не сказать нищенское, платье прикрывало их прекрасный стан; но зато они имели полное вооружение. Род башлыка из белого грубого сукна живописно покрывал их головы»[4].

Пространство между Гаграми и Пицундой участники экспедиции преодолели сухим путем, в сопровожде-

[1] Там же. С. 25.
[2] Там же. С. 33.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 36–37.

нии солдат. Сафонов не уделяет ни малейшего внимания состоянию дорог пройденного ими пути, а продолжает с восторгом описывать очаровывающую его природу. Автор дает контрастную картину Пицунды, которую он называет одним «из завиднейших уголков на земном шаре». С одной стороны, неописуемая красота природы, а с другой — удручающее состояние культурных памятников: «Вообразите себе величественные развалины храма, остаток прекрасно сохраненной Византийской архитектуры, обнесенный каменною стеною, расположенные среди очаровательной долины, где столетние дубы и величественные платаны перевились диким виноградом <…>. Взойдите теперь во внутренность храма; посмотрите на этот смело возвышающийся над вами купол, на этот полуразвалившийся алтарь, в котором еще и теперь приносятся молитвы, — и вас невольно проникнет чувство священного благоговения. Веки — целые веки пронеслись над этим храмом; в нем возносились и теплые мольбы христианина, и раздавались неистовые крики варваров; часто неверный горец приносил на жертвенник свой меч, как жертву успехов на войне; все сокрушающее время резко положило на нем свою печать; теперь единое дерево ворвалось сквозь расселины, и лучи солнца прямо проникают в эту святыню; но храм уцелел, и путешественники с удивлением смотрят на это величественное здание и с благоговением возносят мольбы к Неисповедимому»[1].

Далее автор кратко и весьма поверхностно останавливается на вопросах ранней истории, уделяя внимание лишь присутствию в Питиусе римлян, имевших здесь свои сильные укрепления, и обходя молчанием коренное население. Сафонов констатирует, что «теперь здесь собственно начинается Абхазия»[2]. Как видим, за четверть века, истекшую с тех пор, как С. М. Броневский очерчи-

[1] Там же. С. 37–38.
[2] Там же. С. 39.

вал западные границы Абхазии, они еще более сократились. Дело в том, что, в отличие от Броневского, Сафонов не говорит об этнических границах, его сведения носят политико-административный характер, исходят из военного положения. Гагра была частью исторической области Абхазии, на территории которой проживала абхазская этнографическая группа (или общность) садзов. Отмежевание этой области от Большой Абхазии произошло на рубеже XVII–XVIII вв.

В книге Сафонова представлены сведения о том, что русское правительство принимает меры по сохранению памятников древности Абхазии. В частности, сообщается об отпуске Государем Императором «довольно значительной суммы денег на поддержание как этой (Пицундской. — *В. А.*), так и других церквей»[1].

Многие страницы посвящены пейзажным описаниям, передающим восхищение, испытанное путешественниками: «Ни величественные картины Суджук-Кале, ни угрюмые красоты Гагры не помешали Пицунде поразить нас прелестями природы и таинственностью своего храма. Пройдут годы! Много пролетит над нашими головами житейских бурь, много еще испытаем разнообразных, мучительных и отрадных чувств; но воспоминание о Пицунде наверно останется неизгладимым в нашей памяти, и, кто знает, может быть, оно, как светлая точка, будет обозначать чью-нибудь мятежную жизнь»[2].

В дальнейшем повествовании сообщается о том, что из-за наступившей ночи путешественники не смогли осмотреть крепость Бомборы[3] и продолжили свой путь

---

[1] Там же. С. 39.

[2] Там же. С. 41–42.

[3] Название этой местности у русских авторов воспроизводится по-разному: «Бомбора» и «Бамбора. Значительно чаще используется первый вариант. Между тем, верным является – второй. Об этом писал И. Е. Адзинба: «Бамбора — от слова «абамба» — хлопок. Абамбоура — бамбоурта — место получения урожая хлопка». (См.: *Адзинба И.Е.* Архитектурные памятники

в Сухум-Кале, у берегов которого они бросили якорь ранним утром следующего дня — 17 июля. Автор характеризует Сухумский рейд как один «из самых глубочайших на всем пространстве восточного берега Черного моря»[1]. Он пишет, что сильное течение и глубина Сухумского берега доставляют много опасностей для судов. Рассказывает об истории гибели военного брига. Представленная автором картина Сухума выглядит контрастной. С одной стороны, крепость окружает «множество болот», а с другой — недалеко «возвышаются горы, покрытые снегом и множеством лесов, между которыми, лавры образуют целые рощи». Сообщается о находящейся в полуразрушенном состоянии крепости, которая, по словам автора, «была взята русскими у турок в 1800 году». Эти данные исторически недостоверны. Доподлинно известно, что крепость Сухум-Кале была занята русским морским десантом 10 июля 1810 г. Целью же этой операции было изгнание считавшегося отцеубийцей Асланбея и водворение на княжеский престол Сафарбея (Георгия), что и было реализовано в результате военной операции. Трудно однозначно определить причину ошибки Сафонова. Возможно, это результат неосведомленности; не исключается также, что она стала возможной из-за досадной опечатки.

В целом, впечатления от Сухума у Сафонова не столь восторженные, как это было в случае с Гагрой и Пицундой. При этом, Сафонов счел нужным заметить, что «спокойствие окрестных жителей и совершенная безопасность от нападения горских народов оставляют гар-

---

Абхазии / ред. Л. А. Шервашидзе. Сухуми: Абгиз, 1958. С. 49.) Г. А. Дзидзария дополняет: «Действительно, здесь, по преданию, были раскинуты хлопковые плантации владетелей Абхазии». (См.: *Дзидзария Г. А.* Лыхны. (Очерк дореволюционного прошлого села). Сухуми: Алашара, 1986. С. 15). В дальнейшем мы будем воспроизводить этот топоним так, как он встречается в источниках.

[1] Там же. С. 43.

низон спокойным»[1]. Имеется небольшая информация о деревянной церкви, о пригороде (форштадт) крепости, состоящем из «небольших деревянных закопченных и запачканных строений, большей частью лавок, в которых имеретинцы и русские армяне, временные пришельцы из Редут-Кале и Кутаиса, производят мелочный торг копченою рыбой, солью и проч.»[2]. Описанная довольно мрачная картина состояния Сухума показывает, что, несмотря на то, что с момента присоединения Абхазии к России прошло уже более четверти века, город находился в запущенном, упадочном состоянии. Следы какой-либо организованной культурной жизни попросту отсутствуют, жизнь протекала стихийно и была практически целиком представлена торговцам.

Следующие за этим описания Сафонова, отразившие наблюдения с палубы судна, весьма кратко информируют читателя о панораме обозреваемой местности. Следуют сообщения о «находящейся в красивом месте деревне Келасур», «отлогом мысе Искурия», не столь значительном мысе Кодор, «виднеющихся уединенных развалинах значительного в древности города Дандарис», а также о местечках Илори, Анакрии, за которым «собственно заканчивается Абхазия и начинается Мингрелия»[3]. При этом автор обращает внимание на географические различия между местами, описанными ранее, и тем, что они встретили в пути дальнейшего следования. «За мысом Искурия (Скурча. — *В. А.*) край принимает совершенно другой вид. До мыса Анакрии (Анаклии. — *В. А.*) почти на расстоянии 40 миль тянется отлогий болотистый берег; белеющие вдали снежные вершины гор изредка одушевляют эту унылую, однообразную картину, и нет предмета, который бы остановил внимание путешественника»[4]. При этом автор делает беглые

[1] Там же. С. 44.
[2] Там же. С. 45.
[3] Там же. С. 47.
[4] Там же. С. 46–47.

исторические отступления, иногда даже приводя в качестве источника древних авторов, например Арриана. Эти исторические сведения весьма поверхностны, включены, согласно жанру популярной литературы, чтобы заинтересовать читателя историей описываемого края. Здесь также встречаются не совсем точные сведения, которые приводит автор при изложении событий относительно недавнего прошлого и современного ему времени. Говоря о Келасуре, Сафонов сообщает, что «здесь живет сын Осман-бея, бывшего последнего владетеля Сухумской крепости. Несколько лет тому назад, за участие в некоторых делах против России, он навлек-было на себя справедливое негодование нашего Правительства; но теперь спокойно занимается лесным торгом и проч.»[1]. Речь здесь идет о Хасанбее — одном из сыновей Келешбея, ошибочно названном Османбеем и обозначенном как «бывший последний владетель». Последние слова следует понимать так, что Келешбей был владетелем Абхазии до ее вхождения в состав России. Что касается Гасанбея (Хасанбея), то он действительно проживал в Келасуре и, как представитель владетельского дома, имел значительное влияние в обществе, пользовался авторитетом в политической жизни. По поводу его опального положения и последствий этого со стороны русского правительства, Российский биографический словарь в статье о владетельном княжеском роде Абхазии, о нем содержится, довольно редкое в источниках того времени, но во многом более правдивое объяснение: «Гасан-бей, сын Келеш-бея, после смерти Сафер-бея (1821. — *В. А.*) должен был сделаться его преемником, но так как генералы Ермолов и Вельяминов считали его настроенным недоброжелательно к России, то он был схвачен и сослан в Сибирь, откуда он возвратился по Высочайшему повелению в 1828 году и, поддерживая князя Михаила, оказал ему и России

[1] Там же. С. 45–46.

большие услуги, особенно в 1830 году, когда, вследствие интриг возвратившегося из Турции Аслан-бея, вся Абхазия готова была возмутиться против своего князя и против России, а русские военные силы в Абхазии были ничтожны; Гасан-бей своим влиянием сумел удержать абхазцев от восстания в течение нескольких месяцев, пока русские не получили подкрепление и абхазцы не убедились в безнадежности своего предприятия. Впоследствии Гасан-бей был генерал-майором»[1].

Далее в книге Сафонова описан путь, проделанный корветом «Ифигения» вдоль берегов Мингрелии; рассказ сопровождается описанием природы и тех трудностей, с которыми сталкивались путешественники. 18 июля корвет из Поти отправился в обратный путь. Несмотря на плохие погодные условия, на второй день плавания он достиг берегов Бомбор[2], где была предпринята остановка, не удавшаяся в прошлый раз из-за наступившей ночи. Автор рассказывает, как путешественники не без приключений высадились на берег и начали осмотр местности, посетили развалины монастыря и бомборской крепости. При этом автор считает уместным подчеркнуть, что следовали они в сопровождении «коменданта и множества абазинцев и армян»[3].

Кратко, в общих словах дан рассказ о крепости; отмечено, что она является «бригадной квартирой войск, расположенных в разных местах Абхазии»[4]. Более подробно говорится об имевшей здесь место торговле, производимой приезжими из Кутаиса купцами: мингрельцами и грузинскими армянами. Без подробностей передает о встрече с грузином, уроженцем Кутаиса,

---

[1] Шервашидзе // Русский Биографический Словарь: в 25 т. Издание Императорского Русского Историческаго Общества. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. [Т. XXIII]. С. 100.

[2] *Сафонов С. В.* Указ. соч. С. 62.

[3] Там же. С. 63.

[4] Там же. С. 64.

«бывшим переводчиком при известном путешественнике Гамбе»[1]. Автор упоминает и «владетельного князя Малой Абхазии», «полковника Русской армии» Михаила Шервашидзе, жившего «невдалеке от Бомбор, в деревне Соуксу». Сообщает о выстроенной им «красивой деревянной церкви», о том, что ему «принадлежат обширные земли вокруг Бомбор». Увиденное дает автору основание предположить, что природные богатства края могут выгодно служить развитию края и в целом экономическому росту государства. Он, в частности, заключает: «Вообще, здесь видно более торговой деятельности и разного рода промышленности, нежели в других местах этого берега. Плодоносные равнины, богатство леса, близость Кутаиса и Тифлиса, придают здешнему месту особый род жизни и деятельности, и делают его одним из важнейших пунктов, занятых нами в 1830 году. Мы поражены были огромностью некоторых буковых деревьев, из коих иные так толсты, что во внутренности их могут поместиться несколько человек. Вообще, лес мог бы сделаться важным предметом торговли в Мингрелии и Абхазии, хотя, впрочем, довольно трудно распространить значительным образом эту торговлю, при неимении в здешнем крае хороших удобных сообщений и при трудностях водяных путей по горным рекам. Но при всем том, это такое богатство, которое природа приготовила щедрою рукою для наших Черноморских портов, и нет сомнения, что доставка разного рода строевого леса до берега моря, тем или другим способом, не может иметь больших затруднений; а выгода от этого далеко превзойдет и препятствия, и затруднения. Несколько тысяч квадратных верст, покрытых превосходным строевым лесом, составляют огромное богатство для морской державы»[2]. Описание путешествия автор завершает прибытием корвета в Ялту вечером 22 июля.

[1] Там же. С. 64.

[2] Там же. С. 64–65.

Суммируя информацию, изложенную в книге С. В. Сафонова, можно сказать, что автор, исходя из своей цели популяризации Абхазии, дает некоторые важные сведения о ее состоянии в период, когда ему довелось посетить регион.

Если учитывать стиль изложения, краткосрочность пребывания и авторскую установку, определявшие характер повествования, то можно считать, что Сафонов все-таки выявил определенные штрихи образа Абхазии и ее исторического состояния, соответствовавшие времени путешествия. Некоторые сведения исторического характера автором приводятся неполно и недостоверно, а описание быта жителей практически отсутствует, но описанные им единичные случаи способствуют прояснению некоторых сторон жизни того исторического периода.

«Поездка к Восточным берегам Черного моря...», как справедливо отмечено в статье об авторе «Российском Биографическом Словаре», представляет безусловную ценность как источник новых сведений: «Сочинение это важно тем, что оно впервые ознакомило ученых с неизвестною до тех пор древнею церковью в Пицунде»[1]. Помимо текстовой части в книге помещены два рисунка художника Н. Г. Чернецова (1795–1879), изобразившего внешний и внутренний вид Пицундского храма, а также рисунок с натуры, подписанный: «Черкес и Абазинец». Эти рисунки являются важным историческим документом.

* * *

В 1836 г. по представлению генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-лейтенанта Шуберта и докладу военного министра генерал-адъютанта графа Чернышова императором Николаем I было дано указа-

[1] *Полиевктов М.* Сафонов Степан Васильевич // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. Т. XVIII. С. 209.

ние: «Генеральному Штабу составлять и через каждые три года поверять и исправлять Военно-Статистические обозрения губерний и областей Российской империи, для употребления собственно Военного министерства, главных управлений и Генерального Штаба»[1]. В соответствии с этим распоряжением, была составлена программа, согласно которой планировалось издать 18 томов, состоящих из 82 частей, содержащих сведения обо всех административно-территориальных единицах России. Выполнение такой масштабной задачи было возложено на офицеров Генерального штаба. В результате их работы с 1847 по 1858 г. было издано 17 томов, включавших 70 отдельных частей. Неизданными остались 3 части 16-го тома, одна часть 17-го тома и 18-й том целиком[2].

Информация об Абхазии имеется в двух книгах этой серии, а именно — в 5-й и 10-й частях 16-го тома. Очередность выхода в свет «Обозрений…» не всегда была последовательной; также имели место и структурные изменения. Так, 10-я часть 16-го тома была издана на три года раньше 5-й. Эта часть под заглавием «Восточный берег Черного моря» была написана и издана вместо запланированной «Земли Черноморского войска» (т. 16., ч. 7). Автор — полковник Генерального штаба Николай Иванович Карлгоф[3] (1806–1877), происходил из дворян Олонецкой губернии; окончил 2-й кадетский корпус, выпущен в зва-

[1] Статистические описания губерний и областей Российской империи, по Высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба. 1858. Т. XVI. Кавказский край. Ч. 5. Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии и Сванетии — и приставств: Самурзаханскаго и Цебельдинскаго. С. I.

[2] Военно-статистическое обозрение Российской империи. URL: https://ru.wikisource.org/w/index.php?title (дата обращения: 28.06.2021).

[3] На титульном листе книги фамилия автора, вероятно, ошибочно обозначена как «Карльгоф».

нии прапорщика. В 1830 г. произведен в подпоручики, участвовал в кампании против поляков. В 1834 г. — бригадный квартирмейстер, в 1835 г. — поручик, переведен во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду. В 1837 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1840 г.; был произведен в капитаны с переводом на службу в Отдельный Гренадерский корпус, где прослужил более шести лет, из которых пять — в должности адъютанта при корпусном штабе. В 1844 г. произведен в подполковники. В 1845 г. Карлгоф назначен в распоряжение начальника Черноморской береговой линии генерал-адъютанта А.И. Будберга. Участник сражений против горцев. В 1848 г. был произведен в полковники; назначен заведующим штабом Черноморской береговой линии, в каковой должности состоял до 1854 г. В том же году получил звание генерал-майора, был обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса в течение всей Восточной войны. В 1858–1861 гг. — генерал-квартирмейстер Кавказской армии, после чего был произведен в генерал-лейтенанты и назначен состоять в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера Генерального штаба. В общей сложности на Кавказе прослужил 16 лет. С 1861 г. — начальник Главного управления иррегулярных войск. Значителен вклад Карлгофа в преобразование быта и военной организации всех российских казачьих войск в эпоху реформ вооруженных сил Российской империи. В 1870 г. был произведен в генералы от инфантерии, в 1871 г. назначен членом Военного совета. Имеются сведения, что, помимо работы «Восточный берег Черного моря», им были опубликованы несколько статей в периодической печати, посвященные истории Кавказа и его народам[1].

В труде «Восточный берег Черного моря» Карлгоф использовал рекогносцировки и материалы, собранные на месте. Обзор охватывает прибрежную территорию,

[1] Карлгоф Н. И. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 20.07.2021).

расположенную между рекой Кубанью и Турецкой границей. Книга по своему объему значительно уступает другим томам этой серии; при этом она содержит весьма ценные материалы, в том числе и об Абхазии.

Карлгоф представил картину жизни народов, населяющих эту территорию. Охарактеризованы этнические группы адыгского народа (черкесов): натухайцы, абадзехи, шапсуги и убыхи. Большое внимание уделено Абхазии. С учетом военного предназначения труда, дана четкая и подробная географическая картина, определены топографические особенности местностей края с информацией об имеющихся путях сообщений. «В Абхазии и Самурзакани, на пространстве между подножием гор и берегом моря и на предгорьях, местность пересекается значительным числом дорожек; но, как абхазцы имеют весьма малое число повозок, и то самого грубого устройства, на низких колесах из цельного дерева, повозок, не способных для дальнейших движений и служащих только для перевоза незначительных тяжестей, на самые короткие расстояния, по местности ровной, то все пути, в этом краю проложенные или, правильнее сказать, протоптанные местными жителями, допускают только переезды верхом и движение вьюков»[1].

Из новых дорог, проложенных войсками, автором отмечены сообщения между Бамборами с Сухум-Кале и «далее вне пределов Береговой линии, на Куташь и в другую сторону на Редут-Кале», и вторую дорогу — между Сухумом и Марамбой. При этом отмечены пункты, где расположены казачьи посты[2]. В отличие от многих своих предшественников, за редким исключением, Карлгоф довольно точно передает названия местностей;

[1] [*Карлгоф Н. И.*]. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Черного моря. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составил Генерального штаба полковник Карльгоф. СПб.: В Тип. Департамента Генерального штаба, 1855. С. 12.

[2] Там же.

в названии губернского города Кутаис использует абхазский вариант. В работе имеются сообщения об имевших место в то время исторических событиях: о неудачном походе убыхов на Абхазию в 1846 г., о военной экспедиции генерал-майора Муравьева в Цебельду (1840) и на Псху (1843).

Автор помещает сведения о бухтах, имеющихся на Черноморском побережье — Новороссийской, Геленджикской и Сухумской. Отмечая недостатки и достоинства каждой из них, констатирует, что «третья бухта, Сухумская, признается лучшей на Черноморской Береговой линии»[1]. По поводу тяжелого климата Абхазии Карлгоф, как и многие авторы того времени, пишет: «Абхазия пользуется особенной известностью по губительному своему климату, за исключением возвышенных ее плоскостей Псху и Цебельды, имеющих благорастворенный и здоровый воздух»[2].

Раздел о народонаселении края Карлгоф начинает с джигетов: «К югу от убыхов начинается край мирный. От южного их предела до южного ската возвышенной плоскости Псху живут джигеты, принадлежащие к поколению Абхазскому и говорящие отдаленным наречием абхазского языка. К югу от джигетов до Ингура край населен абхазцами и заключает в себе владение Абхазское и округи Цебельду и Самурзакань. Третий от первого отделяется речкой Галидзгою, а округ Цебельда находится на нагорной плоскости по верховью Кодора»[3]. Как видно, автор хорошо ориентируется в этнографическом составе абхазского народа, дает достоверную картину проживания групп населения. О политико-административных взаимоотношениях разных частей Абхазии с Россией сообщается: «Четыре Джигетские фамилии, живущие при морском береге, Аридбай, Геч, Анчибадзе и Цанбай, покорились Правительству и повинуются назначенному от

[1] Там же. С. 14.
[2] Там же. С. 16.
[3] Там же. С. 26–27.

него военному приставу, а остальные ведут себя мирно. Цебельда и Самурзакань также управляются военными приставами, а Абхазия — владетелем из рода Шервашидзе, которому Высочайшею грамотою в 1810 г. даровано наследственное право на внутренне управление краем по народным обычаям и изустным законам»[1].

Как видно, Абхазия не была целостной, а подразделялась на отдельные территориальные единицы, в которых управление осуществлялось разными княжескими фамилиями и военными приставами. Возможно, этим объясняется то, что в публикациях русских авторов XIX в. под Абхазией подразумевают: 1) все этнографические группы абхазов на территории от Мзымты до Ингура; 2) территорию, управляемую владетельным князем с тремя округами от Бзыби до Галидзги; 3) срединный округ, между Сухумом и Бзыбью, где власть князя была наиболее прочна.

Внутренний общественный порядок в Абхазии, по мнению Карлгофа, дестабилизировали такие факторы, как укоренившиеся в народе обычаи и представления. К ним он относит обычай кровомщения, препятствующий налаживанию стабильной жизни, и рассматривает его как вредный пережиток прошлого, истощающего национальные силы. «Обычай кровомщения и ложные понятия о гостеприимстве и удальстве внесли в этот край неприятные свои последствия. Обычай кровомщения в Абхазии произвел более вреда, чем у черкесов, по роду внутреннего устройства народонаселения и свойству местности»[2].

Продолжительные и кровопролитные раздоры между дворянскими фамилиями сопровождались пожарами подвластных им селений, истреблением жатв и народными бедствиями. Народ нес на себе преимущественно всю тяжесть внутренних неустройств и, чувствуя непроч-

[1] Там же. С. 27.
[2] Там же. С. 28.

ность своего положения, не мог заботиться об улучшении своих жилищ и земледелия, поневоле принимая, по обычаям своим, участие в раздорах владельцев, которых обязан был защищать. Нередки были случаи массового переселения в горы для сохранения своих семейств.

Говоря об этом пороке как о национальном бедствии, Карлгоф не приводит конкретных примеров, но верность его отношения и осуждающая оценка бесспорны. Факты широкого распространения кровной мести у абхазов подтверждаются сведениями из различных письменных источников. Следует сказать, что эта тема нашла отражение в абхазском фольклоре и художественной литературе. В абхазских сказаниях и песнях обнаруживается героизация мстителей, чьи качества идеализировались, деяния поэтизировались, о них слагались песни.

В жизни мотивы мщения, безусловно, оказывались разными. В качестве наглядного примера приведем один из них. В Абхазии широко известна песня о Салумане Бгажба, отомстившем одному князю за убийство брата. Это реальное историческое лицо, и события, связанные с этим делом, отражены не только в фольклоре, но и в архивных документах и исследованиях. Суть дела состояла в следующем: старший из братьев бгажбовской семьи был вероломно убит молодым князем, которого он часто сопровождал в различных поездках. После происшедшего отец убитого выразил свое отношение к случившемуся до предела лаконично. Он сказал остальным сыновьям лишь одну фразу: «Дад, человек живет на этой земле ради чести»[1]. Эти слова главы семьи, произнесенные в связи с конкретным событием, нужно рассматривать значительно шире. В данном случае они послужили сигналом к мести, но также в них заложена жизненная философия народа, свидетельствующая о его нравственном стержне.

---

[1] *Капба Р. Х.* Хухут Бгажба. Жизнь и творчество / пер. с абх. С. Корсая. Сухум: Абгиз, 2010. С. 42.

В абхазском обществе честь была ценностью высокого порядка, игравшей важную нравственную роль, как в повседневном поведении, так и в чрезвычайных случаях. Здесь перед нами не поступок, основанный на зоологической кровожадности, а наоборот — нравственно осмысленное действие. Безусловно, месть за брата, совершенная Салуманом, с точки зрения права самосуд. Но когда невозможно было достигнуть справедливости иным путем, для наказания преступника и возмездия она оставалась единственно возможным способом. Тем более что виновный в убийстве, не испытывая угрызений совести, особо не скрывался, ведя обычную жизнь в обществе. В реальной действительности кровная месть была явлением сложным и далеко не всегда имела идейную мотивировку, подобную той, которая приведена выше. Масштаб этого явления, отмеченный Карлгофом, можно объяснить слабостью карательных институтов в отношении лиц, совершавших преступления.

Нельзя сказать, что в народе не было понимания этой жизненной проблемы и не принимались меры по ее предотвращению. В рамках обычного права абхазов имелись определенные средства и приемы для противодействия кровомщению. В арсенале народных судов известны способы, предусматривавшие предотвращение кровной мести, принуждавшие к миру противоборствующие стороны[1]. Но, по-видимому, эти меры не всегда достигали цели и не были столь эффективными, чтобы уменьшить размеры трагических последствий, поскольку кровная месть иногда становилась безостановочно продолжительной, переходя из поколения в поколение. В этой связи вызывает интерес исторический факт, упоминаемый Карлгофом, — попытка владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе изменить суще-

[1] См.: *Авидзба В. В.* Традиционный суд и судопроизводство абхазов в конце XVIII — первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Сухум, 2008. С. 14–26.

ствовавшие в стране порядки и искоренить, по словам автора, некоторые пагубные обычаи и традиции. «Нынешний владетель Абхазии, генерал-лейтенант князь Михаил Шервашидзе, вникнув надлежащим образом в причины, препятствующие развитию края, принял намерение положить конец беспорядкам и искоренением вредных обычаев и наклонностей своих подвластных разрушить преграды к достижению их до благосостояния. Но как для пресечения зла в самом корне необходимо было коснуться до основных народных обычаев, освященных в понятиях их давностью, то он не решился приступить к преобразованиям без согласия народа. Созвав в 1846 г. народное собрание в Соуксу, он предложил ему: уничтожить обычаи кровомщения и гостеприимства; учредить суды из лиц по избранию владетеля, для разбирательства тяжебных и уголовных дел; подвергать преследованию и наказанию лица всякого сословия, князей, дворян и простолюдинов, которые впредь будут уличены в убийстве, нанесении ран и побоев, зажигательстве, воровстве и всякого рода насилии и самоуправстве, хотя бы они действовали в этих случаях по старинным абхазским обычаям; за преступления эти определять князьям и дворянам пеню и арест, а простолюдинам пеню и телесное наказание, увеличивая то и другое по мере повторения одним и тем же лицом преступлений, а по третьему разу ссылать преступника из Абхазии; учредить сельских бакаулов, род земской полиции, для наблюдения за порядком, преследования преступников и выдачи их суду. Предложение это было принято единодушно и с восторгом, особенно низшим сословием, и начало постепенно приводиться в исполнение, но впоследствии князья и дворяне, усмотрев, что новые постановления клонятся преимущественно к обузданию их своеволия, тайно старались вредить их успеху. Новый порядок этот не может легко и скоро укорениться, потому что он должен разрушить старые понятия,

предрассудки и обычаи, и успех его зависит от энергии в исполнении»[1].

Об обычае кровной мести у абхазов писали многие авторы XIX столетия. Среди них Фредерик Дюбуа де Монперэ и Ф. Ф. Торнау. Зафиксированные ими наблюдения относятся к 1830-м гг., хотя их книги увидели свет позднее. Более или менее детальное описание кровной мести (Ф. Дюбуа де Монпере называл это «законом крови»[2]) мы находим в разных текстах Ф. Торнау. Например, в своих докладных записках отношение к этому явлению он выражал так: «Кровомщение, служащее, по-видимому, к всегдашнему нарушению порядка, в народе необразованном, в котором нет закона и силы, его поддерживающей, которые могли остановить преступника, здесь, кажется, есть необходимость; особенно в Абхазии, в которой народ не столь пылок, не столь воинственен, как в других местах, заселенных горскими племенами; страх кровомщения частью удерживает убийцу и грабителя в его покушениях; или по совершению преступления заставляет скрываться, чем избавляет край от вредного его присутствия»[3]. В данном случае мы видим, что кровную месть автор рассматривает в качестве необходимости и в некотором смысле оценивает даже позитивно. В своей же книге «Воспоминания кавказского офицера» он более сдержан и лаконичен: «За убийство зовут на суд только люди, не имеющие силы самим отомстить обидчику, или когда кровомщение угрожает сделаться бесконечным»[4].

---

[1] *Карлгоф Н. И.* Указ. соч. С. 29–30.

[2] *Дюбуа де Монперэ Ф.* Путешествие вокруг Кавказа / пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пущиной. Майкоп: Полиграф-Юг, 2010. Т. 1: У черкесов и абхазов. С. 47.

[3] Записка Ф. Ф. Торнау «Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния» (1835) // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост. Г. А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. С. 211.

[4] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО — XXI век. 2008. С. 221.

Причина столь противоречивых высказываний в том, что авторы не могли до конца объяснить суть кровной мести как общественного явления. Современная этнология дает ответы на многие вопросы, связанные с нею. Согласно выводам этнографов, кровная месть, абречество, конокрадство, скотокрадство являлись следствием военизированного образа жизни. Качества, необходимые в войнах, были привнесены в мирную жизнь, претерпевая содержательную трансформацию. В то же время, оставаясь важным элементом традиционных представлений, эти явления все-таки рассматривались даже в местной среде далеко не с однозначной точки зрения и вызывали даже две противоположные оценки[1]. Именно об этом свидетельствуют слова Карлгофа о «единодушном и с восторгом» принятии крестьянством решения схода об отказе от укоренившихся обычаев.

Возникает вопрос: почему именно в 1846 г. возникла необходимость проведения мероприятия, призванного решить проблемы, связанные с кровной местью? По всей вероятности, в это время имело место обострение и количественный всплеск случаев кровомщения. Это и вынудило владетельного князя Абхазии Михаила Шервашидзе созвать сход и предпринять дополнительные шаги по борьбе с подобного рода преступлениями. Свидетельством сложной внутренней обстановки служат имеющиеся документальные материалы. Так, в рапорте начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику на Кавказе М. С. Воронцову, датированном 2 июля 1846 г., говорится о «раздорах между разными отраслями фамилии Моргани», которые «продолжались до последнего времени с ожесточением,

[1] См.: *Ботяков Ю. М.* Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. Сборник статей. СПб.: Наука, 2007. С. 191.

убийствами и поджигательством»[1]. Но уже в следующем своем рапорте от 7 сентября того же года Будберг сообщает наместнику о том самом сходе следующее: «Владетель Абхазии, смело коснувшийся 4-х главных предрассудков, имел в виду пресечь зародыш всех беспорядков в самом корне, оградить народ от бедствий и, охранив его собственность, приохотить к труду и улучшению своего быта. Запрещением кровомщения во всех его видах, воровства, считавшегося даже между князьями удальством, а не пороком, ограничения права продажи крестьян и невольников целыми семьями, а не порознь и запрещением обычаев гостеприимства, доведенного до крайней степени нелепого, при которых в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались на счет трудолюбивых, преступники укрывались под защиту князей и крестьяне отходили от своих помещиков под покровительство других, — цель предположения владетелем может быть вполне достигнута»[2].

Как видим, ожидания от проведенного владетелем мероприятия у Карлгофа и Будберга различны: у первого они несколько пессимистичны, а у второго, наоборот, оптимистичны. В реальности ближе к истине был Карлгоф: полностью искоренить кровную месть не удалось, но все же сход сыграл позитивную роль, уменьшив число случаев, связанных с нею. Здесь нужно отметить, что и до проведенного схода в обычном праве абхазов существовали определенные нормы юридического характера

---

[1] Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса М. С. Воронцову о раздорах внутри фамилии Маан // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. II. С. 316.

[2] Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса М. С. Воронцову о нововведениях, учиненных владетелем Абхазии // Материалы по истории Абхазии. Т. 2. С. 319.

по противодействию кровной мести. Это подтверждает письмо К. Чернышева к А. Берже, опубликованное в газете «Кавказ» (1854, № 82, 83): «Родовая месть развита в Абхазии, как и между другими племенами; но в этой стране она имеет свои оттенки. Так, тотчас после убийства родовая месть может быть остановлена вмешательством других фамилий, если они предложат в деле примирения свое посредничество. Тогда уже дело переходит на обсуждение народного суда. Народный суд составляется из избранных обеими сторонами судей, известных по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующихся добрым мнением народа. Эти народные судьи называются *медиаторами*, и самый суд *медиаторским*»[1].

После проведенного народного схода, устроенного владетелем, судя по наличию сведений о функционировании института по предотвращению кровной мести, результаты были более эффективными по сравнению с прошлыми временами. Созданные тогда суды и комиссии действовали продолжительное время. В качестве конкретного примера приведем сведения об известном сказителе и авторитетном общественном деятеле своего времени Чагу Чацба. Собиратель и публикатор рассказов о нем, писатель З. Бутба пишет: «В то время существовала комиссия по искоренению кровной мести. В нее, наряду с другими уважаемыми людьми, входил и Чагу Чацба»[2].

Необходимо заметить, что сведения о кровной мести у абхазов в трудах разных авторов также противоречивы. Одни не склонны преувеличивать ее масштабы в Абхазии, другие же, наоборот, говорят о трагических ее последствиях. Ф. Завадский, например, в статье, опубликованной в газете «Кавказ» (1867), утверждал: «Свобод-

[1] Из письма К. Чернышева к А. П. Берже. Еще об Абхазии // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX в.). / сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. I. С. 172.

[2] *Бутба З. Р.* Сочинения: в 2 т. Приключения Чагу Чацба; 3-е изд., доп. Сухум: Абгиз, 2013. Т. 2. С. 273; (на абх. яз.).

ное употребление оружия влекло за собой в Абхазии те же последствия, что и между другими горскими племенами; но, как управление этого края основано было не на демократических началах, а сосредоточено было в руках владетеля, то обычай кровомщения не имел в Абхазии таких пагубных последствий, как между другими племенами»[1]. Другой автор — Г. А. Рыбинский, рассуждая о явлениях, служивших серьезной помехой нормализации общественной жизни, отмечал, что абреки «практикуют скотокрадство и кровную месть в огромных размерах»[2].

Возвращаясь к работе Н. И. Карлгофа, укажем, что бытование кровной мести и других пороков среди абхазов он увязывал с обычаем гостеприимства. «Покровительство, оказываемое порядочными семействами, людям неблагонамеренным и злодеям, отдавшимся под их защиту, которое поставляет в обязанность первых не щадить своей жизни для охранения последних, происходит от ложных понятий о гостеприимстве»[3]. Здесь, с одной стороны, автором уловлена связь между двумя обычаями, но предлагаемые им меры — отвержения всех без исключения корневых традиционных норм — вряд ли были реализуемы.

Совершенно иную трактовку обычая гостеприимства мы находим у другого автора. В статье С. Пушкарева на страницах газеты «Кавказ» (1854, № 60, 61) читаем: «Гостеприимство также свято соблюдается абхазцем, как и прочими кавказскими горцами. Его кунак или только отрекомендованный ему гость может быть уверен в совершенной безопасности под кровлей сакли; он будет успокоен и накормлен, как только позволяют средства

---

[1] *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда // Абхазия. Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2011. Т. 1. С. 294.

[2] *Рыбинский Г. А.* Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894. С. 30.

[3] *Карлгоф Н. И.* Указ. соч. С. 28–29.

хозяина, и хозяин горит со стыда, когда не имеет возможности помочь в нужде своему гостю»[1]. Далее следует рассказ о случае, когда незнакомые абхазы, проявляя знаки гостеприимства, оказали автору помощь.

В фольклоре и абхазской письменной литературе есть произведения, отражающие связь обычаев гостеприимства и кровной мести. Приведем пример из замечательной новеллы М. А. Лакрба (Лакербай) «Гость». В этой новелле с фольклорными истоками повествуется о герое, укрывшем от преследователей убийцу, как выяснилось позже, его сына. Но и узнав об этом, он продолжает действовать в соответствии с обычаем гостеприимства. После похорон сына герой провожает гостя, дав ему еду и указывая безопасную дорогу. В этом поступке заключен главный смысл соблюдения обычая гостеприимства, ибо герой оказался перед крайне сложным выбором: дать возможность друзьям убитого сына отомстить или же следовать обычаю и защитить гостя. Выбор сделан в пользу второго. Герой действует, как говорится, не сердцем, а проявляет силу воли для преодоления тяжелого морально-психологического состояния. Иными словами, с ним происходит то, что Платон определял следующим образом: «Из двух разных начал одно укоряет другое, то есть начало, разбирающееся в том, что лучше, а что хуже, порицает начало безрассудно яростное»[2].

В реальной жизни соблюдение обычая гостеприимства принимало различные формы и далеко не всегда приводило к осознанному и столь высокоморальному поведению. Все чаще оно исполнялось механически, в силу общей привычки, при которой первоначально заложенное добродетельное содержание искажалось и пре-

---

[1] *Пушкарев С.* Абхазия и абхазцы // Абхазия — Страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 200.

[2] *Платон.* Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М.: АСТ, 2016. С. 179.

вращалось в свою противоположность. А происходило это потому, что обычаем гостеприимства пользовались нечистоплотные люди. Они, совершив преступление, находили приют в любом доме, хозяева которого, следуя этому обычаю, вынуждены были принимать, а в случае необходимости — защищать всякого гостя-абрека, иногда даже ценой собственной жизни. Таким образом, стиралась грань между тем, кто действительно заслуживает быть принятым и защищенным, и тем, кто этого не заслуживает. Подобные процессы нарушали общественный порядок, вовлекали в конфликтные ситуации все новых и новых совершенно посторонних и невинных людей, зачастую невольно становившихся участниками последующих кровавых событий. Именно такую ситуацию, по-видимому, имеет в виду Карлгоф, когда пишет о вредоносной роли обычая гостеприимства. Исследователь не ставил перед собой задачу научного изучения института гостеприимства, его целью было дать общую картину состояния абхазского общества. Карлгоф, с одной стороны, уловил внутреннюю взаимосвязь этих двух обычаев, но в то же время его выводы носят чрезмерно обобщающий характер, представляя весь институт гостеприимства как вредный и почти преступный обычай, от которого необходимо вовсе отказаться.

Карлгоф называет и другие негативные явления абхазской действительности, довольно точно определяя их причины. «Воровство скота и другие хищничества, вкравшиеся в нравы абхазские, считаясь даже между князьями и дворянами удальством, если сопряжены с опасностью, доставляют недостаточным дозволительные средства заменить труд посягательством на чужую собственность. Принося в одно время выгоду и славу, подвиги эти приманчивы для абхазца, и оттого существуют у них самые превратные понятия, препятствующие возрождению всякой промышленности: честный труд за деньги они признают унизительным, как

признак рабства, а отважное воровство — доблестью свободного человека»[1], — пишет автор. Заметим, что названные здесь явления не были характерной особенностью исключительно абхазов, они были присущи и другим кавказским народам.

Наблюдения Карлгофа во многом точны. Как правило, главными исполнителями в образе жизни, определяемом им как «хищничество» выступало молодое поколение местной знати. Используя различные родственные и социальные связи (например, аталычество), молодые удальцы завлекали в свои партии и крестьянскую молодежь. Побудительным мотивом подобного образа жизни было стремление завоевать славу и почет в обществе. Совершаемые с риском для жизни различные действия становились общепринятой моделью для подражания. Истоками подобного общественного устройства являлись военизированный образ жизни и заложенное в нем рыцарское начало. Со временем приходит понимание, что это — результат ложного понимания героизма. Именно с позиции порицания такого рода «героизма» эта тема нашла свое отражение несколько позже в абхазской литературе. В частности, ей посвящены такие произведения, как рассказ Д. И. Гулиа «Под чужим небом» (1919) и пьеса П. С. Шакрыла «От тьмы к свету» (1912)[2].

Важным обстоятельством изложенного автором исторического факта и его интерпретации являлось то, что он впервые касается противоречий, которые были заложены в условиях вхождения Абхазии в состав Российской империи. Авторы, писавшие о внутреннем управлении Абхазией, неизменно отмечали, что, согласно условиям этого вхождения, Россия в лице ее

[1] *Карлгоф Н. И.* Указ. соч. С. 29.

[2] Эта пьеса не была опубликована в то время, но ставилась на сцене одним из первых самодеятельных драматических кружков Абхазии. Об этом см.: *Лакербай М. А.* Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1962. С. 43–44.

царей, Кавказского наместничества гарантировала невмешательство во внутренние дела края. «Система правительственного покровительства во внутренних делах Абхазии, — писал С. Эсадзе, — состояла в упрочении владетельского единовластия и в стремлении дать ему средства поддерживать спокойствие в крае»[1]. Внутренние же порядки должны были обеспечиваться, как о них писал Торнау, «обычаями, хранимыми в Абхазии с незапамятных времен»[2].

Российское правительство действительно не вмешивалось во внутреннюю жизнь народа, целиком возлагая все на владетеля и его окружение. Но этого нельзя сказать о выборе самих владетелей, когда русское правительство продвигало свою кандидатуру. Нужно отметить: многие трагические события произошли из-за того, что Россией были проигнорированы неоднократные обращения владетеля Келешбея с просьбой принять Абхазию в лоно Российской империи еще раньше. После его убийства между двумя его сыновьями разгорелась борьба за владение Абхазией, в которой Россия сделала ставку на Сефербея (Георгия). После его смерти в 1821 г. на управление Абхазией был поставлен его старший сын Дмитрий, окончивший Пажеский корпус, имевший чин полковника. Однако за годы жизни в С.-Петербурге он забыл родной язык и не горел желанием руководить своим народом. Ему суждено было управлять Абхазией менее полутора лет; умер в декабре 1822 г. (по официальной российской версии был отравлен). При очередном решении вопроса о праве наследования выбор российских властей пал на несовершеннолетнего младшего

---

[1] *Эсадзе С.* Из статьи «К 40-летию уничтожения автономии Абхазии» // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.): в 2 кн. / сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. 1. С. 235.

[2] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера / сост.: А.С. Макаров, С.А. Макарова; вступ. статья А.С. Макарова. М.: «АИРО – XXI век», 2008. С. 206.

сына Сефербея — Михаила. Дальнейшие события показали, что он по своим качествам во многом превосходил и отца, и брата. Неоднократно проявлял мужество, храбро сражаясь на стороне русских во время различных военных кампаний. Михаил часто и удачно вел переговоры с разными горскими обществами. За это он щедро вознаграждался властями: дослужился до военного чина генерал-адъютанта, был удостоен многих российских орденов. Имеющиеся сведения о нем позволяют составить контуры его политического и морально-психологического портрета. С опорой на обширный, но противоречивый материал можно сделать вывод, что, помимо положительных качеств (мужество, дипломатичность и т. д.), он обладал целым набором отрицательных черт характера: был корыстен, алчен, честолюбив, недоверчив, часто использовал интриги, не обладал политической дальновидностью, иногда позволял себе предательские поступки, как это имело место в период Крымской войны. Владетель Михаил не только не смог объединить разные регионы Абхазии в единое целое, но и продолжал политическую и имущественную борьбу со своими ближайшими родственниками. Он враждовал со своим дядей Гасанбеем, обладавшим, по мнению некоторых авторов, как и он, правом наследования, несмотря на неоднократно оказываемую ему помощь и услуги.

Исторические материалы о владетельном князе Михаиле содержат как положительную, так и негативную оценку его личности. В большей степени эти оценки носят хронологический характер. Так, если до середины 1850-х гг. Михаил в основном характеризуется положительно, то в более поздние годы он представлен в критическом и даже негативном свете. Так, в известной книге «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» имеет место фактическое признание не вполне законным и ошибочным выбора Михаила владетелем Абхазии. Упоминание Абхазии в числе кавказских владений России сопровождено следующим

уточняющим примечанием: «Нынешний князь Михаил Шервашидзе, полковник нашей службы, не есть настоящий наследник Княжеского достоинства и возведен в сие звание единственно по ограниченным и неверным сведениям, которые имело местное начальство об Абхазии. — По праву первородства владельческий сан должен был принадлежать одному из дядей князя Михаила. Таким образом, утвержденный правительством владетель не пользуется весом в народе, и спокойствие края удерживается преимущественно влиянием преданного России Гассан-бея, дяди владетеля, умного азиатца, одаренного твердым характером. Гассан-бей по несправедливому подозрению в неблагонамеренности находился несколько лет в ссылке в Сибири, но в 1827 году, по ходатайству графа Паскевича, возвращен оттуда»[1].

Возникает вопрос: откуда автору сочинения — Н. И. Ушакову — стали известны такие подробности, неафишируемые, а быть может, и секретные? По некоторым источникам известно, что кандидатуре князя Михаила было отдано предпочтение по настоянию главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова. Похоже, что Ермолов был противником приведения к власти в Абхазии Гасанбея, в итоге последний был сослан[2]. Преемником А. Ермолова стал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, ко-

[1] [*Ушаков Н.И.*]. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: в 2 ч. СПб.: Тип. Эдуарда Праца и К°, 1836. Ч. 1. С. 32.

[2] См.: Отношение главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова министру иностранных дел К. В. Нессельроде об объявлении Дмитрия Шервашидзе владетелем Абхазии // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных документов; в 3 т. / сост. Г. А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. С. 151; Рапорт главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова Александру I с просьбой об утверждении Михаила Чачба-Шервашидзе владетелем Абхазии. 14.12.1822 // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов; в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. С. 104.

торому и посвящена книга Ушакова и который, по словам автора, «неоднократно удостаивал прочитывать этот труд вчерне, дополнял и исправлял многое собственными рассуждениями, а рассказ некоторых сражений даже лично диктован Его Светлостью»[1]. Учитывая также, что именно при Паскевиче Гасанбей был возвращен из ссылки, проясняется источник оценочной позиции Ушакова.

Надо признать, что в данном случае у каждой стороны были своя аргументация и доказательная база. Ермолов был прав формально, поскольку в тексте Грамоты Александра I о принятии Абхазии в подданство России слова, относящиеся к преемственности власти в Абхазии, встречаются 7 раз: «Ваш дом» (2 раза), «преемники» (4 раза) и «наследники» (1 раз). Яснее это выражено следующими словами: «Снисходя на прошение Ваше поступить в вечное подданство Российской Империи и не сомневаясь в преданности Вашей к Высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме Вашем, на Высочайшее имя наше присланном, утверждаем и признаем Вас, нашего любезно верноподданного, наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством державою и защитою Российской Империи и, включая вас, и *дом Ваш* (выделено нами. — *В. А.*), и всех абхазского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и *преемникам* (выделено нами. — *В. А.*) Вашим нашу императорскую милость и благоволение»[2].

Включать в эти понятия братьев владетеля можно лишь при широком толковании. Скорее всего, подразумевалась семья владетеля — в лице его потомства. С другой стороны, был прав и Паскевич, видевший изъ-

[1] *Ушаков Н.И.* Указ. соч. С. XVI.

[2] Грамота Александра I владетелю Абхазии Георгию (Сафарбею) Шервашидзе о принятии его в подданство России // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост. Г. А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. С. 95.

яны в сделанном выборе — отсутствие авторитета в народе, что периодически создавало большие проблемы политического характера. На этом фоне выбор более влиятельного и авторитетного Гасанбея мог иметь больше шансов на успех[1]. Но решающим фактором оказалось имевшееся у некоторой части российских военных подозрение в его протурецкой политической позиции. Последующие события показали, что эти опасения относительно Гасанбея были преувеличены. Его отношение к России и в частности к отдельным российским военным деятелям не были безоблачными, но всегда, когда эти отношения принимали напряженный характер, его действия носили ответный характер[2].

Дополнительным подтверждением тому может служить тот факт, что сын Гасан-бея — Дмитрий категорически отверг предложение командующего турецкими войсками в Абхазии Омер-паши перейти на сторону Османской империи, во время Крымской войны. В от-

---

[1] Аналогичную мысль мы находим в материалах А. В. Пахомова. В выявленной в архивах историками Г. А. Дзидзария и И. Г. Антелава «Объяснительной записке управляющего имениями Г. Д. Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию», датированной 1868 г. и опубликованной в сборнике «Материалы по истории Абхазского княжества» (Тбилиси, 1953), сказано: «Так как партия Гасан-бея была очень сильна, потому что большая часть абхазцев была на его стороне из ненависти к Михаилу, который с ранних лет еще успел заявить о себе с невыгодной стороны, то владетельница (Тамара Дадиани — мать Михаила. — *В. А.*) просила русское начальство сослать Гасан-бея в Сибирь, что и было исполнено, потому что начальству не были известны права Гасан-бея и его условие с Кялым-беем» (см.: Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2012. Т. III. С. 420).

[2] Подробнее об этом см.: *Гумба М. В.* Гасанбей (О политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея). Сухум: 2012. 68 с.

ветном письме он заявил: «Я недоступен заразе, называемой дурными примерами, и нахожу, что отечество мое там, где пребывает законное мое правительство. Как офицер русской армии, я не могу допустить мысли об оставлении знамен моего государя и, конечно, не заслужил бы выражений, которыми нашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен»[1].

Подводя некоторые итоги предпринятого анализа относительно состояния, в котором пребывала Абхазия, можно заключить следующее: когда в самой России происходили глубокие эволюционные изменения, Абхазия оставалась провинциально-замкнутой территорией, в которой народная жизнь пребывала в статичном состоянии и строилась преимущественно по старым законам, неспособным решить современные жизненные задачи. Национальная мысль отражалась в устном народном творчестве, в большей степени обращенном в прошлое, чем в будущее. В административно-управленческой сфере мало предпринималось для сближения народа Абхазии с Россией, частью которой он являлся. Российское правительство считало достаточным иметь дело лишь с ограниченным кругом лиц: владетельным князем, членами его семьи, родственниками и отдельными влиятельными фигурами. В абхазской среде отсутствовала сила, способная обратить взоры в будущее, к поиску перспективных путей своего дальнейшего существования. Между тем, как писал Н. Бердяев, «история не есть только

[1] Письмо полковника Дмитрия Чачба-Шервашидзе командующему турецкими войсками в Абхазии Омеру-паше об отказе перейти на сторону Османской империи // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1959). Сборник документальных материалов: в 3 т./ сост.: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. II. С. 425.

традиция, не есть только охранение»[1]. В истории настоящее должно объединять прошлое с будущим, для чего необходимы определенные перспективные изменения. С этой задачей представители привилегированных классов того времени не справились. За редким исключением, они довольствовались устраивавшими их традициями. Образованных людей среди абхазов было мало. Это хорошо иллюстрируется в работе Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции»[2], всецело посвященной данной теме. Трактуя понятие «интеллигенция» в широком смысле, автор приводит биографии многих абхазов, получивших образование в первой половине XIX в., их не более полутора десятка человек.

В то же время нельзя сказать, что отсутствовало понимание необходимости учреждения учебных заведений в Абхазии. В частности, вопрос создания образовательного учреждения в Абхазии ставился еще в начале 1840-х гг. В рапорте исполнявшего должность начальника делами Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту от 1 апреля 1844 г. имеется следующее сообщение: «Предместник мой ген.-адъют. Анреп имел честь представлять вашему высокопр-ву подробное соображение касательно учреждения на береговой линии школ для обучения в оной детей туземцев и аманатов <…> Хотя на учреждение школ на береговой линии не получено разрешения, но в убеждении о необходимости этой меры я пользуюсь сим случаем, чтоб возобновить о сем ходатайства моего предместника и всепокорнейше просить ваше высокопр-во об испрошении высочайшего соизволения, чтобы аманатов, как псхувских, так и тех, кои впредь будут взяты от племен Восточного берега, оставлять в этих

[1] *Бердяев Н. А.* Русская идея // Бердяев Н. А. Судьба России. Книга статей. М.: Эксмо, 2007. С. 401.

[2] *Дзидзария Г. А.* Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1979.

школах для воспитания, отправляя в С.-Петербург только достойнейших, в виде особой награды, по достижении известного возраста и не иначе как с согласия родителей». Подобное прошение обусловлено опасением, что будет нарушено обещание, данное владетелем. Отмечено и «неблагоприятное влияние на умы окрестных племен, из коих многие весьма склонны к покорности», и тот факт, что аманаты, взятые из Псху, «будут находиться в Бомборах, в глазах своих родителей»[1]. Следствием этих обращений стало открытие в 1852 г. так называемой «школы для аманатов». Однако с началом Крымской войны школа прекратила свое существование[2].

Впрочем, попытки открытия подобных школ предпринимались и в других частях Черноморской береговой линии, но и они не имели успеха[3]. Только спустя 15 лет уже император Александр II «по представлению г. Наместника Кавказского и Главнокомандующего Кавказскою армиею, признавая полезным и необходимым учредить для образования детей горских туземных племен Кавказа особые школы, Высочайше соизволил утвердить, в виде опыта, на 4 года»[4]. Этим решением должны были открыться: окружные школы во Владикавказе, Нальчике,

---

[1] Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о необходимости оставления аманатов в Абхазии // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. II. С. 294–295.

[2] *Агумаа А. С.* Просвещение Абхазии в XIX — начале XX в. / сост. А. С. Агумаа. Сухум: Абгосиздат, 2016. С. 3.

[3] Училища для образования детей горцев в Новороссийске // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1846. Ч. LII. Отд. VII: Новости и Смесь. С. 43–45.

[4] Об учреждении школ для образования детей горских племен Кавказа // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1859. Ч. CIV. Отд. I: Высочайшие повеления за октябрь 1859 года. С. 23.

Темир-Хан-Шуре; начальные — в Усть-Лабе, Грозном, Сухуме. Но и после этого решения на открытие Сухумской горской школы ушло 4 года, она начала функционировать с 1863 г.

Как видно из приведенных документов, инициатива открытия образовательных учреждений на местах принадлежала представителям русской военной администрации. Понимая важность просвещения, местная элита определяла своих детей в школы и гимназии российских городов.

В рассматриваемом труде Н.И. Карлгофа также содержатся сведения военного значения. Вкратце сообщается об учреждении Черноморской береговой линии, ее целях и задачах. В этом разделе обозначено местоположение Абхазии в составе 3-го отделения данной линии, от форта Навагинского (в устье реки Соча. — *В. А.*) до самой турецкой границы. На территории Абхазии располагались военные укрепления в Гагре, Пицунде и Бамборе, посты Псыртский (Псырдзха. — *В. А.*), Дранды, Квитаули (Кутол. — *В. А.*), Илоры, крепость Сухум-Кале и внутренние укрепления в Цебельде и Мрамбе. Начальниками отделений назначались военные в чине генерал-майора.

Как позитивные нововведения отмечены организация торговли с местным населением и создание на местах милиции: «При частных народных восстаниях с пользой употреблялся для усиления войск набор милиции из туземцев: самурзаканцы и абхазцы против цебельдинцев, мингрельцы против гурийцев, и могут быть с пользой употреблены мингрельцы против абхазцев и наоборот»[1]. Подобную установку нельзя считать полезной; наоборот, она была контрпродуктивной и недальновидной. Такими средствами достичь умиротворения в крае и наладить гражданскую жизнь было невозможно; в результате разжигалась межнациональная, межродовая и иная вражда, приводившая к дестабилизации обстановки.

[1] *Карлгоф Н. И.* Указ. соч. С. 38.

Судя по информации, изложенной в труде Карлгофа, работа была написана не позднее конца 1840-х гг. Все описываемые в ней исторические факты имели место в этот период. В конце книги сообщается, что Анапа, Новороссийск и Сухум «наименованы городами и пользуются, кроме общих городских прав, некоторыми особенными преимуществами, для привлечения переселенцев»[1]. Известно, что названные населенные пункты, бывшие крепости, в статус города были возведены в 1846 г.

***

В 1858 г. была издана одна из частей тома, посвященная Кавказскому краю: «Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии и Сванетии — и приставств Самурзаханского и Цебельдинскаго». Ее автор — штабс-капитан Александр Иванович Лаврентьев. «Военная энциклопедия» сообщает, что Лаврентьев (1830–1894, Ялта) получил образование в 1-м кадетском корпусе, из которого был выпущен в чине прапорщика. В 1849 г. принимал участие в войне с Венгрией. В 1851 г. окончил Императорскую военную академию и занимал разные должности по Генеральному штабу. В этот период им была составлена книга «Военно-статистическое обозрение Кутаисской губернии». В 1863 г. Лаврентьева командировали для рекогносцировки юго-запада Финляндии; он принимал участие в составлении военно-топографической карты. В эти годы написаны работы «Территориальная система военного управления» и «Статистические очерки губернии Царства Польского». Затем Лаврентьев был приглашен в журнал «Военный сборник» для составления военно-статистических очерков об иностранных вооруженных силах. В 1872 г. назначен главным редактором газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный

[1] Там же. С. 45.

сборник». В 1874 г. последовало произведение в генерал-майоры, в 1885 г. — в генерал-лейтенанты, в 1883 г. — в генералы от инфантерии с увольнением от службы. «Военная энциклопедия» так характеризует Лаврентьева: «Многосторонне образованный и начитанный Лаврентьев до последних дней жизни сохранил живой интерес ко всему, что касалось науки и искусства, гуманный в своих воззрениях, чистый и преданный долгу, он с необыкновенной теплотой и добродушием относился ко всем окружающим»[1].

Лаврентьев, создавая свой труд «Кутаисское генерал-губернаторство…», был значительно моложе своего предшественника в этой области Карлгофа. К моменту издания книги ему было всего 24 года, и ему недоставало опыта и возможностей, чтобы представить результаты собственных исследований края и населяющих его народов. На это указывал и М. О. Косвен, констатировавший, что описание Лаврентьева «основано на литературных источниках и рукописных записках офицеров Генерального штаба»[2]. Корме того, части книги об Абхазии и Цебельде пришлось добавлять к уже подготовленному труду, в силу произведенных административно-территориальных изменений, что не могло не привести к некоторой поспешности. Таким образом, недостаточное личное знакомство с краем, молодость и вынужденная спешка не могли не отразиться на работе, что поставило автора в зависимость от качества используемых им печатных источников и документов, и возможно, политической конъюнктуры исторического момента

---

[1] Военная энциклопедия / под ред. заслуж. проф., генер.-лейтен. К. И. Величко, полковника В. Ф. Новицкого [и др.]. Петербург: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 14. С. 451. См. также: URL: htts://runivers.ru/bookreader/ book9618#page/2/mode/1up; htts:ru.m.wikipedia.org/wiki / Лаврентьев_Александр_ Иванович (дата обращения: 26.08.2021).

[2] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Ч. I. С. 353–354.

В книге солидного объема (более 330 страниц текста и карта) содержится многообразная информация о различных частях Кутаисского генерал-губернаторства; имеются новейшие данные о территориях, входивших в Кутаисскую губернию: о путях сообщения, климате, флоре и фауне, полезных ископаемых, этнографические очерки о народах, составе населения, сельскохозяйственной и мануфактурной промышленности, внутренней и внешней торговле, о состоянии образования, статистические сведения о монастырях, церквах и духовенстве, очерки о внутреннем устройстве общества, его гражданском быте, формах внутреннего управления. Книга содержит богатый статистический материал, снабжена таблицами и ведомостями.

Главы об Абхазии и Цебельде составляют приложение. Причина в том, что в 1857 г. Абхазия, до того административно входившая в состав Черноморской береговой линии и отдельное приставство Цебельда, часто обозначаемое как вольное общество, была переподчинена вновь созданному Кутаисскому генерал-губернаторству. Ко времени этой административной реформы автором была уже написана «большая часть работы, которая и была напечатана»[1]. Сведения об этих территориях и населении имеются также и в других частях текста.

Другая особенность труда Лаврентьева относится к Самурзакани, включенной в состав Кутаисской губернии. Лаврентьев не рассматривает ее как историческую

[1] [*Лаврентьев А.И.*]. Статистические описания губерний и областей Российской империи по Высочайшему повелению, издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. XVI. Кавказский край. Ч. 5. Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии, Сванетии — и приставств: Самурзаханского и Цебельдинского. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. Составил Генерального штаба штабс-капитан Лаврентьев. СПб.: В тип. Департамента Генерального штаба. 1858, С. VI.

часть Абхазии. Искажено и написание самого названия: вместо традиционного и привычного *Самурзакань* у Лаврентьева — *Самурзахань*. Допустим, что это ошибка прочтения рукописи при типографском наборе: вместо *к* прочитана *х*.

Во вступлении, посвященном истории края, Абхазия упоминается часто. Сказано, что «в VII, VIII и IX столетиях Абхазией правили цари, которых только имена остались в истории. Многие памятники, храмы и строения, существующие доныне в Имеретии, Мингрелии и Гурии, некоторые в целости, другие в развалинах, вероятно, принадлежат этой эпохе»[1]. Действительно, от столь давней эпохи сохранились имена абхазских царей, но известно также, что правители Абхазии Леон I, Леон II, Феодосий I, Дмитрий II и Георгий I были активными проводниками храмостроительной политики.

Сведения о Самурзакани содержатся в основном в главах, относящихся к Кутаисской губернии. Подчеркнем, что изначальный, неоднократно повторяемый посыл автора, рассматривающего самурзаканцев как «часть грузинского племени», является несостоятельным. Возможно, это было следствием недобросовестности информатора, введшего автора в заблуждение. Она могла исходить и от правителей, заинтересованных с помощью русской военной администрации, решить территориальный спор в свою пользу[2]. Самурзакань нередко оказывалась яблоком раздора между Мегрельским и Абхазским княжествами. Сам текст труда Лаврентьева изобилует примерами того, что население этой территории имеет сходство с абхазами. Попытка же объяснить эти сходства территориальным сосед-

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ соч. С. 11.

[2] См.: Письмо владетеля Мегрелии Д. Дадиани наместнику Кавказа М. С. Воронцову от 03.08.1847 г. // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов: в 3 т. / сост.: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. II. С. 324–325.

ством не может служить убедительным аргументом, поскольку Самурзакань была одной из частей Абхазии и лишь граничила с Мегрелией. Самое главное — там проживали абхазы, и управлялась она представителями фамилии Чачба (Шервашидзе). В то же время нельзя отрицать и того факта, в тот период уже имели место ассимиляционные процессы — мегрелизация абхазов. Данное историческое обстоятельство достаточно хорошо исследовано. Мнение о том, что восточной границей Абхазии являлась река Ингур, было высказано многими авторами; об этом преимущественно говорят и специальные исторические и этнографические исследования. Вызывает недоумение то, что Лаврентьев пренебрегает работами, в которых недвусмысленно говорится о Самурзакани как о составной части Абхазии. Напомним позицию по этому вопросу А. П. Берже в его очерке, вышедшем отдельным изданием в том же году, что и работа Лаврентьева: «Самурзакань, обитаемая однородным с абхазцами племенем, считалось прежде округом Абхазии, а позднее вошла в состав управления владетеля Мингрелии, но власть его над Самурзаканью была столь слаба, что не могла прекратить беспорядок и внутренних несогласия. Страна эта несколько лет кряду была предметом споров между владетелями Абхазии и Мингрелии. Присоединение Самурзакани к нашим владениям, наконец, совершилось в 1839 году, а в 1840-м последовало Высочайшее повеление о причислении ее к землям, состоящим в непосредственном заведывании правительства. В том же году назначен был пристав из русских офицеров, состоящий в ведении начальника 4-го отделения Черноморской береговой линии»[1].

Аналогичный подход встречаем в работах, увидевших свет позже. Подробная информация о борьбе Абха-

[1] [*Берже А. П.*]. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Составленный Ад. Берже, Правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис: В тип. Канцелярии наместника кавказского, 1858. С. 7.

зии и Мегрелии за Самурзакань содержится в исследованиях Д. Мачавариани и И. Бартоломея[1], П. Краевича[2], А. Введенского[3]. Заметим, что и авторы грузинского происхождения следовали данной трактовке. Например, С. Л. Авалиани относительно исторического прошлого Самурзакани писал: «Сухумский отдел, как административная единица, состоял из двух частей — Абхазии и Самурзакани. Самурзаканью называлась небольшая область, расположенная на берегу Черного моря, расположенная между рр. Галидзгой и Ингуром, составляла она часть Абхазии и граничила с Мингрелией, Сванетией. Значительную часть населения составляли: переселенцы из Абхазии, Мингрелии, Имеретии, Гурии. Управлялась Самурзакань особой ветвью абхазского владетельного дома князей Шервашидзе, один из которых, Мурзакан Шервашидзе, даже стал автономным владетелем; в 1840 г., из-за бесконечных распрей за самурзаканское наследство между владетелем Мингрелии и князем Абхазии, вассалом России, Самурзакань была взята в управление русской властью»[4].

---

[1] *Мачавариани Д., Бартоломей И.* Нечто о Самурзакани // Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. Т. I. С. 235.

[2] [*Краевич П. Д.*]. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечения из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869-м году) // Сборник сведений о кавказских горцах. Изд. Кавказского Горского управления. Тифлис: 1870. С. 3.

[3] [*Введенский А. Н.*]. Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Лубровина «Очерк Кавказа и народов его населяющих // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Издаваемый с соизволения Е. И. В. Главнокомандующего Кавказской Армии при Кавказском Горском управлении, 1872. Вып. VI. С. 16.

[4] *Авалиани С. Л.* Крестьянский вопрос в Закавказье: в 4 т.. Одесса: Тип. «Техник», 1913. Т. II: Крестьянская реформа в Мингрелии, Сванетии и Сухумском отделе. С. 63.

Историк С. С. Эсадзе дает исчерпывающее пояснение: «Права владетельного мингрельского дома на Самурзакань укрепились от продолжительного признания их со стороны главного кавказского начальства. Однако сами самурзаканцы были недовольны устранением природных их владетелей (то есть Шервашидзе. — *В. А.*), и потому в стране происходили частые беспорядки с целью избавиться от Дадиана. Сами мингрельские владетели, сознавая свою слабость, не могли прекращать эти раздоры. Это дало Головину основание в 1840 году отобрать Самурзакань от Дадиана и поручить ее управление русскому приставу. Дадиан обжаловал это распоряжение и просил если не возвращение Самурзакани, то, по крайней мере, вознаграждения и за лишение значительных выгод. По ходатайству кн. Воронцова в 1845 году Дадиану было выдано единовременное вознаграждение в 25 тысяч рублей»[1].

Таким образом, небольшой раздел, подготовленный Лаврентьевым и посвященный историческому прошлому Самурзакани, в котором настойчиво утверждается, что она «прежде принадлежала Мингрелии»[2], не дает объективной исторической картины. В то же время верно объяснена причина, по которой Самурзакань получила статус отдельного от Абхазии приставства, а именно — оспаривание территории между мегрельскими и абхазскими владетелями.

Лаврентьев приводит данные о расстояниях между Самурзаканью и другими населенными пунктами, о наличии дорог и станций почтовых маршрутов, которых тогда было всего три — Анаклия, Гагида и Гудава. Имеются также сведения о повозочных и вьючных дорогах, соединявших Самурзакань с горными и прибрежными

---

[1] [*Эсадзе С. С.*]/ Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. / сост. редактор Военно-исторического отдела Окружного штаба Семен Эсадзе. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. С. 107–108.

[2] *Лаврентьев А. Н.* Указ соч. С. 20.

частями губернии. Относительно климата автор сообщает, что Самурзакань делится на две части — равнинную и гористую. Климат первой он находит схожим с климатом Рионской долины (сырой, влажный), а вторая характеризуется умеренным летом, но суровой морозной зимой. Показательно, что Лаврентьев, относя население Самурзакани по происхождению к грузинскому племени, нигде не называет этническую принадлежность этих людей, как это делается им в отношении мегрельцев или сванов, и всюду обозначает их только по названию местности. Объяснения же этой особости у автора весьма туманны: «От влияния исламизма, утвердившегося здесь со времени владычества турок, и от других различных обстоятельств, самурзаханцы получили особенный характер и составляют как бы особое племя, число душ коего, обоего пола, по сведениям за 1851 год, простирается до 16 000 слишком»[1]. На самом деле в Самурзакани влияние Турции было не больше, чем в Мегрелии. Сравнительно же с другими частьями Абхазии влияние турок на самурзаканцев, было еще меньше. Более того, Лаврентьев далее сам опровергает приведенное выше утверждение. О религии жителей Самурзакани он пишет: «Верования самурзаханцев представляют странную смесь христианских обрядов с язычеством и магометанством, которое распространилось в этой части Закавказья в начале прошлого столетия, во времена владычества турок на восточном прибрежье Черного моря. Впрочем, к числу последователей исламизма принадлежат преимущественно туземные дворяне; простой же народ до сих пор еще держится языческих обрядов и верований, весьма общих с абхазскими…»[2].

Далее автор пишет о наличии в Самурзакани 13 церквей, находившихся в составе Мегрельской епархии; отмечает, что имеет место процесс обращения в

[1] Там же. С. 75.
[2] Там же. С. 134.

христианскую веру жителей, в том числе из среды князей и дворян. Согласно приводимой им ведомости, в этих церквах было 20 священнослужителей и 12 церковнослужителей. При этом автор не описывает церкви Самурзакани, как он это делает в отношении некоторых других провинций, относящихся к Кутаисской губернии.

Относительно нравов жителей Самурзакани Лаврентьев использует довольно резкие выражения: «В отношении образа жизни, нравов и обычаев весьма похожи на мингрельцев; впрочем, они значительно грубее и невежественнее их. Князья и высшее дворянство, по понятиям и в домашнем быту, нисколько не отличаются от простого народа. Господствующий язык в крае мингрельский; но живущие ближе к абхазской границе говорят по-абхазски»[1].

По поводу формы правления Самурзаканью автор отмечает, что ею управляет военный пристав, при котором «учрежден словесный суд, состоящий из четырех диван-беков и одного письмоводителя». Пристав обязан управлять в соответствии с обычаями, разбирать возникающие различные внутренние распри и тяжбы. До 1847 г. служба пристава вознаграждалась с процента, изымаемого с разбираемого дела. Но такой порядок был признан «неудобным и даже вредным» и был заменен на оплату из казны.

Обращает на себя внимание то, что в целом сообщаемые Лаврентьевым сведения о Сумурзакани и ее жителях по своему объему значительно уступают информации о других народах — мегрельцах, сванах и др. Это также говорит об относительно поверхностном знакомстве автора с этим регионом.

Труд Лаврентьева «Кутаисское генерал-губернаторство…» в качестве приложения содержит отдельные разделы, в том числе «Краткое статистическое описание Абхазии и Цебельды» — 40-страничный текст, включаю-

[1] Там же. С. 187.

щий исторический и географический очерки, сведения о путях сообщения, климате, природе, промышленности, внешней и внутренней торговле, верованиях, нравах и обычаях, гражданском быте жителей. Не все части данного сочинения по своему содержанию равнозначны. Некоторые из них отличаются скрупулезной информативностью, другие же поверхностны или заимствованы у предшественников. В своем историческом обзоре Лаврентьев, подобно многим другим, ограничился изложением известных сведений об Абхазии. Так, пишет, что в глубокой древности эта страна называлась Иниохией (Гениохией. — *В. А.*) и что с прибытием сюда греков она «оживилась торговой деятельностью; строились города». Упоминает древние города — Диоскурию, Никопс (Анакопию) и Питиус. Взаимоотношения между древнегреческими колонистами и местным населением Лаврентьев рассматривает в целом как благожелательные. «Взаимные и общие выгоды, — пишет он, — породили тесную связь между туземцами и пришельцами, и, несмотря на случавшиеся распри и ссоры, абхазцы неоднократно доказывали грекам свою преданность»[1]. Далее отмечается, что Абхазия, попав «под власть всемирных завоевателей» в лице «непобедимого Рима», начинает приходить в упадок. Это утверждение Лаврентьев основывает на письменных свидетельствах древнеримского автора Плиния. В последующие пять веков нашей эры Абхазия, уже под названием «Абасия», «принадлежала Лазике, подчинявшейся Византии». Но в VI в. абасги изгнали лазских правителей и избрали двух своих царей, что встретило сопротивление Византии, которая «силою оружия» привела к покорности и подчинила их византийским императорам. Данное обстоятельство, по мнению автора, имело весьма благоприятные последствия. Говоря о значимости Абхазии в тот период, Лаврентьев уточняет ранее высказанную мысль: «В VII веке она является уже

[1] Там же. С. 239–240.

весьма сильною в Западном Закавказье и подчиняет своей власти большую часть Лазики. Абхазские цари в VII, VIII и IX столетиях управляют уже всею западною частью Закавказья, которая носит название Абхазии»[1]. Далее говорится об объединении Абхазии и Грузии в одно царство, о распаде последней и подпадании под власть Турции. Обо всем этом сказано чрезвычайно кратко, без подробностей. Более детально Лаврентьев останавливается на современной истории — вхождении Абхазии в состав Российской империи, показывая коллизии, имевшие место при принятии князем Георгием (Сефербеем) Чачба-Шервашидзе сана владетельного князя и российского подданства. Упоминает автор и о восстаниях 1821 и 1824 гг., которые рассматриваются им как следствие турецких происков. После Адрианопольского мирного договора, заключенного между Российской и Османской империями, все побережье Черного моря переходило во владение России, гарнизоны русских военных были размещены в Бамборе, Пицунде и Гагре, после чего, по мнению автора, в Абхазии наступило умиротворение, «принося для страны благодетельные плоды благоустройства и спокойствия».

Слабые стороны труда Лаврентьева «Кутаисское генерал-губернаторство…» объяснимы. Автор не ставил перед собой задачу широкого освещения исторического прошлого абхазов. В целом начертанная им цепь исторических событий, с учетом уровня научных знаний того времени, вполне удовлетворительна. Вместе с тем в работе встречаются отдельные фактические погрешности, на которые стоит обратить внимание. Так, история Лазики начинается с конца IV в. (395 г. н. э.); поэтому некорректно писать об Абхазии в составе Лазики, входящей в I–V вв. в Византийскую империю. Преувеличенными являются и рассуждения об искоренении политических неурядиц после 1830 г. — со ссыл-

[1] Там же. С. 240.

кой на «обстоятельства последней войны» (Крымской 1853–1856 гг. — *В. А.*). Имеющиеся многочисленные документы не отражают такой однозначной оценки исторической ситуации. Вместе с утверждениями о достойном поведении владетельного князя Абхазии Михаила встречается немало и таких, где поведение его во время войны характеризуется как двоякое[1].

Ценность раздела, посвященного физической географии края, обусловлена перечнем рек, горных вершин и описанием их отрогов. Отметим, что в отличие от своих предшественников, которые ограничивались перечислением нескольких наиболее крупных рек, Лав-

[1] Опубликованные документы по этому вопросу носят противоречивый характер. По одним донесениям (ген. Н. А. Реада, ген. В.О. Бебутова), действия владетеля оцениваются позитивно и даже содержат просьбу: лишившемуся доходов от карантинно-таможенных сборов, владетельному дому «за преданность и усердие» производит выплату 12 тыс. руб. Владетель Михаил Шервашидзе принял решение пожертвовать эту сумму «на военные надобности». Император, в свою очередь, «соизволил разрешить принять сие пожертвование». Другие же донесения (ген. Н. Н. Муравьев) говорят об обратном, находя «двуличное поведение против нас и турок» в действиях владетеля, не имеющего «искренней привязанности ни к одной стороне» и желающего «сохранить свое владение… [он] считает вправе держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта е. и. в.» (См.: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов: в 3 т. /сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. С. 412, 422, 431–434). Со временем в правительственных кругах России возобладало второе мнение, что предрешило судьбу владетеля Михаила — отстранение его от власти, что во многом послужило причиной последовавших драматических событий. Справедливости ради нужно отметить, что «двусмысленное» поведение князя Михаила было вынужденным. Собственных военных сил для отражения турецкой агрессии у него не было, а расквартированные в Абхазии русские гарнизоны были эвакуированы на другие участки фронта.

рентьев называет 24 реки, в том числе и не столь большие. Из озер упомянут лишь Инкит. Лаврентьев еще раз подтверждает сложившееся мнение о преимуществах Сухумского рейда перед другими, расположенными на Черном море. Эти преимущества он видит в том, что здесь вода никогда не замерзает и возможно круглогодичное плавание судов. Недостатками рейда названы: излишняя его глубина и неровность морского дна. Но эти слабые звенья порта, по мнению Лаврентьева, легко устранимы, и «выгоды Сухум-Кальского рейда вскоре доставят ему большое значение в Черноморской торговле»[1].

Состояние путей сообщения в крае отмечено Лаврентьевым как плохое; перечислены почтовые маршруты из Сухума в Редут-Кале с указанием станций Кодарской (Кодорской. — *В. А.*), Дгамшинской, Гудавской, Гагидской, Анаклии и расстояния между ними. Что касается территории, расположенной к западу от Сухума, то здесь имелись повозочные дороги в Бамбору, Пицунду, Гагру и землю джигетов. Также имелись сообщения от Сухума к крепости Марамба и далее в Цебельду. Есть информация о вьючных дорогах и горных перевалах (Доу, Ахбырц), через которые можно было перейти на северную плоскость Кавказа, а также о тропинках, ведших в Цебельду и Самурзакань.

Климат Абхазии Лаврентьев в целом находит обладающим «весьма губительными свойствами» из-за продолжительных дождей и влажности. При этом он отмечает, что юго-восточная часть «пользуется более умеренным и здоровым климатом». Наиболее распространенными болезнями названы: горячка, лихорадка, цинговая болезнь и воспаление глаз, а наиболее болезненными населенными пунктами — Пицунда, Бамбора и Сухум-Кале, т. е. те места, где были расквартированы русские военные гарнизоны.

---

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 245.

В разделе, посвященном флоре и фауне, говорится о том, что страна отличается «весьма сильной и богатой растительностью». В большом количестве имеются породы деревьев, пригодные для кораблестроения. Перечислены некоторые фруктовые деревья; из числа хлебных растений названы только кукуруза и пшеница. Приводится перечень диких животных и птиц, «составляющих предмет охоты», а также домашних животных (лошади, рогатый скот, овцы, небольшое количество ишаков), которые, по мнению Лаврентьева, «довольно плохих пород».

В числе полезных ископаемых края — серебро-свинцовая руда в разных местах, минеральные и земляные породы (точильный камень, плитняк, жерновой камень, разного рода глина, известь, мел и проч.). Лаврентьев высказывает надежду на то, что «ископаемое богатство страны еще ожидает исследователей», ибо, «сколько можно предположить по общему геологическому устройству хребта, здесь скрыты большие сокровища»[1].

Торговлю в крае автор считает неразвитой. Причину этого видит в «невежестве и лености» населения, как следствия, долгого нахождении «под игом турок». Следует возразить Лаврентьеву относительно пренебрежительного отношения абхазов к торговому ремеслу. Во-первых, основной деятельностью турок в Абхазии была как раз торговля. Но, главная причина заключалось в том, что в основе неприятия абхазами торговли лежали религиозно-нравственные представления народа, а не «беззаботность и грубая лень», как пишет автор. По представлениям абхазов, имущество и достаток являются результатом Божьей милости и затраченного труда. Они могли быть исключительно для удовлетворения и поддержания жизнедеятельности человека, но никак не предметом торговли с целью обогащения. Поэтому, в силу исторических реалий (тревожная жизнь) и миро-

[1] Там же. С. 250.

воззренческих установок, абхазы в своей хозяйственной деятельности исходили из того, чтобы выращенные и произведенные продукты были достаточными для поддержания семьи и приема гостей. Производство продуктов в качестве товара, предназначенного для продажи, рассматривалось как признак жадности. Поэтому только в редких или в самых жизненно необходимых случаях абхазы прибегали к торговым операциям. При этом предметом торговли не могли быть продукты, выращенные для пропитания.

Автор выделяет Сухум-Кале, Келасуры и Очамчиры как места, где имелись базары для совершения внутриторговых операций, куда «туземцы приносят свежие плоды, домашнюю живность, звериные шкуры, немногие произведения сельских промыслов, пригоняют скот и проч.». Относительно внешнеторговой деятельности Лаврентьев дает более подробные сведения. Он, в частности, пишет, что внешняя торговля производится исключительно через Сухум-Кале, который начал «принимать участие в Черноморской торговле только с 1832 года, когда здесь была открыта таможенная застава и дозволен приход торговых судов из-за границы»[1].

В то же время он уточняет, что до 1845 г., когда был дозволен беспошлинный привоз турецких мануфактурных товаров, торговля здесь была незначительной. После этого Сухум был возведен в ранг портового города (1846), и в 1848 г. здесь начала функционировать «первоклассная таможня», стимулировавшая постепенный рост заграничного торгового оборота. В книге помещена «Ведомость о движении судоходства при Сухум-Кальском порте» за 1832–1852 гг., показывающая число прибывавших и убывавших судов, ежегодно совершавших заграничную, каботажную торговлю. Эта ведомость показывает, что в целом торговля имела тенденцию к росту. Так, если в 1832 г. общее число прибывших в порт

[1] Там же. С. 255.

судов достигало 53, а отплывших 51, то в 1852 г. эти цифры достигли 585 и 589 соответственно. Ценность привозимых товаров увеличилась с 1038 руб. до 184,964 руб., а отпускных товаров — от 15 358 руб. до 47,075 руб. Если в 1832 г. сумма таможенных сборов составляла 548 руб., то в 1852 г. она достигала уже 24 428 руб.

В 1847 г. был также открыт торговый порт Очемчиры, охарактеризованный автором как «весьма неудобный» и не имеющий «выгодной якорной стоянки». Тем не менее, туда ежегодно прибывало до 175 судов по каботажной торговле и около 45 по заграничной торговле из турецких портов. Предметами вывоза названы пальмовое и ореховое дерево, сырые кожи, кукуруза, воск, мед, рыба, рыбий жир, масло. Импорт составляли: бумажные, шелковые, полушелковые и шерстяные изделия, турецкий сафьян, табак, соль, разные вина и др. Суда (кочерма, баркасы), ходившие между портами, оценены как «быстрые на ходу», «менее подверженные различным бедствиям». Размер платы за их фрахтование зависел от времени года и расстояния между Сухумом и городами: Константинополем, Трабезонтом, Батумом, Редут-Кале и Керчью.

Взгляд Лаврентьева на хозяйственную деятельность абхазов является несколько упрощенным и поверхностным. Так, он утверждает, что «туземцы нисколько не заботятся об улучшении собственного быта, а пользуются лишь тем, что дает им природа и что достается им почти без всякого труда»[1]. Доля правды в этих словах автора действительно была. Но суть была в другом. Абхазы не стремились благоустраивать и улучшать свой быт по причине тревожной жизни: набеги со стороны враждующих племен и партий, военные экспедиции по усмирению, когда российские войска нередко подвергали уничтожению целые села. В этих условиях не приходилось думать о постройке нового дома, богатом его

[1] Там же. С. 251.

убранстве. Весьма спорной представляется суждение Лаврентьева, что абхазы пользуются дарами природы, не прикладывая труда. Такой взгляд вольно или невольно низводит народ до животной первобытности. Вся мировоззренческая и ценностная система этического кодекса абхазов основывалась как раз на преодолении биологических инстинктов. Человека, неспособного к их преодолению, называли «животным», «скотиной» («драхуп»).

Абхазы достаточно хорошо знали свойства и особенности окружавшей их природы. Это позволяло им жить с ней в гармонии, вести хозяйство, выращивая и производя наиболее подходящие по климатическим условиям и необходимые для жизнеобеспечения продукты.

Нередко Лаврентьев противоречит себе. Так, в отношении скотоводства пишет: «Все выгоды состоят в удовлетворении собственных потребностей; они получают от стад своих: молоко, сыр, шерсть, а иногда употребляют мясо в пищу, особенно при жертвоприношениях»[1]. Стало быть, все-таки выращивают, т. е. вкладывают определенный труд, а не пользуются дарами природы, как говорилось выше. Подробнее останавливается на «выгодном промысле» — «собирании дикорастущего винограда». Здесь автор неоригинален. Он относится к числу бытописателей, утверждавших, что абхазы не разводят фруктовые сады как таковые, а пользуются плодами дикорастущих деревьев. Действительно, в Абхазии не было окультуренных садов-плантаций европейского типа, но это не свидетельствует об отсутствии садоводства как такового. Опровергал подобного рода взгляды абхазский этнограф Ш. Д. Инал-ипа: «Вопреки утверждениям некоторых дореволюционных авторов, абхазы не просто пользовались готовыми дарами девственной дикой природы, но занимались издавна культурным садовод-

[1] Там же. С. 251.

ством, насколько это позволяли земледельцу условия времени»[1].

Еще более определенно высказывается по вопросу земледелия в Абхазии Р. К. Чанба. На основе многих источников (архивных, печатных и полевых) он убедительно показал, что абхазы в описываемый период «не просто пользовались дарами природы», что «они издавна были знакомы с таким важным приемом в области плодоводства, как искусство прививки, без которого немыслимы культурные сады»[2]. Данный автор опровергает распространенное, и идущее от незнания агрономии, мнение об использовании абхазами дикорастущих деревьев, но и не идеализирует патриархальность. Чанба также ссылается на мнение специалистов по сельскому хозяйству данной исторической эпохи (М. Балласа, И. Клингена, С. И. Пушкарева и др.), в работах которых подтверждаются наличие садоводческой культуры у абхазов и специфика разных сторон их хозяйственной деятельности вообще. Приведены сведения М. Балласа о возделывании в Абхазии в XIX в. до 60 сортов винограда с перечислением названий большинства из них. Такое количество разновидностей аграрной культуры говорит о ее широком возделывании. По всей видимости, некоторых бытописателей, незнакомых с агрономией, вводило в заблуждение то, что в Абхазии были распространены преимущественно «высокоствольные» сорта, достигавшие 25 и более метров[3]. Выводы базировались лишь на визуальных наблюдениях, создававших иллюзию «дикости» виноградной лозы, как и других фруктовых деревьев. На самом деле число сортов фруктовых деревьев, дававших съедобные плоды без специальной обработки (заготов-

[1] *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960. С. 159.

[2] *Чанба Р. К.* Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 56.

[3] Там же. С. 51.

ки саженцев или прививки), было весьма ограниченно. Поэтому нельзя принимать на веру утверждения авторов о якобы исключительном использовании абхазами дикорастущих деревьев.

Ценными в работе Лаврентьева являются статистические данные о населенных пунктах, где выращивался виноград. Таковыми он называет окрестности Бамборы, Чабалуха, Окошказма, Обусха, Трубчи, Калануха, Ацы, Анухва и Псырта. Несмотря на то, что названия в основном искажены, понятно, что речь идет о селах, расположенных между Лыхны и Сухумом. Только в Соуксу (Лыхны) имелось до 20 тыс. виноградных кустов, а в остальных — от 10 до 15 тыс. корней. В восточной части Абхазии автором выделены Дранды и Кодор, где, по его данным, имелись от 7 до 10 тыс. корней винограда. Если сложить эти цифры, то получается, что в Абхазии в то время выращивалось от 104 до 170 тыс. корней винограда. Хотя цифры эти приблизительны, поскольку относятся только к садовым плантациям и не учитывают количество виноградных корней в индивидуальных хозяйствах, они служат ориентиром, показывающим, что виноградарство имело в Абхазии широкое распространение. Приводятся сведения и о количестве изготовляемого вина. Лаврентьев показывает цифру 50 тыс. ведер и тут же добавляет: «По мнению сведущих людей, количество это могло бы простираться до 120 000 ведер»[1]. Сбыт вина преимущественно производился внутри страны, вывоз его за ее пределы незначителен, цена весьма умеренна. Относительно промышленного виноделия автор сообщает, что оно как таковое начинает свою историю с 1836 г., когда промышленники из Мегрелии обустроили два завода. Поскольку начатое дело пошло успешно, то к 1852 г. насчитывалось уже одиннадцать таких заводов. Отмечено, что «эта отрасль хозяйства находится преимущественно в руках нету-

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 51.

земных промышленников, но все же служит оживлением деятельности населения»[1].

В работе Лаврентьева имеется краткая информация и о некоторых других видах хозяйственной деятельности. Автор подчеркивает, что среди местного населения наибольшее распространение имеет пчеловодство, тогда как шелководство — в незначительных размерах. Столь же незначительное место занимает и «звериный», т. е. охотничий промысел. Этот тезис, равно как и утверждение Лаврентьева об отсутствии рыболовства в Абхазии, вступает в противоречие с данными других авторов, утверждающих, что эти отрасли занимали важное место в народной жизни. Отмечено и отсутствие лесной промышленности, «несмотря на огромные лесные богатства».

Лаврентьев приходит к заключению, что природные богатства Абхазии все еще остаются неосвоенными. Причину, по своему обыкновению, видит в «невежестве и лености населения». Но и здесь находим авторскую оговорку: «В виде оправдания туземцев можно сказать, что начала настоящей гражданственности, обеспечивающей достояние каждого и побуждающей к благородному труду, положены в слишком недавнее время»[2]. В данном случае используемые автором выражения «гражданственность» и «благородный труд» являются типичными шаблонами, не несущими реального смысла. Нельзя утверждать, что абхазы в то время не жили по правилам «гражданственности», если под этим понимать внутреннюю организацию общества. Ими был выработан поведенческий кодекс, который регламентировал поступки человека в различных ситуациях. То же самое касается и «благородного труда». Свою жизнеспособность абхазы поддерживали в основном своим трудом, производя необходимый набор про-

[1] Там же. С. 253.
[2] Там же. С. 254.

довольственных продуктов. Имевшие место набеги и воровство во имя славы не определяли хозяйственную деятельность в целом.

Следующая глава книги — «Жители Абхазии» — состоит из вводного очерка и двух разделов, посвященных верованиям и гражданскому быту абхазцев. Лаврентьев констатирует этническую однородность страны: «Население Абхазии состоит почти исключительно из абхазцев, принадлежащих по своему происхождению к абазинскому племени, населяющему большую часть восточного прибрежья Черного моря»[1]. Приводит некоторые этнонимы, применявшиеся в разные исторические эпохи для обозначения абхазов (древние греки — авогасы или абасги, грузины — абхазеты, горские племена — бзыбь). Самоназвание же им передано как «абсуа» и «абдзне». В данном случае имеет место искаженное их воспроизведение, с некоторыми вариациями, заимствованное из трудов более ранних авторов. Заметим, что используемое автором слово «абдзне» является не самоназванием, а названием страны; правильная его форма — «Апсны».

Далее Лаврентьев, со ссылкой на рукописные материалы Ф. Торнау, опубликованные позднее под заглавием «Воспоминания кавказского офицера» (1864), приводит статистические данные о населении Абхазии в 1836 и 1839 гг. Современную же численность населения он определяет приблизительно в 70 тыс. душ, оговаривая, что точных данных нет.

В разделе о верованиях абхазов Лаврентьев лаконично передает легендарную историю проникновения христианства в Абхазию, отмечая, что до этого абхазцы были язычниками и «боготворили свою роскошную природу, поклоняясь дубам». Среди христианских просветителей назван лишь апостол Андрей Первозванный, после проповеди которого «язычники ниспровергли своих

[1] Там же. С. 259.

кумиров и начали строить христианские храмы»[1]. Также в качестве доказательства успешного распространения в регионе христианского учения автор напоминает об учреждении в Никопсе (близ Псырсты) епархии, подчеркивая значительное влияние Византии в этом вопросе. Отмечено, что при Юстиниане в «стране было построено несколько храмов, в том числе храм во имя Божией Матери в Пицунде»[2]. Названы еще сохранявшиеся церкви в Соуксу и Илори.

История религиозного состояния абхазов изложена Лаврентьевым весьма сумбурно, хронологически непоследовательно и отрывочно. Даже учитывая обзорный характер раздела, поверхностное представление о материале очевидно. Так, наряду с Андреем Первозванным не упомянут другой апостол — Симон Кананит, который, по преданию, после мученической кончины был погребен здесь, в Абхазии (в Псырдзхе — Новом Афоне), и на месте его гибели после утверждения христианства был возведен храм. Во-вторых, упомянутая автором епархия в Никопсе возникла в более позднее время (сер. VI–VIII вв.). Она была следствием деятельности византийского императора Юстиниана. Первым же церковным институтом на территории Абхазии была епископия в Питиунте (Пицунде)[3].

Возвращаясь к вопросу о вхождении Абхазии в подданство России, Лаврентьев ошибочно указывает 1808 год, а не 1810-й, когда это произошло на самом деле. В религиозном отношении он разделяет абхазов на «православных христиан, магометан и язычников». При этом подчеркивает, что население, «за исключением весьма немногих, проникнуто языческим суеверием

---

[1] Там же. С. 260.

[2] Там же. С. 260.

[3] См.: *Дорофей (Дбар), иеромонах.* История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон: Стратофил, 2005. С. 116, 180.

и даже исполняет различные языческие обряды»[1], ссылаясь на статью С. Званба «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», опубликованную в газете «Кавказ» (1855, № 81–85). Оба автора вкладывают негативную коннотацию в слово «язычники». Приводимый С. Званба фактический материал представляет большой научный интерес, особенно в описании обрядовых действий. Но интерпретация божеств, отвергающая веру в единого Бога-Создателя, неверна. Такой подход, как нами уже отмечалось, является заблуждением, не отражающим суть религиозного состояния абхазов того времени.

Касаясь ислама, Лаврентьев пишет, что он не успел укорениться, что «многие магометане-абхазцы до сих пор следуют некоторым христианским обрядам, смешивая их с языческими». Помимо заимствований из работы С. Званба, у Лаврентьева обнаруживаются текстуальные совпадения и со статей С. Пушкарева «Абхазия и абхазцы», опубликованной в газете «Кавказ» (1854, № 60, 61)[2]. Завершается раздел информацией о том, что в 1853 г. в Абхазии, по данным Осетинской духовной комиссии, имелись «10 православных церквей, при коих состояло 13 священнослужителей и 15 церковнослужителей»[3].

В разделе, посвященном нравам и обычаям абхазов, представляющем пестрый набор различных сведений, Лаврентьев широко использует привычно-казенную фразеологию и ярлыки — *дикость, грубость, невежественность, леность, нерасположенность к честному труду* и т. д., придерживаясь точки зрения, согласно которой абхазы того времени были культурно отсталым

---

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 261.

[2] См.: *Пушкарев С. И.* Абхазия и абхазцы // Абхазия. Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., примеч., коммент. М. и В. Котляровы, Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 198, 201.

[3] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 263.

народом. Такой чрезмерно обобщенный вывод преобладал в бытописательской этнографической литературе XIX в., но были авторы, которые придерживались иной точки зрения. Один из них — Л. И. Мечников — по этому поводу писал: «Большинство ученых подразделяют всех обитателей Земли на две группы: группу исторических, или культурных, народов и группу диких народов — "дикарей", или варваров. Однако при более тщательном изучении народов и их быта мы должны признать, что подобное разделение покоится на слишком неясных определениях, благодаря чему возможны очень грубые ошибки»[1]. Свой подход Мечников объясняет так: «С одной стороны, цивилизация, как бы ни был низок ее уровень, безразлично охватывает все элементарные общественные группы, третируемые с высоты нашего собственного величия как варварские, но с другой стороны, это варварство мы видим всюду; нет ни одного человеческого общества, как бы оно высоко ни стояло по своему культурному развитию, которое было бы свободно от всех пережитков варварства и дикарства»[2].

Авторы высокомерных оценок как-то не замечали, что в их собственной среде «варварское поведение» занимало немалое место. Истории известны многие случаи физического устранения людей, в том числе царей и государственных сановников, народные восстания, революции. Известно также, что широкое распространение имела дуэль как средство выяснения отношений между конфликтующими сторонами — то же убийство, сопоставимое с кровной местью; отличие лишь в том, как все обставлено.

Особенности восприятия чужой культуры рассмотрены выдающимся русским ученым Н. С. Трубецким

---

[1] *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. С. 135. URL: vir/nw/ru/wp-//content/up/oad3/2018/09/tsivilizatsia-i-velikie-istoricheskiereki-filosofia.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

[2] Там же. С. 136.

в работе «Европа и человечество»: «При встрече друг с другом двух представителей максимально различных культур оба они покажутся друг другу смешными, уродливыми, словом — "дикими". Мы знаем, что европеец испытывает точно такие чувства при виде "дикаря", но знаем и то, что "дикари" при виде европейца либо пугаются, либо встречают каждое его проявление взрывами гомерического смеха. Таким образом, представление об элементарности психики "дикаря", о ее близости к детской и к животной психологии основано на оптическом обмане. Этот обман сохраняет свою силу не только по отношению к "дикарям", т. е. к народам, по своей культуре максимально отличающимся от современных романо-германцев, но и ко всем вообще народам с неромано-германской культурой. Разница будет только в степени. При наблюдении над представителем "не нашей" культуры мы будем понимать из его благоприобретенных психических черт только такие, которые имеются и у нас, т. е. связаны с элементами культуры, общими ему и нам. Черты благоприобретенные, но основанные на таких сторонах его культуры, которые не находят себе эквивалента в нашей культуре, останутся для нас непонятными»[1].

Таким образом, можно говорить о разных культурных состояниях, но не о полном отсутствии культуры у второй группы народов, также обладающей культурным арсеналом — в виде традиций, поведенческих норм, хозяйственного уклада, устно-поэтического творчества, отражающих исторический опыт и мировоззренческие принципы. Система образования в виде специальных учебных заведений является одним из основных внешних критериев культурных различий между народами. «Культурные» народы сумели ее создать, благодаря чему произвели структурную дифференциацию внутри обще-

[1] *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 107–108.

ства, развили науки, профессиональные виды трудовой деятельности. В то же время образованной была лишь часть, а не весь народ целиком. Ошибка Лаврентьева и бытописателей, считавших, что у кавказских народов культура отсутствует, заключалась в том, что они не рассматривали народную культуру как основу национальной, исходили из понимания культуры как проявления определенного набора внешних признаков, характерных для привилегированных сословий.

Примеры того, что горцы, называемые в печати «дикарями», не являлись таковыми, можно привести в большом количестве. В случае с Абхазией это наглядно иллюстрируется знаменитой речью крестьянина О. Шамба во время Лыхненского схода в 1866 г. Этот необразованный крестьянин держал речь около 6 часов[1], логически и последовательно аргументируя свою позицию относительно причин возмущения народа. Он достойно и наравне парировал доводам полковника царской армии В. М. Коньяра. Этот факт убеждает в том, что в народной среде встречались мудрые, искусные и мыслящие ораторы с дипломатическими навыками.

Рассуждения о нравах абхазского народа Лаврентьев начинает с утверждения, что «абхазцы, хотя и вышли из состояния совершенной дикости, <…> однако ж находятся еще в довольно грубом и невежественном состоянии»[2]. Этот раздел также страдает эклектичностью, многие положения автора противоречивы. Например, он не видит логического несоответствия между такими взаимоисключающими утверждениями, как, с одной стороны, «весьма ленивы и беспечны, будучи избалованы богатой природой их страны», а с другой стороны — «небольшое поле и огород дают вдоволь кукурузу, гоми и разные овощи, а дикорастущие деревья — различные плоды; многочисленные стада доставляют молоко, сыр, а также

[1] *Куправа А. Э.* Из истории абхазской традиционной культуры. М.: 1998. Кн. 1: Народные сходы. С. 43.

[2] *Лаврентьев А. Н.* Указ соч. С. 264.

материалы для одежды»[1]. Перечисленное Лаврентьевым все было результатом труда, а сам процесс производства весьма трудоемким, требовавшим определенных хозяйственных навыков и времени.

Общая характеристика нравственного облика народа передана следующим набором противоречивых качеств: «Отличаются воинственностью, хотя не в такой степени, как их соседи, гостеприимны, но горды, мстительны, суеверны, нерешительны, непостоянны и подозрительны, при этом весьма ленивы и беспечны, будучи избалованы богатой природой их страны»[2]. Тенденциозен автор и в утверждении, что «абхазец смотрит на свою жену как на работницу, на которую возлагает большую часть трудов по домашнему и даже полевому хозяйству, дочерей же считает почти лишней роскошью и тягостью»[3]. Лаврентьев не увидел у абхазов традиции разделения труда в семье — на мужской и женский. Между тем в обязанности мужчин входило ведение всех видов полевых работ и садоводство, а за женщиной были уход за домом, огород и приготовление еды. Положительные оценки в этом разделе труда Лаврентьева в основном относятся к женской половине общества: «Абхазские женщины отличаются безукоризненною чистотою нравов и верностью своим мужьям», «несмотря на то, что на них лежит вся тягость домашних и полевых работ, одеваются гораздо опрятнее мужчин» и т. д. Нейтральная тональность сопровождает рассказ о гостеприимстве абхазов: «За исключением покровительства преступников, — гостеприимство следует отнести к светлой стороне абхазских народных обычаев»; но тут же автор почему-то добавляет: «Отличающихся большею частью незавидными свойствами». Упомянут также и «варварский обычай»[4] кровомщения. Автору не симпатичны даже песни и танцы абхазов, песни он на-

[1] Там же. С. 264.
[2] Там же. С. 264.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 265.

ходит «мрачными и однообразными», а «пляски производятся под грустные звуки упомянутого припева и хлопанья в ладоши и отличаются отсутствием грациозности и ловкости»[1]. К положительно освещенным моментам в разделе можно отнести описание одежды, которую в то время носили абхазы, и отдельных праздников.

Близкие оценки встречаются в работе И. Бларамберга, находившего, что абхазы «безграмотны, жестоки, недоверчивы и мстительны»[2]. Столь враждебное отношение можно объяснить, скорее всего, профессионально-служебной деятельностью самих авторов. Они были военными, участвовали в боевых столкновениях с горцами, и потому, естественно, воспринимали их как врагов. Вместе с тем в их работах содержится обширный материал, сохранивший редкие свидетельства о народах Кавказа. Следует согласиться с И. М. Назаровой, оценивающей работу Бларамберга как «заслуживающий внимания исторический источник». Тем не менее, продолжает Назарова, «не следует забывать, что Бларамберг был дворянином по происхождению, а по роду служебной деятельности принадлежал к высшим офицерским кругам Российской империи. Поэтому труд его написан с позиции официальной дворянско-монархической историо-

[1] Там же.

[2] Сочинение Иоганна Бларамберга, состоявшее из двух частей, было завершено в 1835 г. и одобрено высокопоставленными военными деятелями. Несмотря на такие одобрительные отзывы, работа не была опубликована и «рукопись хранилась под грифом “совершенно секретно” и могла быть использована только офицерами Генерального штаба». См.: *Назарова И. М.* Предисловие // *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с франц., предисловие и комментарии И. М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин, 2010. С. 10. Поскольку материалы Генерального штаба служили одним из источников при написании сочинения А. Лаврентьева, то вполне допустимо, что некоторые совпадающие выражения заимствованы из рукописи Бларамберга.

графии и содержит наряду с ценным фактическим материалом ряд тенденциозных оценок и характеристик. <…> Следовательно, используя этот источник, надо относиться к нему критически»[1]. Эти слова в полной мере можно отнести и к труду Лаврентьева.

Объяснение в теоретическом и историческом плане причин разного понимания народами категории культуры дано в работах русских ученых, представляющих евразийское направление. Н. С. Трубецкой, анализируя взаимоотношения «культуры наблюдателя» и «культуры наблюдаемого», убедительно показал, что дело заключается не в отсутствии культуры или ее «элементарности» у последнего, а в восприятии первым ее в качестве таковой. В основе деления культуры на высокую и низкую лежал эгоцентрический предрассудок, т. е. принятие европейской культуры в качестве наиболее передовой и единственно правильной в цивилизационном развитии человечества. Европейская культура в качестве некоего единства, по мнению Трубецкого, сложилась в результате взаимодействия романо-германских народов, чей опыт был воспринят или навязан другим народам. И в России в области образования, науки, искусства при всех специфических отличиях германский след был значимым. Хорошо известны имена многих ученых-кавказоведов немецкого происхождения, которые по приглашению Санкт-Петербургской Академии наук проводили поисковые экспедиции по изучению кавказских народов. Их вклад в российское кавказоведение отрицать невозможно, но вместе с тем они заложили сам взгляд на народы, априори отнеся их к разряду «бескультурных» и «диких». И, тем не менее, следует подчеркнуть, что в Европе и России отношение к колонизируемым народам были различным. В европейском понимании все и вся должны были быть одинаковы, унифицированы, не должно было быть иных взглядов и жизненных принципов, отличных

[1] *Назарова И. М.* Предисловие. С. 12.

от взглядов и принципов колонизаторов. История свидетельствует, что там, где этого невозможно было добиться мирными способами, унификация достигалась силовым путем, вплоть до полного истребления. В качестве примера можно привести рекомендации русскому правительству, даваемые немецким ученым-ориенталистом Ю. Клапротом. Он, называя черкесов «удивительным» народом, был против проводимой по отношению к ним «политики милосердия и гуманности, с коими русское правительство, конечно, не будет способно достичь своей цели»[1]. Клапрот советует придерживаться «суровых» методов, как это имело место во времена графа Маркова и князя Цицианова. Политика же России в отношении колонизируемых народов часто бывала переменчивой; «политика кнута» сменялась «политикой пряника». Но по сравнению с европейской политикой она была более гуманной, поэтому, в отличие от Европы, большинство народов, присоединенных к Российской империи, смогли сохранить свое этническое лицо. Сопоставляя отношения Европы и России к колонизируемым народам, В. В. Кожинов констатировал: «Западная Европа с давних времен влекла к себе массу различных племен, и к тому историческому моменту, когда французы, англичане и немцы начали создавать государства, на землях, где воздвигались эти государства, жило великое множество различных этносов, — *кельтских, иллирийских, балтских, славянских* (курсив. — *В. К.*) и т. д. На Западе же многие десятки народов либо вообще исчезли, либо превратились к нашему времени в своего рода этнические реликты. <…> И если уж называть Россию “тюрьмой народов”, то, в точном соответствии с логикой, следует называть основные страны Запада не иначе как “кладбищами на-

[1] *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2008. С. 204, 213.

родов", а потом уж решать, что "лучше" — тюрьма или кладбища...»[1].

Возвращаясь к труду Лаврентьева, необходимо отметить, что автор, несомненно, прав, когда низкое качество жизни народа непосредственно увязывает с состоянием образования. Постановка вопроса о внедрении просвещения в Абхазии справедлива. Уже имелся пример открытия Сухумской горской школы, следуя которому Лаврентьев видит возможность учреждения школ в Сухум-Кале и Соуксу, где воспитывались бы 40 детей туземцев за счет казны.

В заключительную часть труда Лаврентьев вставляет небольшой раздел, озаглавленный «Очерк гражданского быта абхазцев». Акцент сделан на социальную стратификацию общества, показан состав различных слоев населения, их политические и экономические взаимоотношения. Очевидны заимствования и переклички Лаврентьева со статьей К. Чернышева «Еще раз об Абхазии», опубликованной в газете «Кавказ» (1854, № 81–83)[2]. Однако сословное деление общества авторы видят по-разному. Чернышев выделяет три главных класса — крестьян, дворян и князей, и рассмотрены они в его статье в последовательности от низшего к высшему. Лаврентьев добавляет в сословный ряд ашнахума (телохранителей владетеля) и рабов (агыруа), перечисляя их в иерархической последовательности, т. е. от высших к низшим. Характеризует особенности сословий Лаврентьев более кратко, чем Чернышев, останавливается на титуле владетельного князя, что подтверждает вторичность его текста по отношению к статье в газете «Кавказ». У Чер-

---

[1] *Кожинов В. В.* Россия. Век XX. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. С. 139–140.

[2] *Чернышев К.* Еще об Абхазии // Абхазия. Страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., примеч., коммент. М.И. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 202–204.

нышева читаем: «Князья владетельного дома не имеют никакой собственности, а *зависят вполне от ласк и внимания владетеля* Абхазии; пользуются только от народа особыми наружными знаками уважения, целованием пол их платья и т. п. <…> Владетель — это *неограниченный* властитель Абхазии: слово и ум его — закон для всей страны. От *личного* характера и отношений его к соседям зависит влияние его на народ и соседей и отношения их к Абхазии. Обязанность его — судить и рядить всех абхазцев по существующим обычаям. Власть владетеля не распространяется только на жизнь его подвластных, потому что смертная казнь не существует в Абхазии. Однако и тут отец нынешнего владетеля переступил свою власть, казнив за непослушание и неповиновение двух князей из фамилии Дзапш-ипа. Народ не только не роптал на эту меру, как на меру необходимости, но и все влияние этой фамилии, прежде сильной и влиятельной, ныне совершенно уничтожилось совершившимся над ее членам наказанием…»[1]. Приведенную цитату сравним с текстом Лаврентьева, где сказано: «Владетельный князь носит титул Ах, и есть, по-видимому, *неограниченный* владетель страны. Но власть его зависит более от личных его достоинств и от того влияния, которое он приобретает на народ. Сильные по своим поместьям князья и дворяне часто представляют значительное противодействие даже благим предначертаниям Владетеля, который не всегда решается бороться с необузданностью своих подвластных. <…> Князья существуют двух родов: из них первый составляют члены фамилии Шервашидзе, большей частью небогатые и *вполне зависящие от милости Владетеля*»[2]. Курсивом обозначены совпадения, подтверждающие, что Лаврентьев пользовался текстом Чернышева, внося в него некоторые стилистические изменения и дополнения содержательного характера.

[1] Там же. С. 203–204.

[2] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 268.

Кроме того, Чернышев допустил ошибку, сообщая об отце владетеля как о «переступившем свою власть» и казнившем двоих. На самом деле это было совершено не отцом, а дедом владетеля Михаила — Келешбеем. В тексте Лаврентьева к словам, что владетель «не всегда решается бороться с необузданностью своих подвластных», дана сноска: «Впрочем, бывали случаи, что весьма значительные лица княжеских фамилий были казнены за непокорность и буйство». По-видимому, у Лаврентьева была информация о неточности приводимого Чернышевым факта, и он постарался преподнести его в обтекаемой форме. В дополнение к Чернышеву Лаврентьев при характеристике княжеского и дворянского сословий перечисляет некоторые фамилии.

В заключительной части Лаврентьев дословно копирует текст Карлгофа о проведенном владетелем Михаилом в 1846 г. народном сходе по пресечению обычаев кровомщения, по вопросу об укрывательстве преступников, со ссылкой на закон гостеприимства, и об учреждении медиаторских судов. Тот факт, что ссылка на первоисточник отсутствует, дает основание отнести труд Лаврентьева к разряду компиляторских.

Глава, посвященная Цебельде, состоит из вступительной части и двух разделов — с географическим описанием территории и очерком о народонаселении. Во вступлении Лаврентьев отмечает основные вехи недавней истории: «В прежние времена Цебельда входила в состав Абхазии, но впоследствии мало-помалу отделилась от нее и образовала самостоятельное владение, состоящее из обществ, управляемых князьями, преимущественно из абхазской фамилии Маршаниев. Долгое время цебельдинцы оставались вполне самостоятельными, занимались грабежем, тревожили соседей своих, абхазцев, и вели борьбу с соседними горскими племенами. Но в 1837 году они изъявили покорность Русскому правительству и приняли русского военного

пристава, местопребывание которого назначено в укр. Марамбе»[1]. Далее следует рассказ о непростых взаимоотношениях цебельдинцев со своими соседями и с русской администрацией, следствием чего стали военные экспедиции 1840 и 1843 гг. «Таким образом, Цебельда в настоящее время образует *Цебельдинское приставство*, управляемое военным приставом, под главным начальством Кутаисского Генерал-Губернатора»[2], — подытоживает автор.

На самом деле, когда в 1810 г. Абхазия в лице владетеля Сафар-бея была принята под покровительство Российской империи, «цебельдинские князья Маршаны отказались быть покорными России и не признали над собой владельцем Сафар-бея»[3]. Здесь уместно добавить, что тогда не только Цебельда, но и другие части Абхазии (Псху, Аибга, Садзен, в некоторой степени Самурзакань) оказались вне ее пределов. Получалось так, что Абхазия — это только та часть, где распространялась власть владетельного князя. Если учесть, что взаимоотношения между владетелем, родственниками и отдельными князьями носили враждебный характер, то картина исторической действительности становится незавидной. Нельзя сказать, что не было понимания ущербности такого положения. Но принимаемые меры по устранению сложившегося положения носили исключительно военный характер. Такой подход вряд ли был способен привести к положительному результату, а наоборот, усугублял и без того сложные взаимоотношения, что в итоге и происходило.

В географическом очерке Цебельды, составленном по рекогносцировкам офицеров Генерального штаба и Корпуса географов, описывается ее местоположение и

---

[1] Там же. С. 271.

[2] Там же. С. 272.

[3] *Дзидзария Г. А.* Завоевание Абхазии царской Россией // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2006. Кн. 3: Из неопубликованного наследия. С. 31.

границы, перечислены горы, хребты, отроги, реки, пути сообщения, произрастающие растения и обитающие животные. Сказано о здоровом климате Цебельды, который складывается благодаря хребтам, защищающим местность от северных ветров. Отмечена даже внутренняя разница климатических условий: юго-западная часть отличается сухой атмосферой, а северо-восточная — большей влажностью. Особое внимание Лаврентьев уделяет путям сообщения, которые находятся «в первобытном состоянии», и немногим вьючным путям, представляющим пешеходные тропы[1]. Он указывает четыре пути, ведущие к перевалам, говорит об опасностях, которые могут встретиться. И далее: «Все эти неудобства путей дают некоторое понятие о тех трудностях и опасностях, с которыми сопряжены сообщения в стране. Но сами цебельдинцы, по-видимому, нисколько не затрудняются этими недостатками: они большею частью ходят пешком и отличаются при этом чрезвычайной быстротою и неутомимостью; весьма часто цебельдинцы делают до 40 верст в сутки, нося при себе при этом значительные вьюки»[2].

В разделе о жителях, населяющих Цебельду, отмечено, что они «принадлежат к одному племени с абхазцами, а именно к абазинскому, говорят почти тем же языком и имеют в общих чертах те же обычаи»[3]. Это утверждение автора нуждается в уточнении, ибо многие авторы XIX в. не различали абхазов и этнически родственных им абазин, проживавших на северном склоне Кавказа. Они к тому времени были отдельным этносом со своим языком, тогда как язык цебельдинцев был говором, в крайнем случае — диалектом абхазского языка[4].

Также Лаврентьевым представлены сведения о том, как Цебельду и цебельдинцев именуют соседние

---

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 274.

[2] Там же. С. 275.

[3] Там же. С. 276.

[4] *Чирикба В. А.* Абхазский язык // Абхазы / отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. 2-е изд., испр. М.: Наука, 2012. С. 37.

горские имена. Распространенное среди горцев название «Херпыс Куадж», по мнению автора, «весьма верно определяет образование страны и происходит от имени Херпыса Маршания, родоначальника отрасли абхазской княжеской фамилии Маршаниев, переселившихся в эту дикую страну из Абхазии»[1]. Заметим, что абхазское название местности — Цабал, в русской огласовке — Цебельда. Поскольку история этого региона во времена Лаврентьева не была изучена, автор называет его «дикой страной». На самом деле Цебельда имела большую и богатую историю. Она в течение восьми веков нашего летоисчисления упоминается в византийских и арабских письменных источниках. Цебельда, занимая в географическом плане важное стратегическое перевальное место, играла заметную роль в политической жизни того периода. Об этом говорят руины раннехристианских храмов, крепостных сооружений, обнаруженный исследователями богатый археологический материал. Все это свидетельства высокого уровня жизни населения[2]. Более поздние времена изучены недостаточно; судить о них предположительно можно лишь по устным преданиям.

В труде Лаврентьева вскользь упомянуто о раздорах между кланами фамилии Маршан, в результате чего один из них переселился в Дал. Об одном из таких случаев повествуется в поэме И. А. Когониа «Как Маршаны истребили друг друга». Поэма основана «на достоверных событиях, случившихся <…> в роду князей Маршан»[3], как сказано в «Очерках истории абхазской литературы». Эту прямую связь выявил в своих исторических коммента-

---

[1] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 276–277.

[2] См.: *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. Древняя Апсилия // Ю. Н. Воронов Труды: в 7 т. / гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2010. Т. 3; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми: Алашара, 1986.

[3] Очерки истории абхазской литературы / под ред.: Х. С. Бгажба, Ш. Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1974. С. 47.

риях к поэме Ш. Д. Инал-ипа, обратившись к различным фольклорным и письменным источникам[1].

Народный образ жизни цебельдинцев Лаврентьев описывает в свойственной ему нелицеприятной манере, характеризуя население края как людей, ведущих «самый дикий образ жизни», не знающих «никаких промыслов», отличающихся «суровостью нравов, дикостью и глубочайшим невежеством»[2] и т. д. Хозяйство, по мнению Лаврентьева, находится «в самом жалком состоянии», «сеют кукурузу и просо, а отчасти и пшеницу, которые водятся с успехом, но недостаток пахотных полей и невежество жителей мешают, развитию хлебопашества… пользуются фруктовыми деревьями и устраивают небольшие огороды». Столь же низко оценивает животноводство. Завершает Лаврентьев очерк о Цебельде безрадостно: «Много нужно времени и усилий, чтобы это население вышло из того дикого состояния, в котором теперь находится». Уместно заметить, что ни в этом труде Лаврентьева, ни в других сочинениях об Абхазии, в которых утверждаются «дикость» и «невежество» населения, нет конкретных предложений к исправлению столь мрачной ситуации.

В разделе с описанием городов и замечательных мест Лаврентьев выделил города Кутаис, Редут-Кале, Сухум-Кале, Ахалцих, Озургеты, Ахалкалаки, а также местечки Они, Шаропань и укрепление Поти.

Сухум-Кале представлен как прежняя турецкая крепость, построенная в 1725 г. и взятая русскими войсками в 1810-м. В 1831 г. в ней был открыт порт для торгового мореплавания, а с 1846 г. Сухум возведен в степень портового города, с предоставлением важных льгот. Как пишет Лаврентьев, «по причине весьма удобного рейда, лучшего на всем восточном берегу Черного моря, торговля Сухум-Кале стала быстро развиваться», и есть

[1] См.: *Инал-ипа Ш. Д.* Когда полыхал огонь в Дальском ущелье. Исторические комментарии к одной поэме И. Когониа // Алашара. 1980. № 11. С. 113–120; (на абх. яз.)

[2] *Лаврентьев А. Н.* Указ. соч. С. 277.

надежда, что «со временем достигнет весьма значительных размеров»[1]. Здесь же указаны географические координаты расположения города, названы имеющиеся в нем церкви. Приведены данные о количестве зданий: их общее число достигало 165, из которых каменных — 11, остальные турлучные и деревянные; число лавок достигало 37. Общая численность постоянно проживавшего населения не превышала 300 человек. Автором перечислены функционировавшие в городе правительственные учреждения: управление военного начальника, городская полиция, карантинно-таможенное правление, ратуша, обладающая «правами уездного, словесного и совестного судов», училище, ботанический сад, «имеющий назначение служить рассадником лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и различных экзотических растений»[2]. Сообщено о статьях городского дохода. В заключение автор вновь выражает надежду, что торговое значение Сухума возрастет, «если осуществится предположение провести через горы прямое сообщение с Пятигорском»[3].

Книга А. Лаврентьева содержит хронологическую таблицу исторических событий и наиболее важных правительственных постановлений, относящихся к Кутаисской губернии. В ней Абхазия непосредственно упомянута 9 раз. Имеется также раздел дополнений и примечаний к основному тексту сочинения. В отношении Абхазии здесь уточняющей информации немного, в основном она касается плохого состояния дорог и необходимости прокладки новых; количество населения Абхазии и Цебельды дополнено данными из работы А. П. Берже.

В заключительной части дается таблица городов и некоторых населенных пунктов, с указанием числа жителей и расстояния до них от Кутаиса, Тифлиса и Мо-

[1] Там же. С. 286.
[2] Там же. С. 286.
[3] Там же. С. 287.

сквы. В этой таблице наряду с Сухумом обозначены села и местечки Абхазии, Цебельды и Самурзакани: Дранды, Келасур, Окум, Очемчиры. Сведения о численности населения приведены в таблице только по Дранде. Книга снабжена алфавитным внушительным списком исторических лиц и географических названий.

Подводя итог, можно сказать, что отношение к труду Лаврентьева может быть двояким. Большую ценность он представляет в той части, где содержатся современные автору статистические данные, сведения о состоянии различных объектов (городов, дорог), хозяйственной деятельности (торговли) и т. д. Этого нельзя сказать о тех частях, где автор склоняется к чрезмерно обличительным оценкам населения разных регионов Кутаисской губернии, и в особенности Абхазии и Цебельды. Примечательно, что Лаврентьев упрекал французского путешественника Ж. Шардена в связи с его описаниями мингрельцев: «О нравственных свойствах мингрельцев Шарден говорит в слишком резких выражениях, и нам кажется, что здесь несколько замешено пристрастие»[1]. Этим же недостатком страдает текст самого Лаврентьева. Несмотря на предвзятое отношение к туземцам, Шарден, будучи путешественником, в своих записях отражал личные впечатления в соответствии с его оценочными стереотипами. Лаврентьев же, как отмечалось выше, в основном пользовался канцелярскими документами и литературными источниками. Таким образом, можно полагать, что отсутствие опыта и, возможно, цензурные соображения, которыми он мог руководствоваться, наложили определенный негативный отпечаток на несомненно ценный в целом труд.

* * *

Источником разнообразных сведений об Абхазии является книга А. П. Берже «Краткий обзор горских пле-

[1] Там же. С. 175.

мен на Кавказе»[1], в частности ее небольшая глава под названием «Абхазское племя. (Азега)».

Ее автор — известный российский исследователь Кавказа, историк-востоковед, археограф, археолог Адольф Петрович Берже (1828–1886). Достаточно подробная информация о его жизни и деятельности содержатся в словарях Брокгауза и Ефрона[2], С.А. Венгерова[3] и в «Русском биографическом словаре»[4]. А. Берже происходил из эмигрировавшего в Россию французского дворянского рода. Родился в Санкт-Петербурге, воспитывался в пансионе Цапинтини и реформатской школе. После смерти отца, лектора французского языка Санкт-Петербургского университета, воспитывался в Гатчинском сиротском институте. По окончании института поступил на восточное отделение Санкт-Петербургского университета. По окончании курса восточной словесности университета со степенью кандидата, был отправлен чиновником в Канцелярию кавказского наместника М.С. Воронцова. С 1851 по 1874 гг. находился при наместниках М. С. Воронцове, Н. А. Реаде, Н. Н. Муравьеве-Карском, А. И. Барятинском и великом князе Михаиле Николаевиче. Он дважды — в 1853–1854 и 1855 гг. — отправлялся в исследовательских целях в Персию, где посетил много городов; совершал

---

[1] [*Берже А. П.*]. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника Кавк., 1858. 46 с.

[2] См.: Берже (Адольф Петрович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1892. Т. III-а. С. 530–531.

[3] См.: Берже, Адольф Петрович // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1892. Т. III. С. 79–81.

[4] *Рудаков В.* Берже, Адольф Петрович // Русский биографический словарь. Издан под наблюдением Пред. Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.: Гл. Управление уделов, 1900. Т. II. С. 739–740.

поездки с научной целью в Дагестан и Мингрелию. Берже считается одним из крупнейших деятелей, внесших неоценимый вклад в кавказоведение. С 1864 г. до конца жизни он оставался председателем Кавказской археографической комиссии. В Словаре Брокгауза и Ефрона подчеркивается: «Из многочисленных трудов Берже, относящихся до истории и древностей, главным образом народов Кавказа и народов Востока, самым главным следует признать изданные под его редакцией 11 томов "Актов, собранные Кавказской Археографической Комиссией Главного управления наместника Кавказского" Тифлис, 1866–1886)»[1]. При жизни Берже было издано десять томов АКАК (1866–1885), а после его смерти — еще два тома: 11-й (1888) и 12-й (1904).

Берже написал и издал большое количество работ о народах Кавказа, других зарубежных восточных стран и военных деятелях на Кавказе: «Чечня и чеченцы», «Кавказ в археологическом отношении», «Этнографическое обозрение Кавказа», «Присоединение Грузии к России», «Отрывки из путешествия в Персию в 1853 — 54 годах», «О народных праздниках, постах и замечательных днях у мусульман-шиитов и вообще у персов в особенности» и т.д. Кроме изданий, выходивших непосредственно на Кавказе, он активно публиковался и в столичных изданиях — «Русской старине», «Живописной России» и др. Подробная информация о публикациях Берже содержится в статье о нем в словаре С.А. Венгерова[2]. Берже был разноплановым исследователем. «Русский биографический словарь», в частности, счел нужным подчеркнуть: «Не лишена также значения деятельность Берже по изучению произведений персидской литературы; особенно ценен его персидско-французский словарь. Кроме того, Берже доставил Академии наук немало новых материалов для лингвистических исследованию по аварскому

[1] ЭСБЕ. Указ. соч. С. 530.

[2] *Венгеров С. А.* Указ. соч. С. 80–81.

наречию (после путешествия по Дагестану), по языкам: чеченскому, осетинскому и удинскому»[1].

Берже был членом Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества и Кавказской Археографической Комиссии, которые он возглавлял в качестве правителя и председателя соответственно. Он состоял также в Обществе любителей кавказской археологии; был государственным чиновником — действительным статским советником (с 1868) и тайным советником (1886). Его плодотворная деятельность и многолетняя служба были отмечены государственными наградами, был кавалером многих орденов[2].

Многие из его работ выходили отдельными оттисками, в том числе и рассматриваемая нами работа «Краткий обзор горских племен на Кавказе». Эта книга содержит следующие главы: «Абхазское племя. (Азега)», «Сванеты», «Черкесское племя. (Адиге)», «Убыхи», «Тюркское племя», «Осетинское племя», «Чеченское племя», «Тушины, пшавы, и хевсуры», «Лезгинское племя. (Дагестан)».

Очерк Берже об Абхазии ценен, прежде всего, тем, что сообщаемые им сведения о современном ему состоянии и событиях являются достоверными. Этого нельзя сказать о его рассуждениях по поводу исторического прошлого абхазского народа. Правда, автор делает оговорку, что «о стране, известной ныне под названием Абхазия, мало сохранилось преданий и почти никаких исторических данных»[3]. Справедливо отвергая основанные на преданиях версии о египетском или же армянском происхождении, Берже, в то же время, почему-то ставит под сомнение утверждение Броневского о том, что «абхазцы то самое племя, которое в летописи Нестора встречается под именем Обези»[4]. Достоверными Берже считает при-

[1] *Рудаков В.* Указ соч. С. 740.
[2] *Венгеров С. А.* Указ. соч. С. 81.
[3] *Берже А. П.* Указ. соч. С. 6.
[4] Там же.

водимые в византийских письменных источниках сведения, которые сообщают о занимаемой абхазами территории (от Сихии до Сотириополиса), о принятии ими христианского вероучения при императоре Юстиниане (550 г.). Заключительная же часть исторических данных, где сказано о том, что абхазы «впоследствии подпали под власть Чингисханидов, а около конца XIV в. были в рядах ополчения Тимир-Хана против Баязета»[1], и вовсе страдает надуманностью. Известно, что Абхазия не входила в число непосредственно завоеванных монголами районов и была ими включена в состав округа (думена), «во главе которого был утвержден Цотне Дадиани». В период опустошительных войн в Закавказье, совершенных среднеазиатским завоевателем, Тимур-ленгом (Тамерланом), также «территория собственно Абхазии не пострадала», а ее владетели вели перманентные войны за независимость с мингрельскими Дадианами.

Берже предлагает следующее деление «абхазского племени»: абхазцы, самурзаканцы, цебельдинцы, садзен; последние в свою очередь подразделяются на псху, ахчипсоу, айбуга, цандрыпшъ, Кечба, Аредба, Цвиджа. Автор, как и С. М. Броневский, в состав абхазских племен включает абазин с их родовыми подразделениями. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия перечисляемым подразделениям абхазских племен даны по географическому принципу (самурзаканцы, цебельдинцы и т. д.) или по фамильным родам (Кечба, Аредба, Цвиджа). За исключением самурзаканцев, все перечисленные ветви абхазского народа были вынуждены покинуть родину и переселиться в Османскую империю. Отсутствие их на исторической родине породило научную дискуссию по поводу их этнической принадлежности. Некоторые исследователи стали относить их к адыгским племенам. Однако собранный на месте их нынешнего проживания лингвистический и этногра-

[1] Там же.

фический материал неоспоримо свидетельствует о том, что, все они являлись абхазскими субэтносами; языком их общения служил единый для всех абхазский язык, при наличии определенных, весьма несущественных, диалектических различий и говоров.

Автор снабжает текст лаконичной, но информационно насыщенной справкой о территории проживания «абхазского племени» (в некоторых случаях с описанием местности), политическом и внутреннем устройстве, взаимоотношениях с владетельским домом и отношением к русской власти, а также предпринимаемыми действиями последней касательно местного населения. В информационной справке «Абхазцы. Абсуа» сказано, что они занимают прибрежное пространство между реками Ингур и Бзыбью. В данном случае самоназвание абхазов автор дает в несколько искаженном виде (вместо апсуа — абсуа); налицо, как и в случае с Броневским, озвончение п / б. Берже отмечает, что «Абхазия управляется туземным владетелем из древнего рода Ач (Шарвашидзе), который при содействии Русского Правительства, имеет большое влияние на народ»[1]. В данном случае неверным является указанное название фамильного рода владетелей Абхазии. Абхазская форма фамилии — не Ачба, а Чачба. Существующая историческая литература пока не дает окончательного и ясного ответа по поводу генеалогии названных автором княжеских родов. Неоспоримым пока является то, что Ачба были предшественниками Чачба, о чем может свидетельствовать абхазская пословица: «Не сказав Ачба, нельзя говорить Чачба», т. е. по времени происхождения первенство принадлежит фамилии Ачба. Не углубляясь в имеющие место дискуссии об упоминании в грузинских письменных источниках Чачас-дзе или Шарвашис-дзе, отметим, что и в русских энциклопедических изданиях по поводу этой фамилии встречаются различные, порой прямо противополож-

[1] Там же.

ные точки зрения. В этой связи важным представляется мнение одного из самых известных деятелей и представителей фамилии, художника А. К. Шервашидзе, записавшего в своей книге следующую реплику: «В Абхазии не называют Шервашидзе, а Чачба. Абхаз всегда скажет Александр Чачба, Георгий Чачба. Шервашидзе же называют нас грузины…».

Берже включает в свою книгу сведения о расположенных в Абхазии русских укреплениях (Сухум-Кале, Бамборы, Пицунда и Гагры), где расквартированы военные гарнизоны. Автор считает нужным отметить, что проживающее на этой территории общество Гуми (Гума), в силу «неопределенности отношений владельцев к владетелю порождает иногда несогласие», а саму местность называет «притоном беспокойных людей, отваживающихся на беспорядки и хищничества». Упоминает он также и об экономической жизни, которая заключается лишь «в продаже пальмового дерева в Турцию и винограда грузинам и армянам»; считает, что земледелие и скотоводство развито мало. Важным считает отметить, что население «податей нашему Правительству никаких не платит» — при том, что Абхазия находилась в составе Российской империи на протяжении почти полувека.

Самурзаканцы, по сообщенным Берже данным, проживают между реками Охури (Охурей) и Ингуром. Нестыковка границ при определении мест проживания «абхазцев» и «самурзаканцев» (указанная автором территория первых охватывает и территорию проживания вторых) объясняется политическими отношениями между Абхазией и Мингрелией. Имели место случаи, когда данная территория, будучи «предметом спора между владетелями», в результате военных операций присоединялась к Мингрелии. Всему этому был положен конец в 1839 г., когда совершилось присоединение Самурзакани к российским владениям, а в 1840 г. «последовало Высочайшее повеление о причислении ее к

землям, состоящим в непосредственном ведении Правительства»[1].

Самурзаканцев Берже характеризует как «совершенно покорных, несмотря на свой воинственный характер», но в то же время отмечает, что они «не отвыкли еще от мелкого воровства и разбоев». Они не обложены податью. Важным свидетельством Берже, касающимся этнического состава данного региона в описываемый период, являются сведения о том, что самурзаканцы — племя «однородное с абхазцами». Здесь же сообщается, что построенные крепости в Илори и Анаклии были упразднены, «так как особенной необходимости в них не представлялось»[2].

Сведения о цебельдинцах включают описание местности («гористая и трудно проходимая»); данные об управлении этим районом князьями Маршания, берущими свое начало от родоначальника Херпса. Здесь же историческая справка о том, что Цебельда покорилась правительству России в 1837 г. и в настоящее время управляется приставом. Однако Цебельда оставалась неспокойным регионом и в последующие годы. В 1842 г. было принято решение устроить в верховьях реки Кодор военное поселение из 200 семейств; это предложение «удостоилось Высочайшего утверждения».

Представленные Берже сведения о составе садзов (абх. — садзуа), их локализации содержат важные историко-этнографические данные и представляют вполне достоверную информацию для составления этнографической карты того времени. В состав Садзен (Садзуа или Джигеты) Берже включает следующие этнографические группы: псху, ахчипсоу, айбуга, цандрыпш, Кечба, Аредба и Цвиджа (Бага). Первые три племени занимают исключительно горные пространства, Цандрыпш включает в себя и горные, и прибрежные районы, а Кечба и Аредба

[1] Там же. С. 7.

[2] Там же.

проживают на побережье. Так, Псху Берже располагает в верховьях рек Бзыба и Меджиты, а Ахчипсоу — в верховьях рек Псху и Мдзымты, Айбуга — между Псху и Бзыбом, Цандрыпш — с берега моря до устья реки Хашупсе, Кечба — между реками Мзымта и Хашупсе, а Аредба — между Мзымтой и Хостой. В пределах между обществами Ахчипсоу и Аредба локализовано общество Цвиджа и Бага — «два небольших общества, не имеющие самостоятельности, потому что состоят из пришельцев и людей свободного состояния» и «находятся под сильным влиянием убыхов, а в особенности князей Берзеков»[1].

Автор дает характеристику каждой из этих групп сквозь призму их отношений к русскому правительству. Отмечаются нестабильность этих взаимоотношений, проявления частой сменяемости изъявлений покорности на возмущения. Показаны также и примеры отношения этих обществ к той части Абхазии, которая находится под управлением владетельного князя. Так, племя Псху «весьма склонно к хищничеству и производит торг пленными, забираемыми преимущественно в Абхазии»; Айбуга — «разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии». Берже вводит важную информацию о том, что из всех этих обществ три — Псху, Ахчипсоу и Айбуга — «известны у черкес, живущих на северной стороне Кавказских гор, под общим именем Медовеевцев, которые ведут с ними открытую вражду»[2].

В сведениях Берже содержатся характеристики отдельных особенностей обществ. Об ахчипсоуцах сказано, что «они отличаются духом воинственным, отважным», о цандрыпшцах — «покорность их ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей — убыхов», о Кечба и Аредба — «расположены к покорности, но удерживаются страхом убыхов и ахчипсоу»[3]. Как государственный чиновник, заинтересованный в реализации

[1] Там же. С. 9.
[2] Там же. С. 8.
[3] Там же.

плана присоединения Кавказа, проводимого Российской империей, Берже включает в свое повествование сроки рекомендательного свойства. В частности, он считает необходимым приведения к покорности ахчипсоу, потому что это «может решить вопрос о покорности всего племени Садзуа, и откроется путь в землю Убыхов»[1]. Автор излагает некоторые сведения о княжеских родах, которые управляли этими обществами; в Цандрыпше таковыми были князья Цан[2] (или Цанбеев), во входящей в нее части Хышха — князья Аншбадзе[3], а общества Кечьба[4] и Аредба[5] получили свои названия от княживших там фамилий.

Говоря об имевших место миграционных процесах Берже, в числе прочих, отмечает: «Последними по времени переселенцами были абазинцы, переходившие постепенно, в течение столетий из Абхазии, через горные перевалы на пространство между рр. Тебердою и Белой и образовавшие впоследствии самостоятельные общества: Там, Башилбай, Баракй, Баго, Кизылбек, Шегрей, при Кубанских и Кумских абазинцев»[6]. В главке об убыхах сказано, что они «говорят адыгским языком, но многие из них и из черни, находясь по топографическому своему в соседстве с абхазцами говорят свободно и на языке последних»[7].

В целом Берже в своем очерке «Абхазское племя» дает объективную картину состояния народа в описываемый период. Показана картина фрагментации этноса на большое количество мелких сообществ. Этот процесс

---

[1] Там же.

[2] Полный вариант фамилии Цанба/Цандба. См.: *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 161.

[3] Правильно — Анчабадзе; абхазская форма — Ачба.

[4] Правильно — Гечба.

[5] Более правильной формой, вероятно, является Арыдба.

[6] *Берже А. П.* Указ. соч. С. 14.

[7] Там же. С. 23.

был следствием длительного исторического кризиса, вызванного как внешними, так внутренними причинами, и протекал в течение нескольких столетий. Распад на мелкие части некогда целого этнического и политического организма может говорить лишь о несостоятельности, близорукости подавляющего большинства владетелей Абхазии и различных квазикнязей, не сумевших выбрать политически верные ориентиры, мобилизовать и настроить свой народ на творческо-созидательную деятельность. Бесконечные распри между различными княжескими кланами и междоусобицы привели к ослаблению и расстройству государственно-управленческих механизмов, упадку нравов и социальному и культурному коллапсу. Чрезмерная культурная замкнутость, отсутствие системы образования и просвещения усугубляли отставание от прогресса и приводили к угрозе потери исторической перспективы на существование. Выбранная модель жизнедеятельности носила ситуативный характер и не могла быть конкурентоспособной в эпоху быстрого развития. Никакая неорганизованная «воинственность» и высоконравственная народно-бытовая культура и этикет, и даже «собственные оригинальные нормативно-правовые системы» сами по себе не могли быть гарантией сохранения своей идентичности в свете тех политических и геополитических процессов, которые имели место в этот период. Говоря иначе, из-за политической близорукости, отсутствия ярко выраженной стратегии развития и внутреннего управления лицами, в чьи обязанности входило решение этих государственных задач, Абхазия была оторвана от мирового цивилизационного процесса, о чем красноречиво может свидетельствовать рассмотренный очерк А. П. Берже.

Несмотря на то, что автор дает этнографический обзор большого количества горских народов Кавказа и их субъэтнических подразделений, он отдает себе отчет в том, что его работа далека от полноты. Поэтому он завершает ее таким образом: «В завершении не могу не

заметить, что предлагаемый очерк есть первая попытка в своем роде, а потому нельзя придавать ему никакой положительной важности. Пусть только он послужит скромным, но посильным вкладом в собрание актов для изучения кавказских народностей. Изучения, составляющего предмет многолетних ученых трудов и исканий. На этом убеждении я обращаюсь ко всем знатокам дела с просьбою, сообщить мне свои замечания и дополнения об этом предмете; они будут приняты с живейшей благодарностью и послужат к исполнению к восполнению недостатков, которые неизбежны в трудах подобного рода, по чрезвычайной сложности и неразработанности этого предмета»[1]. Понимание того, что прошлое и настоящее кавказских народов исследованы были весьма поверхностно и мотивировало А. П. Берже, реализации амбициозного издания — «Актов Кавказской Археографической Комиссии».

[1] Там же. С. 45–46.

Глава II. Абхазия в трудах русских авторов 1860-х — 1880-х гг.

Общеизвестно, что Россия, в течение XVIII–XIX вв., став одной из великих мировых держав, не ограничивалась достижениями во внешнеполитической сфере. Одной из примечательных черт культурно-исторического развития Российской империи в XIX в. был продолжившийся дух просвещения во всех областях. «Необычайный взлет отечественной культуры в первой половине XIX в. позволил назвать это время ее *золотым веком*», — констатируют современные историки[1]. Утверждение, что Россия успешно постигала и окружавший ее мир и себя, не будет ошибочным. В течение века страна совершила мощный рывок и вышла на передовые позиции во многих областях интеллектуальной деятельности, в том числе в просвещении, образовании и науке. Доказательство тому — непрерывный рост числа учебных и научных учреждений[2], а также периодических и книжных изданий.

---

[1] *Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А.* История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. М.: Проспект, 1999. С. 255.

[2] Иоанн Восторгов в речи, произнесенной на торжественном акте Елисаветопольской гимназии (октябрь 1896 г.), приводит факты, показывающие значительное расширение сети учебных заведений. «В 1954 году, к концу царствования Императора Николая Павловича, — говорит он, — учебная статистика М<инистерства> н<ародного> пр<освещения> представляется в следующем виде: 6 университетов, 4 423 средних и низших учебных заведения, и в числе их 3 лицея и 84 гимназии, 9013 учащих и 220 083 учащихся. Число учащихся в школах других ведомств — около 100 000. Цифры эти относятся к Российской Империи без Польши и Финляндии». Только по линии духовных учреждений функционировало: 4 академии, 50 семинарий, 240 духовных училищ и свыше 7 тыс. начальных училищ при церквах и монастырях. Восторговым приведена также динамика количественного увеличения некоторых учебных заведений: число сельских школ увеличилось с 3 до 7 тыс.,

В издававшемся с 1834 г. «Журнале Министерства народного просвещения» на протяжении 30 лет публиковались библиографические сведения об изданиях, выходивших в пределах России, — с указанием места издания и языка, на котором они печатались. Такие библиографические сведения были представлены в обозрениях научных трудов; также в «Журнале Министерства народного просвещения» размещались аналитические обзоры наиболее значимых и интересных периодических изданий, и печатавшихся на их страницах статей. Так, в 1833 г. в России на русском языке выходило 45 газет и журналов, из которых 12 газет и 7 журналов были правительственными, а остальные 26 (10 газет и 16 журналов) принадлежали разным обществам (8) и частным лицам (17)[1].

Безусловно, количественный рост книжных и периодических изданий является убедительным показателем глубинных процессов, происходивших в образовательной сфере, и свидетельством потребности в них в связи с распространением грамотности, увеличением числа образованных людей.

Своеобразие историко-культурного процесса в России заключалось также и в том, что имело место издание книг, журналов и газет не только на русском языке, но также на европейских языках и языках народов Российской империи.

Представляют интерес сведения, сообщенные Я. Неверовым: «Россия, вмещая в себе многие племена, от-

---

гимназий — с 48 до 74 и уездных училищ только в Петербургском учебном округе с 89 до 172. Говорит он также об отрытых в это время институтах, функционировании библиотек и т. п. (См.: *Восторгов И. И.* Деятельность Императора Николая I на пользу просвещения России и, в частности, Кавказского края // *Восторгов И. И.* (Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов). Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 4. С. 45, 66 и др.).

[1] *Краевский А.* Обозрение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 100.

личные от коренного ее народа нравами, обычаями, языком и даже литературою, имеет еще значительное число газет и журналов, издаваемых на других языках, отчасти иностранных, отчасти же таких, кои не можем назвать совершенно иностранными, потому что ими говорят целые племена, обитающие в пределах обширной нашей империи, а некоторые и нигде, кроме оной, не употребительны»[1]. Далее автор перечислил сами издания, которых оказалось не многим меньше периодики, выходившей на русском языке: всего 41 наименование. Из них: на немецком — 23, французском — 5, латышском — 4, польском — 3, английском — 2, итальянском — 1; остальные были двух- или трехъязычными. Заметим, что с течением времени количество изданий на языках народов, входивших в состав России, не сокращалось, а всегда имелась тенденция к их численному увеличению. К началу 1860-х гг. количество периодических изданий увеличилось настолько, что объем «Журнала Министерства народного просвещения» не позволял посвящать им отдельную рубрику. Как следует из библиографического приложения к журналу, в 1860–1862 гг. в России выходили следующие периодические издания: официальные разных ведомств (19), духовные (24), ученые, технические и специальные (89), губернские ведомости (52), литературно-политические (32), литературные (31), юмористические (3), периодические издания для детей (13), смесь (художественные, музыкальные, народные и другого рода) (23). Таким образом, общее количество изданий достигало 286. Но и эта цифра не отражала реальную картину, поскольку не учитывала сведения о «периодических изданиях, разрешенных в 1860, 1861 и 1862 гг., которые еще не выходили в свет»[2]: полити-

[1] *Неверов Я.* Обозрение газет и журналов, издаваемых в России на разных языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. С. 105–106.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 4. С. 68–77.

ческие — 1, литературные — 16, ученые, технические и специальные — 5, другого содержания — 5.

Приведенные факты о культурном развитии России XIX в. подтверждают определение, данное Н. А. Бердяевым, охарактеризовавшим это столетие как «век мысли и слова…», когда страна сделала выбор «эсхатологический к конечной цели»[1]. Реализация таких масштабных задач, имевших эпохальное значение, требовала максимального напряжения физических, духовных и интеллектуальных сил. Современный исследователь Н. А. Бондаренко формулирует эти задачи так: «Осмысление пройденного исторического пути, сохранение собственной идентичности, возрождение самобытного характера русской культуры, расширение информационного поля “на окраинных землях” и др. — эти задачи призван был решить XIX век»[2].

Самопознание предполагало определение своего места в историческом прошлом и настоящем, для чего необходим был сбор и анализ разнообразнейшей информации, начиная с географических, исторических, этнографических, статистических, культурных сведений и заканчивая преобразованиями в сфере национального творчества. Заодно требовалось и изучение народов, территории которых тем или иным способом были включены в состав империи. В число регионов, на которые обращался взор русских авторов, входила и Абхазия.

***

1862 год занимает особо важное место в истории Абхазии. В том году увидела свет книга барона П. К. Услара

---

[1] *Бердяев Н. А.* Русская идея // Н. А. Бердяев. Судьба России. Книга статей. М.: Эксмо, 2007. С. 377.

[2] *Бондаренко Н. А.* О национальном самосознании русского человека (по материалам переписки Я. К. Грота (1812–1893) и П. А. Плетнева (1792–1865) // Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.», 13–15 октября 2020 г. Тезисы докладов / отв. ред. А. В. Гулин. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 25.

«Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык», во многих отношениях, положившая начало научному изучению абхазского языка. В отличие от предшествовавших отдельных публикаций, чаще сравнительного плана, Услар представил «подлинно научное и обстоятельное описание», он же создал «первую грамматику абхазского языка»[1].

Петр Карлович Услар по роду военной службы — инженер, но благодаря своим природным талантам он стал выдающимся кавказоведом — лингвистом и этнографом, исследователем языков и обычаев горских народов Кавказа. Услар родился в 1816 г. в имении Курово Тверской губернии. Окончил Третью Санкт-Петербургскую гимназию (1833), Главное инженерное училище (1836). В 1837 г. был командирован в Отдельный Кавказский корпус батальонным сапером. Принимал участие в военных экспедициях в Дагестане. В 1840–1843 гг. обучался в Императорской военной академии в Санкт-Петербурге. По окончании был направлен в Отдельный Сибирский корпус, где принял участие в экспедиции против султана Кенесары Касымова. В 1845–1849 гг. Услар занимался составлением военно-статистического описания Тверской и Вологодской губерний. В 1849 г. участвовал в Венгерском походе. С 1850 г. вновь был направлен на Кавказ, где прослужил 25 лет. Составлял военно-статистическое описание Эриванской губернии; в Крымскую войну (1853–1856) был начальником штаба Гурийского отряда Отдельного Кавказского корпуса, затем служил в Кутаисском генерал-губернаторстве в чине полковника, в 1862 г. ему было присвоено звание генерал-майора.

В 1858 г. на Услара было высочайше возложено составление истории Кавказа. Убежденный в том, что «дельное изучение какого-либо народа без знания языка его немыслимо», Услар приступил к изучению кав-

[1] *Чирикба В. А.* Абхазский язык // Абхазы // отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 2012. С. 24.

казских языков. Результатом его титанической работы, наряду с лингвистическими исследованиями, стало создание письменности для нескольких кавказских народов. Лингвистические труды Услара состоят из семи книг (монографий): «Абхазский язык» (1862, 1887, 2002), «Чеченский язык» (1863, 1888), «Аварский язык» (1889), «Лакский язык» (1890), «Хюркилинский язык» (1892), «Кюринский язык», «Табасаранский язык» (1979). Вклад Услара в развитие лингвистической науки оценивается очень высоко, как прорывной во многих отношениях. «Описание Услара отличают документальная точность и языковая интуиция. В эпоху практически безраздельного господства европоцентристского взгляда на структуру языка и отсутствия общелингвистической терминологии его описания дают вполне объективное представление о структуре описываемых языков. Так, при описании фонетических систем кавказских языков он — при отсутствии понятия фонемы в современной ему лингвистической теории — пришел, по сути дела, к фонематическому их представлению»[1], — пишет А. Е. Кибрик.

Необходимо также отметить, что разработанный Усларом алфавит использовался впоследствии при издании книг на разных языках Кавказа. Были выпущены буквари на абхазском, сванетском, кабардинском, чеченском, аварском, казикумухском, кюринском языках, а также еще несколько книг, содержавших фольклорные и познавательные материалы. В предисловии к своей книге об истории изучения им абхазского языка Услар написал: «В продолжение шести недель занимался я беспрерывно с тремя абхазцами, из числа которых двое понимали и объяснялись довольно хорошо по-рус-

[1] *Кибрик А. Е.* Услар, Петр Карлович // Энциклопедия Кругосвет. URL: htts: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/USLAR_PETR_KARLOVICH (дата обращения: 13.09.2021).

ски»[1]. Сам тот факт, что только за два месяца Услар сумел освоить весьма сложный для всякого европейца абхазский язык, говорит о его уникальных природных способностях. Книга «Абхазский язык» была издана литографическим способом и состояла из 302 страниц рукописного текста. Позже, уже после смерти автора, в 1887 г., труд был переиздан типографским способом М. Р. Завадским, окружным инспектором Кавказского учебного округа. В книгу вошли шесть еще статей «педагогического и филологического содержания». Одна из них — «О распространении грамотности среди горцев» — была опубликована в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (1870, вып. 3), пять статей представляли рукописное наследие Услара. Завадский снабдил издание предисловием с биографией Услара и комментариями к публикуемым материалам.

Известны и другие печатные работы Услара, публиковавшиеся в газете «Кавказ», в «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Кавказском сборнике» и «Записках Кавказского отдела Русского географического общества». За книги «Абхазский язык» и «Чеченский язык» (1863) Услару в 1863 г. была присуждена половинная Демидовская премия, а в 1868 г. он был избран членом-корреспондентом по разряду лингвистики историко-филологического отделения Санкт-Петербургской академии наук; с 1850 г. состоял членом Русского географического общества. В 1874 г. Услар, по состоянию здоровья, вернулся в свое родовое имение, где и умер в 1875 г.[2].

---

[1] *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Изд. Управления Кавказского учебного округа, 1887 (репринтное издание, Сухум: 2002). С. 3.

[2] См.: *Завадский М. Р.* Об издании трудов П. К. Услара // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык; *Габуния З. М.* П.К. Услар – исследователь западнокавказских языков (1816–1875) // З.М. Габуния. Научные портреты кавказоведов-лингвистов: из истории лингвистических учений. Нальчик: КБГУ, 1991. С. 13–60.

Работа Услара «Абхазский язык» включает предисловие, двенадцать разделов и словарную часть. Основная часть состоит из алфавита и очерка грамматического строя абхазского языка. Услар базировал абхазский алфавит на русской кириллице с добавлением нескольких латинских и грузинских букв — всего 55 знаков. Автором дано фонологическое описание каждого рассматриваемого звука. В разделе, посвященном грамматическому строю абхазского языка, последовательно рассмотрены части речи: глагол, местоимение, имя существительное, имя прилагательное, наречие, союз и имя числительное. В качестве примеров абхазской речи приведены фольклорные тексты с грамматическим разбором каждого слова: начало одной сказки, басня и три пословицы. В книге имеется словарь, озаглавленный как «Сборник абхазских слов» и «Алфавитный список русских слов с указанием, где отыскать соответствующие им абхазские». Словарь включает 609 слов, в том числе и отдельные словоформы — специфические морфемы абхазского языка: аффиксы, корни, окончания, местоименные показатели, союзы и т. д. Алфавитный список русских слов, по сути, является русско-абхазским словарем, состоящим из 1225 слов. Словарной части книги предпослано небольшое вступление, в котором сказано, что автор не претендует «ни на полноту, ни на отчетливость», но, тем не менее, считает работу «немаловажным приобретением для дальнейшего изучения абхазского языка» и «лептой в сокровищницу всемирного сравнительного языкознания»[1]. Относительно включенных слов автором отмечено, что в их числе «едва ли найдется десяток слов не коренно-абхазских».

Работа Услара заложила основы абхазской письменности, послужила толчком к изданию первых книг на абхазском языке. На основе созданного им алфавита

[1] *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. С. 118.

в 1865 г. был издан первый «Абхазский букварь», а в 1866 г. — перевод «Краткой Священной истории». Обе книги были изданы комиссией под руководством И. А. Бартоломея, в которую входили и абхазы. Творческое наследие Услара — выдающееся явление. По справедливому замечанию Ю. Д. Анчабадзе, «деятельность и творчество П. К. Услара ознаменовали переход к научному этапу русского кавказоведения»[1].

***

К 1860-м гг. относится начало научной деятельности широко известного военного историка Н. Ф. Дубровина. Информация о его жизни и деятельности содержатся в целом ряде публикаций. В частности, сведения о его биографии содержат «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона[2], журнал «Исторический вестник»[3] и «Военная энциклопедия», принятое называть именем ее издателя И. Д. Сытина[4].

Имеется статьи, посвященные ему и в словарных статьях универсальных и отраслевых энциклопедических изданий, а также работы современных историков.

Николай Федорович Дубровин (1837–1904) происходил из старинного русского дворянского рода. Родил-

---

[1] *Анчабадзе Ю. Д.* Услар отстаивал внедрение национальных языков в кавказских школах // Северный Кавказ сквозь столетия (блог Н. Нефляшевой). URL: htts: www. kavkaz-uzel/eu/blods/1927/posts25821 (дата обращения: 13.09.2021).

[2] См.: Дубровин (Николай Федорович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1893. Т. XI. С. 213–214.

[3] Дубровин, Николай Федорович. (Некролог) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. Июль. Т. XCVII. Отд. XVIII. Некрологи. С. 348–349.

[4] Дубровин, Николай Федорович // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред.: К. И. Величко и др. СПб: Т-во И. Д. Сытина, 1919. Т. 9. С. 233.

ся в селе Корытове Псковской губернии. Его отец Федор Николаевич «несколько лет прослужил на Кавказе и принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.[1]. Н. Ф. Дубровин воспитывался в Полоцком кадетском корпусе (1853), военное образование получил в Дворянском полку (позже ставшем Константиновским артиллерийским училищем); с 1856 г. проходил военную службу, а затем окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Был командирован за границу для изучения «военного дела иностранных государств», одновременно находил «возможность для своего любимого занятия — собирания материалов по истории России»[2]. В начале 1860-х гг. Дубровин начал публиковать статьи на военно-исторические темы в «Военном сборнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы».

В круг его обширных научных интересов попадает и Кавказ. В. В. Дегоев и И. И. Стамова объясняют это обстоятельство следующим образом: «Внимание историка всегда привлекали сюжеты, связанные с процессом строительства Российской империи. И тут невозможно было обойтись без Кавказа — одной из важнейших имперообразующих территорий России. Кроме того, интерес Дубровина к Кавказу подогревался тем обстоятельством, что это было самое необычное приобретение империи, уникальное в этнокультурном плане и очень весомое в геополитическом»[3].

Дубровин с 1896 г. до конца жизни редактировал журнал «Русская старина». Июльский номер за 1904 г. открывался заметкой с извещением его смерти, где го-

---

[1] *Дегоев В. В., Стамова И. И.* Николай Федорович Дубровин: о творчестве классика русской историографии // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 10(42). С. 13.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же. С. 15.

ворится о том, что он «ответственно и безукоризненно» выполнял, поставленные перед ним задачи[1].

Кавказской проблематике и, в частности, Абхазии, посвящена книга Н. Ф. Дубровина «Закавказье от 1803–1806 года», изданная в Санкт-Петербурге в 1866 г. На титульном листе обозначено, что она выпущена «за счет правительства и удостоена Совещательным Комитетом Главного Штаба небольшой денежной премии в 500 руб.». Эта одна из первых работ о Кавказе автора, ставшего впоследствии крупнейшим историком-кавказоведом своего времени. Она значительна по объему, включает 25 глав и приложения. После публикаций первых работ о Кавказе Н. Ф. Дубровин в 1869 г. прикомандировывается к Главному штабу для ведения военно-исторических работ. С этого времени вся его дальнейшая жизнь была беспрерывно связана с научным исследованием истории и, прежде всего, Кавказа.

На этом поприще продвигалась его служебная и творческая карьера: в 1878 г. Дубровин был произведен в генерал-майоры, а в 1882 г. назначен членом Военно-ученого комитета при Главном штабе, в 1888 г. произведен в генерал-лейтенанты; в 1886 г. избирается членом Академии наук, где в 1893 г. становится ее секретарем.

Научное наследие Дубровина обширно и многогранно. Им было опубликовано большое количество работ по военной истории: «Восточная война 1852–56 гг. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича», «Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя», «Отечественная война в письмах современников», «Пугачев и его сообщники» и мн. др. Особое место в его научной деятельности занимают труды о Кавказе: «Закавказье от 1803–1806 года» (СПб.,

[1] *Зыков С.* Дубровин Николай Федорович – генерал - лейтенант // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб: Тип. «Общественная польза», 1904. Т. CXIX. Вып. 7–9. Июль. С. 1–2.

1866), «Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России» (СПб., 1867), шеститомная «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1971–1888), а также статьи, опубликованные в периодических изданиях.

Материалы об Абхазии Н. Ф. Дубровин разместил в двух фундаментальных трудах: «Закавказье от 1803–1806 года» и шеститомная «История войны и владычества русских на Кавказе». Они различны по своему характеру и объему.

Одна из глав книги «Закавказье от 1803–1806 года» посвящена описанию военно-политической ситуации в регионе; в ней имеются сведения о враждебных взаимоотношениях правителей Абхазии и Мингрелии, о действиях по их устранению, предпринятых русским военным командованием в лице Цицианова, Литвинова и Рыкгофа. Речь идет о крепости Анаклия, которую в то время занимал абхазский владетельный князь Келеш-бек (Келешбей) и о выдаче мингрельского наследника Левана Дадиани, бывшего у него в то время атаманом. Приводится текст письма кн. Цицианова Келешбею. На основании того, что Мингрелия уже была принята в подданство России, кн. Цицианов заступается за мингрельского наследника и в ультимативной форме требует выполнения предложенных условий: «Итак, последний раз требую настоятельно от вас, чтобы вы, по получении сего, тотчас в безвредном состоянии доставили Левана, сына покойного Григория Дадиана, или статскому советнику Литвинову, или генерал-майору Рыкгофу, и тогда за содержание его получите десять кес, в чем вам словом моим священным удостоверяю. Буде же того не сделаете, или не скоро, то божусь Богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конец дерзостям вашим, о чем уже и приказ дан от меня. Надеюсь, что вы, вопреки твердого союза между двух Империй существующего, не дерзнете более

упорствовать»[1]. Несмотря на угрозы, Келешбей не сразу выполнил требования Цицианова. В то же время, он не довел дело до военного противостояния. По истечении некоторого времени и по получении письма турецкого сановника к нему с просьбой исполнить требования русской стороны, Келешбей выдал Левана добровольно.

Значительно больше информации об Абхазии содержится в книге «Истории войны и владычества русских на Кавказе». В ней Абхазии отведена первая часть второй книги тома I — «Абхазцы (азега)». Она содержит четыре главы: I — «Место, занимаемое абхазцами, и разделение их на отдельные поколения. — Характер местности, занятой абхазским племенем. — Экономический быт населения. — Монетная система, существовавшая у жителей гор. — Климатические особенности страны»; II — «Религия абхазцев и их суеверие. — Праздники. — Джигитовка и народные игры. — Пляски абазин. — Народное суеверие и легенды. — Гадальщицы, ворожеи и знахарки, колдуны, ведьмы и водяные»; III — «Абхазское селение. — Дом. — Одежда. — Абхазская женщина и положение ее в семействе. — Брачные обряды. — Гостеприимство. — Пища. — Семейный быт. — Рождение. — Воспитание и аталычество. — Похороны»; IV — «Сословия, существовавшие в Абхазии. — Права и обязанности владетеля. — Права и обязанности остальных сословий. — Политический строй абхазского племени. — Родовые союзы. — Народные собрания. — Кровомщение. — Народный суд. — Виды преступлений и наказаний. — Военное устройство абазин».

Материал этот по своему содержанию и объему значительный и представляет собой некий концентрированный итог того, что сделано русскими исследователями и путешественниками в области изучения Абхазии. Автор характеризует природно-географическое положение и племенной состав абхазского этноса, религиозное

[1] [*Дубровин Н. Ф.*]. Закавказье от 1803–1806 года. Н. Дубровина. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1866. С. 385.

состояние народа, дает описание некоторых праздников и суеверий, знакомит с особенностями домашнего хозяйства и семейного быта, а также с сословной структурой абхазского общества, правовыми взаимоотношениями между различными сословиями.

Начинает Дубровин свое повествование об Абхазии с описания особенностей природы: «Непосредственно за убыхами, двигаясь на юго-восток по берегу Черного моря, путешественник переселяется в совершенно другой мир. Хребет Кавказских гор, постепенно удаляясь от моря, дает место прекраснейшим, плодородным равнинам. Обнаженные горы и скалистый берег, пересекаемый множеством ущелий, не давят более путника. Напротив, он видит перед собой вечно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самые высокие отроги гор, спускающиеся к морю и покрытые большой растительностью»[1].

В перечислении субэтнических групп абхазов в племенном разделении народа Дубровин выделяет следующие: садзен, медовеевцы и апсуа. Несколько подробнее останавливается на «собственно Абхазии, которая до последнего времени находилась во владении князей Шервашидзе», очерчивает границы, занимаемые ею, обозначая цебельдинцев, как северных ее соседей, а третьим «отделом абхазского племени» называет самурзаканцев. Дубровин также причисляет к абхазам и абазин, которые в результате миграционных процессов, вызванных «внутренними раздорами, кровомщением и недостатком удобной земли», оказались на северной стороне Кавказского хребта. Автор далее перечисляет многочисленные территориальные подразделения народа с указанием географической локализации и примерного количества жителей каждого из обозначаемых сообществ.

---

[1] [*Дубровин Н.Ф.*]. История войны и владычества русских на Кавказе; в 6 т., 8 кн. Н. Дубровина. Т. I. Очерк народов Кавказа и народов его населяющих. Кн. II. Закавказье. СПб.: Печатано в тип. Департамента уделов, 1871. С. 1.

Флора и фауна Абхазии описаны Дубровиным в связи с климатическими особенностями края. Рассмотрены положительные и отрицательные свойства природных условий, влияющие на ведение хозяйственной деятельности. Упоминает автор также и о культурных насаждениях, традиционно выращиваемых в Абхазии, и новых их видах. По его справедливому замечанию, производительные возможности, которыми одарила природа Абхазский край, не соответствуют результатам хозяйственной деятельности его населения: «Богатая природа Абхазии должна бы была служить источником богатства, довольства и даже роскоши для ее жителей, но в действительности она служит для туземца лишь причиной крайней бедности. Уверенный в ее производительности абхазец предается крайней лени. Он или, вернее, его жена засевает поле в таком скудном количестве, что при огромных урожаях может прокормить свое семейство до нового хлеба. Абхазец в течение года работает много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводит в беспечной бродяжнической жизни»[1].

Не оспаривая мнение автора в вопросах, касающихся щедрости природы и весьма низкого уровня хозяйственно-экономической жизни Абхазии описываемого периода, все же отметим, что его взгляд о причинах такого положения является не полным и субъективным. Во-первых, бродяжничество как социальное явление никогда не было характерным для абхазского общества, поскольку оно предполагает отсутствие места жительства и средств к существованию, что никак не увязывается с типичным образом жизни абхаза. Во-вторых, объяснение бедности абхаза якобы его природной ленью не является достаточным аргументом. Не отрицая влияния благоприятных природных условий на определенное пренебрежение хозяйственным трудом, заметим, что все же не лень, а конкретные социально-исторические условия

[1] Там же. С. 8.

не давали возможности абхазу уделить больше внимания своему хозяйству. Прежде всего, отсутствие уверенности в завтрашнем дне не позволяли ему стремиться к укреплению своего хозяйства и накоплению богатства. Нестабильность жизненных обстоятельств, постоянная угроза того, что в любой момент все его состояние может быть разорено и уничтожено, и, в связи с этим — необходимость в готовности постоянной его защиты, делало приоритетным военную составляющую жизни мужчины-абхаза. Это имело место на протяжении длительного исторического периода — в жизни многих поколений; поэтому и создался определенный психологический тип мужчины, вбиравший в себя определенные поведенческие стереотипы, оформлявшиеся в соответствующие обычаи и нормы. Из-за того, что жизнь мужчины преимущественно была сопряжена с военными действиями, небрежение трудовой деятельностью становилось закономерным результатом. В то же время, это чрезмерное обобщение, ибо невозможно, чтобы все члены общества обладали едиными, пусть даже считавшимися более престижными, достоинствами.

Русские авторы обращали внимание на это обстоятельство, но не могли понять и объяснить сути явления. По этой причине в их текстах имеют место существенные противоречивые положения. Тот же Дубровин, обобщая тип абхаза, утверждает: «Он считает преступлением взяться одной и той же рукой за кинжал и потом за тряпку. Вся забота жителя гор состояла в уходе за конем и оружием — это его честь и слава, жизнь и пища. Все его желания заключались в приобретении лихого коня и хорошего оружия»[1].

В другом месте, ссылаясь И. И. Аверкиева, показывающего распределение работ между членами семьи («в обязанности отца входило занятие политическими делами <…> один из братьев заведовал полевыми работами,

[1] Там же. С. 51–52.

другой занимался делами в доме, <…> третий воровством, преимущественно скота, четвертый — военными делами, то есть грабежом и нападениями на соседей»), Дубровин приходит к следующему заключению: «Такое распределение занятий, вредное в экономическом отношении, кроме того, приучило абхазца к праздности, воровству и другим порокам. Сыновья, как видно, были отрицательно полезны семейству, а между тем отец рад рождению сына, как наследника своего рода; рождение же дочери считает излишней роскошью»[1]. Очевидно, что автор не совсем логичен, представляя в один ряд «праздность», «воровство» и занятия полевыми и домашними работами.

Обратившись к религии, суевериям и народным праздникам абхазов, Дубровин дает описания религиозных празднеств. В частности, иллюстрируются обряды в честь великомученика Георгия Победоносца, празднование Амшап (Пасха), обряды жертвоприношений, связанные с Шасу-Абж-Ныха, Мизитхи, Шибле, Афы, Ажвейпшаа Абна-инчаху, Айтар и др. Надо признать, что автор очень подробно описывает все церемонии, которые сопровождают празднества, и склонен причислить их, скорее к суеверию, а не к религии. Однако отметим, что такой подход вряд ли соответствует истине; перечисленные выше религиозные персонажи рассматриваются в рамках политеистических воззрений, в которых им придается статус бога или божества. Следует, на наш взгляд, считать их покровителями определенных видов деятельности, что имеет место и в мировых религиях. Эта мысль подтверждается и самим Дубровиным, писавшим: «Абхазцы всех трех (христианство, мусульманство, язычество. — *В. А.*) исповеданий признают Всевышнего как *Бога богов*»[2]; при этом автор добавляет, что они, «кроме того, поклоняются божествам всех стихий, лесов

[1] Там же. С. 52–53.
[2] Там же. С. 15.

и полей». Бесспорно, описанные Дубровиным религиозные обряды имеют дохристианские корни, их возрождение в жизни абхазов стало возможным в результате ослабления христианства. Но это вовсе не означает, что народ впал в состояние религиозного многобожия. Перед нами феномен отношения к божествам как к своеобразным помощникам Бога, но никак не отдельным или самостоятельным богам или божествам. В целом давая правильную картину религиозного состояния Абхазии XIX в., Дубровин оказался не в состоянии понять веротерпимость абхазов. Несмотря на то, что вопросам веры посвящена отдельная глава, в которой дано описание религиозных обрядов и праздников, Дубровин утверждает: «Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся к религии, что она ни в каком отношении не налагает различия между жителями. В одном и том же семействе можно встретить весьма часто и христианина, и магометанина, живущих между собой в совершенном согласии»[1].

Между тем исполнение религиозных обрядов занимало значительное место в жизни абхаза того времени, о чем свидетельствуют приводимые автором многочисленные примеры. Однако, при всей набожности, у представлявших разные конфессии абхазов отсутствовал фанатизм, что во многом объясняет их веротерпимость и отсутствие конфликтов на религиозной почве. Дубровин, характеризуя переплетение в абхазском быту разных религий, итожит: «Такое тесное сближение двух противоположенных религий (христианства и мусульманства. — *В. А.*) во избежание соблазна и разных недоразумений заставило христиан и магометан праздновать вместе Рождество Христово, Пасху, Духов день, совершать байрам, поститься в рамазан и великий пост». Многие авторы отмечали, что абхазы, относившиеся к церквам и храмам с особым уважением, как святым местам, тем

[1] Там же. С. 14.

не менее, не посещали их во время богослужений. Отмечает это и Дубровин, констатируя, с одной стороны, что «редко абхазец ходит в православную церковь, а еще реже показывается в мечети»[1], а с другой — приводит пример почтительного отношения к святыням: «Без различия вероисповедания все жители Пицундского округа, питая особое уважение к тамошнему храму, *Лыдзаа-ных* (то есть святыня Лыдзаа), избрали из своей среды одного пожилого в должность старосты при Пицундском храме. На обязанности его лежало содержать в чистоте ограду и самую церковь, наблюдать за иконами, книгами, находившимися в храме, и вместе с тем, в случае надобности, приводить жителей к присяге»[2].

Причина того, что абхазы, характеризуемые в средневековых источниках как «христолюбивые», перестали посещать христианские культовые сооружения, число которых на территории Абхазии было значительным, в историографии еще не получила должного освещения. Ослабление христианства историки в основном связывают с внешними причинами, вызванными влиянием Османской империи, начавшимся с падением Византии, и распространением мусульманства. Не отрицая значимости этого фактора, необходимо сказать и о том, что на то имелись не менее существенные внутренние причины. Главная из них — грузинский язык богослужения. Народ не считал нужным регулярно ходить для отправления своих религиозных обязанностей и обрядов в храм, где Божье слово проповедовалось на непонятном ему языке. При этом историческая память и традиции требовали деликатно-уважительного отношения к церкви как к месту, где произносятся хвала Богу и просьбы к нему. На наш взгляд, отсюда, и происходит двойственное и противоречивое отношение абхазов к церкви, часто отмечаемое русскими авторами XIX в.

---

[1] Там же. С. 13.

[2] Там же. С. 15.

В данной главе Н. Ф. Дубровин дает очень подробное описание многих религиозных ритуалов абхазов, что нельзя не оценить высоко. Но ироничный тон повествования показывает, что он все-таки был далек от понимания существа их религиозности.

Третья глава исследования Дубровина посвящена семейно-бытовым отношениям абхазов. При описании жилища основной массы населения края автор обращает внимание на бедность строений, домашнюю утварь, традиционную пищу. Он также дает представление о традиционном ритуале сватовства, показывая связанные с ним обычаи. Останавливается и на аталычестве — традиции пребывания мальчиков до их совершеннолетия в семье воспитателя. Отмечает характерные для абхазов черты похоронных и поминальных обрядов.

К сожалению, Дубровин не отличается деликатностью в своих оценках и характеристиках, позволяя себе такие заключения, как: «ума у абхазцев немного, и к тому же они мало способны к умственному развитию», «воровство, корыстолюбие в самых мелочных размерах и отсутствие честного труда и любознательности», «характер абхазца глубоко испорчен», «многие безнравственные черты в народе», «разврат и цинизм» и им подобные. Это говорит о предвзятом отношении автора, ограниченности его взглядов и поверхностном знакомстве с изучаемым народом. Отдельные попытки смягчить эти оскорбительные выражения («нельзя все-таки отрицать в нем известной доли благородства», «князья и дворяне, <…> которые получили воспитание, вежливы и честны», «вообще абхазцы держат себя свободно, говорят с каждым без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье») не меняют общую тональность повествования.

Кстати сказать, первым на недостатки очерка об абхазах обратил внимание А.Н. Введенский, который лучше знал реальную картину жизни народа, поскольку долгое время жил в Абхазии, состоял членом Сослов-

но-поземельной комиссии, а позже был начальником Сухумского округа. Он оперативно откликнулся обширной рецензией, опубликованной в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1872 г. В своем отклике Введенский указывает на целый ряд неточностей и противоречий, встречающихся в разделе книги Дубровина, посвященном абхазам. В частности, он категорически возражает тезису Дубровина о якобы развращенной нравственности народа. Об этом он пишет: «Нравственность абхазцев еще далеко не пала. Она несравненно выше того, какое представление о ней могут составить прочитавшие вышеприведенные строки г-на Дубровина»[1].

Деятельность русской военно-административной власти в Абхазии также подверглась анализу в труде Дубровина. На протяжении полувекового периода своего присутствия в Абхазии Россия ограничивалась мероприятиями сугубо военного характера — обустройством крепостей и гарнизонов, проведением экспедиций. За столь продолжительное время сделано было ничтожно мало, для цивилизационно-культурного возрождения края[2]. В действиях определенной части русского воен-

[1] [*Введенский А.Н.*]. Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов его населяющих» // Сборник сведений о кавказских горцах. Издаваемый с соизволения Е. И. В. Главнокомандующего Кавказской Армии при Кавказском горском управлении. Тифлис: 1872. Вып. VI. С. 42.

[2] Между тем, необходимо признать и тот факт, что, когда Россия приступила к культурно-просветительской деятельности, это быстро дало свои позитивные результаты. Можно сказать, что ни одна империя не сделала столько в отношении своих колоний. Проведенный нами анализ статей «Большой Российской энциклопедии» показал, что крайне редки примеры того, когда европейские завоеватели на пространстве всех континентов предпринимали бы попытки не уничтожать и ассимилировать местное население, а создавать для него письменность, учреждать учебные заведения для обучения на родных языках, развивать литературу на родном языке. Красноречивым свидетельством тому могут служить следующие

ного командования нередко проглядывало намерение цивилизовать «дикие племена» посредством силового покорения, ассимиляции или даже их истребления. В течение довольно долгого времени, мы не встречаем авторов, которые рассматривали бы абхазов как граждан своего государства; они воспринимали их «чужаками» и «дикарями». Даже то, что международные военно-политические обстоятельства часто вынуждали Российскую империю откладывать «кавказский вопрос» на второй план, не может служить оправдательным аргументом, учитывая, что Абхазия — преобладающая ее часть во главе с владетельным князем — в 1810 г. официально вошла в состав России.

В четвертой главе исследования Н. Ф. Дубровина рассмотрены вопросы сословного деления народа, взаимоотношения сословий, существующий политический строй, виды преступлений, судебная практика и т. д. Этот раздел в научном плане является лучшим и наиболее достоверным. Дубровин подчеркивает, что «Абхазия представляет собой страну, вышедшую из дикого состояния, но не успевшую резко отделиться от него по своему образу жизни, характеру и обычаям. Зародыш гражданской жизни хотя и привился между народом, но не успел еще сложиться в прочное целое, не успел еще принести ожидаемых плодов. Страна эта находится в переходном состоянии: закоренелые дикие обычаи еще не оставлены народом, а цивилизация бросила свой

данные: в 34 странах, входящих в ООН, литература развивается исключительно на европейских языках; в 23 странах она развивается преимущественно на европейских, и частично на местных; в 4 странах на местном, а затем на европейских; лишь в 2 странах литература развивается на языке коренных народов (Бруней, Лесото); в одной стране (Ботсвана) имеет место синтез местной и английской литератур. В восточных империях картина выглядит еще более неприглядной. В России же в советскую эпоху максимальное количество национальных литератур, развивавшихся на родных языках, превышало 80.

первый луч и произвела смешение понятий, обычаев и верований»[1].

Это вполне точная и объективная оценка (если не придавать значения трафарету «дикость») того состояния, в котором находились Абхазия и ее народ на рубеже 1860–1870-х гг. Несмотря на имевшие место политические потрясения, начинают зарождаться культурно-просветительские очаги; открываются горская и церковно-приходские школы; издаются первые книги на абхазском языке; появляются местные учителя. Это дает свои положительные результаты; и уже следующее поколение отметится тем, что продолжит прерванную после гибели С. Т. Званба публицистическую деятельность, печатая свои материалы об Абхазии на страницах русской периодики.

Отмечая недостатки в общественно-политическом устройстве абхазского общества, Дубровин придерживается объективной точки зрения. При этом ссылается на многие примеры, свидетельствующие и о достаточно развитой политической культуре абхазов. Анализируя отношение народа к преступности, автор выделяет три категории: «По понятию абхазца, к высшей категории уголовных преступлений принадлежало семь видов преступлений: святотатство, богохульство, отцеубийство, братоубийство, посягательство на жизнь владетеля и членов его дома, измена отечеству и кровосмешение. Вторую категорию составлял только один вид преступления: посягательство крестьян на жизнь своих владельцев. Они наказывались истреблением без всякого суда всего виновного рода. К третьему виду уголовных преступлений причислялись четыре вида: убийство, публичное оскорбление и бесчестие женщины, похищение чужой жены или невесты, развод без согласия обеих сторон или родных»[2].

---

[1] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. II. С. 59.

[2] Там же. С. 77.

В приведенном списке только вердикт второй группы, с точки зрения правосудия, можно признать антигуманным. Однако следует напомнить, что виды наказания, выглядящие сегодня дикарством, известны и в истории развитых стран. Так, австралийский исследователь Дж. Брейтуэйт приводит пример того, как «в Англии от практики выжигания клейма на щеке преступника отказались в XVIII веке», т. е. только в эпоху Просвещения[1].

В основе же приводимых Дубровиным остальных видов, считавшихся в абхазском обществе преступлением, лежат этические категории, относящиеся к основополагающим человеческим ценностям. Весь ход истории наглядно показывает и доказывает обратную пропорциональность таких нравственных качеств, как мораль и совесть, научно-техническому развитию, являющемуся следствием просвещения, грамотности и образованию. Развитие и прогресс несут не только приобретения, но и утраты морально-нравственных устоев. Гармоничное сочетание этих процессов можно выявить лишь в отдельных случаях, на уровне индивидуальностей. В отношении же человеческих сообществ, начиная от мелких корпоративных и заканчивая крупными национальными и государственными, их гармоничное сосуществование весьма условно и относительно. Поэтому ярлык «дикарей», прикрепленный отдельными русскими авторами к горцам, объективно не имеет под собой почвы. Он скорее относится к культурной отсталости населения, что не свидетельствует о низком уровне его нравственного развития. Однако далеко не все русские авторы занимали подобную позицию; были и те, кто в традициях и укладе жизни горцев видел проявления высоких нравственных качеств и культуры.

Завершая обзор исследования Н. Ф. Дубровина, посвященного Абхазии, отметим, что его текст снаб-

[1] *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение / пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 62.

жен многочисленными отсылками к работам предшественников. Им цитируются статьи 13 авторов (чаще И. И. Аверкиева, С. Т. Званбая, Ф. Ф. Торнау, В. И. Савинова, С. И. Пушкарева); имеются также указания на многие статьи, опубликованные в периодических изданиях «Кавказ», «Иллюстративная газета», «Русский вестник», «Пантеон», «Ласточка» и «Сборнике сведений о Кавказских горцах». В своем повествовании автор нередко ограничивается выражениями: «пишет путешественник», «говорит очевидец» или просто закавыченным текстом, а то и вовсе без кавычек, не указывая источник. Все это дало основание М. О. Косвену, в целом очень высоко оценившему труд Дубровина («выдающееся событие данного десятилетия»), все же справедливо заметить относительно этнографической его части, что «описания эти имеют компилятивный характер и основаны на литературных и частично архивных источниках»[1].

Н. Ф. Дубровин ставил перед собой задачу создания обобщающей истории народов Кавказа; при этом он обращался к максимально широкому кругу источников, что явилось, к моменту выхода книги в свет, показателем безусловной зрелости российского кавказоведения. Обильное цитирование предшественников, введение в оборот часто противоречивых сведений, не всегда досконально проанализированных, существенно осложняли задачу, поставленную автором, и создавали труднопреодолимые проблемы. В целом же труд Дубровина оснащен богатым фактическим материалом, отражающим различные стороны абхазской действительности того времени. Это в определенной мере сглаживает предвзятое отношение автора к абхазам.

---

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Изд-во Восточной литературы,1958. Ч. II. С. 269.

* * *

В 1866 г. была опубликована работа С. В. Максимова «Русские горы и кавказские горцы»[1], второе издание которой была выпущено в 1873 г. В ней имеется краткая глава «Абхазцы или Азра».

Автор книги — известный, весьма популярный и плодовитый писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831–1901). В основе этнографического направления его творчества лежали многочисленные путешествия, которые он совершал в течение всей своей жизни по различным регионам Российской империи. Исследователь творческого наследия Максимова М. И. Щербакова сообщает о писателе следующие данные: «Популярность Максимова при жизни была прочной и стабильной. Алфавитный указатель статей, вышедших в 1908–1917 гг., в 20-томном собрание сочинений Максимова, насчитывает 552 названия; но и это далеко не все литературное наследие писателя. В отечественной периодике — 37 журналах и газетах вышло 342 его публикации, в русских издательствах — 84 отдельных издания и переиздания книг, в том числе: «Год на Севере», «Лесная глушь», «На Востоке», «Край крещеного света», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатые слова», «Нечистая сила»[2]. То проникновение и понимание, которое обнаруживает Максимов при описании провинциальной жизни разных уголков России, не проявлены в его очерках, посвященных кавказским народам. В частности, в небольшом тексте об абхазах не сказано ничего позитивного. Это было замечено этнографами-кавказоведами, которые критически отнеслись к этому сочинению. Один из ведущих советских этнографов М. О. Косвен, определяя

[1] [*Максимов С.В.*]. Край Крещеного Света. IV. Русские горы и кавказские горцы. Рассказ С. Максимова. СПб.: Изд. Тов-ва «Общественная польза», 1866. С. 20–22.

[2] *Щербакова М. И.* С. В. Максимов и его книги // С. В. Максимов. Очерки о белорусской земле. М.: «ИНДРИК», 2018. С. 315.

Максимова, как «талантливого этнографа-беллетриста», «представителя «этнографического “хождения в народ”», вместе с тем охарактеризовал его кавказские материалы как «примитивные и наивные, а нередко просто невежественные»[1].

***

В 1874 г. вышла в свет в качестве учебного пособия книга «Этнографические очерки России», составителем которой был М. С. Мостовский (1838–?).

«Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона определяет Михаила Степановича Мостовского как писателя[2]. Вместе с тем, он был географом, педагогом, театральным деятелем. В 1862 г. окончил Московский университет. Работал преподавателем географии, затем поступил на чиновничью службу, был главой артистического кружка, занимал должность правителя канцелярии Московского генерал-губернатора, состоял правителем канцелярии по строительству храма Христа Спасителя. Автор многочисленных публикаций, в числе которых: «Учебник географии России с картой Европейской России», переиздававшийся пять раз, «Приготовительный курс всеобщей и русской географии», «Учебный курс всеобщей географии Европы», «Храм Христа Спасителя в Москве», «История храма Христа Спасителя в Москве», «Добрый друг. Книга для народного чтения» и др.

В «Этнографические очерки России» вошли сведения о проживавших на территории Российской империи народах, классифицированных автором по этническим признакам родства — семьям и региону проживания. Ав-

---

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. Ч. II. С. 242.

[2] Мостовский (Михаил Степанович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1897. Т. XX. С. 26.

тор обозначил такие семьи, как славянская, татарская, литовская, финская; в географическом распределении представлены народы Кавказа, Сибири и Туркестана. Есть отдельные очерки о молдаванах, евреях, цыганах и таджиках. Всего в книге дана этнографическая характеристика 47 народов. Классификация автора не всегда верна, например, в том случае, когда калмыки отнесены к татарской семье, а родственный им бурятский народ оказался отдельно в числе сибирских народов. В своем предисловии М. С. Мостовский обосновывает необходимость подобного издания потребностью знакомства с образом жизни и состоянием народов, населяющих территорию Российской империи: «Нет ни одного государства на земном шаре, которое бы, подобно России, совмещало в себе такое множество народов, различных по образу жизни, языку и религии»[1]. Хотя автором упомянуто, что учебное пособие «есть только незначительная частица, извлечение из нашего труда», в котором поставлена задача «представить по возможности верное и подробное описание современного быта народов, обитающих в России»[2], однако, данных о существовании подобного, обобщающего труда Мостовского, не сохранились.

Восьмая глава книги посвящена народам Кавказа. В ней даны историко-этнографические очерки о грузинах, армянах, курдах; кавказских горцах (черкесы, или адиге, чеченцы, или кисты, лезгины, осетины, абхазцы или азра, огнепоклонники). Абхазии в издании Мостовского отведено только две страницы. Ее территория указана автором между реками Ингур и Бзыбь, что свидетельствует о тенденции сужения границ Абхазии с западной стороны. По данным Мостовского, население составляет 145 тыс. В очерке мало положительных высказываний об абхазах. Все характеристики отрицательны; абхазы

[1] [*Мостовский М. С.*]. Этнографические очерки России. (Учебное пособие). Составил М. Мостовский. М.: В Университетской Типографии (Катков и К⁰), 1874. С. I.

[2] Там же. С. II.

видятся автору «с диким, неприветливым выражением», «представляет собой образец беспечности, лени и неподвижности»[1]. Впрочем, подобными описаниями и характеристиками наделены представители и других народов, что больше свидетельствует о дилетантстве автора как этнографа. Трудно установить, какими источниками пользовался Мостовский, но ясно, что ему не были известны труды таких авторов, как Ф. А. Завадский, Е. П. Ковалевский, написанные в иной, научно выдержанной тональности. Приходится сожалеть о том, что у русского читателя формировалось превратное впечатление о малых и мало известных народах, входивших в состав Российской империи; подобные книги не только не способствовали их сближению, но наоборот — максимально препятствовали этому процессу, создавая труднопреодолимые проблемы.

***

В 1874 г. увидела свет объемная книга М. Н. Владыкина «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу»[2]. Автор данного сочинения — Михаил Николаевич Владыкин (1830–1887), драматург и актер, был «сыном пензинского дворянина, отставного юнкера»; «в 1842–43 гг. воспитывался в пансионе Г. Ф. Бенецкого (Петербург), в доме, где часто бывал Н. А. Некрасов. В 1843–48 годах учился в Главном инженерном училище в Петербурге <…>. В 1848 г. направлен прапорщиком во 2-й резервный саперный полк в Киев, где преподавал в юнкерской школе. Под впечатлением произведений Н.В. Гоголя и Н.А. Островского написал пьесу «Выгодная женитьба» («Купец-лабазник»), после чего вышел в отставку и переехал в Москву (1852), чтобы посвятить себя драматиче-

[1] Там же. С. 120.

[2] [*Владыкин М. Н.*]. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. С приложением кары железных дорог. М. Владыкина. М.: Тип. И. Родзевича и В. Исланьева, 1874.

скому искусству»[1]. Владыкин доводился родственником В.Г. Белинского. В Москве Владыкин «поступил в труппу Московского Малого театра, а в последствии подвязался на клубных сценах»; <…> он «одно время был уездным чембарским предводителем дворянства»[2]. В словаре Брокгауза и Ефрона перечислены также и отдельно изданные им пьесы: «Житейская суета» (1873), «Имеет быть маскарад» (1873), «Кто виноват?» (1873), «Дважды два пять» (1876), «Омут» (1880) и др. Отмечается, что из перечисленных произведений наибольший успех имела комедия «Омут». Кроме драматических произведений Владыкиным изданы книги — «Драматические очерки» (1857) и «Путеводитель по Кавказу» (1874; 1885)[3].

В «Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу» описаны имевшиеся в то время сухопутные и морские маршруты путешествий. По ним видно, что тогда еще не было сухопутной дороги в Абхазию по побережью; единственным сообщением по суше оставалась дорога из Тифлиса. Владыкин подробно описывает этот путь и условия его преодоления: «Сухим путем до Сухума можно доехать следующим образом: из Кутаиса или из Орпири до Зугдиди (69 вер.) почтовая дорога; на остальных 134 верстах расположены посты (Соберийский, Окум, Бедийский, Моквский, Джерский[4], Николаевский),

---

[1] *Журавлёва А. И., Некрасов В. Н.* Владыкин Михаил Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 451.

[2] *М. М.* [*Мазаев М. Н.*]. Владыкин (Михаил Николаевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1892. Т. VI-а. С. 664.

[3] Там же. С. 664.

[4] Правильно — Джгярдский. Уместно добавить, что кроме указанного топонима, в тексте встречаются и другие опечатки с неверно воспроизведенные названия местностей: «Сандрипт» вместо «Цандрипш», «Цебенада» вместо «Цебельда». Встречаются ошибки и в фамилиях исторических личностей.

и сообщение производится верхом»[1]. Книга изобилует сведениями о населенных пунктах, о проживающих на этой территории народах, их численности, приводятся исторические свидетельства, указываются названия местностей и рек.

Абхазии в книге Владыкина уделено большое внимание. По всему видно, что автор сам побывал на абхазской земле: «Я предполагал <…> осмотреть Боржом и ехать из Поти в Одессу, а вышло так, что мне не удалось видеть Боржома, но зато я осмотрел Сухум, мыс Адлер и часть Черноморского берега от Адлера до Гагр»[2]. Об истории Абхазии Владыкин пишет мало; он ограничивается краткими справками об отдельных периодах. Обзор начинается с событий второй половины XVI в., с появления турок, построивших крепость Сухум-Кале. Лаконично сообщается об имевших место интригах во владетельском доме Шервашидзе, о том, как Келеш-бей, став владетелем, подчинил себе абхазцев, о его непростых отношениях с Портой и его убийстве, совершенном, по мнению автора, «старшим сыном» Аслан-Беем. Далее говорится о вступлении Абхазии в 1810 г. под покровительство России. О роли России во внутренних делах Абхазии Владыкин пишет: «В 1810 году русские вытеснили турок из Абхазии и заняли Сухум. Владетель по-прежнему оставался полным властителем своего народа, и русское правительство заботилось только об уничтожении влияния турок на народ, обнаруживший, по примеру владетеля, склонность возвратиться к христианской вере, которую исповедовали его предки»[3].

Останавливаясь на истории христианства в Абхазии и религиозном состоянии народа, Владыкин подробнее пишет о Пицундском храме, построенном во времена царствования Юстиниана. Пицунда, поясняет автор, была в этот период «блестящим пунктом Восточ-

[1] *Владыкин М. Н.* Указ. соч. С. 464.
[2] Там же. С. 450–451.
[3] Там же. С. 466.

ной Римской империи», а позже «важнейшей генуэзской колонией»[1]. Автор свидетельствует, что при его посещении храм в Пицунды, как и множество других в Абхазии, превратился в развалины: «в 1830-х годах по стенам и на потолке видны были любопытные остатки фресок»[2].

Можно предположить, что в данном случае Владыкин имеет в виду сведения С. Сафонова, который, как упоминалось выше, писал о Пицундском храме и публиковал его изображение. Об отношении абхазов к религии Владыкин сообщает противоречивые сведения, во многом связанные с историей восстановления Пицундского храма. Повторяя наблюдения Дубровина, автор пишет, что «многочисленные развалины храмов, встречающиеся повсеместно в Абхазии, пользуются безотчетным уважением в народе, а монастырь в Пицунде почитается ими святыней»[3]. Ниже проводит противоположенную мысль, утверждая, что «вообще же абхазцы равнодушны в деле *религии*; они очень расчетливо взяли подходящее себе из христианства, магометанства и добавили это еще остатками язычества»[4]. Для обоснования этого тезиса Владыкин ссылается на некие бывшие у него записки анонимного автора, который в 1867 г. «служил панихиду над могилой Кольяра и убитых с ним вместе его товарищей». Отметим, что в фамилии полковника допущена ошибка; правильно — Коньяр. Возможно, это опечатка является следствием ошибки наборщика из-за неразборчивости рукописи, но она в тексте повторяется неоднократно.

Стоит отметить то, что автор уделил внимание тем реформам, которые были проведены в Абхазии русскими властями. В частности говорится об отстранении и удалении владетельного князя Михаила Шервашидзе из страны, следствием чего стало вооруженное народное

[1] Там же. С. 466.
[2] Там же. С. 466.
[3] Там же. С. 466.
[4] Там же. С. 467.

восстание 1866 г. В отличие от газетных корреспонденций, пестривших словами «возмущение», «бунт», «беспокойство», «скопище народа», Владыкин сделал попытку показать причины восстания: «Все отзывы о Михаиле (по-абхазски — Хамит-Бей), последнем владетеле Абхазии, носившем звание генерал-адъютанта русской службы, рекомендуют его с очень хорошей стороны; но положение, в которое он был поставлен относительно русских властей, неминуемо должно было вести к неприятным столкновениям. Наше правительство, оставив за Михаилом управление страной, предоставило себе власть исполнительскую и тем как бы подчинило себя ему. Разумеется, долго это не могло продолжаться. Выход был один: присоединение Абхазии и удаление князя, что и было сделано. Михаил был поселен в Воронеж, где и умер в 1866 г. В этом же году случилось и последнее возмущение в Абхазии, во время которого были убиты в Соуксу начальствовавший тогда ген. Кольяр[1], начальник Бзыбского (Пицундского) округа капитан Измайлов, адъютант Суринович, чиновник Черепов…». Непосредственными причинами восстания автор называет «ложные слухи о готовившейся тогда эмансипации, пущенные в народ теми, кому реформа эта была невыгодна, частью же виновато было и высокомерное обращение ген. Кольяра с туземцами»[2].

Отметим, что признания ошибочности реформ, практически отсутствуют в публикациях того времени. Они встречаются лишь в официальной переписке, донесениях, рапортах вышестоящего начальства и свидетельствуют о том, что высшие чины хорошо представляли истинные причины восстания. Это успешно проиллюстрировано в работе Г. А. Дзидзария «Восстание 1866 года в Абхазии». Исследователь представляет практически полную библиографическую базу, в составе которой

[1] Воинское звание Коньяра — полковник, а не генерал.

[2] *Владыкин М.Н.* Указ. соч. С. 469.

и официальная переписка Кавказского наместника с военным министром и самим императором, в которой, например, говорится об «ошибках лиц, пострадавших в этой катастрофе»[1].

При этом историк склонен считать, что имевшее место в официальной переписке признание вины проводников реформ кроется в стремлении «собственной перестраховки, чтобы свалить на убитого полковника всю ответственность за события в Абхазии, столь серьезно встревожившие царское правительство»[2]. Сам Дзидзария главной причиной восстания называет «недовольство населения», вызванное, «прежде всего, неудовлетворительной организацией этого нового управления»[3].

Организация же проведения реформ лежала на начальнике Сухумского военного округа Коньяре. Отрывочные сведения о нем противоречивы; в основном он характеризуется отрицательно, но есть и такие свидетельства, которые представляют его в положительном освещении. Сохранился отзыв о Коньяре непосредственного участника событий, сына последнего владетельного князя Г. М. Шервашидзе, опубликовавшего спустя много лет свои воспоминания в газете «Закавказье». Отвечая на публикацию г-на Гарсеванова в этой же газете, автор, как «живой свидетель» восстания, так описывает кульминационный момент события, одновременно характеризуя и полковника Коньяра: «Коньяр был человек просвещенный и корректный, и, хотя он знал кое-что о злоупотреблениях подчиненных ему чиновников администрации, но в данном случае, при упорном и настойчивом требовании толпы, полковник считал своим долгом не уступать и поддержать этим престиж власти. Долго шел разговор с полковником Коньяром, но безуспешно. Наконец, собрание просило разрешить послать

---

[1] *Дзидзария Г. А.* Восстание 1866 года в Абхазии // Г.А. Дзидзария. Труды. Кн. вторая. Сухуми: Алашара, 1990. С. 28–29.

[2] Там же. С. 40.

[3] Там же. С. 20.

депутацию к Наместнику, дабы изложить свои нужды и узнать, на самом деле такова воля Царская, чтобы с нами творить все, что хотят и т. д.; полковник в этом тоже отказал. На наш взгляд, — продолжает автор, — этот последний отказ, со стороны полковника Коньяра был фатальной ошибкой. Всякий народ должен иметь доступ к какой-либо апелляционной инстанции. Давать же власть ближайшим чинам администрации, постановлять свое бесповоротное veto едва ли целесообразно и совместимо с шагами правительства, постольку желательно видеть своих подданных, спокойно выполняющих свой долг. Как бы то ни было, после пятичасовых, утомительных и возбужденных переговоров, не удалось сойтись; ни одна сторона не хотела уступать, и вспыхнул бунт»[1].

Независимо от того, какими источниками пользовался, из каких соображений исходил Владыкин при освещении данного вопроса, он, в отличие от публикаций в прессе того времени, признавал, в том числе, и вину начальства.

В «Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу» имеются описания природы Абхазии, жилищ абхазов, коротко говорится о некоторых видах хозяйственной деятельности. В этой части книги автор не оригинален; текст представляет собой компиляцию более ранних работ, в частности, труда Дубровина.

Истории и современному состоянию Сухум-Кале Владыкин посвящает несколько страниц. Картина прошлого неприглядна. Внимания заслуживают некоторые приведенные свидетельства. Например, автор сообщает, что при турках «Сухум имел около 6 тыс. жителей», но после их ухода, «кроме гарнизона, в то время здесь нельзя было насчитать и сотни жителей». При русских город долгое время оставался в запущенном состоянии: «Гарнизон составляли две пехотные роты и команда

[1] *Шервашидзе Г. М.* Так пишется история. (Письмо в редакцию) // Собр. соч.: в 2 т. Кутаиси: 2006. Т. I: Поэзия. Драматургия. Публицистика. С. 300.

крепостной артиллерии. Солдаты имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно вымирала»[1]. Город, по словам автора, «состоял из базара, т. е. из двенадцати грязных духанов — кабаков». При описании Сухума 1830-х гг. Владыкин ссылается на работу Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (1864). Сравнивая картину прошлого со временем своего пребывания, путешественник констатирует определенное развитие: «В настоящее время Сухум, хотя и не может быть еще назван хорошим портовым городом, но нисколько уже не напоминает того положения, в котором он был в 1835 году. Город не велик и разбит на правильные четырехугольники широкими шоссированными улицами с водосточными каналами по бокам; в хорошей воде тоже не чувствуется недостатка»[2].

Действительно, за несколько десятилетий изменился статус города, менялось и его название: в 1846 г. он стал торговым портом, через два года — в 1848 г. — получил статус портового города, а в 1866 г. изменилось его название; из Сухум-Кале город был переименован в Сухум. Достопримечательностью города Владикин называет «городской Воронцовским сад», связывая его основание с именем «знаменитого главнокомандующего-хозяина»[3] — кн. М. С. Воронцова, наместника Кавказа в 1844–1854 гг. При Воронцове Сухум действительно получил определенную динамику развития, но своим происхождением Сухумский ботанический сад обязан ген. Н. Н. Раевскому, при непосредственном содействии которого в 1840 г. он был заложен. Первоначально он носил официальное название «Сухумский военно-ботанический сад».

Владыкин упоминает также о единственной городской гостинице «Тифлис», стоимость номеров в которой

---

[1] *Владыкин М. Н.* Указ. соч. С. 481.

[2] Там же. С. 482.

[3] Там же. С. 483.

от 1,5 руб., а обедов — от 20 до 50 коп.; отмечает, что средством передвижения являются фаэтоны. Будущее Сухума автор связывает с развитием торговли. В частности, отмечает, что приличной статьей дохода является ловля дельфинов, производимая у берегов Абхазии. Относительно того, кто занимается этим промыслом, в книге имеются разночтения. С одной стороны, Владыкин пишет, что «абхазцы для ловли их выезжают в море на своих каюках…»[1], а ниже утверждает, что «промыслом дельфинов занимаются исключительно турки и греки…»[2].

На борту судна, отплывшего от Сухумской гавани, состоялся разговор автора с его спутником о перспективах хозяйственного развития края и скорого его заселения. Слова собеседника показались слишком оптимистичными и далекими от реализации: «Я охотно верил этим рассказам, но только среди роскошной панорамы, которая рисовалась в моем воображении, как черные пятна являлись ненаселенность, отсутствие сообщений и проклятые лихорадки <…>, его слова> меня нисколько не успокаивали»[3]. В распоряжении автора и его спутников не оказалось сведений о правилах заселения Черноморского побережья. Однако увиденное в Абхазии вызывало сомнение о целесообразности заселения края южными племенами, вместо «неспособных к южному хозяйству необразованных русских». Владыкин отвергает такое решение вопроса и даже осуждает его на том основании, что: «неизвестно, насколько грек и молдаван образованнее и способнее русского; только мы знаем, что в последнее время эти единоверные народы вовсе не обнаруживают к нам симпатии»[4].

В связи с пребыванием в Адлере Владыкин обращается к описаниям этого местечка, заимствованным из сочинения странствовавшего в 1835 г. в этих местах «под

[1] Там же. С. 474.
[2] Там же. С. 485.
[3] Там же. С. 485–486.
[4] Там же. С. 487.

видом черкеса» некоего Н. Т. Последний повествует о военных стычках русских с горцами, населявшими Аибгу и Псху. С тех пор перемены коснулись многого. Места, увиденные Владыкиным, вследствие изгнания жителей, большей частью остались пустынны, и лишь кое-где заселены новыми поселенцами — греками, молдаванами и русскими. Удручает картина запущенного края, где орудуют «шакалки и дикие кошки».

Владыкин передает трогательную историю встречи с садзским князем Гечи (Гечба) Решидом, которому было «дозволено выбрать 700 дес. земли в любом месте; он, разумеется, выбрал бы свое бывшее пепелище, но оно уже, к несчастью для него, занято»[1]. За девять лет отсутствия хозяина его родовое имение заросло; в нем спутники застали двух молдаван, «лениво рубивших колючку цалдами», а рядом «валялась и срубленная ими невзначай черешня». «Что вы делаете? — сказал Решид через переводчика, — ведь это не дикие деревья, все это отличные сорта, и я их выписывал из Турции…». «Лучше бы я не видел того, что увидел», — были слова князя Гечи Рашида на прощание[2]. «Сильное впечатление производил князь Решид на всякого, кто знал его предыдущую историю, — отметил Владыкин. — Перенесенные им несчастья ярко отражались на всей его благородной, несколько согнувшей фигуре; глаза были большей частью опущены, а сквозь черты мужественного лица, помимо воли, пробивалось постоянно гнетущее горе. Он не мог не возбуждать во всяком самого искреннего участия»[3]. Столь же лестно автор отзывается и о членах семьи князя.

***

Во второй половине XIX столетия тема морских и железнодорожных сообщений в кавказском регионе стало актуальной. Вопрос об устройстве Сухумского мор-

[1] Там же. С. 498–499.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 496–497.

ского порта стал предметом дискуссии, отраженной в работе Д. Ф. Жаринцова. Первоначально доклад автора «Поти или Сухум?» был зачитан в Кавказском отделении Русского Технического общества 7-го декабря 1874 года и в том же году издан отдельной брошюрой[1].

Автор предлагает сравнительный анализ проектов сооружения портов и путей сообщения между отдельными населенными пунктами, полемизируя при этом с теми, кто отстаивает необходимость порта в Сухуме. Углубляясь в историю, вспоминая времена античной колонизации, и завершая свои рассуждения примерами того, как в Поти «под покровительством России, через восемнадцать веков, возобновился торговый путь, описанный Страбоном»[2], Жаринцов отстаивает преимущества Поти перед Сухумом; в качестве аргументов экономической целесообразности приводит расчеты и цифры. По утверждению Жаринцова, «Сухумский порт отзовется тяжело на земледелие Карталинии, продукты которой и без того принуждены выносить высокий тариф Поти-Тифлисской дороги». Что касается Сухума и Сухумского округа, то этот «ничтожный клочок земли», по его мнению, не стоит даже развивать. Относительно устройства порта, он заявляет: «Можно доказывать неудовлетворительность проекта, но нельзя утверждать, что Потийский порт можно заменить Сухумским без огромного вреда для торговли и будущего развития Закавказья»[3]. Еще одну причину решения в пользу Поти Жаринцов видит в существующем сухопутном транспортном сообщении: «Если вместо Поти изберем для порта Сухум, как это многие предполагают, то получим совершенно иные условия для торговли и развития страны. Для железной дороги от станции Ново-Сенаки до Сухума не меньше 130 верст, следовательно, при постройке порта в Сухуме,

---

[1] [*Жаринцов Д.*]. Поти или Сухум? Д. Жарицова. Тифлис: Тип. И. А. Чанцева, 1874.

[2] Там же. С. 3.

[3] Там же. С. 11.

все товары отпускной и привозной торговли Закавказья, должны будут идти лишних 100 верст по железной дороге»[1]. Как известно, вопрос строительстве железнодорожного сообщения и устройства порта в Сухуме, будет у решен значительно позднее, уже в советскую эпоху, что, несомненно, способствовало развитию края.

Биографических сведений об авторе — Дмитрии Федоровиче Жаринцове, добыть не удалось. Известно лишь, что им в 1886 г. была опубликована другая работа под заглавием «О причинах обвалов обрывистого морского берега в окрестностях г. Одессы». Эта книга выложена на сайте Государственной исторической библиотеки России. В ее библиографическом описании об авторе, наряду с именем и отчеством, указан год рождения — 1844-й.

***

Лыхненское восстание 1866 г. и вынужденное массовое переселение абхазов на территорию Османской империи (1877–1878), носившие драматический характер, стали рубежными событиями в истории Абхазии. Уже было упразднено Абхазское княжество (1864), а сама Абхазия получила официальное название — Сухумский военный отдел; территория ее была разделена на три округа (Бзыбский, Сухумский, Абжуйский) и два приставства (Цебельдинское и Самурзаканское).

В этот период количество книжных изданий, в которых содержалась информация об Абхазии или целиком были посвящены ей, увеличивается. Одним из авторов, в трудах которого часто упоминается Абхазия, был А. В. Верещагина.

В 1870–1880 гг. он вел активную публикаторскую деятельность. Им были изданы: «Путевые заметки по Черноморскому округу» (1874), «Справочная книжка для поселяющихся и приобретающих земли в Черноморском округе и путешествующих по Черному и Азовскому мо-

[1] Там же. С. 9.

рям» (1874), «Разведение кукурузы конский-зуб на семена в Черноморском прибрежье Кавказа» (1884), «Колонизация Черноморского прибрежья Кавказа: Живой вопрос наших окраин» (1878), «Значение путей сообщения в деле колонизации Черноморского прибрежья Кавказа» (1878), «Влияние сухопутных и морских сообщений на развитие Черноморского прибрежья Кавказа» (1885), «Обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат» (1885)[1].

Русский публицист и краевед Арсений Васильевич Верещагин родился в 1830 г. в Тверской губернии. Получив агрономическое образование, служил в Смоленской палате государственных имуществ, затем чиновником особых поручений при губернаторе в Москве, в Константиновском межевом институте. Вместе с братом Петром они основали товарищество по освоению земель Черноморского побережья Кавказа. В 1870 г. А. Верещагин переехал на жительство в посад Даховский. Здесь Верещагиным принадлежал значительный участок земли, который позже был продан и поделен на отдельные участки, получившие название Верещагинских. А. Верещагин вложил свои средства в строительство сочинского храма Михаила Архангела. Часто выступал с докладами в Москве, Тифлисе и Санкт-Петербурге. Современные биографы А. Верещагина называют его «пионером колонизации Сочи»[2]. Основной темой его публикаций и выступлений являлось освоение территории Черноморского побережья, которому он стремился «придать <…> государственное значение»[3]. В публикациях отражены не-

[1] Обнаружить книгу этого автора «Обзор Черноморского прибрежья Кавказа в сельскохозяйственном отношении» (1885), на которую ссылается Г. А. Дзидзария, нам не удалось.

[2] *Машанова Ю. И.* Верещагин Арсений Васильевич (1830–1894) // Краеведы Сочи. Биобиблиографический рекомендательный указатель. Сочи, 2019. С. 12.

[3] Там же.

понимание и противодействие, которое А. Верещагинн встречал со стороны различных чиновничьих структур. Умер А. Верещагин в 1894 г. в Санкт-Петербурге, «куда выехал хлопотать о дальнейшем развитии Черноморского побережья»[1].

А. В. Верещагин трижды совершал познавательные путешествия по Черноморскому побережью Кавказа: в 1870, 1873 и 1879 гг. Они дали материал всем его книгам. Мотивы, послужившие толчком к созданию первой книги, автор объяснял так: «Я охотно верю рассказам о близкой блестящей будущности Черноморского округа и вполне сознаю, что природное богатство его велико. Это действительно непочатый край, но край, требующий большой затраты знания, труда и капитала, прежде чем возможно будет воспользоваться его природным богатством. Поэтому, слыша рассказы о его быстром развитии, я тем с большим удовольствием принимаюсь за перо, чтобы при моем путешествии описать его теперешнее положение и сравнить его настоящее с недавно прошедшим»[2].

После окончания Кавказской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. большая часть Восточного Причерноморья оказалась почти безлюдной вследствие вынужденного исхода коренных жителей. Перед Российской империей встала очередная сложная проблема. Поскольку оставлять этот край ненаселенным было нельзя, 10 марта 1866 г. император Александр II подписал «Положение о заселении Черноморского округа и управления оным», которым регламентировались миграционные процессы. Определенных решений требовали вопросы, кого вселять, откуда переселять, в какие места заселять. Документ содержал положение об 11 категориях лиц, ко-

[1] Там же.

[2] *Верещагин А. В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М.: Изд. Н. Н. Мамонтова, 1874. С. 4.

торым запрещалось стать «обывателем» учреждаемых в округе городов и поселений[1].

Работы А. Верещагина посвящены комплексу вопросов о принимаемых правительственных мерах по колонизации края, рассмотрены результаты их практической реализации и обозначены необходимые меры на будущее. Первая книга «Путевые заметки по Черноморскому округу» представляет собой дневниковые записи, сделанные автором во время его второго путешествия — с 3 июля по 15 сентября 1873 г. Дневник стал результатом подробного осмотра прибрежной территории от Новороссийска до реки Бзыбь. В повествование также вошли и отдельные впечатления первого путешествия. Сравнение с увиденным три года назад убеждает автора в том, что заселение края новыми жителями ведется медленно, в целом констатируется, что колонизация проводится без особого успеха. Автор называет целый ряд причин, препятствующих ее проведению. Он критически рассматривает масштабы проводимых мероприятий и меры по их реализации. Такое состояние вызывает беспокойство А. Верещагина, поскольку он уверен, что без водворения постоянного населения не может идти речь о развитии края.

Визуальный осмотр территории производился автором в основном сухопутным путем, но имело место и обозрение с моря. Книга А. Верещагина изобилует подробнейшим описанием местностей, с которыми он знакомился. Реки, хребты, дороги рассматриваются им с точки зрения пригодности для устройства поселений. Автор отмечает, что отсутствие внутренних коммуникаций между отдельными пунктами вызовет неудобства для переселенцев и послужит препятствием для оживле-

[1] См.: *Черкасов А. А.* «Положение о заселении Черноморского округа и управление оным» как исторический источник // Вестник Сочинского отделения РОИА «Время и документы». Вып. 1. URL: http://edemkavkaza.ru/ (дата обращения: 21.09.2021).

ния края. Также описывает реки, которые во время непогоды становятся непроходимыми; рекомендует наиболее подходящие места для строительства мостов.

Всю прибрежную территорию, основываясь на характеристиках климата и природных условий, А. Верещагин делит на три категории: удобную для проживания, малоудобную и совершенно неудобную. Как наиболее освоенный участок с 1866 г., в процессе заселения края, названы окрестности Новороссийска. Автор приводит в пример ферму с питомником окружного агронома Ф. И. Гейдука, хозяйство (пасека, сады, коннозаводство) тогдашнего начальника Черноморского округа Д. В. Пиленко[1]. Хозяйственную деятельность этих лиц автор находит весьма успешной. Сообщается также и об имениях царского двора: ферме самого императора Александра II в Дагомысе и участках в Вардане, его брата Михаила —

[1] Пиленко Дмитрий Васильевич (1830–1895) — русский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1864 г. был назначен начальником штаба Кубанского казачьего войска, а в 1867 г. в чине полковника — начальником вновь образованного Черноморского округа. С его именем связаны многие начинания по благоустройству округа — заселение края переселенцами из внутренних областей России и из-за рубежа, открытие мужского училища и женской частной школы. В 1876 г. из-за разногласий с Тифлисской администрацией оставил должность начальника Черноморского округа и был назначен командиром Кубанской казачьей дивизии, с которой участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1883 г. вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Получил известность как новатор сельскохозяйственного развития края; способствовал внедрению виноградарства и виноделия, садоводства и табаководства; считается основоположником промышленного виноделия на Черноморском побережье. Его именем были названы ряд населенных пунктов, в том числе и Абхазии: поселок Цандрипш назывался Пиленково. См: Список генералов по старшинству. СПб.: Военная тип. 1883. С. 437; Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. Сухум: 2002. С. 176–177; URL: htts://www.wikiwand.com/ru/Пиленко_Дмитрий Васильевич (дата обращения: 19.09.2021).

наместника Кавказского. К описанию императорского имения автор добавляет рассказ об устроенном в нем празднестве 21 мая 1870 г., участником которого ему довелось быть. После осмотра участка, которым государь остался доволен, были предложены «легкая закуска и обед». Тосты за здоровье «Его Императорского Величества Государя Императора и Великого князя наместника Кавказского» сопровождались дружным ура и пением гимна «Боже, царя храни!». Само застолье протекало непринужденно, рассказывались «разные анекдоты, приключения, впечатления». «Прислушиваясь к разговору, — пишет А. Верещагин, — как-то невольно чувствовалось, что за столом сидят не чужие люди, а дети одной матери, члены одной русской семьи»[1].

Впрочем, эта идиллически нарисованная картина и несколько сюжетов об успешных примерах хозяйствования, представлявших элитное сословие и редкое исключение, вступают в контраст с теми страницами, где автор показывает положение простых переселенцев. Наряду с русским населением, мигрировали в пределы Черноморского округа и другие этнические группы, в том числе из-за пределов России: чехи, греки, армяне, молдаване, эстонцы. Адаптация новоселов к местным климатическим и хозяйственным условиям в большинстве случаев протекала с большими затруднениями. Автор так комментирует статистические данные о переселенцах за 1872 г.: «Что же касается до увеличения числа поселений, то с 1872 года их прибавилось весьма мало, как, например, в Сочинском попечительстве только два поселения — деревни и Пиленкова. В особенности в 1872 году прибыль переселенцев была весьма ничтожна и равнялась почти числу выбывших поселян. К сожалению, некоторые хорошие хозяева из поселенцев выбыли при заявлении, что причина их ухода — крайне затрудни-

[1] *Верещагин А. В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М.: Изд-во Н. Н. Мамонтова, 1874. С. 92.

тельное сообщение в крае»[1]. К числу других недостатков автор относит «низкий уровень умственного развития», наличие «признаков нетрезвости», которые он увязывает с отсутствием церквей для отправления религиозных треб и тяжелым физическим трудом. В целом же нравственный уровень переселенцев А. Верещагин оценивает как «хороший». Это он объясняет малым количеством преступлений, а имевшие место отдельные случаи воровства он называет «остатками от прежнего казачьего быта»[2].

Деятельность, специально созданной в 1866 г. Комиссии по исследованию земель Черноморского округа, с целью отвода переселенцам земельных участков А. Верещагин в целом одобряет, но считает, что подготовленный отчет о ее работе, может «служить лишь для соображения, а не для руководства»[3], а сами труды Комиссии «следовало бы правильнее назвать осмотром земель, путешествием по ним, а не исследованием их, как этого требовал строгий интерес края»[4].

Для более успешной реализации колонизации Черноморского округа А. Верещагин предлагал комплексный подход, включавший необходимые меры, как по благоустройству заселяемых мест, так и по привлечению в это дело интеллигенции и капитала.

Определенное место А. Верещагин отводит и коренному населению края — черкесам и абхазам. В частности, имеется рассуждение автора о предназначении черкесских священных рощ: «Рощи эти, в общей сложности, небольшие; они расположены на вершинах закругленных гор и имеют правильную форму. Часто в этих рощах и около них встречаются надгробные памятники, сделанные большей частью из гранита, с надписями; они име-

[1] Там же. С. 129.
[2] Там же. С. 130.
[3] Там же. С. 144.
[4] Там же. С. 140.

ют форму четырехугольного продолговатого бруса, низ которого круглый, а верх оканчивается чалмою. Один из таких памятников в 1870 году был привезен мною в Москву. Как рассказывают, такие памятники частью изготовляли сами черкесы, но грубо; лучшие же памятники привозились из Турции. Горы, на которых расположены священные рощи, как совершенно чистые, без всяких порослей, служили для горцев местами сходок для совещаний, а быть может, и местами для религиозных отправлений»[1].

А. Верещагин встречался с черкесами, поселение которых он посетил в районе реки Кудепсты. В сопровождении командира роты И. Е. Алекси имел возможность общаться с ними; побывал у горского старшины Клепшау, описав эту встречу в своей книге: «Горский старшина Клепшау принял нас в своей кунацкой и был в особенности любезен; он человек средних лет, стройный и красивый. Пока мы обошли еще несколько саклей, собралась уже порядочная толпа черкесов; замечательно, что черкешенки не прятались, а из любопытства присоединились к мужчинам. Вообще заметно было, что черкесы относились к г. Алекси не только как к начальнику, но и как к человеку, которого они искренне любят и уважают. В разговоре, в обращении, в движениях — словом, во всем — видна в черкесах их природная живость. Это люди с живым характером, народ пылкий и увлекающийся по первому впечатлению. По-видимому, настоящим своим положением они довольны; но что они чувствуют в душе — разгадать трудно. В былое время они были совершенно свободны, но теперь свобода их ограничена законным порядком. Каждый черкес, желающий отлучиться из места жительства, даже хотя бы на охоту, обязан взять билет от ротного командира, в котором подробно объясняется: куда и на какой срок он отлучается, какое при нем оружие и пр. Черкес,

[1] Там же. С. 52.

не имеющий такого билета, может быть задержан всяким и представлен начальству»[1].

В описаниях А. Верещагина отсутствуют расхожие, пренебрежительные характеристики горцев, и черкесы здесь представлены вполне доброжелательно. Относительно утраченной свободы можно предположить, что перечисленные А. Верещагиным порядки вряд ли могли нравиться не только горцам, для которых воля и свобода были образом жизни. В то же время обрисованная картина показывает двоякое состояние черкесов. Несмотря на трагические для себя последствия войны, они не относятся к новым хозяевам с ненавистью, с другой стороны — приспосабливаются к новым порядкам, внедряемым властными структурами.

Традиционные жилища и хозяйства черкесов в книге А. Верещагина описаны в спокойной и объективной манере. В целом положение народа автор находит вполне удовлетворительным. «Материальное состояние черкесов нельзя назвать дурным: напротив того, они, по отзывам местных жителей, весьма бережливы, скупы и ни в чем особенно не нуждаются. <…> Черкесы — мастера обращаться и со своими полями: те места, которые они обрабатывают, мудрено кому-либо обработать. <…> Черкесы, по отзывам, и прежде не знали неурожаев. <…> Черкесы — самые лучшие мастера делать и цалды. <…> Все полевые произведения черкесы перерабатывают у себя дома: водяных и ветряных мельниц они не знают, а размол производят на ручных жерновах, величиной в диаметр до 8 вершков. Замечательно хорошо они выделывают крупу из гоми»[2]. В приведенном тексте только одно слово — *скупы* — имеет негативный оттенок. Но предшествующее ему — *бережливость* — указывает, что автор имел в виду не жадность, а экономность. А. Верещагин подчеркивает необходимость бережного

[1] Там же. С. 80–81.
[2] Там же. С. 81–82.

отношения и использования фруктовых садов, оставшихся после выселения черкесов. В связи с описанием заброшенных хозяйств, складывается впечатление, что автор сочувственно относился к горцам, вынужденным покинуть родные места. На это обратила внимание О. И. Шафранова, заметившая, что А. Верещагин «предоставляет достаточно точную характеристику негативных последствий массового мухаджирства, устранившего автохтонное население и изменившего традиционную модель хозяйственной деятельности»[1].

Безусловную ценность в книге А. Верещагина представляют сведения о западной части Абхазии, поскольку административная граница Черноморского округа в то время доходила до реки Бзыбь. А. Верещагин прибыл в этот район 26 июля 1873 г. и провел там несколько дней. В связи с этим посещением автор коснулся некоторых вопросов истории региона, в частности хорошо сохранившихся развалин генуэзских храмов: «Рассматривая храм на берегу моря, между устьями речек Лапста и Мехадыр, вы увидите алтарь, над которыми сохранился даже свод, так называемую трапезу и пристройки к ней, в виде небольших келий. Заметно, что такие пристройки сокрушала лишь рука времени, а отнюдь не горцы, коренные обитатели этих мест»[2]. Тут же добавляет, что остатки древних христианских храмов видел и в других местах — близ села Калдахвары и около Дагомыса. Далее вспоминает о своем путешествии по этим местам в 1870 г.: «Я немало удивился благополучию во время богослужения и той успешности, с которою они обращаются в христианство. Как известно, в религиозном отношении абхазцы

---

[1] *Шафранова О. И.* Имперская модель экономической модернизации приморской зоны Западного Кавказа в последней четверти XIX века: опыт включенного наблюдения А. В. Верещагина // Кавказский сборник. Т. 10 (42) / под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 235.

[2] *Верещагин А. В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М.: Изд-во Н. Н. Мамонтова, 1874. С. 50.

в последнее время разделялись на православных христиан, магометан и язычников. Пицундский храм в недавнее время изящно возобновлен из прежних развалин, и в нем в Троицын день, 31-го мая, я видел абхазцев из большинства окрестных селений. Дай Бог, чтобы в наших сельских церквах было благочиние прихожан во время богослужения, какое я видел в тот день в Пицунде»[1].

Ниже помещен рассказ о посещении автором в сопровождении отца Григория села Лдзаа, где они имели возможность общения со старшиной Агербой (правильно — Агрба) и князем Решидом Иналиповым (правильно — Инал-ипа), при котором находился и местный священник. Учитывая, какое внимание уделялось в Российской империи конфессиональному вопросу, нужно подчеркнуть значение этого мемуара как важного исторического свидетельства, полученного не из косвенных источников, а со слов очевидца.

Из других впечатлений А. Верещагина, отраженных в книге, следует выделить два. Первое связано с цандрыпшским князем Гечба Рашидом. При описании деревни Веселой автор поясняет: «Она лежит на отлогостях, скатах и террасах одного из отрогов горы, в том самом месте, где жил богатый черкесский князь Решид, имевший большой табун прекрасных лошадей, для улучшения коих выписывал производителей из Большой Кабарды. В 1870 году здесь существовал еще дом упомянутого князя, с отдельною постройкой, называемой кунацкой. В то же время с дома князя я снял план, а академик Лагорио сделал эскиз холма, с постройками на нем князя. Усердием одного небогатого купца и при содействии молдаван деревни Веселой на том самом месте, где стоял дом князя Решида, предполагается построить православную церковь. <…> С места, где будет построена церковь, вид действительно прекрасный: перед вами открыто ущелье реки Псоу в направлении к Михельрибшу (правильно:

[1] Там же. С. 50–51.

Мкялрипш. — *В. А.*); еще более открыта вся местность в направлении к морю; самая церковь далеко будет видна с моря, особенно в направлении от Пицунды»[1]. Данный текст перекликается со сведениями М. Н. Владыкина из его «Путеводителя и собеседника в путешествии по Кавказу». Разница состоит в том, что, если Владыкин говорит о садах Рашида (князь, посетив свое имение, застал молдаван, вырубавших фруктовые деревья), то Верещагин как бы дополняет сведения о его имущественном положении, ведя речь об увлечении князя лошадьми.

Второй рассказ — о пребывании А. Верещагина в гостях у абхаза и о приключившемся с ним после. «На 1-е июня я ночевал в сакле одного абхазца, — пишет автор, — близ ворот Бзыби; с вечера подул ветер, и хозяин сакли объяснил моему переводчику, что наутро будет дурная погода. Путь наш лежал через лес к абазинским аулам и далее в Гагры. Отправились мы довольно рано утром. Небо ничего дурного не предвещало, но не успели мы проехать и четыре версты, как быстро начали находить тучи, небо заволокло, начался проливной дождь, сопровождаемый сильными раскатами грома. Спасаться от дождя было некуда, хотя и медленно, мы все-таки продолжали путь...»[2]. Неизвестно, чем бы закончилось это путешествие, если бы заплутавших спутников не встретил некий урядник Селивестр Акулов, предложивший укрытие и возможность обогреться в находившихся недалеко бараках. Этот случай показывает, что коренные жители, не имевшие образования, хорошо знали окружавшую их природу и могли предсказывать наперед ее явления. Знания эти были чисто эмпирическими, но от этого их значение не меньше, чем тех, что основаны на научных результатах.

Бараки, куда прибыл А. Верещагин со спутниками, были турецкими и были «битком набитыми турками».

---

[1] *Верещагин А. В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. С. 73.

[2] Там же. С. 74–75.

Выяснилось, что они заняты эксплуатацией здешнего леса, выделывали дубовую клепку для отправки за границу, преимущественно в Марсель. Приемкой продукции «занимается один грек, доверенный сухумского купца»[1]. А. Верещагин уточняет, что промышленной разработкой леса занимались сухумские купцы Метакса и Буз-оглы.

Подчеркнем, что «Путевые заметки по Черноморскому округу» А. Верещагина — результат тщательного и детального изучения территории, содержат мельчайшие подробности заселения края, анализ состояния дел и предложения по мерам его ускоренной колонизации. Историческую ценность представляют приводимые автором сведения о коренных жителях края — черкесах и абхазах, а также зафиксированные и позднее утраченные исконные топонимические названия.

Последующие книги А. Верещагина публиковались Императорским Вольным экономическим обществом. Они представляют собой сообщения и доклады автора на заседаниях общества.

Книга «Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского прибрежья Кавказа», в виде сообщения предварительно была прочитана на заседании Императорского вольного экономического общества, в феврале 1878 г. В ней А. Верещагин полемизирует с профессорами Ю. Мишкевичем, Н. Бунге, И. Бабстом, И. Горловым и А. Чупровым, давшими отрицательный ответ на запрос Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. Речь шла о целесообразности содержания гребной флотилии и о рентабельности рейсов по Черному морю. А. Верещагин посчитал такое мнение ошибочным, поскольку выводы были основаны исключительно на докладе Вальдемара, который «не потрудился изучить, как следовало, не только настоящего положения рассматриваемого края,

[1] Там же. С. 76.

но даже и самого вопроса — о существующих морских сообщениях»[1].

Аргументированно опровергая один за другим доводы оппонентов, А. Верещагин рекомендовал кавказскому начальству взвешенно отнестись к ситуации: «Всегда бывает легко — разрушать, а создать что-либо, наоборот, — трудно. Так точно весьма легко уничтожить существующую гребную флотилию, но взамен ее создать что-либо наиболее подходящее для удовлетворения нужд края — не так легко, как это представляется незнакомому с этим краем»[2].

Справедливо поставлен вопрос о тесной связи морских и сухопутных путей сообщения: решение проблемы «замкнутости и неподвижности» всего Черноморского побережья А. Верещагин видит в их параллельном развитии, считает недопустимым придание «прибрежной дороге» второстепенного значения. Приведены сведения об устройстве черноморских портов; в их числе несколько раз упоминается и Сухум. О перспективах развития самого города и региона в целом автор рассуждает так: «Само собой разумеется, Сухумский порт с приведением к нему ветви от Ново-Сенакской станции Поти-Тифлисской железной дороги нисколько не повлияет на северо-западную часть Сухумского отдела, т. е. на пространство от Сухума до Гагринского хребта. Эта богатейшая от природы часть Черноморского прибрежья Кавказа, подобно территории Черноморского округа, теперь чужда производительности. Но проведите по этой части прибрежья хотя одно сносное шоссе от Сухума — и тогда, надеюсь, не только пробудится, но и быстро разовьется здесь экономическая деятельность, которая даст грузы, а с ними и капитал. С проведением же этой дороги порт,

---

[1] *Верещагин А. В.* Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского прибрежья Кавказа. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1878. С. 6.

[2] Там же. С. 13.

несомненно, приобретет еще большее значение»[1]. Для подтверждения своих доводов А. Верещагин приводит и мнение, и просьбы самих переселенцев о необходимости прокладки колесных дорог, ибо море бывает бурливым, пароходы же заходят только в отдельные пункты, что затрудняет положение. В этой связи автор критикует мнение сочинского попечителя, который в своих отчетах и публикациях в прессе оценивает новых жителей как «совершенно не оправдавших надежд правительства»[2].

Вопрос о необходимости устройства сухопутных сообщений, А. Верещагин напрямую связал с военными нуждами, что актуализировало его доклад, представленный на завершающем этапе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (война завершилась 3 марта. — *В. А.*). Он отмечает: «Мы видим, что здесь, на этом прибрежье, Сухум-Кале и другие места не могут серьезно обороняться от неприятельского нападения именно вследствие отсутствия сухопутных сообщений». Далее, солидаризуясь с мнением, высказанным в публикации журнала «Дело» (1877, № 5), цитирует: «Можно с уверенностью сказать, что местное абхазское население, видя свой край прорезанным в тылу дорогами, безусловно, подчинилось бы требованиям вводимых реформ и не поколебалось бы дать мужественный отпор туркам»[3]. Было бы неверно отсутствие дорог считать причиной трагических событий, имевших место на территории Абхазии в течение трехмесячной ее оккупации Турцией, но, несомненно, и то, что и это обстоятельство неблагоприятно отразилось на ходе военных действий. Не останавливаясь на причинах и последствиях тех событий в Абхазии, считаем достаточным указать, что они исчерпывающе изложены в

[1] Там же. С. 16.
[2] Там же. С. 21.
[3] Там же. С. 35.

работе Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия»[1].

Прокладка сухопутных, железнодорожных сообщений и устройство портов в Абхазии активно обсуждались разными специалистами и организациями. А. Верещагин, соглашаясь с доводами одних и опровергая мнение других, исходит из заключения Кавказского отдела Русского технического общества, что «рано или поздно соображения, как торговые, так и стратегические, приведут к неизбежности связать Сухум-Кале — с одной стороны с Мингрелиею, а с другой — с Кубанской областью»[2]. При этом приводит и собственные суждения: Сухум должен быть соединен железнодорожной веткой со станцией Ново-Сенаки, а с западной стороны колесной дорогой, разделив ее две части, от Туапсе до Гагринского хребта и от последнего до Сухума. А. Верещагин скептически относится к проведению железнодорожных сообщений через горные перевалы, а также считает неудачным решением выбор Поти в качестве основного порта — из-за его «болотистости и лихорадочности».

Следующая публикация А. В. Верещагина, как и рассмотренная выше, является текстом докладов на заседании того же Вольного экономического общества от 25 января и 27 февраля 1885 г., т. е. через 7 лет после первого. В новой книге «Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского прибрежья Кавказа»[3] подняты те же коммуникационные проблемы, что и в предшествовавшей. Издание было осуществлено по распоряжению Императорского Вольного экономического общества. Верещагин отчасти про-

---

[1] *Дзидзария Г. А.* Труды. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV: Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 387–501.

[2] *Верещагин А. В.* Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского прибрежья Кавказа. С. 38.

[3] *Верещагин А. В.* Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского прибрежья Кавказа. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1885.

должил рассматривать вопросы, поднятые в предыдущем издании, и, во избежание повторов, сосредоточился на материалах различных комиссий, выступавших с рекомендациями и ходатайствами в течение последних 10 лет. Делал он это очень скрупулезно, подробно анализируя разные точки зрения, относившиеся преимущественно к Абхазии. Один из таких источников — брошюра Ю. П. Проценко «Определение сети главнейших дорог в Черноморском округе и Сухумском отделе»[1], охарактеризованная как «серьезный труд». Проценко подвергает резкой критике деятельность кавказской администрации в отношении дорожного строительства в регионе. «Вследствие такого отношения к делу постройки дорог, в Черноморском округе и Сухумском отделе произошло то, что самая территория этих районов на руководящей карте Закавказских дорог, утвержденной в 1871 году, были показаны совершенным пробелом, точно будто бы губерний и областей, не принадлежащих к Закавказью»[2]. Отсутствие дорог А. Верещагин связывает с имевшими место неудачами в недавней войне, считая, что «государство дорого заплатило» за это. Поднимает вопрос о восстановлении «уничтоженных дотла неприятелем» Сухума, Гудаут и Очемчир.

Совпадают с выводами Проценко и приведенные А. Верещагиным отзывы начальника Главного управления наместника кавказского генерал-лейтенанта Д. С. Старосельского, проводившего личный обзор Черноморского округа. А. Верещагин, рассматривая историю вопроса, анализирует имевшиеся проекты по устройству сухопутной дороги. При этом под его критику подпадают местные чиновники и военные чины, по вине которых проект не был реализован. Автор отмечает, что назначенная Тифлисская комиссия 1879 г. «в отношении

[1] Эту книгу нам не удалось обнаружить, поэтому цитаты взяты из работы Верещагина.

[2] *Верещагин А. В.* Влияние сухопутных и морских сообщений. С. 5.

прибрежной дороги категорически пришла к тем же выводам, какие были в основе заключения III Отделения Императорского Вольного Экономического общества, в заседании 2 марта 1878 года»[1]. Иными словами, за прошедшее время ничего не было сделано для улучшения внутреннего сухопутного сообщения, а война еще более усугубила положение дел.

А. Верещагин подчеркивает, что Сухуму необходимо иметь сообщения в трех направлениях: в горной части с Кубанской областью («для сношений с верховьем Кубани, Баталпашинском, станцией Невинномысскою Владикавказской железной дороги и далее со Ставрополем»), в прибрежной части — на запад до Калдахвары, на реке Бзыбь, и на востоке — до Зугдида. Наиболее сложным участком для прокладки разработчики находили трудную переправу через реку Гумисту, для чего они предлагали окольный путь — через «военно-псхувскую дорогу, и по ней спуститься к Сухуму»[2].

В отношении морского сообщения А. Верещагин приводит распоряжение кавказского начальства от 1876 г., согласно которому от Керчи до Поти пароходам предписывалось заходить в 21 пункт, в том числе и абхазские: Сандрыпш (правильно — Цандрыпш), входивший тогда в Черноморский округ, Гагры, Пицунду, Псыртсху (правильно — Псырдзха / Новый Афон), Сухум-Кале, Очемчиры (правильно — Очамчира). Отмечено, что после войны суда перестали заходить в Цандрыпш, Гагры и Пицунду. Вошло в практику посещение Нового Афона и Очамчиры, хотя до войны, несмотря на указание начальства, суда в эти пункты не заходили. Верещагиным названы причины неудовлетворительного движения пароходов — несоответствие правилам приема, хранения, передвижения и сдачи кладей, а также «чрезмерно высокий тариф, как пассажирский, так и грузовой»[3]. Под-

[1] Там же. С. 11.
[2] Там же. С. 22.
[3] Там же. С. 28.

черкнуты перспективы развития пароходства в Сухуме: «Сама природа для сооружения порта наметила отличный пункт»[1].

Работа А. Верещагина «Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и его результат»[2] также представляет собой доклад, зачитанный 17 января 1885 г. на заседании Вольного экономического общества. На фоне исторических событий, связанных с присоединением Черноморского округа к Российской империи, начиная с начала XIX в., рассмотрены исключительно процессы колонизации этой территории. Упоминания об Абхазии встречаются преимущественно в историческом контексте. Автор поясняет: «Ее опустение главным образом произошло в последнюю войну, когда Сухум-Кале был в руках турок. К тому же Абхазия составляла совершенно отдельную административную единицу — под названием Сухумского военного отдела — и ведалась военно-горским управлением. Только с июля месяца 1883 года этот отдел перешел в гражданское ведомство и вошел в состав Кутаисской губернии. Поэтому в настоящем моем докладе я исключительно остановлюсь на территории Черноморского округа, которая занимает все пространство от Анапы до Абхазии, протяжением по берегу Черного моря в 325 верст»[3].

Проблемам колонизации регионов придавалось огромное значение. Важность проблематики привлекала большое количество людей к живому ее обсуждению. На завершающем этапе существования Российской империи издавался даже специальный периодический сборник «Вопросы колонизации». В одном из его выпусков есть и об Абхазии: «По этой местности имеется весьма интересный пример совместной жизни абхазцев и русских в селе

---

[1] Там же. С. 46.

[2] *Верещагин А. В.* Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1885.

[3] Там же. С. 4.

Лидзава. Из русских здесь выработались отличные моряки. Абхазцы вообще весьма охотно соглашались на принятие в свою среду русских и на отвод им земли из своих дач — но администрация почему-то относилась весьма неодобрительно к таким общественным приговорам, и Верноподданное управление в Тифлисе их не утверждало. О такой странной политике нельзя не пожалеть, так как если бы использовать это обоюдное желание русских и абхазцев, то до сих пор водворено было бы значительное по численности прочное русское население к общему благополучию. В Цебельде, по Кодору, в Самурзакани, около Сухума, Дранд и Очемчир имеются обширные частные владения, хотя с удовольствием будут проданы владельцами в казну, по самым сходным ценам. В интересах водворения русского элемента целесообразно использовать благоприятные условия настоящего времени»[1]. В заключение укажем, что в абхазской исторической науке имеются работы, в которых исследованы различные стороны и обстоятельства процесса инкорпорации абхазского общества в состав Российской империи[2].

***

Некоторые русские авторы проявляли особый интерес к древним христианским памятникам, расположенным на территории Абхазии, — храмам, соборам, церк-

[1] *Шавров Н.* Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. Периодический сборник / под ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. 1911. № 8. С. 158.

[2] См.: *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухуми: Абгосиздат, 1958; *Авидзба В. Д.* Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1985; *Лакоба С. З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990. С. 34; *Цвижба Л. И.* Этно-демографические процессы в Абхазии XIX веке. Сухум, 2001; *Трапш Н. А.* Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.) // Логос. 2004. № 5 (44).

вям, монастырям, — обращая внимание на историческое значение этих памятников и их современное состояние. Как правило, большинство христианских святынь находилось в руинированном и заброшенном виде.

Во второй половине XIX в. начали выходить в свет отдельные книжные издания, напрямую посвященные памятникам христианской архитектуры Абхазии. Первым таким изданием стала брошюра Н. Н. Мурзакевича «Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря».

Биографические сведения о нем содержит «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Согласно его данным: русский историк и археолог Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883) родился в семье священника, воспитывался в Смоленской духовной Семинарии и Московском университете по нравственно-политическому отделению; впоследствии стал профессором русской истории в Решельском лицее, позже — надзирателем того же лицея. В своих поездках по Южной России занимался изучением ее истории, археологией и этнографией; производил раскопки, много работал в архивах. Мурзакевич известен как основатель, секретарь, вице-президент Одесского общества истории и древностей, член Общества сельского хозяйства Южной России. Он принимал участие в работе над «Новороссийским календарем» (1839–1841) и «Одесским Альманахом», сотрудничал в газете «Одесский вестник». Печатался в «Журнале Министерства народного просвещения», «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских», «Русском Историческом сборнике», «Русском Архиве», «Известиях Императорской Академии наук» и др.

Перу Мурзакевича принадлежат такие труды, как «Перевод Аррианова Перипла Понта Евксинского, с коммент. и приложением» (1836) , «Географическая карт древних элиннских поселений при бер. Черного и Азов-

ского морей» (1836), «История генуэзских колоний в Крыму» (1837)[1].

Отличаясь широкими познаниями и компетентностью по части древней истории, в работе «Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря», автор часто обращается к первоисточникам, цитирует их на языке оригинала, в том числе и на древнегреческом, передает существовавшие уже в древнейшие времена сведения о «горных жителях», населявших окрестности Питиуса, древнеабхазских племенах «иниохах и абасхах (ныне абхазы)»[2]. Мурзакевич верно раскрывает этимологию топонима Пицунда как соснового рассадника; подробно излагает историю Пицундского храма: от времен его основания «знаменитым законодателем славянином» Византийским императором Юстинианом до современности. Отмечает: «Новосозданный Питиунтский храм, подобно Константинопольскому, был посвящен св. Софии, т. е. Премудрости Божией, и такое наречение он сохранил до XVI в., как о том свидетельствуют Черноморские карты именно: Безъименного 1351, Каталанская 1375, Паскалии 1408, Бианко 1436, Бенинказы 1480, Фредуче 1497 и Майолло 1519-х годов»[3].

О состоянии Пицундского храма в XIX в. сохранились свидетельства Дюбуа де Монпере, С. В. Сафонова и Н. М.; их приводит в своей книге Мурзакевич, упоминая при этом и о снимках внутренних помещений храма, сделанных академиком Чернецовым, участником экспедиции 1836 г. на корвете «Ифигения». Восстановление храма предпринималось в разные годы, о чем

---

[1] *В. Р-в.* Мурзакевич (Николай Никифорович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1887. Т. XX. С. 210.

[2] [*Мурзакевич Н. Н.*]. Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря. Н. Мурзакевича. Одесса, Славянская тип. М. Городецкого и К°, 1877. С. 6.

[3] Там же. С. 8.

свидетельствуют собранные Мурзакевичем документы и официальная переписка. Старания Наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича привели «долгожданное святое дело к желанному концу». Торжественное освещение храма с наречением в честь и память Успения Пресвятой Богородицы было совершено 27 сентября 1869 г. епископом Имеретинским и Абхазским Гавриилом. О современной жизни Пицундского храма Мурзакевич пишет: «Литургия совершается на русском языке, и если абхазы приходят в церковь, то настоятель, или сам, или через иеромонаха, не оставляет ни одного посещения их без назидательных поучений, или бесед, в число которых входят объяснения Литургии и других служб»[1]. Книга Мурзакевича представляет ценность особенно в своей исторической части, детально передающей историю Пицундского храма и основанной на многих редких источниках.

***

В 1884 г. А. Н. Молчанов издал объемную книгу «По России», в которой давались описания современного состояния жителей многих регионов (губерний, краев, городов), Европейской части Российской империи.

Краткие сведения об А. Н. Молчанове содержит Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона[2]. Более детальную информацию о его жизненном и творческом пути мы находим в словарной статье биографического словаря «Русские писатели. 1800 — 1917». Нижеследующие данные почерпнуты из нее. Прозаик и журналист Александр Николаевич Молчанов (1846 — не ранее 1916), родился в г. Мамадыш Казанской губернии; происходил из дворян. «В 1863 г. как “бесплатно приходящий” окон-

[1] Там же. С. 26–27.

[2] См.: Молчанов (Александр Николаевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПБ.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1896. Т. XIX-а. С. 680.

чил Лазаревский институт восточных языков. Учился в Петербургском университете, но в 1864 г. был уволен за неуплату. Дебютировал в журнале «Русское слово» <…> рассказом “Андрейка. Очерки быта пригородных сел”. В дальнейшем печатался в журналах «Будильник», «Голос» и «Иллюстрации». С 1865 г. работал учителем математики и русского языка Рогачёвского дворянского училища Могилевской губернии; составил «Исторический очерк Рогачёвского Дворянского училища». В 1866 г. был командирован от Виленского учебного округа в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1867 г. кандидатом права. После окончания университета «был назначен судебным следователем Орловского, затем Елецкого окружных судов в чине титулярного советника; позднее — стряпчим кассационных департаментов Сената; вместе с М.И. Ходоровским составил “Полное собрание решений этих департаментов за 1866–71 гг.“». «В 1871 г. был причислен к Министерству внутренних дел; в 1872 г отправился с русской эскадрой для изучения иностранных портов, посещаемых русскими коммерческими судами, и условий переправки русских эмигрантов в Америку». Затем Молчанов вышел в отставку и поселился в Одессе; где занялся адвокатской деятельностью и журналистикой. Далее авторы статьи о нем пишут: «Уличенный в краже арестантских паспортов (подобные авантюры Молчанов неоднократно предпринимал и позже), переехал в Киев, где стал негласным редактором “Киевского телеграфа” <…>, который издавал в леворадикальном духе. В 1875 г. за этнографические работы избран членом Русского географического общества. В начале 1876 г. после возбуждения уголовного преследования против Молчанова, снабдившего приятеля чужим паспортом, он скрылся за границу с кассой “Киевского телеграфа”». Жил в разных европейских городах: Белграде, Пеште, Вене, Женеве и др. За границе Молчанов печатался в газете «Вперед!». «Русское правительство требовало от Австрии его выдачи». В 1878 г. он

получил разрешение вернуться в Россию. «С 1878 г. Молчанов — постоянный сотрудник “Нового времени”. Как заграничный корреспондент он писал из Парижа, Константинополя, Каира, Лондона, Индии, Берлина». Эти его публикации отличались от предыдущих: если ранее он выступал с леворадикальными взглядами, то с этого времени его публикации были отмечены «славянофильским духом». «О степени искренности новых убеждений, — пишут Г. Зыкова и Б. Шахматов, — судить трудно. Молчанов был склонен к мимикрии в политике <…>, вводивших многих в заблуждение». «Сотрудничество в прессе, по-видимому, часто было единственным источником средств к существованию, и он вынужден был писать много, печатаясь кроме “Нового времени”, в “Историческом вестнике”, “Современных известиях”, “Русском вестнике”, “Русском богатстве” и др.». С 1894 Молчанов издавал в собственной типографии в Санкт-Петербурге журнал «Базар», «в дальнейшем преобразованный в иллюстративный еженедельник “Санкт-Петербург”, с 1902 — во всеобщую маленькую газету “Санкт-Петербург”, заполняя их главным образом своими сочинениями под разными псевдонимами. «С 1899 г. Молчанов — единоличный редактор — издатель. В 1890-е гг. вернулся к юридической практике; с 1892 г. — присяжный поверенный Киевской судебной палаты, вскоре лишенный прав ведения дел за вымогательство».

«Определенную известность с 1870-х гг. Молчанов приобрел как бойкий, хотя и неглубокий журналист, классический представитель “фельетонной литературы”». Его корреспонденциям «свойственна развязность, соединенная с морализаторством». «Наиболее удавались Молчанову путевые зарисовки и интервью. Как корреспондент “Нового времени” Молчанов объехал всю Европейскую Россию, результатом чего явился цикл статей “По России” (1884) <…> и хотя, по свидетельству Л.А. Тихомирова, в них многое написано “с ветру”, тем не менее критика Молчанова российских порядков в провинции

попадало в цель». Также «известность получило интервью Молчанова с Л.Н. Толстым "В Ясной Поляне", опубликованная в «Новом времени 7 июня 1890 г.[1].

Кроме того, А.Н. Молчанов является автором книг: «Путевые письма, повести, рассказы, наброски» (1878), «Между миром и конгрессом» (1878), «Письма из Новороссийского края» (1885), «Царство рулетки» и мн. др.

Одна из глав книги Молчанова «По России» — «На Кавказе» — состоит из разделов: «В Черноморском округе», «Сухум», «В Сухумской области», «Батум», «В Батумской области». Непосредственно относящийся к Абхазии материал помещен в разделах, посвященных Сухуму и Сухумскому округу; отдельные сведения встречаются и в других главах.

Касаясь заселения абхазских земель, Молчанов выступает защитником интересов русских переселенцев, подчеркивает тяжелые условия их жизни и доказывая плохую организацию самого процесса. Автор убежден в том, что только хорошо организованное переселение русского населения в Закавказье придаст импульс его развитию. В сложившейся ситуации автор скептически относится к переселению в Абхазию инородцев: «Из великого, еще не исчисленного количества земель, только 24 000 десятин отведено для переселенцев; наибольшее число таковых — оборванцы из Турции породы армян и греков, а русским досталась пока одна крохотка сухумской землицы»[2].

В результате такой недальновидной политики Кавказ сделался не русским, а «грузинским, армянским, абхазским»[3]. Безусловно, здесь со всей очевидностью про-

---

[1] *Зыкова Г. В., Шахматов Б. М.* Молчанов Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 121–122.

[2] *Молчанов А. Н.* По России. СПб.: Издание Картографического заседания А. Ильина, 1884. С. 402.

[3] Там же.

является высокомерное отношение автора к народам, волей или неволей, вошедших в состав Российской империи. Он не рассматривает их в качестве полнокровных граждан страны. Вместе с тем, точки зрения исторической действительности, подобное утверждение имело определенное основание. К тому времени влияние грузинской и армянской элиты на принимаемые решения различных политических, экономических и культурных вопросов было значительным. Но этого нельзя сказать об абхазской элите и о народе, часть которого, оставшаяся после последней русско-турецкой войны на родине, была объявлена «виновным населением» и лишена многих гражданских прав, в том числе права проживания в городах и приморской полосе. Таким образом, не приходилось говорить не только о каком-то «абхазском Кавказе», но и даже об «абхазской Абхазии».

Рекомендации Молчанова по улучшению обустройства русских переселенцев столь радикальны, что они не могли не только способствовать решению вопроса, а скорее усугубили бы и без того напряженную политическую обстановку. В частности, он пишет: «Отчего бы не заставить местное население, довольствующееся одной кукурузиной в день, коснеющее в тунеядстве, балующееся разбоем и не боящееся никаких лихорадок, не заставить его приготовить местечко для русского мужика, очистив лес, прорыв канавки и построив дом? Такая натуральная повинность была бы вполне справедливой, ибо русский мужик несет на себе в России массу повинностей, а кавказский туземец — ровно никаких: ни дорожных, ибо дорог нет, ни рекрутских, ни обывательских»[1].

Возражать тому, что русский мужик нес массу повинностей не приходится, но немало повинностей несло и коренное население, которое автор шаблонно именует «туземным». Оно было обложено увеличенной податью,

[1] Там же. С. 406.

вместо прохождения воинской повинности должно было выплачивать дополнительный денежный налог.

Еще один вопрос, рассмотренный Молчановым, — образование в Абхазии. Он пишет: «Абхазцы не имеют ни собственной грамоты, ни письменности, ни определенной религии. Они даже шапок еще не научились носить. Но школы есть, население учится охотно, есть миссионеры и церкви, содержимые на русские деньги. Отчего же я встречаю здесь так редко знающих по-русски. Вот тут-то и открывается ларчик кавказской логики. Оказывается, что абхазцам сочинили азбуку только не из русских букв, а из грузинских; что их учат не русскому языку, а грузинскому, столь же непонятному для них и далекому, как и русский, французский или английский, что им служат в церквах обедни, вечерни только не по-абхазски, не по-русски, а на грузинском языке; что у них все учителя, все священники — грузины, что и благочинный, и епископ над ними — тоже грузины. Не подумайте, что это случайность, одна из комических пьес, нечаянно выползшая из-под игривой руки какого-нибудь бюрократа. Нет, это система обдуманная и прямолинейная. Не одни абхазцы грузинизируются; бедных осетин также учат не русскому, а грузинскому языку. Русский переселенец, желающий учиться или молиться, тоже обязан знакомиться с великолепием грузинского наречия. Мало того, даже суды Кавказа завели повестки на грузинском языке и рассылают их не только абхазцам, но и русским. Так, мне передали здесь повестку по-грузински, адресованную черноморской казачке Авдотье Лысенковой…»[1].

Несмотря на «развязную» и «морализаторскую» тональность повествования Молчанову все-таки удалось достаточно тонко уловить некоторые тенденции, описываемого им времени. В частности, автор верно отражает наметившиеся попытки грузинизации абхазов и осетин, ведение церковных служб и занятий в учебных

[1] Там же. С. 407.

заведениях на грузинском языке. Правда, и здесь он не всегда точен. Как известно, 1860-е гг. уже были созданы бароном П. К. Усларом абхазский алфавит и грамматика, выпущен в свет «Абхазский букварь», составленный комиссией под руководством И. А. Бартоломея. Начали функционировать также Сухумская горская школы и несколько церковно-приходских школ, где обучение было на русском языке, и где преподавалась абхазская грамота. Безусловно, таких учебных заведений в начале 1880-х гг. было мало, и они не могли удовлетворить потребностей просвещения народа.

В Сухуме Молчанов познакомился с проживавшими в городе известными личностями. В книге есть рассказ о встрече с краеведом, натуралистом и археологом, автором многих статей об Абхазии В. И. Чернявским, с сотрудником журнала «Отечественные записки» Г. Н. Михайловским, который вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным был соредактором издания.

***

Автор еще одного сочинения о Кавказе, где есть упоминания об Абхазии, — популярная в свое время писательница и беллетрист Вера Петровна Желиховская (1835–1896), дочь писательницы Е. А. Ган и сестра известного религиозного философа Е. П. Блаватской. Родилась в Екатеринославе. «Получила домашнее образование. Ранее детство прошло в Одессе. После смерти матери (1842) жила в Саратове у дяди, общественного деятеля и публициста А. М. Фадеева, затем — в Тифлисе и Гродно у отца. <…> В 1855 г. вышла замуж за помещика Псковской губернии Н. Н. Яхонтова, брата поэта А. Н. Яхонтова. После смерти мужа (1858) переехала с детьми в Тифлис <…>. В Тифлисе Желиховская вторично вышла замуж за директора классной гимназии В. И. Желиховского. <…> После смерти второго мужа (1880) осталась почти без средств, Желиховская пятью детьми переехала в Одессу, а в 1885 г — в Петербург, где всецело занялась литератур-

ной деятельностью»[1]. В. П. Желиховская ушла из жизни в 1896 г. в Санкт-Петербурге, похоронена — в Одессе.

Желиховская начала печататься с 1870-х гг. Сотрудничала со многими периодическими изданиями — детских журналами: «Игрушечка», «Родник», «Детское чтение», Задушевное слово»; журналах для семейного чтения — «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописный обзор»», «Природа и люди», а также печаталась в журналах: «Русское обозрение», «Гражданин», «Север», в газетах «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «Новости» и др. «наибольшую известность Желиховской принесли рассказы и повести для детей <>. Особо выделяется автобиографическая повесть в двух частях: "Как я была маленькой" и "Мое отрочество", переведенная на ряд иностранных языков»[2].

Кавказской теме посвящены ее свои произведения «Кавказский легион» (1887), «Князь Илико», «В татарском захолустье» (1888), «В осетинских горах» (1894), «Кавказские рассказы» (1895) и т. д. В 1880 г. в журнале «Русский вестник» был опубликован рассказ «На Черном море», в котором действия происходят в Сухуме. А после ее смерти отдельно была издана книга «По берегам Черного моря. (Из писем к подруге)» (1908), в которой упоминаются Абхазия и Сухум.

Книга Желиховской «Кавказ и Закавказье» вышла в 1885 г. В нее вошли общий очерк Кавказского края, главы, посвященные Грузии и грузинам, жителям кавказского края (армянам, татарам и горцам, казакам). Об Абхазии и абхазах — всего несколько абзацев. Сообщается, что в Абхазии имеются табачные посевы. Главной бедой Абхазии автор называет отсутствие дорог. Касается послед-

[1] *Никольская Т.Н., Крылова Г. А.* Желиховская Вера Петровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 262–263.

[2] Там же. С. 263.

ствий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда большая часть абхазского народа вынуждена была покинуть родину: «Город Сухум-Кале, на Абхазском берегу моря, сильно потерпел во время последней турецкой войны, и окрестности его обезлюдели после переселения абхазцев в Турцию. Хотя они оттуда вернулись на следующий год, но большая половина несчастных перемерла от холоду и голоду, — так негостеприимно приняли единоверцы их, турки»[1]. Учитывая, что от популярного издания трудно было требовать серьезного анализа событий, отметим сочувственный тон автора по отношению к ним. В целом, работа показывает, как тяжело и медленно протекал процесс культурного развития Кавказского края, в том числе и в Абхазии.

* * *

В 1885 г. в Москве была издана небольшая книжка «Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре». Имя автора не обозначено на обложке, но присутствует в конце текста: «Паломник М. Сизиков». Некоторые сведения об авторе содержатся в «Монахологии Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне». В нем он обозначен как схимонах Мариан, мирское имя — Михаил Иванович Сизиков. Отставной писарь из города Санкт-Петербурга. Родился в 1843 г. <…> Прибыл на Афон 2 августа 1875 г., в мантию — 9 октября 1876 г., в схиму — на Новом Афоне в январе 1896 г. Послушание проходил клиросное, в канцелярии, эклесиархом, на Новом Афоне. Преставился на Новом Афоне 7 августа 1918 г.

В 1881–1888 гг. писал письма из Ново-Афонского монастыря игумену Макарию и духовнику Иерониму»[2].

---

[1] [*Желиховская В. П.*]. Кавказ и Закавказье. С картой Кавказа. В. Желиховской. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1885. С. 19.

[2] Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. Т. 2. С. 643.

Путешествие М. Сизикова было предпринято осенью 1883 г. О причинах, подтолкнувших его в дорогу, автор пишет: «Мы мало знаем свое обширное отечество, особенно окраины, как например — Кавказ». Основная часть книги посвящена устройству монастыря на новом месте, которое получило название Нового Афона. «В 1876 году, горсть монахов со св. горы — Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, по Высочайшему разрешению прибыла в полудикую Абхазию, с целью возжечь и разлить, потушенный несколько веков тому назад, свет учения Христова, между жителями ее, которые, коснея в невежестве, ведут слишком жалкую жизнь. И вот эта-то горсть смиренных сердцем, но твердых духом веры, надежды и любви, несмотря ни на какие труды, лишения и препятствия, - положила основание той светлой точки, с которою я хочу познакомить своих читателей, и которая носит наименование Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря»[1].

Далее Сизиков кратко описывает саму местность и монастырские постройки. «Монастырь это расположен при подошве Абхазских гор, по склону, на самом берегу Черного моря. Он образует собою неправильный четырехугольник и состоит из нескольких зданий, которые, хотя по архитектуре не принадлежат к разряду изящных, но по удобству, опрятности и общей гармонии своей представляют из себя приятную панораму, особенно с моря, чему также много способствуют, дивные по красоте своей и разнообразной растительности горы, со своими рельефными выступами, обрывами, ущельями и трещенами»[2]. Читатель получает сведения о монастырских постройках, окрестностях обители, в частности, об Афонской горе, «где, по преданию абхазцев, была пе-

[1] *Сизиков М. И.* Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. М.: Тип. И. Ефимова, 1885. С. 2.

[2] Там же. С. 2.

щера св. Апостола Симона Кананита»[1]; о существующей при монастыре школе для 20 абхазских мальчиков-сирот. Возрождение Ново-Афонского монастыря, свидетелем которого был Сизиков, тем более поразителен, если вспомнить о его недавнем разрушении турками во время войны 1877–1878 гг. Героическим трудом настоятелей Арсения и Иеронима, братии монастыря обитель была восстановлена и продолжила свое благотворное воздействие на край и паству.

Отношение абхазов к деятельности монастыря Сизиков описывает так: «Абхазцы, на первых порах, недружелюбно относившиеся к монастырю, потому что не имели никакого понятия о полезных удобствах и средствах жизни, засевая немного кукурузы и живя в своих крайне жалких саклях, ничем боле не занимаясь, имели большую наклонность к воровству, а к труду, особенно по найму, относились с презрением и считали это за стыд. Теперь же, видя большую пользу деятельности иноков, сами просят работы, к которой их и приучают, и дают, таким образом, им средства к существованию, особенно зимой»[2]. Наблюдения автора не демонстрируют глубокого понимания жизни абхазов, однако ситуативные внешние проявления их взаимодействия с монастырем переданы верно.

Изменившееся отношение абхазов к образованию произошло не без влияния братии Ново-Афонского монастыря. Сизиков пишет: «Прежде они гнушались русской грамотностью и боялись детей отдавать в школу; теперь же всегда есть много желающих поступить в школу, и многие неотступно просят о принятии их детей в школу, в каковом религиозном образовании абхазских мальчиков Ново-Афонский монастырь, при скудности своих средств, принимает всевозможные меры»[3]. Действительно, Ново-Афонский монастырь сыграл большую

[1] Там же. С. 5.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же С. 10.

просветительскую роль в истории Абхазии, воспитав целую плеяду, внесшую значительный вклад в развитие культуры и экономики региона.

Некоторые исследователи полагали, что автором рассмотренной работы был архимандрит Леонид Кавелин[1], на книге которого подробно остановимся ниже. Отметим, что на авантитуле брошюры М. Сизикова, наряду с названием, содержится особый текст, гласящий: «Первая книжка о Ново-Афонской обители».

***

В том же 1885 г. увидела свет книга «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь»[2]. На обложке книги автор был обозначен так: «Составил А. Л.». Под «А. Л.» скрывалось имя архимандрита Леонида, полное имя которого в миру — Кавелин Лев Александрович. Родился он в 1822 г. в семье козельского дворянина — участника Отечественной войны 1812 г., в селе Спас-Волженском Вяземского уезда Смоленской губернии. Матерью его была двоюродная сестра адмирала П. С. Нахимова. Л. А. Кавелин доводился племянником владимирскому губернатору и директору Главного педагогического института Д. А. Кавелину и двоюродным братом историку и философу К. Д. Кавелину. В 1835 г., по окончании 4-го класса Калужской гимназии, был определен в 1-й Московский кадетский корпус, где проучился до 1840 г. включительно. В это время у него проявились

---

[1] См.: *Воронов Ю. Н.* Листая страницы старых изданий. 100-летие первой книги по истории Абхазии // Советская Абхазия. 13 марта. № 52(16949); *Дорофей (Дбар), иером.* Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Сухум: Алашара, 2005. С. 33.

[2] [*Архимандрит Леонид*]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря / сост. А. Л. М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1885.

религиозность и интерес к литературной деятельности. В числе лучших воспитанников принимал участие в юбилейных маневрах на Бородинском поле в 1839 г. После чего по предложению начальства составил их описание и написал стихотворение «Бородинское поле». По завершении учебы в кадетском корпусе был определен прапорщиком в лейб-гвардии Волынский полк. Там он познакомился с издателем «Маяка», редактором «Иллюстрации»; посещал Введенскую Оптину пустынь, изучал Священное Писание и творения Отцов Церкви, что определило его дальнейшую судьбу. Находясь еще на военной службе, начал публиковать свои статьи и очерки. Кавелин, приняв решение о монашестве, в 1852 г. вышел в отставку с чином капитана и поступил в число послушников Оптиной пустыни, где пребывал в 1852–1857 и 1859–1862 гг. В 1857 г. был пострижен с именем Леонид. В Оптиной пустыни он изучал церковно-археологические древности Калужской области, составил каталог старопечатных книг, хранящихся в церквах и библиотеке Оптиной. В том же году был рукоположен сначала во дьякона, и затем — в иереи. С февраля 1858 по май 1859 г. был одним из сотрудников Русской духовной миссии в Иерусалиме. Однако по сложным служебным обстоятельствам возвратился в Оптину, посетив на обратном пути Афон. В Оптиной возобновил свои литературные и историко-археологические занятия. Печатался в местных изданиях: «Калужских епархиальных ведомостях», «Калужских губернских ведомостях», «Церковной летописи Калуги», а также в «Чтениях Московского общества истории и древностей». В 1863 г. был назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, с возведением в сан архимандрита. Но и на этот раз его служба в Иерусалиме оказалась кратковременной. Он был перемещен в Константинополь настоятелем церкви российского посольства. К этому периоду относится посещение Балкан, где познакомился с южнославянскими монастырскими библиотеками, итогом чего стали ста-

тьи по истории монашества на Балканах. В 1869 г. было принято решение о назначении архимандрита Леонида настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, где, при участии фабриканта П. Г. Цурикова, им были предприняты крупные реставрационные работы в Воскресенском соборе и во всем архитектурном ансамбле монастыря. Проводил работу по созданию музея патриарха Никона, открытого в 1874 г. Вскоре после этого, в 1877 г., был назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Летом 1884 г. два летних месяца провел в Абхазии, в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, посещая и другие христианские памятники. Результатом поездки стала книга. Архим. Леонид ушел из жизни в возрасте 69 лет, в 1891 г., погребен со стороны алтаря лаврской Духовской церкви.

Литературное наследие архим. Леонида настолько разнообразно и широко, что его по праву считают не только богословом, но и историком, археографом, библиографом, переводчиком. Он владел классическим и новогреческим языками, а также — польским, французским, немецким, английским, турецким и арабским. Архим. Леонид был членом многих обществ и академий: почетным членом Московской духовной академии, членом Сербского ученого общества в Белграде, членом-корр. Императорской Археографической комиссии, действительным членом Императорского Московского общества истории и древностей российских, действительным членом Московского общества любителей духовного просвещения, действительным членом археологических обществ Санкт-Петербурга и Москвы, членом Православного Палестинского общества, членом-корр. Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности. Им опубликовано около 300 научных работ, в числе которых «Историко-археологическое и статистическое описание первоклассного Боровского Пафнутиева монастыря (Калужской губернии)» (1859), «Историческое и археологическое описание

Тихоновской Калужской пустыни» (1862), «Историческое описание Белевского девичьего третьеклассного Крестовоздвиженского монастыря» (1863), «Историческое описание Борисовской Тихвинской девичьей пустыни» (1872), «Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам» (1876), «История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужской епархии» (1876) и др.[1]. Творческая биография архим. Леонида включает сотрудничество с графиней П. С. Уваровой; им были обстоятельно описаны ее рукописи[2], хранившиеся в Порецком музее Уваровых.

Книга архим. Леонида «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» занимает важное место в изучении истории Абхазии. На нее часто ссылаются исследователи, поскольку в ней «по существу сделаны первые научные наброски по истории Абхазии»[3]. Книга была издана «в пользу строящейся обители».

Труд архим. Леонида «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» состоит из двух частей, в каждой из которых по четыре главы. В первой части: «Географическо-исторический очерк Абхазии», «Судьба христианства в Абхазии», «Памятники христианства в Абхазии», «Нравы и обычаи абхазцев», а также имеются «исторические приложения». Вторая часть це-

---

[1] Биографические сведения об архимандрите Леониде (Л. А. Кавелине) почерпнуты из статьи И. Ю. Смирновой // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: htts:/www.proavenc. ru/text/2463435. html (дата обращения: 10.10.2021). Отметим, что в биографических сведениях архимандрита Леонида имеются некоторые разночтения, на которых мы остановимся ниже.

[2] Уварова Прасковья Сергеевна. URL: http://histpol.pl.ua/ru/lichnosti/ istoriki-kraevedy-i-arkheologi (дата обращения: 21.10.2021).

[3] *Бгажба О. Х.* Кавелин Леонид (Лев Александрович) // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. Москва; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 356.

ликом посвящена Ново-Афонскому монастырю и состоит из глав: «Местоположение монастыря», «Исторический очерк монастыря с 1876–1885 года», «Хозяйство монастыря», «День монастыря и разные заметки».

Источниками, как указывает архим. Леонид, послужили публикации, «разбросанные в разных повременных кавказских (тифлисских) изданиях», «монастырские записки» и, что важно, собственные «личные наблюдения»[1].

Традиционно начало книги. Ее открывает географическо-исторический очерк Абхазии, в котором обозначены современные границы края, названы равнины (Бамборская, Сухум-Калеская и Кодорская), перечислены девять наиболее значительных рек («горных» и «по причине быстрого течения, несудоходных»). Вслед за другими авторами архим. Леонид разделяет климат на две категории: здоровый и «небезопасный» для проживания. Нагорная часть определяется как пригодная, а прибрежная как жаркая и лихорадочная. Отмечено богатство растительного мира Абхазии — «строевой лес, годный для кораблестроения» и фруктовые деревья, которые автор не причисляет к дикорастущим. Сказано также о горной фауне, о минеральных источниках («подобных Нарзану»), о видах хозяйственной деятельности коренного населения (хлебопашестве, виноделии, скотоводстве). В отношении рыболовства автор утверждает, что им «вовсе не занимаются». Нужно заметить, что об этом виде промысловой деятельности информация у русских авторов противоречива. Одни фиксируют наличие рыболовства в хозяйственной жизни абхазов (напр. Ф. Ф. Торнау), другие же, как А. Лаврентьев и архим. Леонид, пишут о его отсутствии. Дело в том, что сообщения этих авторов относятся к разным периодам. После трагических событий махаджирства в среде абхазского народа рыбный

[1] *Архимандрит Леонид*. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М.: 1885. С. 5.

промысел стал непривлекательным по морально-этическим соображениям. Отказ от употребления рыбы мотивировался тем, что она питалась останками умерших родственников, выброшенных с кораблей в море во время следования на другой берег.

В сельском хозяйстве, как отмечает автор, культуру табаководства начали внедрять армяне-переселенцы, а русские привнесли огородничество. Перечислен состав главных блюд абхазской кухни. Даны сведения о народонаселении по участкам; общее же количество абхазов, по данным автора, составляло 52 тыс. душ. «Население это живет в 60 селениях: у христиан считается 20 приходов; священники в них из грузин (имеретинцев), отправляют богослужение на церковном грузинском языке, которого простой народ вовсе не разумеет, хотя некоторые и знают разговорный грузинский язык по собственным, личным надобностям»[1].

Истрия Абхазии представлена в книге с древнейших времен. Автор стремится изложить ее не отдельными периодами, а цельно, последовательно связывая важнейшие исторические события. Исключение составляет «генуэзский период». Привлечены сведения древнегреческого историка Флавия Арриана, византийского историка Прокопия Кесарийского, грузинские летописи. Учтена справка комментатора сочинения византийского историка Дестуниса о том, что «Авазгов Прокопия можно приурочить приблизительно к нынешнему Сухумскому [округу], т. е. туда же, где живут абхазы и поныне»[2]. Архим. Леонид упоминает важнейшие греческие колонии, основанные «милетскими выходцами» на берегах Абхазии: «Питиус (Пицунда), большой город во времена Страбона, Зуфу, ныне Лихна (правильно — Лыхны. — *В. А.*), Анакопия (Никопсия, где ныне Афонский Симоно-Кананитский монастырь), Диоскурия, известный при

[1] Там же. С. 9–10.

[2] Там же. С. 10.

римлянах под названием Севастополиса (ныне Сухум), служивший складочным местом всей торговли окрестных жителей; Фазис при устье Риона; затем Илори, Бедия (Егриси) и другие»[1]. Упомянуто, что, во времена римского императора Диоклетиана (кон. III — нач. IV в.), Абхазия стала местом ссылки преступников и гонимых тогда христиан. Уделено внимание персидско-византийским войнам, в ходе которых «Абхазия находилась на стороне византийцев (ромеев) и принимала деятельное участие в этой столетней войне»[2]. В то же время освещены непростые взаимоотношения Абхазии и Византии, которая противодействовала намерению абхазов «утвердить свою самостоятельность». В результате военных действий Византия укрепила свою власть в Абхазии. «Следствием этого подчинения, — пишет архим. Леонид, — было: во-первых, распространение в первой половине VI века христианства между абхазами и построение первого христианского храма императором Юстинианом в Питиунте (Пицунде) во имя Богоматери, в 551 году; храм этот сохранился до нашего времени. Во-вторых — усиление нравственного влияния абхазов на соседние народы, так что, по грузинским историкам, страна эта, в начале VII века получивши от императора Ираклия[3] собственного правителя, с титулом архонта, имевшего местопребывание в Анакопии (Никопсии), сделалась сильным царством и подчинила себе горные народы и Лазику»[4].

Освещая историю Абхазского царства, автор ограничивается правлением слепого и бездетного Феодосия II (то есть 985 г.), который назначил после себя сына родной сестры Гурандухты — Баграта, «нареченного еще в малолетстве грузинским царем под именем Баграта III».

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Византийский император (610–641) — основатель династии Ираклиев

[4] *Архимандрит Леонид.* Указ. соч. С. 11.

Период, когда «судьба Абхазии сливается с судьбою Грузии», у архим. Леонида описан более детально. Автор следует грузинской историографии. Между тем ученые, рассматривающие это государственное образование в качестве грузинского, несмотря на их многочисленные толкования, по сей день не дали убедительного ответа на вопрос: почему в титулатуре последующих царей (в том числе и самых знаковых — Давида и Тамары) первым значится словосочетание «царь абхазов». Не вступая в дискуссию и анализ различных точек зрения на данную тему, все же отметим, что вряд ли такая формулировка была случайной или следованием малозначимой традиции. Архим. Леонид и сам вносит уточнение в свое утверждение: «Впрочем, Баграт III и его преемники до царя Давида возобновителя (1039–1130) именовались абхазо-имеретинскими царями»[1]. На царе Давиде не заканчивалось именование царей «абхазскими», и историческая преемственность с Абхазским царством подчеркивалась. «Весьма показательно, — пишет Г. А. Амичба, — что в XII в. сын грузинской царицы Тамар и осетинского царевича Давида Сослана — Георгий (царь Георгий IV в 1207–1222 гг.) носил абхазское эпитетное имя Лаша, которое можно перевести как “светоч”, “просветитель вселенной”»[2].

Архим. Леонид вскользь касается и событий периода монгольских завоеваний, в результате которых, по его словам, Грузинское «царство распалось окончательно» и Абхазия «управлялась князьями Шервашидзе»[3]. Необойденным оказался даже вопрос о происхождении княжеской фамилии Шервашидзе. На этот счет в научной литературе существуют различные точки зрения. Архим. Леонид приводит версию, по которой она про-

[1] Там же. С. 12.

[2] *Амичба Г. А.* Средневековый период (IV–XVIII вв.) // Абхазы. Изд. 2-е, испр. / отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2012. С. 69.

[3] *Архимандрит Леонид*. Указ. Соч. С. 13.

исходит «от потомков Ширван Шахов», которым было вручено управление Абхазией. С 1462 г. «до предпоследней турецкой войны страна эта управлялась князьями Шервашидзе, считаясь независимым княжеством»[1], — отмечает автор. Данное утверждение не совсем точное, поскольку Крымская война («предпоследняя») велась в 1853–1856 гг., а Абхазское княжество было упразднено в 1864 г. Заметим, что сам автор ниже указывает точную дату введения в Абхазии «непосредственного управления русских властей».

Кроме того, формулировка «независимое княжество» вступает в определенное противоречие с другими, им же приводимыми фактами: о «повиновении» Абхазии Турции и вступлении ее в «подданство» России в 1810 г. В отношении последнего акта автор говорит, что «Сефир-бей, владетельный князь Абхазии из рода Шервашидзе, добровольно принял подданство России и вместе с тем христианскую веру. Сефир-бею дарована Высочайшая грамота, в силу которой князья Шервашидзе признаны правителями Абхазии и утверждены в подданстве России»[2]. Затем следует хронология событий, в которой приведены факты, имевшие важное значение: усмирение мятежей и восстаний, военные экспедиции, учреждение архиерейской кафедры, упразднение постов, постройка башни в ущелье близ Гагры и т. д. Более развернуто переданы события, связанные с Лыхненским восстанием 1866 г. и Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Картина, обрисованная архим. Леонидом в этой части книги, не всегда объективна. Например, сочувственно говоря о переселенцах, их «несчастной участи», он определяет количество «до 10 тысяч». При этом причину видит лишь в том, что они «наслушались фанатических мулл». Введение в Абхазии непосредственного русского правления связывает

[1] Там же.
[2] Там же.

исключительно с «интригами» владетеля Михаила, что тоже является упрощением.

Немалое место в своей книге архим. Леонид уделяет Самурзакани, истории ее административного определения. В отличие от А. Лаврентьева, заключает: «Нет сомнения, что округ этот, спорный между владетелями Мингрелии и Абхазии, должен был принадлежать Абхазии, так как его жители абхазского племени и ничего общего не имеют с мингрельским»[1].

Учреждению в Самурзакани института приставства предшествовали сложные взаимоотношения Абхазии и Мингрелии, женитьба владетеля Сафар-бея на мингрельской княжне. В примечании к тексту о Келеш-бее (в тексте неверно — Келем-бей) («человеке большого ума, храбром, предприимчивом») дано пояснение: «Владетель Мингрелии молодой Дадиан, полагая приобрести в воинственном Келим-бее покровителя себя и своему народу, против теснившего его Имеретинского царя Соломона, решился выдать замуж за сына его Сафир-бея свою родную сестру, вопреки воли своей родительницы (сестры Грузинского царя Георгия). Это родство не спасло несчастную Мингрелию от замыслов Келим-бея…»[2] Архим. Леонид приводит данные об отношении некоторых русских военачальников к Самурзакани — А. П. Ермолова, Г. В. Розена («особенно благоволившего к Дадиану»), Н. Н. Раевского.

В Приложении изложено содержание древних письменных источников — сочинений римских писателей: Страбона, Флавия Арриана и византийского историка Прокопия Кесарийского, а также иностранных историков более позднего времени, состоявших в русской службе: И. М. Штриттера (в тексте — Штраттер), М. И. Броссе, В. Р. Розена. По своему объему эта часть текста превосходит главу, приложением к которой она является. В ней

[1] Там же. С. 16.

[2] Там же.

емко и развернуто показана история Абхазии с I в. до н. э. по XII в. н. э., начиная с древнеабхазских племен гениохов, санигов, апсилов, абасгов до появления на исторической арене владетелей Абхазии из рода Шервашидзе. Нам представляется, что композиционная структура книги архим. Леонида (сопровождение основного текста приложением из письменных источников) была заимствована Д. И. Гулиа в своей «Истории Абхазии»[1]. Однако у Гулиа количество источников значительно расширено, тексты поданы не в изложении, а в переводе на русский язык.

В главе, посвященной истории христианства в Абхазии, архим. Леонид обратился к материалам статьи А. Н. Введенского «Религиозные верования абхазцев» из «Сборника сведений о кавказских горцах» (1871. Вып. 5). Начало проповеди Евангелия на Абхазской земле, по «свидетельству греческих писателей и местного предания», связывают со святыми апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом. При этом «собственно приобщение абхазцев к среде христиан надобно считать с половины VI в.»[2], — пишет архим. Леонид, отмечая сложности, с которыми сталкивались проповедники учения в ходе своей проповеднической миссии. Строительство храма Божией Матери в Пицунде — одно из знаковых событий христианской истории региона. Храм стал играть важную роль «не только в истории религии абхазцев, но и в политической жизни края». Архим. Леонид называет имена шестнадцати «абхазских» католикосов, сообщая при этом, что в начале X столетия в Абхазии существовало пять епархий: в Пицунде, Анакопии (Никопсия), Дранде, Илоре и Мокве. Последовавший затем упадок христианства увязывает с началом управления Абхазией «князьями из рода потомков Ширван-Шаха, князьями Шервашидзе».

---

[1] *Гулиа Д. И.* История Абхазии. Тифлис: Изд-е Наркомпроса ССР Абхазии, 1925.

[2] *Архимандрит Леонид*. Указ. соч. С. 20.

С приходом их на владетельский трон Абхазии происходит «ослабление в ней Христианства». Процесс этот протекал постепенно и в разных частях страны имел свои особенности. Согласно автору, Анакопия и Дранды утратили свое значение раньше. «Они пали давно и, кроме храмов, ничто не свидетельствует об их бывшем величии»[1]. Пицунда как очаг Христианства продержалась до XVII в., когда католикос Захарий «оставил свою резиденцию и только изредка приезжал для совершения в храме торжественного служения в храмовый его праздник (15 августа)»[2]. В то же время архим. Леонид, вслед за многими авторами, писавшими о Пицундском храме, подчеркивает, что и после оставления его «уважение народа к святыне храма» было очень велико. При этом задается вопросом: почему падение Христианства в Абхазии совпадает со временем принятия края в подданство христианской державы? Ответ на поставленный вопрос видит в «направлении, которого держались владетели Абхазии, князья Шервашидзе»[3]. По существу, такой ответ является поверхностным, можно сказать, даже неверным. Потому что как раз сами владетели Абхазии — и Георгий (Сафар-бей), и Михаил (Ахмуд-бей) исповедовали Христианство, и после смерти оба были похоронены соответственно в Лыхненском и Моквском храмах. Правда заключается в том, что остальные представители рода Шервашидзе исповедовали разные религии: одни — христианскую, другие — ислам, т. е. и в вопросе религии не было единства, что сказывалось и на взаимоотношениях в политической сфере. Вообще ощущается отрицательное отношение архим. Леонида к фамилии Шервашидзе; за редким исключением, представители рода характеризуются в его тексте преимущественно негативно. В то же время полезны его ссылки на «слова народа» о том, что «первыми, приняв-

[1] Там же. С. 23.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 24.

шими магометанство, были люди знатные, преимущественно из высших фамилий (князьков), имевшие торговые дела с турками»[1].

Религиозные верования, бытовавшие в абхазской среде, представляют для архим. Леонида «полнейший сумбур». «Здесь можно встретить, — пишет он, — обряды всех верований, начиная от фанатизма до христианства»[2]. Рассуждая о религиозном состоянии абхазов, автор указывает на роль турецких проповедников, которые преследовали «скорее политические, коммерческие, нежели религиозные» цели. По его мнению, «они указывали ему (народу. — *В. А.*) на притеснения, претерпеваемые соседними им горцами от гяуров — русских; объясняли притеснения эти преследованием веры и внушали тем в народе, никогда не испытавшем религиозного гонения, ненависть к преследователям»[3]. В данном случае архим. Леонид дает верную оценку ситуации, тонко уловив то, что оставалось незамеченным многими авторами. В сложившейся конфессиональной ситуации русское военное начальство в Абхазии долгое время не предпринимало ничего, чтобы исправить это положение в пользу России. Повторим, что проводимые из раза в раз силовые акции в виде военных экспедиций в горные районы Абхазии не способствовали сближению населения с начальством. Успехи этих операций оказывались временными, создавая у победителей лишь иллюзию окончательного усмирения. На самом деле они приводили к обратным результатам. Неискушенный в политических хитросплетениях народ воспринимал турецкую пропаганду как правдивую, не задумываясь над тем, что она преследует собственные интересы. Вместе с тем автор отмечает, что, несмотря на заметное влияние турок, они не смогли вытеснить «некоторые древние христианские обряды, перешедшие в обычаи». Это подкреплено при-

[1] Там же. С. 25.
[2] Там же.
[3] Там же.

мером празднования Св. Пасхи с описанием обрядовых действий.

В завершение главы архим. Леонид дает свое видение в отношении необходимых мер по восстановлению Христианства в Абхазии: «Необходимо было бы начать с приготовления пастырей из природных абхазцев, которые бы, усвоив себе научно и чрез религиозное воспитание — практически христианское вероучение, были бы способны передавать оное своим соплеменникам на живом, понятном их народу языке и были бы в состоянии завести в своих приходах церковно-приходские школы для обучения детей обоего пола славянско-русской грамоте (чтению и письму) и молитвам»[1]. При этом автор специально оговаривает, что как несправедливо было бы в грузинской церкви вводить богослужение на церковнославянском языке, точно так же нецелесообразно в открываемых приходах вводить обучение на грузинском языке, поскольку абхазский язык «не имеет ничего общего с грузинским». В этой связи укажем, что активизировавшийся процесс учреждения церковно-приходских школ, несомненно, оказал благотворное влияние на развитие просвещения в Абхазии. Многие выпускники этих школ стали просветителями своего народа.

Христианским памятникам Абхазии посвящена следующая глава книги. В нее включены описания отдельных храмов (в Гагре, Лыхны, Дранде, Илори и Мокве) с использованием литературных источников, в частности статьи Д. Бакрадзе «Кавказ в древних памятниках христианства» (1875). Описание храма Пицунды, храмов в урочище Амбара и Анакопии (храма и крепости) стало результатом личных исследований архим. Леонида, а сведения о развалинах монастыря в Камане автору сообщил о. Иннокентий. Благодаря усилиям последнего были получены снимки фотографа С. Боханова, снявшего «рисунки со всех памятников христианства в Абхазии».

[1] Там же. С. 27.

Описание храмов в книге архим. Леонида дано в контексте исторических событий, прослеживается их судьба с момента основания, названы имена основателей, в честь какого святого или события воздвигнуты, отмечаются их внешний облик, внутреннее убранство, сохранившиеся надписи и т. д. В отдельных случаях автор дает подробное описание местности, где расположен храм; фиксирует названия близлежащих сел (Лдзаа, Джирхуа, Анхуа, Поквеш, Джал и др.). В особенности это касается тех памятников, которые изучались непосредственно самим автором (Пицунда, Амбара, Анакопия). Определенный интерес представляет информация о сопровождавшем его в путешествиях абхазе С. С. Лакербая. Это был «местный абхазский землевладелец (бывший офицер Абхазской милиции)», владевший «участком в 200 десятин, полученным им от нашего правительства за службу»[1]. Архим. Леонид первым приступил к научному изучению храма в Амбаре; прежде о нем не упоминалось в литературе о христианских памятниках. «Описываемые нами развалины, — писал архим. Леонид, — едва ли известны местным археологам, <…> ибо о них не упоминается вовсе в статье Д. Бакрадзе. <…> Их указал нам вышеупомянутый абхазский землевладелец, 70-летний старец, С. С. Лакербай, и для безошибочного доступа к ним обязательно предложил нам в проводники своего старшего сына»[2]. Отметим, что исторические сведения о храмах в книге архим. Леонида отличаются полнотой. Имеющиеся в отдельных случаях недостатки и неточности следует отнести к издержкам состояния их изученности в то время.

Для главы об абхазских нравах и обычаях архим. Леонид воспользовался материалами преподавателя Сухумской горской школы К. Д. Мачавариани (в тексте — Мачариавели). При этом ссылка дана на «рукописное

[1] Там же. С. 41.
[2] Там же. С. 43.

сочинение, написанное в роде повести» и «обязательно сообщенной нам самим автором». Как видно, архим. Леонид лично общался с еще начинающим, а впоследствии ставшим видным научным и общественным деятелем и краеведом Константином Давыдовичем Мачавариани. Рукописью, на которую указывает архим. Леонид в качестве источника, предположительно была статья «Некоторые черты из жизни абхазцев», опубликованная в 1884 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (т. 4.). Когда летом этого года архим. Леонид был в Абхазии, статья, вероятно, еще не была напечатана.

В описании абхазских традиций в центр повествования поставлен закон гостеприимства; с ним связано большинство национальных обычаев абхазов. Подробно описан церемониал приема гостя и застолье. Церемонии эти архим. Леонид называет «разными китайскими», т. е. сложными и непонятными, а потому, как ему представляется, излишними. Один из приведенных примеров: «Священная обязанность каждого абхазца при каждом появлении нового лица, и в особенности женщин, вставать и спрашивать о здоровье»[1]. Природную натуру абхаза автор определяет как «кипучую и подвижную», «не выносящую покоя». И еще: «Абхазцы так горды, что для них смерть быть в материальной зависимости от кого бы то ни было»[2]. Включены сведения и об имущественном положении и распределении обязанностей в ведении хозяйства между членами семьи. Жилища крестьянского сословия автор называет «саклями». Несмотря на свою простоту, они постоянно содержатся в чистоте: «Одеяла и вообще вся постель безукоризненно чисты, и нет такого бедняка в Абхазии, который не заботился бы об этой чистоте. Пол в сакле земляной, в день несколько раз поливается водой во избежание пыли»[3]. Архим. Леонид

[1] Там же. С. 72.
[2] Там же. С. 75.
[3] Там же. С. 71.

подмечает, что абхазы «с особенной ненавистью и презрением смотрят на нищих; в действительности в Абхазии нет нищих, нет касты, держащей себя подаянием, чужою милостью»[1].

О распределении обязанностей в хозяйственной жизни абхазской семьи и о трудовом воспитании детей архим. Леонид пишет: «Мальчики с 5 лет пасут домашний скот; с 8 лет учатся владеть оружием и лошадью, а с 10 уже выступают на арену общественной деятельности. Нищих у них не полагается. Если у абхазского крестьянина несколько сыновей, то обыкновенно один остается при доме, другой безотлучно следует за своим стадом и летом угоняет его в горы, а зимою заведует стрижкою овец, сортировкою ягнят и козлят, а также доставкой молока и сыра. Третий же сын, если только выделяется какими-либо качествами, свидетельствующими об его ловкости, то поступает к тому лицу, которое славится в деревне своей энергией, храбростью, ловкостью в воровстве, грабеже и других качествах в этом роде. Вокруг такого лица обыкновенно собирается избранная деревенская молодежь, и в течение нескольких лет они проходят известный курс занятий, направленных исключительно против чужой собственности»[2].

Отражены в книге архим. Леонида социальные и культурные перемены в жизни абхазов. «Мало-помалу абхазцы начинают перенимать хорошие стороны культуры у господствующей расы». В числе позитивных изменений в сознании народа автор называет понимание «пользы европейского образования» и приобщение к «работе за поденную плату». В завершение этой главы автор рекомендует способствовать стремлению абхазов получить образование: «Для абхазцев <…> не столько нужны “прогимназии”, сколько церковно-приходские училища и такие пастыри, которые, усвоив себе хорошо

[1] Там же. С. 75.
[2] Там же. С. 74.

“катехизическое учение” Православной Церкви, будут проповедовать его детям на живом понятном им языке и обучать их русской грамоте, — будучи сами тверды в знании оного»[1]. Родной язык абхазов характеризуется как «самый трудный в звуковом отношении из всех кавказских языков»[2]. Предметом научного исследования он впервые стал в 1840-е гг. в трудах Г. Розена, грамматике П. Услара, наблюдениях турецкого путешественника Э. Челеби, «Абхазском букваре», изданном комиссией под руководством И. Бартоломея.

Построен Ново-Афонский монастырь «на развалинах древней греческой колонии Анакопии». При описании этого места архим. Леонид привел основные сведения о расстоянии от Сухума (20 верст), протекающей рядом реке Псыртсхе, о наличии в ней форели, о пароходе, привозящем каждую неделю из Одессы богомольцев, о ежедневном сообщении монастыря с Сухумом посредством учебного судна и т. д. Названы расположенные в окрестности монастыря различные строения. Среди них три башни и развалины крепости Апсара на гребне горы, церковь («вновь реставрированная») Св. апостола Симона Кананита, «каменный фонтан, увенчанный крестом», часовня, книжный склад, двухэтажная башня, гостиница, церковь Покрова Пресвятой Богородицы и сам строящийся монастырь. Упоминаются хорошо ухоженные сады и плантации фруктовых деревьев. Даны сведения о посещающих монастырь богомольцах, туристах («русских и иностранцах»), которых к 1884 г. было 500 человек. Приезжающие на долгий срок имеют возможность остановиться в гостинице и угощаться «чем Бог послал». «Для пищи <…> монастырь имеет отличный скотный двор и самые свежие продукты, <…> чай и виноградное вино собственного изделия»[3]. Автор подчеркивает: «Все, что построено и строится, есть дело рук нынешнего на-

[1] Там же. С. 75–76.
[2] Там же. С. 76.
[3] Там же. С. 102.

стоятеля обители, отца игумена Иерона, избранного на сие послушание начальными старцами Русского Афонского Пантелеимонова монастыря».

Вторая глава структурно делится на несколько разделов. В первой из них архим. Леонид вновь обращается к историческим сюжетам: введению Христианства в Абхазии, вхождению Абхазии в состав России. В следующем параграфе отражена история создания монастыря. Автор умалчивает о причинах решения основать в пределах Российской империи Ново-Афонский монастырь — о противоречиях, возникших на Афоне между греческими и русскими монахами, о явных притеснениях и вытеснениях последних. Новый монастырь унаследовал имя Святого Афона; по нему стало именоваться и само место — Новый Афон. Разрешение на выбор места и последующую постройку монастыря было получено от наместника Кавказа, князя Михаила Николаевича. В книге эти события и их участники описываются так: «В 1875 году августа 26 дня, с разрешения Великого Князя Наместника, прибыли в Тифлис с Афона иеромонах русского Афонского Пантелеимонова монастыря Арсений и монахи Агапий и Иоанн для приискания и выбора места в Сухумском округе для основания Ново-Афонского монастыря, имевшего быть отделом русской Афонской обители»[1]. 6 сентября 1875 г. произвели осмотр и выбрали место около Анакопии у древнего храма Св. апостола Симона Кананита, а 27 ноября последовало утверждение наместником Кавказа об отводе земли «под усадьбу и угодье» монастыря и «особого участка в 1 000» десятин.

Со ссылкой на Соломона Семеновича Лакербая архим. Леонид помещает рассказы о «нескольких поистине замечательных знамениях», предшествовавших основанию Ново-Афонской обители. Из них заслуживает внимания рассказ об абхазском дворянине, майоре русской службы Гассане (Хасане) Маргания. При постройке свое-

[1] Там же. С. 106.

го дома, несмотря на предостережения «благомыслящих людей», он использовал камни церкви Св. Симона Кананита. В результате Гассан «хотя и построил дом, но жить ему в нем не пришлось: начавшаяся война помешала сему, и Гассан, будучи замешан в возмущении, должен был бежать в Турцию, где, по слухам вернувшихся оттуда его сторонников, погиб сам и все его семейство»[1].

Также помещен рассказ о тревоживших Гассана «ночных страхах», когда он остановился на ночлег в одном из притворов церкви; это вынудило Гассана и его спутников покинуть храм. Нелестные отзывы Лакербая об этой личности («жестокий человек» и т. д.) вполне согласуются с фактами его неблаговидной роли в политической жизни Абхазии, которые приведены в работе Г. А. Дзидзария[2].

В конце ноября 1875 г. с Афона в Псыртсху прибыл иеромонах Иерон в качестве эконома и архитектора, ставший впоследствии настоятелем монастыря. Архим. Леонид высоко оценивает его познания и результаты деятельности «архитектурной и инженерной». В книге также дано описание монастырских построек, приведены подробности строительных работ.

17 октября 1876 г. состоялось торжественное освящение храма благочинным Сухумского отдела Давидом Мачавариани (отцом К. Д. Мачавариани). Однако вскоре мирная жизнь монастыря была нарушена восстанием в Абхазии и последовавшей за ним Русско-турецкой войной. Братия обители вынуждена была выехать и приютиться в Гелатском монастыре. Был также получен приказ от начальника Сухумского военного отдела генерала Кравченко об оставлении монастыря иеромонахом Иероном и монахом Иоанном, согласно которому они удалились в Кутаис. Описаны отдельные моменты бое-

[1] Там же. С. 109.

[2] См.: *Дзидзария Г. А.* Труды. Т. IV: Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 157, 166, 173, 174, 326, 344, 345.

вых действий на территории Абхазии, в результате которых монастырские здания оказались разрушенными или разоренными. В книгу включен раздел о деятельности монахов в ходе войны. Многие из них стали монастырскими санитарами и несли госпитальную службу. Об абхазах архим. Леонид отзывается по преимуществу негативно («враждебное России брожение умов жителей Абхазии» и т. д.). На самом деле не все было так однозначно, как это представляет в данном случае автор. В случившемся была и значительная доля вины русского военного командования, бросившего на произвол судьбы обезоруженное население, которое оказалось один на один с оккупировавшими страну турецкими войсками. И, тем не менее, были люди, верно оценивавшие ситуацию и предпринимавшие все возможное для разъяснения народу лживости обещаний турецких захватчиков, убеждавшие население не поддаваться их пропаганде. Об одном из них писала газета «Голос». Хусейн Лакербай пользовался уважением в народе. На предложение турецкого паши получить оружие на войну против русских не смалодушничал и от имени народа прямо заявил: «До настоящего времени мы находились под покровительством России, и русское правительство, оставляя нас, объявило, что так как земля наша занимает довольно большое пространство, то, чтоб во время сражений не причинять вреда населению, признает полезным вывести свои войска из Абхазии и освободить нас от всякой воинской повинности. Начальник же округа, выезжая из наших селений, тоже обещал возвратить забранных им арестантов, обвиненных в нападении и ограблении местечка Гудаут. Сверх того, нам русские же объявили, чтоб мы по-прежнему продолжали заниматься обычными занятиями; но, в случае если одна из воюющих сторон одержит верх, мы обязаны заявить наши верноподданнические чувства той стороне, которая примет Абхазию в свое владение. Ввиду такого объявления со стороны нашего правительства, мы надеемся, что и вы, как пред-

ставитель турецкого падишаха, не тронете нас, освободите от всякой повинности и не разорите нашей страны высадкой на берег турецкого войска, чтоб правительство наше не заподозрило нас в переходе на вашу сторону»[1].

В неоднократно цитированной нами книге Г. Дзидзария Х. Лакербай справедливо назван «мужественным человеком», показаны его действия и поступки во имя спасения своего народа, для предотвращения исхода абхазов на чужбину. Совсем иной — противоположной — оценки заслуживают те, кто, прикрываясь внешне благовидным лозунгом «освобождения Абхазии», провоцировал народ на мятежные действия. В той исторической ситуации не могло быть и речи о независимости Абхазии. Вопрос состоял лишь в том, в подданстве какой из империй — Российской или Турецкой — будет находиться край. Поэтому и на них лежит историческая вина.

Восстановлению Ново-Афонского монастыря посвящен следующий раздел главы в сочинении архим. Леонида: говорится об освящении главного престола нововоссозданного храма, о посещении монастыря знатными особами, о кончине в Москве первостроителя и настоятеля иеромонаха Арсения[2] и т. д. Архим. Леонид, используя монастырские записи, приводит примеры из повседневной жизни обители по установленным внутри нее правилам.

---

[1] *Мачавариани* [*Д.*]. Народные смуты в Абхазии // Абхазия и абхазы в Российской периодике (XIX–XX вв.) / сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. I. С. 607–608.

[2] О нем подробнее см: *Щербакова М. И.* Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) как издатель и просветитель // Национальные культуры в современном мире: Литература. Фольклор. (Памяти В. В. Кожинова). Сухум: АбИГИ, 2015. С. 183–196; Щербакова М. И. Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. I. С. 234–272.

Начиная с 8 декабря 1879 г., дня учреждения императором Ново-Афонского Симоно-Кананитского мужского монастыря, последующие события его истории изложены в хронологическом порядке, по годам, вплоть до 1884 г. Сообщается о хозяйстве монастыря, распорядке его жизни, об отзывах посетителей. Для желающих прибыть в монастырь в конце книги приведена таблица цен пассажирских билетов на пароход из разных городов России.

Выход книги архим. Леонида следует отнести к разряду знаменательных событий. Это сочинение можно считать первым монографическим исследованием по истории Абхазии. Отметим и то, что в заглавии книги значилось исконное название страны — Абхазия, а не бытовавшее в то время официальное название — Сухумский округ.

Книга архим. Леонида является одной из самых цитируемых дореволюционных книг об Абхазии. Кроме того, она имела интересную последующую судьбу. Еще при жизни автора, в 1887 г., была переиздана ее первая часть под названием «Абхазия и ее христианские древности». Исправления, дополнения и примечания внес грузинский историк Д. З. Бакрадзе. После кончины архим. Леонида, в 1898 г., она была переиздана еще раз с первоначальным названием и дополнениями. Издатель книги, обозначенный инициалами И. Н., в предисловии освещает историю предыдущих ее публикаций и называет свое издание третьим по счету. На ней мы остановимся ниже.

В завершение укажем, что в 2019 г. фондом Первого Президента Республики Абхазия было осуществлено репринтное издание книги архим. Леонида «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» 1885 года издания.

***

Заселение Черноморского побережья Кавказа оставалась, начиная с 1860-х г., актуальной темой на протяжении нескольких десятилетий. Как было показано

выше, она нашла отражение в книгах А. В. Верещагина и отчасти в работе А.Н. Молчанова. Свое продолжение тема получила в работе Ивана Архиповича Дукмасова, которая так и называется «О заселении Черноморского побережья Кавказа Казачьим войском»[1]. Книга открывается ссылкой автора на его же статью «Казак о казаках», опубликованную в газете «Московских новостях» (1885, № 162)[2]. Обозначив в статье вопрос о предпочтительности колонизации территории Западного Причерноморья казаками, И. Дукмасов придал ему развёрнутое освещение в книге, текст которой значительно расширен историей проблемы и деталями самого процесса. Обе публикации свидетельствуют о хорошей осведомленность автора относительно существовавших точек зрения на разные подходы к решению проблемы: Д. С. Старосельского, Н. Е. Никифораки, А. В. Верещагина, Августейшего Наместника[3] и др. В отдельных случаях Дукмасов резко критикует проекты, которые, на его взгляд, не способствовали решению задач, и относит их к разряду ущербных. Автор категорически отвергает предложения Особой комиссии, солидаризуясь с мнением, высказанным в передовой статье «Московских Ведомостей», где «с поразительной меткостью указана тождественность между проектом заселения Кавказа, составленным сто лет тому назад известною авантюристкой княжной Таракановой[4]

---

[1] [*Дукмасов И. А.*]. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. Ив. Дукмасова. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1887. 40 с.

[2] Там же. С. 3. Эта статья в том же 1885 г. была издана отдельной брошюрой.

[3] Михаил Николаевич Романов (1832–1909) — четвертый и последний сын императора Николая I, военачальник, государственный деятель, наместник на Кавказе (1862–1881).

[4] Княжна Тараканова (между 1745 и 1753–1775) — женщина доподлинно неустановленного происхождения, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского, заявлявшая о своих претензиях на российский престол.

и проектом кавказских чиновников: оба стремились заселить Кавказ немцами, греками и армянами»[1]. При этом И. Дукмасов уточняет, что, если княжна Тараканова замышляла свой проект, когда Кавказ был «еще полутурецким и полуперсидским», а нынешние кавказские чиновники — когда он уже «покорен русским оружием»[2].

Подход современных чиновников к решению вопроса о заселении автор объясняет «равнодушием к собственно русским интересам» и следованием «модному космополитизму». Обличительный тон в адрес оппонентов обнаруживается на многих страницах книги. Автор рассматривает различные варианты заселения края и приходит к тому же выводу, что и администрация региона — результаты «совершенно безуспешны»[3]. Причины – в неверной ставке на иностранцев, нецелесообразности дарового надела и неэффективности распродажи земли. Анализируя способы колонизации, применявшиеся на данном этапе, Дукмасов приходит к выводу о причинах неудач, основой из которых ему видится игнорирование проблемы политической благонадежности новых поселян — немцев, чехов, греков, армян; «нельзя же было считать сброд разных народностей благонадежным элементом»[4] — утверждает автор. Причину допущенных проводниками колонизации ошибок Дукмасов видит в плохом знании собственного русского народа и его возможностей. «Совершенно было упущено из вида, что виноделие, садоводство, огородничество и пчеловодство в России существовали и теперь существуют»[5] — пишет он. Говорится также и об имевших место, по его мнению, злоупотреблениях при отводе или продаже земельных участков. Не углубляясь в детали, автор обрывает свой текст многозначительными словами: «тут уже слышит-

[1] *Дукмасов И. А.* Указ. соч. С. 4.
[2] Там же. С. 4.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же. С. 9.
[5] Там же. С. 9.

ся речь прокурорского надзора»[1] – то ли предупреждение, то ли внушение, то ли угроза.

По мнению автора, наделять человека землей нужно в соответствии с его особыми заслугами. Однако, как отмечает автор, чиновники нередко злоупотребляют своим положением: «Государственные деятели, оказавшие великие заслуги Царю и Отечеству награждаются иногда за счет государства землями, имениями и деньгами: это понятно всем и каждому. Это было, есть и должно быть, это справедливо и законно. Но дело это получает совершенно иной смысл и значение, когда награды эти обращаются на массу чиновного люда, исполняющего одинаково на всех поприщах свой общий рядовой служебный долг. За посвящение своей жизни на службу государству, каждый чиновник обеспечивается пенсией или эмеритурой для всех одинаковыми, сравнительно со службой каждого. Но слепой случай или спекулятивный расчет ничтожного количества всей массы чиновников нарушает в самом корне общий порядок вознаграждения и, естественно, возбуждает и зависть, и сетования массы чиновников на неодинаковое вознаграждение за совершенно одинаковую службу и одинаковые канцелярские труды.

И в самом деле, за что директор, начальник отделения и проч., кроме пенсии или эмеритуры, получают сотни и тысячи десятин земли, а другой директор, начальник отделения и проч. ничего не получает, кроме пенсии или эмеритуры? Доклады, проекты, предписания все директора и начальники отделений пишут одинаково и по всевозможным вопросам, а земли получают далеко не все: за что же такое действительно обидное неравенство?»[2].

В качестве доказательства «бесцельного разброса государственных имуществ», проведенных кавказской ад-

[1] Там же. С. 12.
[2] Там же. С. 13.

министрацией, автор приводит конкретные имена, кому были розданы земли в селе Цебельда Сухумского округа. В этом списке: член сухумской сословно-поземельной комиссии майор Дьячков-Тарасов, столоначальник Николаев, журналист и приходорасходчик Васильев, генеральный консул в Рущуке Мошнин, старший благочинный Мачавариани. «С сельско-хозяйственной точки зрения, – замечает Дукмасов, – чиновник не представляет ни капитала, ни знания, ни личного труда; для чего же ему земли?» Вслед за этим возникает и другой, обобщающий вопрос: «Когда же будет положен конец этому бесцельному разбазариванию государственного достояния»[1]. Однако в «Памятной записке о колонизации в Сухумском округе», составленной начальником округа полковником В. А. Браккером[2] в 1894 г., был сформулирован иной взгляд на подобное «разбазаривание»: подчеркнуто, что отвод земельных участков осуществлялся с одобрения или Высочайшего пожалованья «интеллигентным лицам» как «распространителям русской речи и русской гражданственности» среди новых поселян[3].

Переселенческому делу на территории Абхазии посвящена также статья Л. Гукасянца, помещенная на страницах газеты «Кавказское сельское хозяйство» (1895, №73, 74. В ней – ответ на поставленные И. Дукмасовым

---

[1] Там же. С. 14.

[2] *Браккер Виктор Александрович* (1849–?) — российский военный деятель; из потомственных дворян Полтавской губернии; окончил: 1-й кадетский корпус, 2-ю Санкт-Петербургскую гимназию и 2-е военное Константиновское училище. На службе с 1867 г. В 1892–1899 гг. был начальником Сухумского отдела в чине полковника. С 1904 г. — генерал-майор; с 1907 — генерал-лейтенант. (См.: Браккер Виктор Александрович — Офицеры русской императорской армии (ria1914.info)) (дата обращения: 05.01. 2024)

[3] Памятная записка о колонизации в Сухумском округе, составленная начальником округа Браккером // Абхазия и абхазы в Российской периодике (XIX — нач. XX вв.) / сост.: Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2008. Кн. II. С. 586.

вопросы: «В виду того же обстоятельства, что больше не было переселенцев, желающих занять эти свободные культурные земли, с целью не дать краю одичать, начальник округа, генерал-майор Кравченко, в 1872 году вошел с ходатайством к высшему начальству о наделении этой свободной землей служащих Сухумского округа и других лиц, на известных условиях, по исполнении которых, эти участки должны были перейти в пользу, которую могли бы оказать в сельскохозяйственном отношении культурные хозяева умелой постановкой своих будущих образцовых хозяйств»[1].

Иными словами, то, что И. А. Дукмасов формулирует, как «разбазаривание государственных земель», имело свое логическое объяснение. Более того, к вышеприведенной записке полковника В. Браккера приложен список лиц, получивших земли в Сухумском округе. В нем из 48 лиц только 7 человек не имели отношения к военной службе. Но И. Дукмасов настойчив, в доказательство «бессмысленности раздачи земель» чиновникам приводит экономические расчеты, затем останавливается на природных условиях, географических и климатических. «Природа, климат и положение культурной территории на западном Кавказе, — пишет он, — не могли даже навести административных агрономов на мысль, что между местностями в этих условиях и равнинными местностями существуют неизмеримая разница: одна сотая десятин, как показано выше, потребует десятков тысяч рублей на свою обработку, а тысячи десятин потребует сотен тысяч рублей. В горной стране тысячные участки, на одно проложение и поддержание дорог потребует таких расходов, о которых частный владелец и подумать не может»[2].

---

[1] *Гукасянц Л.* Переселенческое дело в Сухумском округе. («Кавказское сельское хозяйство». 1895, № 73, 74) // Абхазия и абхазы в Российской периодике (XIX — нач. XX вв.) / сост.: Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум, 2008. Кн. II. С. 427.

[2] *Дукмасов И. А.* Указ. соч. С. 15.

Далее автор кратко перечисляет природно-климатические особенности Черноморского побережья, отмечая непреодолимые для единоличных хозяйствующих субъектов препятствия: расчистка буйной растительности, злокачественность местной лихорадки и др. Решение проблемы Дукмасов находит в организации коллективного труда: «общая и артельная расчистка зарослей и осушка болот будут уничтожать условия заболевания и значительно изменит климат к лучшему»[1].

В обзоре материалов, отражающих причины неудач в колонизации края. Дукмасов подробно останавливается на таких вопросах, как сооружение колесных путей, развитие торгового мореплавания, учреждение прибрежного каботажа и сооружение одного искусственного порта, излагая свое видение решения поставленной задачи. О Сухумском порте, сказано, что он «в настоящее время вполне удовлетворяет местным потребностям; его ожидает блестящая будущность», в последующем же, «он может быть связан паровой дорогой с Тифлисской железной дорогой, к чему не представляется никаких особенных затруднений»[2].

Особое внимание И. Дукмасов обращает на военное, геостратегическое положение данного региона, определяет его как: «совершенно отдельный фронт ото всех возможных театров войны»; по этой причине этот фронт «потребует прочной опоры тем войскам, которые будут отделены для защиты этого края»[3]. Затем вновь возвращается к описанию благоприятных природных возможностей края, перечисляет отрасли сельского хозяйства, которые можно успешно развивать (плодоводство, пчеловодство, виноградарство, табаководство, шелководство), и характеризует состояние каждой из них. Обосновывая выгоды садоводческой деятельности, автор приводит сведения из доклада г-на Черняева Императорскому

[1] Там же. С. 16.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же. С. 26.

Вольному Экономическому Обществу о развитии данной отрасли в Северо-Американских Соединенных Штатах. Предприняв обзор географического, военно-политического и экономического аспектов жизни региона, Дукмасов для кардинального решения проблем предлагает обратиться к истории освоения других окраин России и приводит примеры освоения присоединяемых к России территорий, осуществлявшееся именно казаками. «Все казаки, везде казаки!» — восклицает автор, одобрительно и похвально характеризуя качества вольного казака, возводя их в «идеал русского народа»[1].

«У русского казачества была своя организация, — пишет Дукмасов, — от войскового, окружного и до станичного, не дававшая места чиновничеству. А вот и основы старого казачества: Бог, Царь, семья, своя казачья община; собственность личная и общественная; равенство, свобода, самоуправление, полная гласность общественных дел и честная служба Государю и отечеству»[2]. Защищая это положение, автор критикует тех, кто к казачеству относится пренебрежительно, стремится преобразовать «казачий строй», их привычный уклад жизни: «Только "чиновники" и "общечеловеческие сюртучки" находили в казаках "государство в государстве", а ныне "панургово стадо" повторяет за ними то же самое. Ныне нет уже старых казачьих общин, но лучше ли стало от этого кому-нибудь, кроме чиновников, размножившихся в угрожающих размерах?». Продолжив перечисление многих достоинств и исторических заслуг казаков, определяемых им в качестве особого «сословия русского народа», Дукмасов утверждает: «1) казаки могут заселить и защитить западный Кавказ, но только по доброй своей воле; 2) мы старались доказать, что задача эта под силу казакам; 3) что казаки в заселении этом будут искать не только материальных, но и нравственных интересов»[3].

[1] Там же. С. 33.
[2] Там же. С. 33.
[3] Там же. С. 35.

В книге Дукмасова «О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском» отмечается также, что «вольные казаки и вольные люди далеко не безгрешны», но поскольку они просят прощения, выражают искреннее желание «загладить минувшие свои прегрешения честной жизнью и полезным трудом», необходимо пойти им навстречу, как это делали уже «истинно государственные люди Потемкин и Воронцов»[1].

Но этих казаков нужно было переселить откуда-то. Известно, что к концу XIX в. даже на Кубани казаки «перестали составлять большинство населения»; в 1890 г. в Кубанской области количество представителей казачества составляло меньше половины ее населения — 48,3%[2]. Предлагаемый автором выход весьма оригинален; он, со всей серьезностью допускает, что это можно реализовать, пригласив «вольных казаков», находящихся в Персии, Турции, Румынии, а также «вольных людей», скрывающихся целыми тысячами в камышах и на рыбных ловлях Каспийского, Азовского и Черного морей»[3].

Дукмасов сообщает, что лично ездил в Константинополь для сбора сведений о настроениях казаков, оказавшихся на чужбине «по различным причинам: житейским невзгодам, волей-неволей не ужившихся в местах прежнего жительства». Автор убежден в том, что если им предоставят «право жить по казацкой старине, как бывало и прежде, то они охотно пойдут на водворение и охотно примут долг и счастье служить неизменно Царю и Отечеству»[4]. Относительно «вольного люда», «скрывающегося целыми тысячами» на Каспии, Азове и Черном

---

[1] Там же. С. 37.

[2] *Ратушняк В. Н.* Крестьянская колонизация Кубани // История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Учебник для высших учебных заведений. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. С. 109.

[3] *Дукмасов И.* Указ. соч. С. 36.

[4] Там же. С. 36.

морях, Дукмасов считает, что им нужно предоставить возможность «загладить свои прегрешения», «направить их по дороге к добру и честному труду»; также «готов поручиться в верности» своего положения о заселении Черноморского побережья именно казаками в отношении «вольного люда», который, по его словам, «имел возможность близко знать и в тюрьмах, и в камышах, и рыбных артелях»[1].

Предлагая свой вариант колонизации Черноморского и Сухумского округов, Дукмасов уверенно заявляет, что если воспользоваться им, то «в 10–15 лет Черноморское побережье закипит жизнью, энергической деятельностью и изобилием. И море, и суша дадут сильному нравственно и материально населению все, что они могут дать». Кроме того, «одни казаки могут, — пишет он, — заселять и обрабатывать эту окраину в мирное время и защищать ее в военное»[2].

Сведения о коренном населении края практически отсутствует; встречаются упоминание лишь в связи с опустевшими после переселения территориями и следами их хозяйственной деятельности. Критикуя утвердившиеся порядки раздачи земельных участков, он предупреждает: «Мы возвратимся к 1864 году, то есть ко времени выселения горцев, тогда представится нам поразительная картина: горцы оставили нам аулы, роскошные сады, обработанные поля и пастбища, а после двадцатилетнего нашего владения, кавказская администрация представит нам совершенно одичалый край с многочисленным населением зверей…»[3].

Нужно сказать, что И. А. Дукмасов не был одинок в попытке решить проблему заселения Черноморского побережья подобным образом. Энтузиастом данной идеи выступал, в частности, и Н. И. Ашинов — казак, искатель

[1] Там же. С. 36–37.
[2] Там же. С. 39.
[3] Там же. С. 40.

приключений и путешественник[1]. С его подачи тема эта обсуждалась на заседаниях Императорского Вольного экономического общества. Об этом современный исследователь А. В. Луночкин пишет следующее: «Для всестороннего изучения вопроса общество создало специальную комиссию, в состав которой вошел вместе с другими великий русский химик А. М. Бутлеров. Эта комиссия <…> детально обсудила проблему на объединенном заседании 30 марта 1887 г. под председательством давнего соратника Ашинова графа Игнатьева. Основой для обсуждения стала брошюра И. Дукмасова, также выступившего на заседании. Соединенная комиссия полностью согласилась с предложениями докладчика и постановила выйти с соответствующим представлением в правительство. Однако на заседании самого Вольного экономического общества 4 февраля 1888 г. прозвучали другие мнения. Большинство выступивших, обратило внимание на экономическую неэффективность заселения края не привыкшим к тяжелому созидательному труду бродячими элементами, какими могли явиться рекламируемые Ашиновым «вольные казаки». Заседание приняло по-

[1] Судя по имеющейся информации, Ашинов Николай Иванович (1856? –1902) — был неоднозначной личностью. Например, графиня П. С. Уварова говорит о нем, как о «проходимце, сыне живущего в Сухуме мещанина». (См. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. М.: Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. Ч. II. С. 105); в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона он назван «авантюристом» (См.: Ашинов (Николай Иванович) // ЭСБЕ. СПб.; Акционерное общ-во Брокгауза-Ефрона, 1905. Доп. том I. С. 188). Вместе с тем, Н. И. Ашинов в 1888 г. издал книгу «Абиссинская азбука и начальный Абиссино-Русский словарь» (СПб.: 1888), который в качестве источника приводится в работе Д. И. Гулиа (*Гулиа Д. И.* История Абхазии. Тифлис: Издание Наркомпроса ССР Абхазии, 1925. Т. I. С. 2). См. также: *Гусарова Е. В.* Николай Иванович Ашинов // ИВР РАН (Санкт-Петербург) — Personalia (orientalstudies.ru) (дата обращения: 05.01. 2024).

становление не ограничивать контингент переселенцев одними только казаками, а поощрять переезд на берега Черного моря всех русских мелких собственников без различия сословной принадлежности»[1].

Сведений об Иване Архиповиче Дукмасове (1826–1901) известно немного. Его биографические данные содержатся на сайтах Генералитета Российской Императорской армии и флота[2], Московской городской думы[3] и выложенных в интернете архивных материалах о родословной фамилии Дукмасовых. Согласно этим данным, И. А. Дукмасов происходил из дворянско-казацкой семьи Усть-Быстрянской станицы Войска Донского. Род Дукмасовых известен с XVII в., многие его представители посвятили себя военной службе. Отец — Архип Максимович Дукмасов дослужился до звания атамана войскового старшины. За участие в военных кампаниях награждался орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом, Серебряной медалью в память Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Серебряной медалью за покорение Варшавы в 1831 г., польским знаком отличия за военное достоинство. У него было трое сыновей Иван, Семен, Александр и дочь Матрена. Старший сын Иван пошел по стопам отца: получил домашнее образование; с 1841 г. находился казаком на службе на Кавказе. Воинская карьера шла по следующим ступеням: урядник

---

[1] *Луночкин А. В.* «Атаман вольных казаков». Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 1999. // http://militera.lib.ru/bio/lunochkin_av_ashinov/02.html (дата обращения: 05.01.2024).

[2] Дукмасов Иван Архипович // Генералитет Российской Императорской армии и флота. http://www.rusgeneral.ru/gen/d/gen_d720.html (дата обращения: 28.09.2022).

[3] Московская городская дума 1897–1900 гг. [Краткие сведения о личном составе Московской городской думы]. М.: 1897. // ГПИБ России — электронная библиотека //ГПИБ | Московская городская дума 1897–1900 гг. [Краткие сведения о личном составе Московской городской думы]. М.: 1897. (shpl.ru) (дата обращения: 05.01.2024).

(1842), хорунжий (1845 г., в 19 лет), сотник (1951). Участник Восточной войны 1853–1856 гг. В 1859 г. произведен в есаулы (1859), в 1871 г. — войсковой старшина, с 1876 г. — подполковник, с 1978 г. — полковник. С 1881 г. командовал полком. В 1895 г. был произведен в генерал-майоры и вышел в отставку. За участие в военных компаниях и походах награждался орденами: Св. Анны 4-й ст. на оружии с надписью за храбрость, Св. Станислава 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с бантом «За 25 лет беспорочной службы в офицерских чинах». В конце 1890-х гг. входил в состав Московской городской думы. Был женат на дочери купца Анне Сергеевне: детей до 1884 г. у них не было. Имущество состояло из дома и двух флигелей[1].

Известно также, что у И. Дукмасова, помимо книги «О заселении Черноморского побережья Казачьим войском» и статьей «Казак о казаках» и «Новооткрытый православный храм на Кавказе», напечатанных в «Московских Ведомостях», были и более ранние публикации. «В 70-х годах в “Военном сборнике” и “Русском инвалиде” помещен был ряд статей Ивана Архиповича по военному образованию, обмундированию, снаряжению и обучению молодых казаков; в то же время им составлена и издана “Памятная книжка для казаков (по военно-нравственному воспитанию)”, посвященная в Бозе почившему Государю Александру III во время бытности Его Наследником Цесаревичем и Августейшим Атаманом всех казачьих войск, за что удостоился получить перстень от Е. И. Высочества»[2].

***

В 1888 г. в Одессе вышла книга «Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Бо-

[1] Род Дукмасовых // https://passion-don.org/genealogy/dukmasovy.html (дата обращения: 05.01.2024).

[2] Московская городская дума // Указ. источник.

гоматери в Пицунде»[1]. В ней не указан автор, но на сайте (https://search.vsl.ru), где она помещена, на титульной странице библиотечной печатью отмечено: «Григорий Дмитриевич Ефимов». Сведений о такой личности нам не удалось установить. Книга состоит из вступительной части, двух глав и приложения, состоящего из списка развалин древнехристианских храмов Абхазии. Первая глава «Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказ» имеет два раздела: «Страна» и «Монастырь». Вторая глава «Пицундский Успения Пресвятой Богородицы храм. (На восточном берегу Черного моря)» не имеет разделов. В «Кратком списке находящихся в Абхазии развалин монастырей, храмов, укреплений и других памятников древнехристианского благочестия» перечислены 43 объекта, с указанием мест расположения и их краткой характеристикой.

По уже сложившейся традиции описания Абхазии, автор начинает исторический обзор с ранних веков распространения христианства, просвещения края апостолами Симоном Кананитом и Андреем Первозванным. Как и все писавшие об Абхазии, Ефимов восторгается природой края, ее «величественной красотой». Он находит Абхазию «роскошнейшей и богатейшей по богатству природы местностью величественного Кавказа», перечисляет наиболее крупные реки, о климате пишет, как об «умеренном и вполне здоровом», но отмечает, что прилегающая к морю часть является «жаркой и местами небезопасной для здоровья». Здесь же уделено внимание флоре и фауне Абхазии, перечислены виды диких животных, обитающих в ее лесах.

Об абхазах — «первобытных обитателях страны» — Ефимов сообщает следующие статистические данные:

[1] [*Ефимов Г. Д.*]. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде. Из записок путешественника. Издание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Одесса: Типо-хромо-литография Е. И. Фесенко, 1888. XI+124 с.

общая численность — 52 тыс. душ, из них 2 тыс. магометан, а остальные — христиане. Характеризуя религиозность абхазов, автор отмечает, что они «суеверны и так далеки от знания спасительного учения христианской веры, что по справедливости, должны быть причислены к идолопоклонникам. Происходит это от того, что их некому наставлять в истинах учения Христа». Многие авторы в религиозном состоянии абхазов отмечали отступление от христианских традиций, они не могли понять сути того, что из себя оно представляло. Между тем, известный краевед и знаток Абхазии К. Д. Мачавариани замечательным обстоятельством считал, что «абхазцы всегда верили в единое верховное существо, одаренное всеми качествами, которыми, по нашим представлениям, одарен Бог»[1]. Все же остальные были покровителями отдельных явлений или объектов, выполнявшими роль посредника между Богом и людьми. Абхазам было присуще почтительное отношение к христианским святыням, они исполняли многие христианские обряды.

В описании истории Ново-Афонского монастыря и его современной жизни Ефимов сообщает мало новых сведений, за исключением отдельных эпизодов, свидетелем которых он оказался. Текст сочинения компилятивен. Автор пользуется различными текстами своих предшественников (М. Сизикова, архимандрита Леонида), подвергая их незначительной стилистической переработке. Приведем примеры. У Ефимова читаем: «Хотя и не могут быть отнесены в архитектурном отношении к разряду изящных, но в целом, — по удобству, опрятности и общей гармонии, — они представляют собой, особенно с моря, весьма живописную группу»[2]. Очевидно, что этот

[1] *Мачавариани К. Д.* Религиозное состояние Абхазии // Абхазия — Страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и документах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. I. С. 471.

[2] *Ефимов Г. Д.* Указ. соч. С. 7.

фрагмент повторяет текст из книги М. Сизикова, посвященный постройкам Ново-Афонского монастыря, где сказано: «хотя по архитектуре не принадлежат к разряду изящных, но по удобству, опрятности и общей гармонии своей представляют из себя приятную панораму, особенно с моря»[1]. Почти дословное совпадение текста находим и с работой архимандрита Леонида, у которого сказано: «Дворянин Соломон Семенович Лакербай (христианин), старец, хорошо знакомый с обычаями, нравами и преданиями своих единоземцев, притом и знающий удовлетворительно русский язык, которому научился во время свой продолжительной службы в качестве переводчика при начальнике Сухумского отдела, а теперь живущий на покое в своем дарственном участке неподалеку от монастыря, между прочим, рассказывал мне следующее»[2]. У Ефимова: «Абхазский дворянин Соломон Семенович Лакербай, старец хорошо знакомый с обычаями, нравами и преданиями своих единоплеменников, набожный христианин и при том удовлетворительно знающий русский язык, которому научился во время своей продолжительной службы в качестве переводчика при начальнике Сухумского отдела, а теперь живущий на покое в своем дарственном участке неподалеку от монастыря рассказывает следующее»[3].

Подобные, мягко выражаясь, заимствования и дублирования из ранее вышедших книг, нередки в книге Ефимова. При этом автор ни разу не называет: ни книг, которыми он пользовался, ни имен их авторов.

В главе, посвященной Пицундскому храму, Ефимов последовательно изложил его историю с древнейших времен до конца XIX в., познакомил читателей с ходом восстановления из руинного состояния, описал внешний и внутренний вид. В целом, книга Ефимова малооригинальна и носит популяризаторский характер.

---

[1] *Сизиков М.* Указ. соч. С. 2.

[2] *Архимандрит Леонид*. Указ. соч. С. 108.

[3] *Ефимов Г. Д.* Указ. соч. С. 55.

ГЛАВА III. АБХАЗИЯ В КНИГАХ РУССКИХ АВТОРОВ 1890-х — НАЧ. XX в.

Как отмечалось в предыдущих частях нашего исследования, количество книжных изданий, посвященных Абхазии в течение XIX столетия, шло по нарастающей. Поступательный рост числа публикаций особенно наблюдался на рубеже XIX — XX вв. Этот процесс влек за собой дальнейшее накопление и распространение знаний об Абхазии. Время это стало во многих отношениях переломным для дальнейшего развития Абхазии. Важным обстоятельством стали происходившие в этот период изменения социальных условий жизни, заметное оживление в духовной сфере. Как говорил известный испанский мыслитель прошлого века Хосе Ортега-и-Гассет «движение предполагает наличие движителя»[1]. Таким проводником перехода от состояния неподвижности к более динамичному жизненному темпу, явились публикации об Абхазии, которые в свою очередь, привели в движение нарождавшуюся прослойку местной интеллигенции.

Издания рассматриваемого периода тематически отражали разнообразные явления жизни края. Наряду с сочинениями комплексного характера, обыкновенно включавшие многообразные материалы о прошлом и настоящем абхазского народа, начинают появляться публикации, имевшие специальное научное предназначение. В их числе работы, отражавшие: природно-климатические особенности края; развитие курортного строительства; развитие бальнеологической отрасли и других областей народно-хозяйственной сферы. Определенное место занимают издания, посвященные христианским памятникам, памятникам археологии и отдельным природным объектам; некоторые из них носили сугубо прикладной характер.

---

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Запах культуры. (Пер. с исп.). М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 96.

Для общего представления содержания этих изданий, а также их количества перечислим наиболее характерные из них. На рубеже XIX – XX вв. были опубликованы труды географии Абхазии (*Васюков С.* Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущность русской культуры. СПб.: 1903; *Калабухов Н. Г., Яблонский Н. И.* Страна тепла и солнца. Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум в климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях: их настоящее и будущее». М.:1904; *Шарапов С. Ф.* По Черноморскому побережью. Письма из поездки в составе экспедиции министра земледелия осенью 1894 года». СПб.:1896), издания, посвященные климату региона (*Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В.* Черноморское побережье. Физико-химические особенности горных пород Черноморского побережья между Новороссийском и Сухумом, пресные и минеральные источники этого района». СПб.: 1899), книги по орографии, гидрографии, гидрологии, геологии, флоре и фауне (*Маркович В. В.* Краткий отчет о поездке по Черноморскому побережью Кавказа и на ледники Абхазии (верховья р. Кодора) с целью изучения флоры и ледников в 1903 году. ИИРГО, 1905, вып. 4; *его же*: Предсказание урожая и погоды в сельском хозяйстве по местным признакам». Сухум: 1908; *Сатунин К. А.* Экскурсия в пещеры Сухумского округа. Пещеры великаны Абласкира и Адзаба». ИКОИРГО. Кн. XXI, вып.1; *Дик Э.* Абхазский первобытный лес. ЗКОИРГО, кн. XVI; *Вебер В. Н.* Геологические исследования части Сухумского округа в 1900 году. Материалы для геологии Кавказа. Кн. 5. 1903, *Воронов Ю. Н.* Заметки о флоре Абхазии: Несколько новых редких для флоры Абхазии растений. 1905; *его же*: Материалы к флоре Абхазии». 1908; *его же*: Заметки о флоре Абхазии. Труды Бот. сада Юрьевского университета. Т. 5. 1905; *Маркович В. В.* Акклиматизационные задачи Сухумской садовой и Сельско-хозяйственной Опытной Станции и опыты, произведенные для их разрешения в течение последних четырех лет (1903–1906).

СПб.: 1908), исследования по бальнеологии и курортологии (*Пастернацкий Ф. И.* Климатологические пункты на Черноморском побережье Кавказа. СПб.: 1899; *Зеленин А. В.* Гагры: Новый климатический курорт на Кавказском берегу Черного моря. СПб.: 1903; *Курдюмов Е. Д.* 1. Курортный вопрос и пути к его изучению. 2. Климатическая станция — Гагры как курорт. М.: 1909; *Балашев А. И.* Медицинский десятилетний отчет Санатория "Гульрипш №1" Н. Н. Смецкого для легочных больных в Сухуме: Первое десятилетие 1902—1912 г. Киев: 1912; *его же*: Медицинский отчет Санатория "Гульрипш №1" Н. Н. Смецкого для легочных больных в Сухуме; Второе пятилетие 1907—1912 гг. Киев: 1912), книги о сооружении путей сообщения (*Гартман Р. К.* По железной дороге от Туапсе до Сухума. СПб.:1899; *Шуберский В. П.* Проект оборудования электрическими автомобилями шоссе «Новороссийск — Сухум. СПб.:1902; *Хитрово Г.* К вопросу постройки узкоколейной электрической железной дороги по Черноморскому берегу Кавказа "Туапсе — Сухум". СПб.: 1910, путеводители, справочники и фотоальбомы (*Тези И. М.* Сухум: Путеводитель по городу и окрестностям». Харьков: 1903; Путеводитель по городу Сухуму. Сухум: 1908; Гагры, Красная Поляна, Аше: Апрель-май 1908 г.: Фотоальбом. 1908; *Андреев Н.* Иллюстрированный путеводитель по Кавказу. С видами местностей и достопримечательностей. М.: 1912; Военно-Сухумская дорога и Теберда: Фотоальбом. СПб.: 1913) и мн. др.

Выходило также довольно много книг, посвященных памятникам христианства. Большая часть из них – по истории основания и деятельности Ново-Афонского монастыря (*Боярский А.* Драндский Успенский монастырь на Кавказе. Одесса: 1900; *И. Н.* Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, близ Сухума. М.: 1900; *Юркевич М.* На Новом Афоне. Из дневника пастыря-паломника. СПб.: 1902; *Барков И. М.* Новый Афон: Очерк. С видом монастыря». 1904; *Кременецкий А.* Место блаженной кончины и

погребения Св. Иоанна Златоуста и Василиско-Златоустовский женский монастырь в Абхазии. 2-е изд. Воронеж: 1908; Живописное обозрение русских святых мест: Вып. 9. Ново-Афонский Симон-Кананитский монастырь. 2-е изд. Одесса: 1908; *Епископ Никон.* На Новом Афоне: Дневники из Троицкого Слова. Сергиева Лавра: 1911; Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии близ Сухума, на Кавказе: Путеводитель по Новому Афону. Одесса: 1912; *Бронзов А. А.* Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря: Умер 14 авг. 1912 г. СПб.: 1913; *Ермолаева О. Д.* О Бедийском храме. Сухум: 1913; *Меликсет-Беков Л. М.* Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского. Тифлис: 1914, 1916) и др.

Книжных изданий об Абхазии, выпущенных в этот период значительно больше, чем мы перечислили здесь. Как заметила М. И. Щербакова, литература только о «Ново-Афонском монастыре насчитывает сотни исследований и статей»[1]. В основном книги об Абхазии этого периода носят страноведческий характер. Цель такого многостороннего научного изучения Черноморского побережья вообще, и в частности, Абхазии, заключалась в систематизации сведений для дальнейшего экономического развития региона. В то же время, в отличие от статей, книг, освящавших народоведение, т. е. относящихся к истории, этнографии, языку и современному политико-правовому состоянию Абхазии, было выпущено не столь много. Однако и эти вопросы в некоторой степени получили свое освещение.

Отдельно следует отметить значимый вклад в науке об абхазах известного востоковеда Н. Я. Марра. В 1912 г. он впервые посетил Абхазию. Знакомство ученого со страной сыграло большую роль в дальнейшем изуче-

[1] *Щербакова М. И.* Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. I. С. 266.

нии духовной и материальной культуры абхазского народа. Абхазский язык, попав «в орбиту его научных интересов»[1], впоследствии стал предметом специального и исследований многих ученых (П. Г. Чарая, Н. Ф. Яковлев, А. Н. Генко, Г. П. Сердюченко и др.). Марру принадлежит заслуга подготовки первых абхазских научных кадров в области лингвистике (А. К. Хашба, В. И. Кукба). Многие работы Марра пользуются заслуженным авторитетом, невзирая на чрезмерную зацикленность теории, так называемого «нового учения о языке» («яфетической теории»)[2]. В 1910-х гг. вышли такие абхазоведческие труды Марра, как «История термина "абхаз"» (1912), «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических» (1912), «Из лингвистической поездки в Абхазию» (1913), «Из абхазских личных имен» (1914), «О религиозных верованиях абхазов» (1915), «Кавказоведение и абхазский язык» (1916). Некоторые из них, после публикаций в «Известиях Академии наук» и других научных журналах, тиражировались отдельно в виде брошюр и оттисков. Марр впервые ввел в научный оборот термин «абхазоведение» – как понятие, объемлющее совокупность научных дисциплин об Абхазии. В его статье «Кавказоведение и абхазский язык», опубликованной в «Журнале министерства народного просвещения» (1916, №5) он утверждал: «Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существование

[1] *Габуниа З. М.* Научные портреты кавказоведов-лингвистов. Из истории лингвистических учений. Нальчик: КБГУ, 1991. С. 113.

[2] См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.

в ряде исторических дисциплин, входящих в состав кавказоведения»[1].

На рубеже XIX–XX вв. раны, нанесенные абхазскому народу махаджирством, начинают постепенно излечиваться. Народ начинает восстанавливать свои физические и духовные силы. Процесс этот был вызван явлениями, происходившими, прежде всего, в культурной сфере. В привычные формы бытовой культуры народа постепенно внедряются новые формы организации жизни, которые начинают менять культурно-исторический облик. Ключевая роль в этом процессе принадлежала просвещению. Количество образовательных учреждений неуклонно росло. Функционировали церковно-приходские училища, министерские (одноклассные и двухклассные) школы, открылись: реальное училище и учительская семинария и др.

Невзирая на недостатки и препятствия, как-то: трудности развития инициатив и начинаний, отсутствие должного финансирования, недостаточность материальной базы и др., формирование образовательных учреждений в разных уголках Абхазии, в целом, выполнило свою историческую миссию[2].

Просвещение способствовало быстрому обновлению, внесшему заметные перемены в привычную жизнь, разнообразило, расширяло границы и способствовало активизации общественной деятельности населения. В абхазской среде шаг за шагом стало распространяться

---

[1] *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык // Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1938. С. 126.

[2] Как отмечает историк педагогического образования Абхазии А. П. Дудко, в 1884 г. была открыта первая в Абхазии церковно-приходская школа, а к 1897 г. их количество достигало «уже 47 вместе со школами Общества восстановления православного христианства на Кавказе, которые были переданы в 1885 году духовному ведомству и стали церковно-приходскими». (См.: *Дудко А. П.* Из истории педагогического образования в Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1961. С. 9).

образование, увеличивалось число людей, посвятивших себя педагогической профессии. Творческий потенциал национальной интеллигенции проявился в печатном слове: в подготовке и издании учебной литературы для абхазских школ, в собирании, публикации, изучении памятников абхазского фольклора и этнографических материалов, в написании публицистических работ, посвященных прошлому Абхазии и современному ее состоянию.

К этому времени относится и начало издательского дела. Историк и замечательный сухумовед А. С. Агумаа отмечает: «Если в конце XIX в. по всей Абхазии действовало всего 3 типографии — одна частная в Сухуме, вторая в Драндском монастыре, третья в Ново-Афонском монастыре, то уже к 1912 г. только в Сухуме функционировало 6 типографий. В начале XX в. открылась типография и в Гагре. Эти типографии издавали не только афиши, печатали официальные постановления и частные объявления, но и издавали газеты, журналы, почтовые открытки и даже книги»[1]. Всего же до 1917 г. в Абхазии разновременно выходило 8 различных изданий. Это газеты: «Колхида» (1901), «Сухумский листок объявлений (1908–1911), «Сухумский листок» (1911–1917), «Сухумский вестник» (1910–1917), «Сухумские вести» (1911–1912); журналы: «Вестник Сухумского общества сельского хозяйства» (1904–1905), «Черноморское сельское хозяйство» (1905–1917), «Сотрудник Закавказской миссии» (1911–1917)[2].

---

[1] *Агумаа А. С.* Сухумъ: Очерки по истории и архитектуре города (кон. XIX – нач. XX вв.). Сухум: 2023. С. 367.

[2] Этому изданию посвящена статья С. А. Стерликовой, которая осуществила также его полное библиографическое описание. (См.: *Стерликова С. А.* Дела красноречивее слов. Служение епископа Андрея (Ухтомского) в Абхазии // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. И.: ИМЛИ РАН, Т. 2. С. 169–203; ее же. «Сотрудник Закавказской миссии». Издание Епархиального церковного братства святого благоверного князя Александра Невского в г. Сухуме.

Периодичность, продолжительность и тематическая направленность этих изданий была различной. Иногда новые издания представляли собой переименованные прежние, служили их продолжением. Некоторые имели приложения в виде брошюр, бюллетеней и годовых отчетов различных обществ[1]. Все выше названные издания были русскоязычными. Исключение составляло приложение к журналу «Черноморское сельское хозяйство», выходившее 1–2 раза в месяц под названием «Черноморский селянин», отдельные номера которого печатались на абхазском языке[2]. Таким образом, распространение просвещения, а затем и зарождение периодической печати оказало большое «влияние на духовную и экономическую жизнь общества»[3] рассматриваемого периода. Одна сведения об Абхазии, носившие научно-аналитический характер, все-таки преобладали в печатной продукции, выпускавшейся за пределами Абхазии. Поэтому, наше внимание будет сосредоточено главным образом на этих изданиях.

Научная ценность рассматриваемых ниже книг различна: одни содержат во многих отношениях достоверный и надежный материал, другие же — довольно поверхностный, и были рассчитаны лишь на запросы той культурной среды, выходцами и представителями которой они были. В центре нашего внимания, прежде всего, издания в которых содержатся описания облика абхазов и их культуры, а также исторические ретроспекции и сюжеты, новаций, происходивших в этот период истории Абхазии. Проведенный анализ позволяет рас-

---

Указатель статей // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 2. С. 237–258).

[1] См.: *Бебиа Е. Г.* Периодическая печать Абхазии (1904–1917). СПб.: Изд. «Нота-Бене», 1997. С. 19–24; *Агумаа А. С.* Сухумъ… С. 368–374.

[2] *Агумаа А. С.* Сухумъ… С. 370.

[3] *Бебиа Е. Г.* Указ. соч. С. 3.

ширить источниковедческую базу по истории Абхазии конца XIX–XX вв.

* * *

Выдающимся вкладом в отечественное и мировое кавказоведение признаются труды П. С. Уваровой. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова родилась в с. Бобрик Лебединского уезда Харьковской губернии в 1840 г. Отец — князь С. А. Щербатов — был полковником, предводителем дворянства Лебединского уезда; мать, Прасковья Борисовна, происходила из княжеского рода Святополк-Четвертинских. В середине 1850-х гг. семья Щербатовых обосновалась в Москве. Прасковья Сергеевна получила домашнее образование. Ее педагогами были известные люди своего времени: филолог и историк искусств Ф. И. Буслаев (русская литература и изобразительное искусство), пианист и дирижер Н. Г. Рубинштейн (музыка), живописец и график А. К. Саврасов (рисование и живопись). В молодости, при выходе в свет, она познакомилась со многими известными людьми, в том числе и с Л. Н. Толстым[1]. Существует мнение, что она стала прообразом Кити Щербацкой в романе «Анна Каренина»[2]. Она упоминается в дневниках писателя за 1858 г.[3].

В 1859 г. Прасковья Щербатова вышла замуж за ученого-археолога Алексея Сергеевича Уварова, сына известного государственного деятеля, министра народного просвещения и президента Петербургской академии наук. У них родилось семеро детей — четверо сыновей и

---

[1] *Плеханова А. С.* Благотворительная деятельность графини П. С. Уваровой // Обсерватория культуры. 2016. Т. I. № 1. С. 88.

[2] *Храпова Л. Е.* Личность П. С. Уваровой, как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников // Уваровские чтения — I. Тезисы докладов Первых Уваровских чтений. Резолюции Первых Уваровских чтений. 17–18 апреля 1990 г. Муром, 1990. С. 5.

[3] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. / коммент. А. И. Шифмана. М.: Худож. лит., 1985. Т. 21: Дневники. 1847–1894. С. 218.

три дочери (одна умерла в младенчестве). Несмотря на многодетность, П. С. Уварова стала сотрудницей и постоянной спутницей мужа в проводимых им поисковых археологических работах. А. С. Уваров, будучи председателем Московского археологического общества и одним из его организаторов, получал неизменную поддержку со стороны жены, выполнявшей роль секретаря и помощника. После кончины мужа П. С. Уварова продолжила его дело и взяла на себя все служебные обязанности, которые он выполнял. В 1885–1917 гг. была постоянным председателем Московского археологического общества, регулярно, каждые три года, в разных городах России организовывала археологические съезды. До Первой мировой войны провела 9 таких съездов. Вела активную работу по выявлению, изучению и охране памятников старины, возглавляла комиссию «Старая Москва». Учредила премию имени А. С. Уварова за исследования в области русской архитектуры. Организовывала археологические экспедиции, в которых и сама принимала непосредственное участие, вела благотворительную деятельность. Покинула Россию в октябре 1917 г. Перед отъездом за границу передала в Исторический музей (директором был ее младший брат Н. С. Щербатов) богатейшую музейную коллекцию и архив Уваровых из имения Поречье. П. С. Уварова за свою многогранную деятельность получила признание и в России, и за рубежом. Она была первой женщиной, которая удостоилась избрания в Петербургскую академию наук в качестве ее почетного члена (1894), высшего женского придворного звания — статс-дамы (1912). Творческое наследие Уваровой обширно: опубликовано большое количество книг и около 200 статей. Прежде всего, следует назвать следующие труды: «Кавказ. Путевые заметки» (три тома — 1887, 1891, 1904), «Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования» (1890), «Областные музеи» (1891), «Могильники Северного Кавка-

за» (1900), «Архитектурные памятники Юго-Западного края» (1902), «Обзор деятельности первых 12 съездов», «О защите памятников живой старины» (1914). Была инициатором и соавтором издания «Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова» (четыре тома — 1887–1908). В качестве автора и ответственного лица участвовала в издании выпусков из серий: «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества» (1888–1916) и «Коллекции Кавказского музея» (1899–1912)[1].

Перечисленные работы свидетельствуют о том, что кавказская тематика в научной деятельности Уваровой была одним из главных направлений. Кавказским экспедициям посвящены три ее книги, объединенные названием «Кавказ. Путевые заметки» (ч. I, 1887). В двух последующих книгах заглавия были изменены соответственно: «Кавказ: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок» (ч. II, 1891) и «Кавказ: Рача, Горийский уезд, Горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия» (1904).

Чета Уваровых вместе с детьми бывала на Кавказе многократно. Целью этих поездок были научные экспедиции и организация Археологического съезда в Тифлисе (1881). «Путевые заметки» Уваровой отразили результаты пяти экспедиций: в двух из них (1878 и 1881) она сопровождала мужа; путешествия 1886, 1888, 1890 гг. были организованы непосредственно Уваровой, им посвящены вторая и третья части книги. Описания экспедиций представлены в форме дневниковых записей.

Первая часть «Путевых заметок» имеет посвящение: «Дорогой памяти графа Алексея Сергеевича Уварова». Автор поясняет, что ее «путевые заметки», создавав-

[1] Биографические сведения о П. С. Уваровой приводятся по статье: Кузьминых С. В. Уварова П. С. URL: https://bigenc.ru/archeology/text/4214412. (дата обращения: 22.10.2021); URL: http://histpol.pl.ua/ (дата обращения: 22.10.2021); URL: http//www.artpanarama.su/ (дата обращения: 22.10.2021).

шиеся «постепенно», «писались в вагоне, дорожной карете, верхом на лошади» и «не назначались к печати»[1]. А. С. Уваров, пользуясь этими записями в своей работе, выразил желание их опубликовать. «Предполагалось, разумеется, многое изменить, исправить и дополнить», но болезнь и последовавшая кончина графа не позволили осуществить это намерение. «Исполняя ныне волю усопшего, не чувствую в себе ни энергии, ни желания изменять и пополнять то, что посещалось, осматривалось и изучалось вместе», — пишет автор в предисловии.

В первой и третьей частях труда Уваровой имеются лишь отдельные упоминания об Абхазии[2], тогда как значительная часть второго тома содержит больше сведений о крае и его населении. В него вошли в основном итоги изысканий экспедиции, предпринятой в 1886 г., с вкраплениями воспоминаний о ее предыдущем пребывании здесь. Члены экспедиции, после почти месячного путешествия на пароходе «Великий князь Михаил» по Черноморскому округу, где изучались различные памятники старины, вступили на абхазскую землю. Это произошло 18 июля, когда их судно пришвартовалось в Новом Афоне. Экспедиция работала на территории Абхазии около трех недель. В дневнике Уваровой не указана точная дата отплытия их из Абхазии, но то, что 10 августа было временем прибытия в Батум, означает, что это произошло днем раньше — 9 августа.

Уварова подробно изложила результаты, полученные экспедицией до ее прибытия в Абхазию. Прежде сотрудники успели побывать в Севастополе, Новорос-

---

[1] [*Уварова П. С.*]. Кавказ: Путевые заметки. Графини Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887.

[2] Тем не менее укажем на ошибочность утверждений автора, в которых она абхазов, наряду с кахетинцами, тушинами, хевсурами, пшавами, мингрельцами, имеретинцами, гурийцами, причисляет к грузинскому народу, а абхазский язык называет наречием, в котором «многое заимствовано у кабардинцев» (*Уварова П. С.* Кавказ: Путевые заметки. Ч. I. С. 94, 95).

сийске, Крыму и Черноморском округе. Путевые заметки свидетельствуют о том, что экспедиции удалось выявить большое количество археологических и архитектурных памятников, из которых чаще других упоминаются дольмены. Даются справки об истории многих древних приморских городов. Автором с сожалением констатируется, что новые жители не проявляют интереса к истории местности, в которой они поселились. «Никто — ни чехи, ни казаки, ни хохлы-поселенцы не знают: ни преданий, ни даже названий тех рек, долин и гор, <…> которые и кормят, и поят их. Нет той поэзии, той томительной тоски и ласки, которые чувствовались в рассказах Казбека о его родных ущельях и их прежних насельниках…»[1]. Ее возмущают случаи варварского отношения к окружающей среде и древним памятникам со стороны строителей железной дороги и новых жителей, которые «выжигают огромные площади». В работе имеется много описаний природы: горы, горные потоки, леса, которыми Уварова неизменно восторгается («сколько мысли и поэзии»). Даются отдельные сведения о коренном населении (адыгах), выдержанные в целом в корректном тоне. С сожалением неоднократно подчеркивается, что оставленные черкесами сады пришли в запустение. Вот одно из этих описаний: «Черкесы, заселявшие этот край, вероятно, с очень давних пор, отнеслись весьма разумно к сельскохозяйственному богатству края: они не стеснялись и не останавливались перед глубокой обработкой отдельных горных полян и, заселив все горные ущелья, сумели, несмотря на постоянные набеги, жить с достатком, иметь поля и фруктовые сады, водить пчел, рогатый скот и целые табуны лошадей. Достатка этого хватало и на лихого скакуна, и на богатое вооружение, и на изящную одежду»[2]. За этим несколько романтическим описанием

[1] [*Уварова П. С.*]. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки Графини Уваровой. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. Ч. II. С. 24.

[2] Там же. С. 28–29.

следует контрастная картина современного состояния: «Теперь все изменилось: край покорен, черкесы выселены и новые поселенцы — малороссы, казаки, греки поля запустили, фруктовые сады уничтожили, леса вырубают, а сами, несмотря на благодатный край, ходят такими же нищими, голыми, невзрачными, как и на севере»[1].

Уварова отмечает плохую организацию процесса переселения новых жителей на обезлюдевшую территорию: «Край нуждается в разумных поселенцах и, в особенности, в разумной организации». При этом не всегда ее мнение совпадает с оценкой, которую давал А. В. Верещагин в своих работах. П. Уварова в одном месте даже с обидой за удручающее состояние дел вопросительно восклицает: «Неужели и под благословенное небо юга перенесем мы нашу лень и вытекающую из нее бедность и нищету, которую мы всегда расположены приписать лишениям и невзгодам севера?»[2]. Автор на разных страницах своих «Путевых заметок» вновь и вновь возвращается к теме безуспешного освоения края и с горечью завершает свои рассуждения вопросом: «Грустные думы наводит на меня это безлюдье: права ли Россия, покорив этот чудный край и обезлюдев его совершенно?»[3]. Заметим, что Уварова придерживалась монархических взглядов, но увиденная ею реальность вынуждала к столь откровенным высказываниям.

На второй день по прибытии группы Уваровой в Абхазию они встретились в Сухуме с уже проводившими там археологические раскопки другими членами Московского археологического общества — археологами В. И. Сизовым и Н. В. Никитиным. Обсудив план дальнейших действий, приступили к проведению намеченных изыскательских работ. Саму Уварову, прежде всего, интересовали древние памятники христианской архитектуры Абхазии.

---

[1] Там же. С. 29.

[2] Там же. С. 17.

[3] Там же. С. 66.

Согласно данным современного исследователя христианских памятников, археолога и искусствоведа Л. Г. Хрушковой, Уварова «лично обследовала 102 памятника христианской архитектуры»[1]. Из этого числа в Абхазии ею было зафиксировано и изучено свыше 30 объектов. Экспедиция, возглавляемая ею, обнаружила многие разрушенные и давно забытые церкви. Одну из них она описывает как «найденную случайно поселянами в чаще деревьев, кустов и вьющихся растений, на северо-восток от Ольгинского селения»[2].

Уварова тщательно и профессионально изучала те храмы, которые поддавались обследованию, подробно фиксировала буквально все, начиная со строительного материала памятника, его размеров, конструкции, кончая описанием местоположения. Полученные сведения были результатом визуальных наблюдений, а в отдельных случаях — производимых археологических раскопок. Иногда к раскопкам привлекались и местные жители. При описании храмов Уварова часто обращается к их истории, черпая сведения из трудов как древних, так и современных авторов: Прокопия Кесарийского, Абульфреди, Дюбуа, архим. Леонида, Д. Бакрадзе, В. Чернявского. Чаще всего Уварова ссылается на работу Дюбуа, нередко оспаривая его выводы. В поле зрения автора находились все сколько-нибудь значимые объекты: дворцы, башни, замки, мосты, пещеры. Перечисляя их, Уварова прилагала справку с их названием и местом расположения. Примечательно, что именно Уварова впервые ввела в «научный оборот понятие “Гигантская

---

[1] *Хрушкова Л. Г.* Прасковья Сергеевна Уварова — выдающийся исследователь христианских памятников Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы Международных Свято - Игнатиевских чтений, г. Ставрополь, 14 мая 2013 г. Ставрополь: Издат. центр СтПДС, 2013. С. 104.

[2] *Уварова П. С.* Указ. соч. Ч. II. С. 99.

Абхазская стена”»[1], определяемое позже специалистами как Великая Абхазская стена.

В «Путевых заметках» содержится серьезная критика предпринятых ранее реставрационных работ в церквах и монастырях. Если предыдущие авторы о них писали исключительно в положительном свете, то Уварова, как профессионал, требовательно относилась к результатам таких работ. О проведенной в Драндском соборе реставрации она с возмущением пишет: «Собор в Драндах, восстановленный самым варварским <…> образом, производит на вас самое ужасное впечатление: все зачищено, выбелено, подштукатурено и замазано так, что сердце сжимается. Не знаешь, чего желать и что лучше — чтобы древности Кавказа оставались втуне, не известные ни для кого, заросшие и закрытые от глаз путешественников, или чтобы являлись радетели вроде Драндских Афонских монахов, обративших драгоценный памятник старины не то в казенный госпиталь, не то в цирк, с безобразнейшими штукатурными пилястрами и тягами»[2]. Столь же строго она оценивает и плоды реставрации в Пицундском храме[3].

Часть результатов изучения христианских памятников Абхазии Уварова поместила и в другой своей работе[4]. В ней даны описания четырех храмов: храма Симона Кананита, храма и дворца в Алахадзихе, на реке Бзыбь и в Лыхны. Кроме того, представлены девять церквей:

---

[1] *Джопуа А. И., Нюшков В. А.* Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии // Наследие веков. 2016. № 4. С. 33.

[2] *Уварова П. С.* Указ. соч. Ч. II. С. 111–112.

[3] Там же. С. 125, 129.

[4] *Уварова П. С.* Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. Вып. IV. С. 7–35.

у горы Бырц, на холмах Яштхуа и Ушхо, на реке Басле, в селах Эшера, Ольгинском, Ряпш, в имении Воронова в Цебельде и местности Эйлага. Здесь же имеются сведения о Генуэзском мосте и Келасурской стене. Очерки об этих памятниках сопровождены большим количеством иллюстраций, а тексты содержат уточнение и дополнения.

Топонимике и гидронимике Абхазии в «Путевых заметках» Уваровой уделено особое внимание. Ценно то, что населенные пункты и реки обозначены преимущественно исконными названиями, но встречаются и примеры их переименований. Из различных сведений о местностях следует выделить описание Сухума — в том состоянии, как застала город Уварова во время своего пребывания в Абхазии. Обращено внимание на удачное местоположение Сухума, имеющего «прелестный, глубокий, тихий, защищенный от ветров» залив, а близость гор создает условия для успешного выращивания «лимонных и апельсиновых деревьев, мирт, лавров и разных хвойных деревьев». Отмечено, что этот «прелестный город» был разорен во время войны турками и абхазцами, «когда наши войска покинули» его. «После войны, — продолжает автор, — под видом оздоровления уничтоженного города, управляющий отделом Кравченко нашел необходимым вырубить аллеи, с целью обсушки улиц. Теперь город представляет груду развалин, еще весьма мало восстановленных»[1]. Касаясь вопроса о судьбе абхазских махаджиров, Уварова пишет: «Абхазцы должны были по возвращении русских удалиться вместе с турками, но, настрадавшись на чужбине, просили, большей частью, позволения вернуться. Позволение это им дано, но с условием, чтобы они селились в горах, в 40 верстах от моря, а вся прибрежная полоса осталась в распоряжении правительства, которое мало-помалу заселяет ее мингрельцами, молдаванами, греками, немцами и

[1] *Уварова П. С.* Путевые заметки. Ч. II. С. 81.

русскими. Мингрельцам дают преимущество, потому что народ в самой Мингрелии обездолен…»[1].

Этнографические наблюдения Уваровой, которых немало в «Путевых заметках», слишком субъективны и не всегда точны. Это особенно заметно в ее обобщениях. Так, рассуждая о конной страже, которую набирали из абхазов, Уварова делает прямолинейный вывод о том, что они «не годны к исполнению обязанностей, возлагаемых на всадников». Но ниже по тексту следует любопытное описание — по сути, коллективный психологический портрет народа: «Они (абхазы. — *В. А.*), как и все уроженцы Кавказа, народ очень тихий и добрый, как бы не принимающий никакого участия в окружающей их жизни и не понимающий ни требований оной, ни обязанностей, ею возлагаемых. Абхазец может вспылить, рассердиться, даже убить ни за что в минуту сильного гнева, но обыкновенно кровь течет у него в жилах тихо и спокойно, не беспокоя, не волнуя его. Смотря на эти смуглые фигуры, сидящие около вас с поджатыми ногами или развалившиеся в полнейшей апатии, видя их потом в движении — на лошади или разговоре, с искрившимися глазами, приходишь к убеждению, что кажущаяся неподвижность их не есть dolce fare niente (сладкое ничегонеделание) итальянцев, а скорей какое-то небрежение ко всему мирскому, какая-то замкнутость, самопознание и сильное расположение к созерцательной жизни, что должно было, впрочем, неминуемо развиться ввиду красоты края, его гор, лесов и тесных ущелий. — В такой стране, при таких условиях, из таких людей должны были, прежде всего, выходить древние пустынники, столпники и подвижники!»[2]. Эти наблюдения хорошо иллюстрируют такие качества автора, как наблюдательность, богатство воображения и глубину проникновения в суть явлений, благодаря которым распознаны внешне трудноулови-

[1] Там же.

[2] Там же. С. 83.

мые характерные особенности психологического склада абхазов. Важно и то, что этот портрет создан в связке с окружающей природой, которая, как известно, влияет на выработку определенных стереотипов того или иного этноса. Заметим, правда, что в XIX в. такие пустынники и столпники в абхазской среде, может и были, но история не сохранила их имен.

Портретные описания лиц, с которыми встречалась в Абхазии Уварова, служат отчасти и дополнением к этнографическим наблюдениям автора. Читатель знакомится с уже известными по работе архим. Леонида дворянином С. С. Лакербаем и князем Мурзаканом Анчабадзе (в тексте — Анчибадзе). Уварова с признательностью и подробно описывает радушный прием в их домах, оказанный экспедиции, и предоставленную помощь в поиске археологических памятников. Весьма интересным представляется переданный автором рассказ С. Лакербая об очень редком археологическом артефакте. «Местный владелец Лакербай, — сообщает она, — рассказывал нам, что в ущелье р. Бзыби найден, тому назад года четыре (то есть в 1882 г. — *В. А.*), совершенно случайно, железный гроб, обложенный дубовыми досками и железными обручами; в гробу кости огромных размеров и железный меч почти в два аршина длины»[1].

О князе М. Анчабадзе, попросившем участников экспедиции «заехать и переночевать у него», Уварова вспоминает, что он «еще молодой человек, известный джигит и наездник, хорошо говорит по-русски». Также приводит интересный факт его биографии. Оказывается, он «подвергался опале и изгнанию за свои похождения, но бежал оттуда и, явившись к начальнику, принес повинную и обещал исправиться, если ему дозволено будет поселиться на прежнем месте. Дозволение ему дано, и он стал ныне мирным и трудящимся поселянином»[2]. При

[1] Там же. С. 142.

[2] Там же. С. 154.

описании устроенного М. Анчабадзе приема автор считает нужным отметить, что «князь угостил <…> по-княжески». Уварова свидетельствует, что этот Мурзакан Анчабадзе был братом Жаны Ачба, ослепшего в детстве, а впоследствии ставшего известным певцом-сатириком. О нем сказано: «Слепец, брат князя, пропел несколько героических поэм под звук местного трехструнного инструмента; ему вторили все присутствующие»[1].

Участники экспедиции посетили святилище Дыдрипш (в тексте — Дидрюпш). Уварова пишет, с каким почтением и благоговением относились абхазы, да и представители других народов к этой святыне. Спутники русских исследователей, сопровождавшие их в походе, отказались близко подойти к ней, дабы без необходимости не тревожить ее. Но и добравшиеся до места участники экспедиции не приступили к своим исследованиям: «Как предпринять раскопку в священном месте?» — завершает автор эту часть своих «Путевых заметок». Со слов жителей местной общины Уваровой были записаны некоторые обрядовые действия по принесению присяги в святыне.

В «Путевых заметках» Уваровой зафиксированы имена и других жителей края, с которыми встречались и общались члены экспедиции. Это представители местного чиновничества, землевладельцы, священнослужители, педагоги, переселенцы и абхазские дворяне. Уварова с благодарностью пишет о содействии каждого из них работе экспедиции.

Труды графини П. С. Уваровой были и остаются востребованными научным сообществом. В них содержится уникальный материал, являющийся результатом экспедиций, проведенных ею в разные годы. Материалы, относящиеся к Абхазии, представляют собой ценный пласт этого наследия и неизменно находятся в поле зрения ученых, занимающихся изучением исторического про-

[1] Там же. С. 155.

шлого Абхазской земли. Начиная с конца 1990-х гг. наблюдается возросший интерес к деятельности, научному наследию П. С. Уваровой и ее мужа А.С. Уварова. Свидетельство тому — переиздание их трудов, а также большое количество исследований, посвященных их жизни и служению науке[1].

***

В 1891 г. вышла в свет книга Альберта Викентьевича Старчевского «Кавказский толмач. (Переводчик с русского на главнейшие кавказские языки)». Это оригинальное издание состояло из трех частей: словаря, разговорных фраз и грамматических очерков по 27 кавказским языкам. В 1893 г. было предпринято второе издание толмача, дополненное и содержавшее сведения по 30 языкам. Историю составления толмача и его цель Старчевский изложил в предисловии к изданию, предназначенному для практического использования русскими, которые находились на военной или гражданской службе в общении с местными кавказскими народами. «Надо же как-нибудь прийти на помощь своим соотечественни-

[1] См.: *Плеханова А. С.* Благотворительная деятельность графини П. С. Уваровой // Обсерватория культуры. 2016. Т. I. № 1; *Алиева А. И.* Вклад Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества в исследование Кавказа (1887–1915 гг.) // Вестник КИГИ. https:doi.org/10.22162/2075-7794-2016-24-2-50-56 (дата обращения: 3.07. 2024); *Алиева А. И.* Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества // Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59); *Алиева А. И.* Судьба кавказоведческого наследия А. С. и П. С. Уваровых в XX столетии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3; *Хрушкова Л. Г.* Прасковья Сергеевна Уварова — выдающийся исследователь христианских памятников Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы Международных Свято-Игнатиевских чтений, г. Ставрополь, 14 мая 2013 г. Ставрополь: Издат. центр СтПДС, 2013.

кам и дать им в руки какие-нибудь толмачи этих языков»[1] – отмечает автор.

Книга была задумана еще в 1840-е гг,, когда Старчевский начал собирать языковой материал. В процессе работы использовалось «все, что когда-либо было напечатано по языкам, которыми говорят на Кавказе <…>, начиная с трудов Клапрота, затем барона Услара и кончая последними изданиями нашей Академии наук»[2]. Не ограничиваясь имевшимся печатным материалом, Старческому самому «многое приходилось также добывать от туземцев»[3]. Поскольку издание было предназначено, прежде всего, для общения русскоговорящих с кавказскими народами, все слова были напечатаны кириллицей. Исключение составляла латинская буква **h**, о которой автор говорит, что «ее надо произносить не как **х**, а как **г** в слове Бог»[4]. Очевидно, что словарь-разговорник, в котором слова разных национальных языков транскрибировались русскими буквами, был далек от совершенства. Видя несомненные изъяны толмача, автор-составитель разъяснял, что им руководила «одна практическая, а не научная цель, которые совместить невозможно»[5]. В то же время он выражал надежду, что плоды его сорокалетней работы окажутся полезны и станут «фундаментом, на котором потом легко уже можно будет построить здание…»[6].

Абхазский языковой материал в «Кавказском толмаче» Старчевского состоит из 1271 слова, 291 разговорных фраз и краткого грамматического очерка. Сло-

---

[1] [*Старчевский А. В.*]. Кавказский толмач. (Переводчик с русского на главнейшие кавказские языки). Заключающий в себе 27 языков. Сост. А. В. Старчевский. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. С. 1.

[2] Там же. С. 1.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 2.

[5] Там же.

[6] Там же.

варные единицы систематизированы по частям речи: глагол, местоимение, частицы, прилагательные, существительные. В число разговорных фраз, наряду с высказываниями, состоящими из нескольких слов, Старчевский включил и отдельные слова повелительного и императивного содержания, выражающие просьбу, требования («*бей — уисс*», «*играй — ухумар*» и т. п.). Несмотря на неизбежные недостатки объективного и субъективного характера, помещенный в книге материал представляет определенную ценность с точки зрения исторической лексикографии. К тому времени двуязычных русско-абхазских словарей еще не было. Имелись лишь отдельные работы, в которых приводился определенный перечень абхазских слов и их переводы на русский язык. Среди них разделы: «Сборник абхазских слов» и «Алфавитный список русских слов» в книге П. К. Услара «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык» (1862, 1887) и две статьи В. И. Чернявского «Названия растений и плодов на некоторых языках юго-западного Закавказья, собранные преимущественно в Сухуме в 1870–1876 и 1878–1879 годах» и «Названия животных на некоторых языках юго-западного Закавказья, собранные преимущественно около Сухума (частью на Кодоре, в Самурзакане) в 1870–1876 и 1878–1879» гг.»[1].

В некотором смысле предшественником «Кавказского толмача» Старческого был первый русско - абхазский словарь В.П. Романова – «Словарь абазинской» (1927). Однако его рукописный вариант надолго исчез из поля

[1] См.: *Чернявский В. И.* Названия растений и плодов на некоторых языках юго-западного Кавказа, собранные преимущественно в Сухуме в 1870–1876 и 1878–1879 годах // ИКОИРГО. Тифлис: 1882–1883. Т. VII. № 1–2. С. 102–113; *Чернявский В. И.* Названия животных на некоторых языках юго-западного Закавказья, собранные преимущественно около Сухума (частью на Кодоре, в Самурзакане) в 1870–1876 и 1878–1879 гг. // ИКОИРГО. Тифлис: 1882–1883. Т. VII. № 1–2. С. 114–128.

зрения исследователей, и только недавно был обнаружен и впервые опубликован А. Ч. Абазовым[1].

При составлении более поздних словарей абхазского языка «Кавказский толмач» Старчевского не получил должного применения. Только два автора упомянули это издание в своих работах. Во-первых, крупный ученый-кавказовед, лингвист и этнолог А. Н. Генко во введении к своему «Абхазско-русскому словарю»[2] в обзоре лексикографических работ он охарактеризовал абхазский материал, представленный Старчевским. Оценка более критическая, нежели положительная: издание названо «курьезным», отмечено, что в нем «наряду со словами, поддающимися так или иначе отождествлению, встречается целый ряд написаний, безнадежно искаженных»[3].

Другой автор, Д. И. Гулиа при упоминании «Кавказского толмача» А. В. Старчевского обходит молчанием его лексикографическую часть, а относительно грамматического очерка говорит, что он «повторяет мнение П. К. Услара»[4].

Соглашаясь с мнением А. Н. Генко о том, что многие абхазские слова у А. Старчевского поданы в искаженном виде, нельзя сей труд считать бесполезным. Нужно исходить из того, что существенные фонетические различия между абхазским и русским языками не позволяло отобразить многие слова русскими буквами. К тому же

---

[1] *Романов В. П.* Абазинской словарь / сост.: А. Ч. Абазов, А. Р. Шомахова. Сухум: Дом печати, 2016.

[2] Данный словарь создавался в 1930-е г., но начавшаяся Великая Отечественная война и уход из жизни автора (1941), помешали его изданию. Словарь был выпущен в свет, спустя много лет в 1998 г., благодаря усилиям языковеда Т. Х. Халбада.

[3] *Генко А. Н.* Введение к Абхазско-Русскому словарю // А. Н. Генко. Абхазско-Русский словарь. Первое издание / подг. к печати, пред. и коммент. Т. Х. Халбад. Сухум: 1998. С. 383, 384.

[4] *Гулиа Д. И.* История Абхазии. Тифлис: Издание Наркомпроса ССР Абхазии, 1925. Т. I. С. 18.

доля искаженных слов не преобладает над количеством адекватно зафиксированных. Выражаем убеждение, что труд Старчевского не должен быть предан забвению, в истории лексикографии абхазского языка ему подобает заслуженное место[1].

Альберт (Адальберт-Войтех) Викентьевич Старчевский (1818–1901) получил в свое время известность, проявив себя в различных отраслях гуманитарной сферы: был журналистом, лексикографом, энциклопедистом, литератором. Родился А. Старчевский в с. Ивки Киевской губернии, в польской семье. Биографические сведения о нем сообщает Энциклопедия Брокгауза и Ефрона: образование получил «в Киевском и Санкт-Петербургском университетах по юридическому факультету»; будучи еще студентом, издал на латинском языке первый том «Сказаний иностранных писателей XVI в. о России» (1841); второй том был выпущен в свет через год. «С 1843 г. Старчевский был сотрудником "Журнала Министерства Народного Просвещения" по исторической критике и славянской этнографии и филологии; составил грамматики десяти славянских наречий (в рукописи) и напечатал: "Литература русской истории с Нестора до Карамзина" ("Финский вестник"), "О заслугах, оказанных государственным канцлером Н. П. Румянцевым", "Жизнь Н. М. Карамзина"» (СПб.: 1845). Старчевский редактировал "Справочный энциклопедический словарь" К. Крайя (12 томов), первый оконченный словарь на русском языке»[2].

---

[1] Специального исследования по истории словарей абхазского языка пока нет. Единственной работой, которая содержит обзор различных типов словарей абхазского языка, является монография Л. Х. Саманба «Вопросы абхазского и общего языкознания». В ней даны краткие характеристики свыше 40 разных словарей, созданных в советский и постсоветский периоды. (См.: *Саманба Л. Х.* Вопросы абхазского и общего языкознания. Сухум: АбИГИ, 2015. С. 365–392).

[2] Старчевский (Адальберт-Войтех Викентьевич) // Эн-

В разные годы Старчевский также редактировал различные периодические издания: «Библиотеку для чтения», «Сына Отечества», «Современник», «Улей», «Родину». Важное место в его наследии занимают «разного рода “Переводчики” с восточных языков, “Спутники”, “Толмачи” и т. п. по Средней Азии, Кавказу, Турции, Индии и пр., из которых некоторые выдержали несколько изданий»[1]. Старчевским в 1899 г. был подготовлен «Словарь древнейшего славянского языка, составленный по Остроумову Евангелию, Миклошичу, Востокову и Бередникову». Старчевский – автор публицистических статей «Великая мысль Екатерины II», «Воспоминания старого литератора», «Роман одной забытой романистки», «Дудышкин Степан Семенович. Один из забытых журналистов».

В журналистской и литературной творческой среде со Старчевским поддерживали связи О. Сенковский, А. Н. и В. Н. Майковы, И. А. Гончаров и мн. др. О его статье «Литература русской истории с Нестора до Карамзина», опубликованной в «Финском сборнике», похвально отозвался В.Г. Белинский[2].

Старчевский ушел из жизни в 1901 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Волковском лютеранском кладбище. После смерти, несмотря на все заслуги, имя его, на долгие годы, оказалось забытым; оно не встречается в издававшихся в последующем многочисленных энци-

---

циклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон. 1900. Т.XXXI. С. 457.

[1] Там же. С. 457.

[2] В. Г. Белинский название статьи передает неточно («Очерк исторической деятельности до Карамзина»). См.: *Белинский В. Г.* Русская литература в 1845 году // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. / ред. тома Н. К. Гей; подг. текста В. Э. Бограда; статья и примеч. В. И. Кулешова. М.: Художественная литература, 1982. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1848. Т. VIII. С. 31.

клопедических справочных изданиях. По этому поводу русским писателем В. С. Пикулем написана миниатюра «Как попасть в энциклопедию?» – история о том, как главный редактор «Справочного энциклопедического словаря» А. В. Старчевский «дотащил» издание «до последнего тома», но его собственное имя теперь невозможно сыскать «ни в изданиях “Большой советской энциклопедии”, ни в иных популярных справочниках»[1].

Интерес к наследию Старчевского обозначился только в последние годы. Появились работы, посвященные его жизни творчеству[2], опубликованы статьи, в которых освещаются разные стороны его многосторонней деятельности[3], переизданы некоторые его сочинения[4].

Среди исследований, посвященных месту А. В. Старчевского в российском культурном пространстве, можно выделить статью с обстоятельным анализом его работ,

---

[1] *Пикуль В. С.* Как попасть в энциклопедию? // Читать книгу «Как попасть в энциклопедию?», Валентин Пикуль (4italka.su) (дата обращения: 05.01.2024).

[2] См.: *Рыбак Е. А.* Альберт Викентьевич Старчевский (1818–1901) — журналист и редактор. Автореферат магистерской работы. Саратов: 2019. 12 с.

[3] См.: *Курмансеитова А. Х.* Первые печатные издания на языках Карачаево-Черкесии // Кавказские научные записки. 2011. № 2(7). С. 172–182; *Колесникова Е. В.* Редакторы журнала «Библиотека для чтения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, Языкознание, Культурология. 2014. № 12(134). natsionalnaya-kniga-cherkesskoy-avtonomnoy-oblasti-v-1946-1951-gg.pdf (дата обращения: 05.01.2024); *Шишлова Н. Э., Тванба Л. Р.* Этнокультурные особенности абхазского языка в векторе его сохранения и развития // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 130. etnokulturnye-osobennosti-abhazskogo-yazyka-v-vektore-ego-sohraneniya-i-razvitiya.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

[4] Осуществлено переиздание сочинений А. В. Старчевского в электронном виде: «Николай Михайлович Карамзин», «Сибирский переводчик», «Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии».

автор которой высоко оценивает Старчевского как основного редактора «Справочного энциклопедического словаря»[1], одновременно указывая на отдельные недостатки. О восточных лексикографических работах Старчевского в статье сказано, что оценки современных исследователей «находятся в диапазоне от резкой критики до признательности за описание языка впервые». Вывод, к которому приходит исследователь, вполне логичен и взвешен: «Восточные толмачи Старчевского — при всем несовершенстве их исполнения и практической неэффективности — сыграли свою роль для популяризации сведений о многочисленных языках России и ее соседей. На то время это был практически единственный источник, благодаря которому читатель мог составить для себя хотя бы самые общие представления о многоязычии собственной страны. Информационный вакуум в области лингвистического просвещения был, и Старчевский этот вакуум заполнил»[2].

В истории составления словарей по абхазскому языку абхазский лексикографический материал, помещенный в «Кавказском толмаче» А. В. Старчевского, отражает одну из ранних ступеней и представляет безусловный интерес для исследователей.

* * *

В 1894 г. епископом Агафодором была издана книга «Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухума». Автор данной работы — Павел Флегонтович Преображенский (1837–1919) родился в с. Спасское Пошехонского уезда Ярославской

[1] Уместно заметить, что этот словарь содержит также статью «Абхазия». (См.: Справочный энциклопедический словарь. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847. Т. I. С. 28).

[2] К сожалению, заглавие этой статьи и фамилию автора нам не удалось установить, хотя сама работа была выложена в указанном источнике: https://ebookpoint.pl/pobierz-fragment/e_0qdm/pdf (дата обращения: 19.07.2023).

губернии, в семье причетника. «В 1848 г. был отдан матерью в Пошехонское духовное училище. В 1860 г окончил Ярославскую Духовную семинарию. В том же году вступил в брак и был рукоположен во диакона, а затем в пресвитера. В течение 23 лет служил настоятелем прихода с. Воскресенского Мышкинского уезда Ярославской губернии. Преподавал в приходской школе <…>. 1 декабря 1864 г открыл бесплатное народное училище в деревне Игнатово Мологского уезда Ярославской губернии; в 1865 г. открыл такое же училище в с. Воскресенском. В 1877–1884 гг. — благочинный сельских приходов, устроитель благочинической библиотеки. В 1884 г. возведен в сан протоирея и назначен настоятелем Успенского собора в Мышкине, где прослужил до 1888 г.; <…> Овдовев, 1 февраля 1888 г. принял монашество, 2 февраля возведен в сан архимандрита. <…> В 1888 г. в Александро-Невской лавре хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В Нижнем Новгороде основал на свои средства Свято-Владимирскую церковноприходскую школу <…>. 2 марта 1891 г. переведен на Сухумскую кафедру, где учредил Александровское общество»[1].

Два года (1891–1893) преосвященный был на Сухумской кафедре и за это краткое время смог внести неоценимый вклад в развитие края: учредил Сухумское епархиально-церковное братство во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, открыл 22 церковно-приходские школы, основал проделавшую большую просветительскую работу комиссию — для перевода на абхазский язык богослужебных книг. Деятельность этой комиссии увенчалась изданием многих книг на абхазском языке, в числе которых Евангелие. Епископ Агафодор, «учредив должность епархиального миссионера, и определив на эту должность лицо, знающие аб-

[1] *Цыпин Вл., прот.* Агафодор // Православная энциклопедия: в 75 т. [вышло 71 том]/ под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С.

хазский язык, сам неустанно объезжал епархию с миссионером по глухим местам своей епархии. В результате — за два года им было крещено две тысячи абхазов»[1]. Учрежденная в 1892 г. епархиальная археологическая комиссия способствовала восстановлению в Каманах храма св. Василиска, в котором, по преданию, скончался св. Иоанн Златоуст.

В 1819 г. был переведен в Ставрополь епископом Ставропольским и Екатеринодарским «с 1916 г. титуловался Кавказским и Ставропольским, с мая 1907 г. — архиепископ. В 1901 г. устроил миссионерские курсы в Ставрополе. <…> Основал церковно-приходскую школу в ставропольской тюрьме. В 1906 г. им был устроен археологический музей, которому Святейший Синод присвоил имя основателя Старанием Агафодора в его епархии было открыто несколько новых монастырей. Участвовал в работе Собора, состоявшегося в мае 1919 г. В 1919 г. возведен в сан митрополита»[2]. Скончался Агафодор в том же мае 1919 г.; место кончины и погребения неизвестно.

Перу преосвященного Агафодора принадлежат такие книги, как «Катехизические поучения о вере христианской» (1898), учебное руководство для одноклассных церковно-приходских школ «Наставления о Законе Божием для начальных училищ» (1900), «Толковый молитвенник» (1899) и др.

В книге о Драндском монастыре близ Сухума епископ Агафодор описывает местоположение обители, «мягкий климат», «плодородную почву» окрестностей, перечисляет произрастающие здесь фруктовые и цитрусовые деревья. Подчеркивая уникальность монастыря, автор отмечает, что он «не имеет ничего общего с другими древними храмами Абхазии» — «в архитектурном

---

[1] *Агумаа А.С.* Агафодор (Павел Флегонтович Преображенский) // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 28; URL: http:// drevo-info.ru/11138.html (дата обращения 19.09.2020).

[2] *Цыпин Вл., прот.* Указ. соч.

отношении, по своей оригинальности»: «По форме своей постройки, он принадлежит к весьма древнему византийскому типу храмов VI–VIII века и может считаться одним из представителей византийской архитектуры на Кавказе»[1].

О славном историческом прошлом Драндского монастыря епископ Агафодор сообщает следующее. «В первой половине XI века от Кодора до Цхенис-Цкали насчитывалось двенадцать епископских кафедр, из коих впоследствии шесть были обращены в монастыри. Дранда была резиденцией митрополитов. Это было лучшее время для Абхазии»[2]. По мнению автора, наступившее в XIII в. «смутное» время, когда образовалось самостоятельное княжество под управлением князей Шервашидзе, положило начало процессу культурного упадка края. «Потрясаемые смутами обитатели Абхазии и ее окрестностей стали все более и более грубеть в своем невежестве и удаляться от света христианства»[3]. С появлением турок, как пишет автор, стало преследоваться и подвергаться гонениям православное духовенство, а церкви и монастыри лишались земель. Во второй половине XVII в. «многочисленное население Дранды, некогда богатое верою Христовою и благочестьем, уже все уклонилось в магометанство», а занимавший Драндскую кафедру архиепископ Гавриил, потеряв свою паству, вынужден был «поселиться в Иерусалиме, в грузинском монастыре святого Креста»[4].

Затем автор обращается к событиям XIX столетия, когда закавказские регионы, в том числе и Абхазия, приняли подданство России. «После занятия русскими Су-

---

[1] [*Агафодор*]. Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухума. Историко-археологическое описание Епископа Агафодора. Ставрополь: Тип. М.Т. Тимофеева, 1894. С. 7. 14.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же. С. 12.

[4] Там же. С. 14.

хума, в Дранде около храма было выстроено небольшое укрепление, в котором был расположен батальон русских солдат»[1].

В 1851 г. в Абхазии открылась архиерейская кафедра — спустя двадцать лет после Высочайшего повеления об ее учреждении в 1831 г. К тому времени внутренняя часть Драндского храма была разрушена, но уцелели внешние стены. Епископ Агафодор не разделял мнение С. Саблина, считавшего храм генуэзским.

Работы по восстановлению Драндского храма были начаты в 1868 г. На реставрацию выделили 8 тысяч руб.; руководил Д. Мачавариани, открывший первую школу в Абхазии и отец известного краеведа и публициста К. Д. Мачавариани. Открытие богослужений в Драндском храме состоялось в 1868 г., и оно «стало оказывать заметное влияние на местных жителей». Однако в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Драндский храм сильно пострадал, коренные жители «оставили свои прежние жилища, отправились в Турцию и там почти все погибли. Таким образом, суд Божий над отступниками от Православия совершился. Дранды, некогда богатые населением, опустели»[2], — заключает автор. Надо сказать, что в данном случае автору изменяет чувство меры, поскольку его слова наполнены неким злорадством. Кроме того, что они не соответствуют христианским этическим ценностям, где провозглашается сострадание и любовь не только к ближнему, но и к своему врагу, они еще и неправдивы. Действительно, процесс исхода жителей Абхазии сопровождался многочисленными жертвами, но говорить, что они «почти все погибли» не верно. Несмотря на тяжкие физические и духовные лишения, многим удалось выжить. В настоящее время в Турции проживает довольно многочисленная абхазская диаспора.

---

[1] Там же С. 17.

[2] Там же.

В 1880 г. иеромонахи Афонской Иверской обители Модест и Валаам обратились с просьбой к русскому правительству об устройстве монастыря на развалинах древнего Драндского храма. Высочайшее утверждение Священного Синода последовало в 1883 г. Начались восстановительные работы, и 27 сентября 1886 г. состоялось освящение главного храма в честь Успения Божией Матери преосвященным Гавриилом. В книге епископа Агафонова содержится подробное описание иконостасов, церковно-богослужебных принадлежностей, колокольни, библиотеки и больницы; рассказывается об училище, о монастырских пещерах, ските, хозяйстве. Каждый из названных разделов описан преосвященным Агафодором исчерпывающе подробно. Важным представляется сообщение автора о том, что в училище обучалось 40–50 детей — русских, румын, болгар, мингрельцев и абхазов, и что в 1893 г. был устроен новый училищный дом с отделением для мастерской; о намерении монахов открыть школу садоводства и пчеловодства.

Издание снабжено списком настоятелей монастыря, начиная с XV в., и рассказом о их деятельности в восстановлении монастыря. Приведены данные о монастырской братии, насчитывавшей 116 человек — проживавших в монастыре, на подворьях и хуторах. Дан свод правил из 21 пункта, которым должны были следовать поступавшие в монастырь лица, а также сведения о внутреннем распорядке монастыря. Обширность и добротность информации, сообщенной в книге епископа Агафодора, делает ее надежным источником для исследователей.

***

В 1894 г. в Тифлисе вышла книга «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношениях». Ее автор — Герасим Антонович Рыбинский (1852–1920); родился в Смоленской губернии, учился в Московском техническом училище, которое не окончил.

Из-за своих левых политических взглядов был преследуем властями. В разные годы проживал и работал в Риге, Варшаве, Париже. В 1881 г., ему было дозволено вернуться в Россию, но жить только в «местностях, объявленных на положении усиленной охраны»[1]. Жил в Перми, а затем на Кавказе под гласным надзором полиции. С начала 1890-х гг. и до конца жизни проживал в Абхазии. Печатался в газетах «Кавказ» и «Новое обозрение», приобрел известность как один из активных авторов, освещавших абхазскую тему. В частности, газета «Кавказ» публиковала серию его статей под заглавием «Абхазские письма».

По инициативе Рыбинского в 1898 г. было организовано Сухумское общество сельского хозяйства, функционировавшее до 1922 г. Оно сыграло важную просветительскую роль в деле хозяйственного и культурного развития Абхазии; в разные годы издавало целую серию периодических изданий — журналов и газет, в которых наряду со статьями естественно-научного направления, публиковались и статьи, освещавшие различные стороны культурной жизни Абхазии. Авторами, в том числе, выступали и представители зарождавшейся абхазской интеллигенции. Помимо учреждения сельскохозяйственного общества, Рыбинский в 1890-е гг. выступил с инициативой создания историко-археологического музея. Но не все его инициативы поддерживались властями.

В книге Рыбинского «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношениях» обосновывается необходимость организации Сельскохозяйственного общества в Сухуме. В ней также, в качестве приложения, помещены извлечения из мотивированного устава областного Общества сельских хозяйств И. Н. Клингена, дан перечень культурных растений, рекомендованных к распространению в сельском

[1] *Агумааа А. С.* Рыбинский Герасим Анатольевич // Абхазский биографический словарь /под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум, АбИГИ, 2015. С. 587.

хозяйстве жителей Сухумского округа, составленный сенатором П. Е. Татариновым.

Создание Общества сельского хозяйства в Сухуме, по мнению автора, могло бы способствовать не только развитию этой отрасли, но и поднятию общего уровня жизни населения. Рыбинский выступает как защитник определенных этнических и социальных групп, предлагает формы улучшения их положения. Определяя задачи Общества сельского хозяйства, он пишет: «Устранение разъединенности между колонистами, сближение их между собой, а также сближение и примирение колонистов с абхазцами и мингрельцами, ради общих интересов их благосостояния, есть самая благородная и самая почтенная задача будущей деятельности сельскохозяйственного общества в Сухуме, тем более что оно только это и может сделать»[1].

Книга Рыбинского снабжена сведениями об этническом составе и численности населения Абхазии, о ее климате, природных условиях, флоре и фауне, дается перечень хищников и паразитов, наносящих вред хозяйственным угодьям.

Коренное население региона — абхазов — Рыбинский не идеализирует и прямо называет многие пороки, «сковывающие их отзывчивость к сельско-хозяйственным новшествам», в том числе и к весьма распространенному скотокрадству. Но «за два года пребывания в Абхазии» автора и его внимательного изучения народа позволили ему понять ментальность, психологический склад, смысл соблюдаемых народных обычаев и традиций. Вдумчивый анализ дал автору право утверждать,

[1] [*Рыбинский Г.А.*]. Сухумский Округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Доклад и предисловие к нему Г. А. Рыбинского в Императорское Кавказское общество сельского хозяйства о необходимости организации Сельскохозяйственного общества в Сухуме. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. С. 19.

что причины застойного состояния, в котором пребывал народ, во многом были сокрыты в «почитаемых догматах нравственности». Такое заключение сделано Рыбинским на основе собственных наблюдений. Автор пишет: «Эти догматы и самобытный склад миросозерцания абхазцев делают их брезгливыми к торговле, к промышленности. Они считают за величайший стыд быть торгашом в лавке, а тем более содержать духаны, кабаки»[1]; предметами торговли не становятся даже продукты собственного производства: молоко, масло, сыр, яйца, куры и др. «И эти врожденные понятия настолько сильны среди них, что за 40 лет нашего влияния на склад их жизни, они примирились лишь с необходимостью продавать только кукурузу и фрукты, и то, не сами везут эти продукты на базар, а ждут, пока к ним не заявятся скупщики; хотя прекрасно понимают, что это самая невыгодная форма продажи. Их стыд появиться с возом продуктов, результатом их полевого труда, превосходит стыдливость наших бар. Впрочем, подкладка этого чувства совсем иная. Наш барин стыдится этого потому, что он барин, а американец, на своей родине, обладающий мозолистыми руками и богатством в сотню раз превосходящим достаток такого барина, относится к такому стыду с презрением, называет глупостью, но над стыдом абхазца призадумается, потому что в основе его стыда лежат нравственные принципы, присущие всем горцам, способные вызвать к ним невольные симпатии, хотя они и являются аномалией нынешнего века»[2].

Таким образом, в том, что другими авторами квалифицировалось как тунеядство и природная лень и возводилось в степень национальной черты, Рыбинский увидел нравственный консерватизм, не позволявший абхазам заниматься определенными видами работы, даже если они были экономически выгодны. Неприемлемыми

[1] Там же. С. 114.
[2] Там же. С. 14–15.

для абхазов, помимо торговли, были также батрачество и извозный промысел. В качестве примера Рыбинский приводит случай, когда абхазы отказались выполнить батрацкую, по их мнению, работу, — прокладку дороги на участке в 25 верст, — предложенную устроителем Черноморской шоссейной дороги на очень выгодных условиях.

Рыбинский также не находит объяснение тому, что «владельцы прекрасных и обширных земель в Сухумском округе, несмотря на свои действительные воинские и гражданские заслуги, ровно ничего не сделали для культурного подъема страны»[1]. И это при том, что налицо успешное ведение дел в отдельных помещичьих и крестьянских хозяйствах. Сельскохозяйственное общество, о котором ратует Рыбинский, сможет, по его мнению, реализовать намеченную программу по ликвидации отсталости, проведению широкой просветительско-образовательной работы, по замене обработки земли «по способу своих пра-пра-дедушек» новыми технологиями. Он убежден, что в культурном возрождении края наравне со всеми примут участие и абхазы: «Живя среди них, вы не можете не обратить внимания на недюжинные умственные и душевные силы этого народа, и только неустановившаяся жизнь их, не дает развиться им заметным образом»[2]. Автор видит определенные позитивные результаты, которые уже дала работа учебных заведений. Книгу Г. А. Рыбинского выгодно отличает то, что автор, характеризуя абхазов, отторгает пропагандистские штампы и стремится за внешними проявлениями национальных обычаев и традиций увидеть их мотивацию, целостную картину отношения к миру. Не случайно художник, князь А. К. Чачба (Шервашидзе) в своей записной книжке отметил: «Абхазы имеют друзей в лице покойного Альбова, Рыбинского и проф. Марра».

[1] Там же. С. 11.
[2] Там же. С. 17.

Конечно, список авторов, заботившихся о развитии Абхазии, может быть продолжен, но, невозможно оспорить и то, что в данном случае Чачба выделил самых ярких из их числа.

***

Обсуждение вопроса о развитии Абхазии продолжила книга «Сухум-Кале, его данные и возможная будущность», изданная в Санкт-Петербурге в 1895 г. Ее автор — Николай Ефремович Андриевский. Биографических сведений о нем сохранилось мало. Известно, что в 1892 г. он и «его супруга Наталья Михайловна приобрели санитарный участок №50, с 1914 г — № 209, 211. В 1894 г. Андриевский построил на своем участке двухэтажное здание дачи»[1]. Его заслуги заключаются в том, что «он один из первых, кто детально изучил и разработал проекты строительства железных дорог, которые должны были соединить Абхазию с другими регионами Российской империи»[2].

Он был разработчиком проектов прокладки перевального и побережного железнодорожных сообщений; с ними он и ознакомил читателей своей книги.

О своем знакомстве с Абхазией автор в предисловии книги пишет: «Путешествуя по Закавказью, я случайно наткнулся на чудный, но, к сожалению, забытый и изолированный от остального мира уголок — Сухум-Кале»[3].

---

[1] *Агумаа А. С.* Сухумъ. Очерки по истории и архитектуре города (кон. XX–XX вв.) / науч. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: 2023. С. 379.

[2] *Агумаа А. С.* Андриевский Николай Ефимович // Абхазский биографический словарь /под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 78.

[3] [*Андриевский Н. Е.*]. Сухум – Кале, его данные и возможная будущность; основания для осуществления к нему железных дорог через Главный Кавказский хребет и от Закавказской их части. Очерк инженера Путей Сообщения Н. Андриевского. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1895. С. 1.

Книга Н. Андриевского содержит восемь глав: «Город Сухум — Кале и его данные»; «Будущность Сухума, как лучшей зимней, весенней и осенней климатической станции и центра самой разнообразной Сельскохозяйственной деятельности»; «Нужды Сухума»; «Значение Сухума, как весьма важного пункта на Черном море и Коммерческого порта для Закавказья и внутренней России»; «Закавказье и вопрос о соединении его с внутренней Россией железнодорожным путем через Главный Кавказский хребет»; «О неблагоприятных условиях для проложения железнодорожных путей в центральной части Главного Кавказского хребта»; «О преимуществах перед ними железнодорожного пути по долинам Кубани, Теберды, Чхалты и Кодора с разветвлениями его на Сухум и Ново-Сенаки, абсолютных его достоинствах и основаниях для продолжения его до г. Царицына»; «О блестящих последствиях для всей России, осуществления железно-дорожного пути Царицын — Сухум с веткою к Закавказской железной дороге». Под предисловием отмечены место и время написание книги — «г. Сухум-Кале. Дача «Диоскури», 1895 г.». В книгу также были включены отклики на работу Андриевского, публиковавшиеся в «Новом времени» и «Новом обозрении». Материал из «Нового времени» резюмирует мнения, вызванные книгой. Другая рецензия из «Нового обозрения», принадлежавшая перу генерал-майора Криницкого, который в целом поддержал изложенные в книге предложения Андриевского идеи.

Как видно из названий глав, Андриевский не ограничивается темой строительства железной дороги. Проблему необходимости и полезности развития Сухума он рассматривает шире: торгово-экономической, хозяйственной, лечебной точек зрения. Климат края, растительность и благоприятная бухта поразили его, и он решил написать работу, чтобы обратить внимание общественности на Сухум как на важный для России регион, на необходимость и целесообразность железнодорожного сообщения с ним.

Автор коротко познакомил читателей с историей Сухума: с эпохой, когда он был греческой колонией Диоскурией, как был разрушен «турками и абхазцами» в 1877 г. Когда же его увидел Андриевский, это был «лишь маленький, довольно чистенький и самый симпатичный городок Кавказско-Черноморского побережья». Но, несмотря на все свои выгодные условия, сообщение Сухума с Закавказьем и Россией «поддерживается только пароходами»[1]. Считая это недостаточным, Андриевский сформулировал обоснование целесообразности проведения железной дороги через Сухум. Им перечислены различные аргументы: климатические, метеорологические, географические, экономические, рекреационные, которые, по его словам, будут иметь «блестящие последствия» для всей России.

Автор считает, что в будущем Сухум может стать лучшей зимне-весенне-осенней климатической станцией и центром сельскохозяйственной деятельности, важным коммерческим портом и т. д. Автор ссылается на мнения известных специалистов: биолога Вирхова, врачей Боткина, Бутлерова, Остроумова, которые по его словам считали, что «Сухум — самое настоящее место для климатической станции, лучше которого ничего нет в России»[2]. Андриевский приводит реализованные на практике примеры разведения садовых хозяйств, называя имена некоторых их хозяев: Татаринова, Ацыбушева, Введенского, великого князя Алесандра Михайловича, Ноева. В книге мало сведений о местном населении. Больше внимания уделено хозяйственной деятельности новых устроителей дач в Абхазии: сообщается о внедрении ими новых культурных насаждений, об оживлении разнообразных сторон жизни, как самого города, так и округа в целом.

---

[1] Там же. С. 1–2.

[2] Там же. С. 6.

Андриевский предлагал провести не одну, а даже две железнодорожных ветки: по долинам Кубани, Теберды, Чхалты и Кодора, с разветвлением на Сухум и Ново-Сенаки, и второе — по Черноморскому побережью. Одним из критиков, предложенных Андреевским вариантов, был Б. Статковский, который в том же 1895 г. в Тифлисе выпустил брошюру «Железная дорога через Главный Кавказский хребет на Сухум. По поводу брошюры г-на Андриевского». Этот автор категорический возражает доводам Андриевского и в разных частях текста нелестно отзывается о Сухуме и его перспективах. Правда, в своей брошюре он говорит только об одном варианте, предложенный Андриевским пути прокладки железнодорожной ветки — через Кавказский хребет, который действительно остался не реализованным. И, тем не менее, обращает на себя внимание на иронический тон изложения. Вот, например одно из таких его высказываний: «Волга не может нуждаться в отдаленном Сухуме и Сухум в Волге». А заключает свою брошюру так: «Ни Тифлис, ни Тифлисская губерния ни чьей жизни не заедают, а наоборот, такой ни с чем не сообразный проект, как Баталпашинск — Клухор — Сухум, который — не допусти, Господи — ежели станет строиться, поглотить совершенно непроизводительно много миллионов, закроет для России Закавказье, и в вознаграждение даст совершенно ей ненужный Сухум, для наплыва в Закавказье иностранцев, которые и теперь уже шныряют по всему Кавказу, и этот путь очерк г-на Андриевского на стр. 46 называет, вероятно, смеха ради, — *настоящим великим кавказским путем*»[1]. Отметим, что генерал-майор Криницкий, в своей рецензии, опроверг многие доводы Б. Статковского. Он в отличие от последнего не считал доводы Андриевского «фантазиями составителя очерка».

---

[1] [*Статковский Б.*]. Железная дорога через Главный Кавказский хребет на Сухум. По поводу брошюры г-на Андриевского. Б. Статковский. Тифлис: Тип. Главнонач. Гражд. частью на Кавказе, 1895. С. 6, 26–27.

***

Еще одно издание XIX в., посвященное Абхазии, принадлежит перу графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918) — почетного члена Академии наук, члена Государственного совета, председателя Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III. С. Шереметьев был почетным членом 26 различных научных обществ. Он участник Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. С.М. Шереметьев являлся кавалером 17 отечественных и 9 иностранных орденов; награждался также медалями и знаками отличия. Известен, как автор многочисленных исторических трудов, в числе которых: «Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминания. 1868–1888» (1888), «Остафьево» (1889), «Владимир Петрович Горчаков» (1891), «Воспоминания детства» (1891), «Домашняя старина» (1900), «Столетние отголоски. 1801–1901 гг.» (1901) и мн. др.[1].

В 1895 г. в Санкт-Петербурге вышла небольшая книжка С. Шереметева «Новый Афон. 1884», в которой изложены воспоминания автора о своем пребывании в Абхазии. На обложке брошюры, в качестве эпиграфа, автор использует строки из стихотворения П.А. Вяземского «Бахчисарай» — «Фонтаны льют свой свежий ропот / И зыбкий жемчуг звонких слез». В конце книги указано место и время написания воспоминаний — «Михайловское, 1895». То есть, они отражают события более чем десятилетней давности.

С. Шереметев прибыл в Новый Афон на военном корабле «Пендераклия» по приглашению князя Дондукова,

[1] Подробнее о нем см.: Шереметьев (Сергей Дмитриевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. общ-ва Брокгауз – Ефрон, 1903. Т. XXXIX-а. С. 494; https://ru.wikipedia.org/wiki/Шереметьев_Сергей_Дмитриевич (дата обращения: 19.09.2020).

которого он сопровождал в путешествии. В Новом Афоне их встретили со всеми воинскими почестями полковник Введенский[1] и генерал-лейтенант князь Шервашидзе[2]. «Перед нами чудная картина, — вспоминал Шереметев. — На берегу виднелся монастырь, недавно отстроенный, с серебряными главами, с Генуэзской башней у пристани; за ним тянутся горы, частью покрытые лесом, с глубокими ущельями и пропастями, а на горизонте отчетливо выделялись снежные вершины на ярко голубом небе»[3].

В честь прибытия высоких гостей отец Иероном с братией Ново-Афонского монастыря отслужили молебен св. Симону Кананиту, «народ толпился в живописных нарядах», а «абхазцы щеголяли в рыжих папахах». Описывая монахов, Шереметев характеризует их весьма положительно: «Эти монахи неутомимые колонизаторы края: они строят дороги, созидают здания, устраивают плотины, осушают болота, руководят школою, содержат приют и гостиницу, охраняют и поддерживают памятники древности. Влияние их благодетельно»[4]. Автор также сообщает, какое глубокое впечатление произвел Новый Афон на императора Александра III во время его пребывания здесь. Это событие позже, уже в 1888 г. Считая, что этому уголку Черноморского побережья, по красоте своей, трудно найти соперника, Шереметев позволил себе следующее сравнение: «Хваленая и пресловутая Riviera, столь излюбленная нашими бродящими соотечествен-

---

[1] Аполлон Никитич Введенский – в те годы начальник Сухумского округа.

[2] Вероятно, имеется в виду князь Григорий Александрович Шервашидзе (Чачба) (1808–1898) — генерал-лейтенант российской армии, видный представитель абхазской дворянской интеллигенции XIX столетия.

[3] *Шереметев С., граф.* Новый Афон. 1884. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. С. 4–5.

[4] Там же. С. 6.

никами, и подобные европейские знаменитости бледнеют перед этой изумительной природой»[1].

Свой рассказ о пребывании в Сухуме, обеде в саду Введенского, о сцене возвращения детей с соколиной охоты, устроенной князем Шервашидзе, и о других впечатлениях, сложившихся в результате поездки в Абхазию, Шереметев завершает так: «К сильным впечатлениям Кавказа прибавилось еще новое. и, быть может, самое живое, самое светлое и отрадное, ибо вместо развалин и впечатлений отжившего мы видели расцвет и возрождение уголка, широко разливающего благодетельное влияние истинного просвещения на пустынной и покинутой жителями земле — дивного Черноморского побережья»[2].

***

В 1897 г. были изданы в двух томах путевые заметки Василия Михайловича Сидорова (1843–1903) «По России. Путевые заметки и впечатления». Известный путешественник, ботаник, драматург, автор популярных путеводителей по западным и южным землям Российской империи имел несомненную склонность и к литературному труду, писал поэтические и драматические произведения[3]. Изъездив не только Россию, но и страны Европы, Сидоров оформил свои впечатления и наблюдения в весьма содержательный труд, второй том которого посвятил Кавказу. Абхазские впечатления и материалы составили одну из глав: «По берегам Черного моря. Сухум и его сады, Ново-Афонский монастырь. Новороссийск».

Сидоров прибыл в Абхазию морем, из Поти; как и многие другие путешественники, был поражен красотой природы: «Абхазия — дивный по красоте уголок Кавказа,

---

[1] Там же. С. 6–7.

[2] Там же. С. 10–11.

[3] О нем см.: https://www.centrmag.ru (дата обращения: 28.06.2024).

и ее долины, горы, тропическая растительность, черные бездны, падающие ручьи напоминают, если не превосходят», по мнению автора, Италию[1]. В Сухуме Сидоров познакомился со многими достопримечательностями и рекомендовал будущим путешественникам также посетить их. Это старинная крепость, «воздвигнутая турками на остатках генуэзской крепости», Воронцовский ботанический сад, который автор нашел «запущенным», но полным многочисленных насаждений. По дороге к Драндскому монастырю Сидоров видел «прославленный сад, бывший Введенского, купленный Великим князем Александром Михайловичем».

Рассказу о Ново-Афонском монастыре отведено в книге Сидорова несколько страниц. Автор подробно описывает уклад монастырской жизни и хозяйство обители, собор св. Пантелеимона, храм апостола Симона Кананита, церковь святителя Николая, водопад и другие достопримечательности. Со слов сопровождавшего его монаха передает историю строительства монастыря, разрушения турками во время русско-турецкой войны. По словам монаха, «абхазцы все поголовно восстали и соединились с прибывшими турками»[2]. Тогда вся братия вынуждена была перебраться в Кутаисский Гелатский монастырь и вернулась обратно в 1879 г. 3 февраля 1979 г. состоялось освящение церкви, и братия приступили к восстановлению гостиницы для приезжающих. Заведующий монастырской гостиницей отец Евстихий, сообщил Сидорову, что «братии здесь 50 человек, да около 100 послушников, а гостей к нам наезжает до 4-х тысяч в год»[3].

При Ново-Афонском монастыре Сидоров видел «школу для абхазских мальчиков, в которой 20 мальчи-

[1] *Сидоров В.* По России. 2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. Практические сведения для туриста. СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897. С. 607.

[2] Там же. С. 613.

[3] Там же. С. 620.

ков-сирот получают религиозно-нравственное воспитание и привычку к труду»[1]. Обитель сама удовлетворяет свои потребности в овощах, фруктах и рыбе, для чего имеется налаженное подсобное хозяйство и пасека; также устроены свечной завод, кузница, портняжная и сапожная мастерские.

Около Трахейского замка (Анакопийская крепость) Сидоров на одной из гробниц в маленькой церковке видел надпись на греческом языке, которую зафиксировал в своей книге: «Любовно просим вас, посмотрите вы на нас. Мы были как вы, и вы будете, как мы»[2]. Также автор посетил Пицунду, где осмотрел собор, восстановленный в 1869 г.; и дал его описание.

В своем путевом дневнике Сидоров часто упоминает некоего Туманова, сопровождавшего его в путешествии по Абхазии и оставшегося там, ибо, как следует из текста, при прощании «оба не могли удержать слез». Известны проживавшие в Тифлисе публицисты — братья Г. М. и К. М. Тумановы; а также Георгий Давидович Туманов (Ахан-ипа), уроженец Абхазии, окончивший Ново-Афонскую церковно-приходскую школу, затем служивший настоятелем в различных приходах. Можно предположить, что именно последний и был спутником Сидорова во время его путешествия по Абхазии.

Завершают книгу Сидорова «По России. Путевые заметки и впечатления» справочные сведения о местах, в которых побывал автор. В частности, сообщено, что в Сухуме проживало 2523 жителя, имелись две гостиницы «Центральная» и «Франция», указаны расценки проживания в гостиницах и поездок в Дранду, Новый Афон и близлежащие места. Перечислены имевшиеся в Сухуме сады: Воронцовский Ботанический сад, Садик на набережной, плантации Ноева, Великого Князя Александра Михайловича (быв. Введенского) и

[1] Там же. С. 618.
[2] Там же. С. 619.

бульвары. Размещены краткие сведения о Новом Афоне, Пицунде, Гудауте и Гагре с указанием ведущих к ним дорог.

***

Ранее нами уже отмечалось существование различных версий относительно авторства второго издания книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», а также и то, что для атрибуции необходим детальный сравнительный анализ имеющихся двух изданий и обзор литературы о них.

Ни у кого из исследователей не возникает сомнений по поводу того, что книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» 1885 года издания и «Абхазия и ее христианские древности» 1887 года выпуска принадлежат перу А. Л. — архимандрита Леонида, в миру Леонида Кавелина. Иное отношение к книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», изданной в 1898/99 гг., составителем которой значится «И. Н.». Большинство исследователей расценивало это издание как результат компиляции – в лучшем случае, а в худшем — плагиаторства, совершенного таинственным «И. Н.»[1].

Выход в свет книги архимандрита Леонида в 1885 г., стало заметным явлением. К этому изданию часто обращаются разные исследователи и активно используют в своих публикациях. Приведенные в нем сведения часто цитировались, на них давались ссылки, упоминались в библиографических данных. После издания в 1898/99 гг. книги с тем же названием, составленной И. Н., наметилась определенная путаница. Характерные примеры упоминаний и ссылок на оба издания имеются в публи-

[1] См.: *Бгажба О. Х.* Кавелин Леонид (Лев Александрович) // Абхазский биографический словарь / под. ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 356.

кациях П. С. Уваровой[1], П. П. Короленко[2], А. Ф. Городищева (наст. фамилия — Селиванов)[3], М. Юркевича[4], С. Уманца[5], С. Васюкова[6], А. Кременецкого[7], Н.С. Державина[8]. В них либо указывается только имя автора, или только название работы, причем не всегда полное; в одних случаях приводятся цитаты, в других — дается упоминание в числе литературных источников. При всей разности приемов обращения, точно можно сказать, что П. Уварова, П. Короленко и С. Юркевич имеют в виду первое издание, т. е. книгу 1885 года выпуска, а А. Городищев, который неоднократно ссылается на работу архимандрита Леонида, — второе издание, поскольку указывает название — «Абхазия и ее христианские древности». С. Васюков, А. Кременецкий, Н. Державин в своих работах обращаются к книге автора, скрытого за инициалами И. Н. Обе работы – архимандрита Леонида и автора

---

[1] *Уварова П. С.* Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки Графини Уваровой. М.: Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. Ч. 2. С. 113.

[2] *Короленко П. П.* На берегах Абхазии // Военный сборник. 1891. № 8. С. 319.

[3] *Городищев А. Ф.* Абхазия. Очерк // Русская беседа. Июнь. Год первый. СПб.: 1895. С. 61–66.

[4] *Юркевич М.* На Новом Афоне. (Из дневника пастыря-паломника). СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1902. С. 11.

[5] *Уманец С.* На Новом Афоне. (Листки из путевого дневника) // Исторический вестник. Год двадцать третий. Т. LXXXVIII. 1902. С. 227, 235.

[6] *Васюков С. И.* Гагры, Пицунда и Гудаут // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. XCI. 1903. С. 650.

[7] [*Кременецкий А.*]. Место блаженной кончины и погребения св. Иоанна Златоустаго и Василиско-Златоустовский общежительный монастырь в Абхазии. Сост. священник Александр Кременецкий. 2-е изд. Воронеж: Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцов и К», 1908. С. 21.

[8] *Державин Н. С.* Абхазия в этнографическом отношении // СМОМПК. Изд. Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. 37. Тифлис: Тип. Канцелярии Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1907. С. 24.

И.Н. – упомянуты в статье С. Уманца «На Новом Афоне», однако в ней указан год издания книги И.Н. как 1900 г. В то же время, процитированный в статье Уманца текст совпадает (за исключением небольших изменений стилистического характера) с указанной страницей 1898 г.[1]. В этой связи отметим, в изданиях того времени библиографические ссылки часто оформлялись без учета научных требований, встречались ошибки и неточности в датах, типографские погрешности.

Общая оценка книг «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», независимо от того к какому изданию обращались исследователи, была вполне доброжелательной. Только в статье Н.С. Державина книга И. Н. названа «компилятивным трудом, а сам составитель обозначен как «неизвестный автор», подвергнуты сомнению некоторые положения этнографического материала[2].

Во втором десятилетии XX в. сведения о вышеназванных книгах находим в работах В. В. Латышева, К. Д. Мачавариани, Н. И. Воробьева, М. И. Тарнава. В одной из своих статей на книги А. Л. и И. Н. останавливается В. Латышев. Указав на очередность их выхода в свет, и приведя цитату из сочинения И. Н. о характере заим-ствования текста, он замечает: «Указанные в качестве "мало измененных" части труда арх. Леонида представляют в большинстве случаев простую перепечатку из этого труда, причем даже фразы, где арх. Леонид говорит о себе в первом лице, остались неизмененными. Таким образом, эти **части** (выделено нами. — В. А.) в новом издании книги, по заглавию составленном И. Н., производят впечатление крайне **странного** (выделено нами. – В. А.) плагиата»[3]. Действительно, в книге, составленной И. Н., имеются

[1] *Уманец С.* Указ. соч. С. 235.

[2] *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 24.

[3] *Латышев В.В.* К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в

нестыковки подобные указанным В. Латышевым. Вместе с тем, он подчеркивает, что это имеет место в отдельных частях книги, а сам факт производит впечатление «крайне странного плагиата», т. е. нетипичного. Более того, из пояснительной сноски В. Латышева видно, что имя самого архимандрита Леонида (Кавелина) он узнает из сочинения И. Н.[1]. Однако, как увидим ниже, не все исследователи обратили внимание на эти детали, и отнесли к разряду плагиата всю книгу И.Н.

К. Д. Мачавариани в «Описательном путеводителе по городу Сухуму и Сухумскому округу» (1913) несколько раз – в библиографическом перечне и в историко-этнографическом разделе, где речь идет о христианских храмах[2] –упоминает книгу о Ново-Афонском монастыре, указывает имя автора и название книги; хотя года издания не назван, очевидно, что имеется в виду труд архимандрита Леонида, изданный в 1985 г. Известно, что Мачавариани был лично знаком с автором: на станицах своей книги архимандрит Леонид отмечает, что Мачавариани консультировал его в ходе работы[3].

день 25-летия председательства его в Императорской Археологической комиссии. 1886-1911. СПб: Типография В. Ф. Киршбаума (отделение), 1911. С. 170.

[1] Там же. С. 170.

[2] *Мачавариани К. Д.* Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком. 2-е изд. / подг. к изд., предисл. и примеч. А. С. Агумаа, П. К. Квициния. Сухум: АбИГИ, 2009. С. 20, 316, 322.

[3] *Архимандрит Леонид.* Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Составил А. Л. М.: Типография В. Ф. Рихтера, 1885. С. 70. Несмотря на то, что в тексте фамилия Мачавариани искажена (Мачариавели), не требует доказательств, что речь в данном случае идет о нем, поскольку сказано: «для сей главы мы заимствуем, несколько крупных и характеристических черт, из рукописного сочинения о нравах абхазцев, написанного в роде повести учителем Сухумской инородческой школы г. Мачариавели, обязательно сообщенной нам самим автором». Хорошо известно, что К. Мачавариани

Н. И. Воробьев в информационно насыщенном «Указателе сочинений о Черноморском побережье Кавказа. (Анапа — Турецкая граница)» (1915) книги архимандрита Леонида приводятся трижды — в разделах: «Общие сочинения», «География», «Археология, нумизматика». В первых двух случаях приводится первое издание книги, а в третьем — второе издание (1887). Дается их полное название, с указанием года издания. В разделе «Общие сочинения» также приведена краткая справка о содержании[1]. Обратим внимание на то, что Н. Воробьев в своем указателе, включающем в себя сведения о 2267 названий[2], не упомянул книгу, составленную И. Н., хотя она к тому времени неоднократно переиздавалась.

М. И. Тарнава также не ссылается на книгу И. Н. в своем «Кратком очерке истории Абхазской Церкви», основанном на тексте доклада автора «О необходимости определения положения Абхазской церкви среди других церквей», который был зачитан на проходившем 24–27 мая 1917 г. в Сухуме съезде духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа. «Краткий очерк» был написан и издан как доказательство в пользу предоставления Абхазской церкви права автокефальной. Хотя это небольшое издание не снабжено соответствующим научным аппаратом, автор перечислил источники, послужившие материалом как для доклада, так и для брошюры. Первым из 15 названных значится: «Архимандрит Леонид — Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь»[3]. Хотя автор ограничивает-

---

написал много работ о нравах и обычаях абхазов, и в те годы работал преподавателем Сухумской горской школы.

[1] *Воробьёв Н. И.* Избранные труды / сост.: С. З. Лакоба, А. Я Дбар. Сухум: 2022. С. 25, 44, 129.

[2] *Колбая Г. Н.* Поиски и находки о Н. И. Воробьеве // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Вып. 10. Сухум: АбИГИ, 2016. С. 108.

[3] *Тарнава М. И.* Краткий очерк истории Абхазской Церкви. (Доклад, прочитанный на съезде духовенства и выборных ми-

ся перечислением работ и их авторов, не указывая года издания, не приходится сомневаться, что имеется в виду первое издание книги архимандрита Леонида (1885).

В советский период, количество исследователей, обращавшихся к рассматриваемым книгам, не уменьшилось, а увеличилось. Так, в труде С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» (1923) указаны обе работы. Прямых цитат в тексте нет; издания упоминаются в параграфе «Общие сочинения и география», где имеется перечень сочинений об Абхазии и абхазах. Автором издания 1885 г. значится архимандрит Леонид, а 1898 г. — И. Н. Но, вначале книги перечислены литературные источники, «представляющие известную ценность <...> в рассматриваемом вопросе», среди прочих публикаций автор называет и издание 1898 г., автором которого обозначен некто Никифоров. Таким образом, из всех известных нам публикаций впервые фамилия «Никифоров» — как фамилия составителя книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» — вводится в работе С. Басария[1]. Поскольку с полными выходными данными обе работы указаны в библиографии, понятно, что исследователь различал эти два издания. Однако невозможно установить какими сведениями автор обладал, когда указывал, что за инициалами И. Н. стоит Никифоров. Можем отметить только, что сам С. П. Басария был весьма информированным и много знающим человеком, преподавал во многих учебных заведениях Юга Российской империи; в составе группы народных учителей, ездил за границу для изучения постановки начального образования (Германия, Австро-Венгрия, Швейцария,

рян абхазского православного населения Сухумского округа). Сухум: Типография Н. В. Захарова, 1917. С. 6.

[1] *Басария С. П.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Пособие для 8–9 классов общеобразовательных школ, лицеев, колледжей. 2-ое изд. Сухум: Министерство образования РА, 2003. С. 16, 167.

Италия); путешествовал по Северной Африке и Турции и т. д.[1]. Исходя из этого, можно предположить, что фамилию Никифирова С. Басария указывал не случайно, на это у него были определенные основания.

Наибольшее количество упоминаний рассматриваемых нами книг, встречаем в труде Д. И. Гулиа «История Абхазии»[2]. Автор к ним обращается свыше 20 раз. Указание на оба издания содержится в списке источников, в многочисленных цитатах и отсылках. В нескольких случаях автор прямо пишет, что при написании того или иного раздела, использовалась книга «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь», составленный И. Н. и изданная в 1898 г. Очевидно, что Д. И. Гулиа в большинстве случаев пользовался этим изданием. В библиографическом списке значится и другая книга «Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, близ Сухума». В выходных данных местом издания указана Одесса, а время — 1903 г.

В статье В. И. Стражева «Руинная Абхазия» (1925) четырежды указывается второе издание книги архимандрита Леонида (1887), и один раз издание книги 1898 г., составителем которого был И. Н.[3]. Встречаются также и обращения сразу к обеим книгам на одной и той же странице.

Текст из сочинения архимандрита Леонида процитирован в книге Х.С. Бгажба[4]. Но почему-то в выходных данных местом издания указан г. Киев. Этот же автор в

---

[1] *Хашба М. М., Касландзия А. М.* Басария Симон Петрович // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 147–148.

[2] *Гулиа Д. И.* История Абхазии. Т. I. Тифлис: Издание Наркомпроса ССР Абхазии, 1925. С. 1, 2, 37, 55, 60, 99, 135, 143, 162, 185, 187, 188, 215-218, 220, 318.

[3] *Стражев В. И.* Рунная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. Вып. I. Сухум: 1925. С. 141, 145, 145, 147, 158.

[4] *Бгажба Х. С.* Очерки об абхазской литературе. Сухуми: Изд. Абгиза, 1960. С. 8.

более поздней своей статье останавливается на обеих книгах, как источниках содержащих информацию о памятниках греческого письма в Абхазии. По его сноскам видно, что он не отождествлял их, а И.Н. не относил к плагиату[1].

В приложении книги Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии» в списке литературы об абхазах, приведены оба издания с одинаковым названием — 1885 и 1898 гг. Годом издания второй книги указывается 1899-й. Издание прокомментировано следующим образом: «Этнографические сведения (в «географическом очерке», стр. 19–59) заимствованы у Н. М. Альбова, частью у Г. А. Рыбинского»[2]. Это краткое замечание Г. Чурсина, как будет показано ниже, является важным для атрибуции двух одноименных книг. Отметим, что работы Н. Альбова и Г. Рыбинского вышли позднее книг, составленных архимандритом Леонидом, но до выхода в свет книги И.Н.

В ценной для своего времени книге И. Е. Адзинба также имеется ссылка на книгу И. Н., но в ней указан неверный год издания (1893 вместо 1898), и некорректно приведена цитата[3]. Труд был издан после смерти автора, и публикаторы его не проявили должной внимательности.

Книги архимандрита Леонида и И. Н. использованы в работах краеведа и историка В. П. Пачулиа. В его научно-популярном очерке «По историческим местам Абхазии» книга И. Н. указана в библиографии[4]. В издан-

---

[1] *Бгажба Х. С.* О памятниках письменности в Абхазии // Х.С. Бгажба. Этюды и исследования. Сухуми: Алашара, 1974. С. 68.

[2] *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. С. 254–256.

[3] *Адзинба И. Е.* Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958. С. 79.

[4] *Пачулиа В. П.* По историческим местам Абхазии. Научно-популярный очерк. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1956. С. 83.

ной спустя 12 лет в Москве другой работе, исследователь цитирует книгу архимандрита Леонида. Там сказано: «…отдельные церковные деятели занимались полезными исследованиями, правда, оставаясь на позициях христианской религии. Так, например, новоафонский архимандрит Леонид (Каверин) написал в 1885 г. работу «Абхазия и ее христианские древности», которая познакомила русского читателя с многочисленными христианскими памятниками Абхазии. Некоторые памятники, опубликованные в этой работе, к сожалению, уже погибли для науки. Это обстоятельство наряду с тем, что в книге был дан первый исторический очерк Абхазии, подчеркивает важность работы Каверина»[1]. Как видно, В. Пачулиа дает положительную оценку книге архимандрита Леонида, несмотря на характерный в то время ритуальный упрек по поводу религиозности автора. Вместе с тем отметим неточности и противоречия. Во-первых, искажена фамилия автора (Каверин, а не Кавелин); во-вторых, название книги не соответствует году издания. В библиографической части сам автор устраняет эту ошибку. Наконец, о. Леонид не был священником Ново-Афонского монастыря. А в другой работе — «Падение Анакопии» — В. Пачулиа ссылается на книгу И. Н. и приводит легенду из нее о кончине Иоанна Златоуста в Комане[2].

Рассматриваемые нами издания цитируются или упоминаются во многих работах Г. А. Дзидзария: «Соломон Званба: Биографическо-библиографический очерк» (1955), «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке» (1958), «Из истории мореходства в Абхазии» (1959), «Присоединение Абхазии к России и ее историческое значение» (1960), «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975, 1982),

[1] *Пачулиа В. П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Восточной литературы, 1968. С. 17–18.

[2] *Пачулиа В. П.* Падение Анакопии: Легенды Кавказского Причерноморья. М.: Наука, 1986. С. 140–141.

«Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (1979), «Ссыльные декабристы на Западном Кавказе» (1990)[1].

В этих трудах он чаще обращается к тексту книги И. Н. (1898). Заметим, что Г. А. Дзидзария принадлежит к числу тех немногих ученых, которые в примечаниях к своему тексту часто дает биографические сведения об авторах, на книги которых он ссылается. В данном же случае, об архимандрите Леониде отмечено, что он был наместником Троице-Сергиевой лавры, а относительно И. Н. — информация отсутствует.

Ссылки на рассматриваемые нами издания, реже, но все же встречаются в трудах Ш. Д. Инал-ипа; в частности, они используются в его работах: «Абхазы» (1960, 1965), «Вопросы этно-культурной истории абхазов» (1976), «Ступени к исторической действительности» (1992)[2]. Ис-

---

[1] См.: *Дзидзария Г. А.* Соломон Теймуркович Званба: Биографическо-библиографический очерк // С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1955. С. 36; *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 года) // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2016. Т. III. С. 583; *Дзидзария Г. А.* Из истории мореходства в Абхазии // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Книга вторя. С. 253, 254, 268; *Дзидзария Г. А.* Присоединение Абхазии к России и его историческое значение // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2014. Т. I. С.172, 288, 308, 319; *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV С. 566, 574, 592; *Дзидзария Г. А.* Ссыльные декабристы на Западном Кавказе // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Книга вторая. С. 200.

[2] См.: *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960. С. 123, 124, 211, 437, 439, 344; *Инал-ипа Ш. Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. С. 279, 280, 432; *Инал-ипа Ш. Д.* Труды: в 11 т. / отв. ред. О.В. Маан. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV. С. 339; *Инал-ипа Ш. Д.* Ступени к исторической действительности // Ш. Д. Инал-ипа. Труды. Т. IV. Сухум: АбИГИ, 2017. С. 292, 339.

следователь чаще обращается к выпускам книг 1887 и 1898 гг. Инал-ипа в книге «Абхазы» больше ссылается на книгу архимандрита Леонида, а в остальных случаях — на труд И. Н. Второе издание книги «Абхазы» было переработано и значительно дополнено. В ней Ш. Инал-ипа сокращает количество ссылок на рассматриваемые нами книги, но в добавленном введении дает следующую оценку: «Едва ли не самым первым опытом систематизации материалов по истории Абхазии, в особенности церковной истории, является книга "Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь", автор которой скрыл свое имя под инициалами И. Н. (второе дополненное издание 1899 г.)»[1]. Здесь мы в очередной раз обнаруживаем, что годом издания сочинения И. Н. обозначен 1899-й. В работе «Ступени к исторической действительности» Ш. Д. Инал-ипа дважды ссылается на издание, осуществленное И. Н., и опять год выхода книги указан 1899-й. Однако Ш. Д. Инал-ипа не всегда дает полные выходные данные: в одном случае не проставлены инициалы составителя, в другом — название книги дано в усеченной форме — «Абхазия». Это повторяется и в указателе литературных источников, а инициалы И. Н. и полное название книги вовсе проигнорированы, хотя в тексте работы они встречаются. Автор использует книги А. Л. и И. Н. в виде цитат, ссылок и отсылок. В одном случае он полемизирует с мнением архимандрита Леонида, находя в его книге противоречия по поводу отношения абхазов к рыболовству[2]. Но, к сожалению, указанные в ссылке страницы не совпадают со страницами цитируемого текста.

В работе М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» также имеются указание на книгу архимандрита Леонида

---

[1] *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. (Историко-этнографические очерки). 2-е перераб. и доп. изд. Сухуми: Алашара, 1965. С. 12.

[2] *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми: Абгосиздат, 1960. С. 123–124.

1885 г. и ее характеристика. В третьей ее части, касающейся библиографии по Абхазии 1880 гг., в числе других изданий, названа и «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь»: «Содержащиеся в этой книжке исторические и этнографические очерки представляют собой ничтожные компиляции по литературным источникам. Автор — архимандрит Леонид»[1]. Сложно однозначно сказать, чем вызвана такая резкая критическая оценка именитого ученого, можно лишь предположить, что она имеет религиозную подоплеку. В атеистическую эпоху научная ценность трудов церковнослужителей очень часто не воспринималась всерьез. В пользу такой трактовки, говорят и другие обстоятельства: во-первых, М. Косвен в несвойственной ему манере приводит не полное название книги (отсутствует «Симоно-Кананитский»), а во-вторых, не называется ни одно издание книги И. Н. Так или иначе, данная им оценка — «ничтожные компиляции» — является несправедливыми в отношении как к одной, так и ко второй книге. Если дело обстояло бы так, то другие исследователи не уделяли бы им столько внимания. Что касается компилятивности работы, то архимандрит Леонид сам признавал, что им используются литературные источники, разбросанные в разных печатных органах. Главное же достоинство книги состояло в том, что именно в ней впервые, пусть и в схематичной и неполной форме, иногда и в ошибочных трактовках, но все же был представлен исторический путь, пройденный абхазским народом.

Разнобой и неточности по отношению к А. Л. и И. Н., как авторам книг о Ново-Афонском монастыре, содержатся в работах Л. Г. Хрушковой: «Цандрипш», «Восточное Причерноморье в византийскую эпоху» и «Раннехристианские памятники восточного Причерноморья». В библиографии к первой из них, где источники

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.; Л., 1962. Вып. III. С. 161.

даны в алфавитном порядке, работа архимандрита Леонида значится под первым номером, а И. Н. — под номером 65. При этом книга архимандрита Леонида указана, как состоящая из двух томов, а годы их выхода в свет, как 1885—1888. Такие данные неверны: поскольку эти книги не представляют собой двухтомник, а являются разными изданиями одного сочинения, вышедшего под разными названиями соответственно в 1885 и 1887 гг. В отношении книги И. Н. сказано, что она «представляет собою почти буквальную перепечатку работы, указанной под № 1»[1].

Такое утверждение верно лишь в отношении одной из частей книги, а именно той, где освещены вопросы истории храмов Абхазии. Автор некритически восприняла мнение В. Латышева о плагиате в отношении И. Н. Но если у Латышева об этом сказано как о «крайне странном» факте, то Хрушкова категорично пишет, что «эта книга без малейших изменений была перепечатана неизвестным автором, который скрывался под инициалами И. Н.»[2]. По этой причине она ссылается только на сочинение архимандрита Леонида[3].

В другой монографии «Восточное Причерноморье в византийскую эпоху» Л. Г. Хрушкова опять же ссылается на книгу архимандрита Леонида, но в библиографии выходные данные выпуска книги обозначены как: «1882 (2-е изд. 1891)»[4].

Рассматриваемые книги упомянуты в работе Г. А. Амичба «Новый Афон и его окрестности». На А. Л.

---

[1] *Хрушкова Л. Г.* Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1985. С. 11, 102, 105.

[2] *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. С. 15.

[3] Там же. С. 15, 43, 55, 56, 186, 381, 442, 461.

[4] *Хрушкова Л. Г.* Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. М.; Калининград: Издательский дом РОС-ДОАФК, 2018. С. 37, 67, 134, 182, 410.

автор ссылается один раз, и дважды – на И. Н. Во втором случае они упомянуты вместе: «Авторы трудов “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь”, которые известны только по инициалам: А. Л. и И. Н., впервые опубликовали памятники греческого письма из Анакопии в 1885 (С. 50–56) и в 1898 (С. 99–103) гг. с некоторыми неточностями и ошибками[1]. Из приведенной цитаты ясно, что Г. Амичба не считал тексты обеих книг идентичными и различал их авторов. Правда, к тому времени уже было хорошо известно, что за инициалами А. Л. стоял архимандрит Леонид (Кавелин).

В современной постсоветской научной литературе продолжена традиция обращения к работам архимандрита Леонида и И. Н. Они встречаются в публикациях Д. К. Чачхалиа, в сборнике статей «Абхазская Православная церковь»: «1884 г. русский церковный историк, настоятель Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Леонид (Кавелин), находится в Ново-Афонском монастыре и пишет церковную историю Православной Абхазии»; перечисляя события следующего, 1885 г., автор добавляет: «В Москве выходит книга архимандрита Леонида “Абхазия и ее христианские древности”. Эта первая книга по истории Абхазии и Абхазской церкви издана в пользу Абхазской миссионерской школы, находящейся при Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре»[2]. Очевидно, что в данном случае приведено заглавие второго издания, предназначавшегося «в пользу миссионерской абхазской школы», а в первом издании было — «в пользу строящейся обители». Между тем, в примечаниях к прибавлениям и название, и год выпуска второго издания приводятся верно. В другой его статье «Моквский кафедрал» в примечаниях дана ссылка на: «Кавелин (Архимандрит Леонид). Абхазия и в

[1] *Амичба Г. А.* Новый Афон и его окрестности. (Исторический очерк). Сухуми: Алашара, 1988. С. 17, 52.

[2] *Чачхалиа Д. К.* Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления. М.: Издательство «МААН», 1997. С. 34–35.

ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (сост. И. Н.) М.: 1898»[1]. В данном случае невозможно понять, по какой причине совмещены имена обоих авторов-составителей в одном издании. Стоит отметить, что редактором книги был Димитрий Дбар, тогда еще студент Московской духовной семинарии, на публикациях которого мы остановимся ниже.

Книга 1898 года издания цитируется в монографии А. Б. Крылова «Постсоветская Абхазия», без обозначения инициалов автора-составителя[2]. В библиографии «Афон и Русская Церковь», составленной протоиереем А. Просвириным, отмечены все три книги. Сначала дано полное название издания 1885 г. с уточнением, что имя автора раскрыто по второму изданию. Также имеется отсылка к книге, автором которой, по его мнению, был иеросхимонах Нифонт[3]. Затем даются сведения о том, что И. Н. осуществил издание книги дважды: 1898 и 1899 гг. В первом из них автор указан в квадратных скобках: «Нифонт, иеросхимонах, наместник Старо-Афонского монастыря», а объем книги приводится как состоящий из 339 страниц[4].

В книге Е. К. Аджинджала «Из истории христианства Абхазии» о рассматриваемых нами изданиях говорится в обзоре литературы по истории христианства Абхазии. Их упоминание сопровождено некоторыми оценками: «Особенно необходимо отметить первый солидный труд не только по истории христианства, эта и первую объемную монографию по истории Абхазии — “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь” (Москва, 1885) архимандрита Леонида (Кавелина). Труд этот был переиздан в 1887 году с названием “Абхазия и

[1] Там же. С. 90–91.

[2] *Крылов А. Б.* Постсоветская Абхазия. (Традиции. Религия. Люди). М.: ИВ РАН, 1999. С.190, 191, 262.

[3] *Просвирин А., прот.* Афон и Русская Церковь. Библиография // Богословские труды. 1976. Вып. 15. С. 216.

[4] Там же. С. 225.

ее христианские древности". <…> И в 1898 году вышеназванная книга архимандрита Леонида с дополнением иеромонаха Нифонта»[1]. Таким образом, Е. К. Аджинджал впервые дает историю текстовой эволюции одноименных сочинений. Одновременно с этим он, вслед за А. Просвириным, утверждает, что автором дополненного варианта был иеромонах Нифонт. Отметим, что редактором и автором предисловия был тот же Димитрий Дбар.

В работах А. Л. Папаскира также встречаются указание на книги с одинаковым названием. В библиографии к его труду «Абхазия в русской прозе XIX столетия» названа работа И. Н., а год издания обозначен как 1899[2]. В монографии этого автора — «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» — опять указывается тот же год выхода книги (1899), а инициалы составителя обозначены как — «И. К.»[3]. Кроме того, в именном указателе отсутствуют инициалы данного автора. Неверное указание инициалов можно было бы принять за опечатку, если бы, то же самое не было повторено во втором издании того же труда Папаскира, где, кстати, год выпуска книги изменен на 1898[4].

Неоднократно обращается к рассматриваемым книгам иеромонах Дорофей (Дбар). В библиографической части его брошюры «Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви» (2005) названы издания 1885, 1887, 1898 гг. с точным указанием выходных данных[5]. А в

---

[1] *Аджинджал Е. К.* Из истории христианства Абхазии. Сухум: Изд-во «Стратофил», 2000. С. 11–12.

[2] *Папаскир А. Л.* Абхазия в русской прозе XIX столетия. Сухум: Изд-во АГУ, 2004. С. 167.

[3] *Папаскир А. Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум: АГУ, 2005. С. 506.

[4] *Папаскир А. Л.* Обезы (абхазы) в древнерусских источниках и некоторые проблемы истории Абхазии. Сухум: АГУ, 2021. С. 708.

[5] *Дорофей (Дбар), иером.* Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Сухум: Алашара, 2005. С. 33.

его монографии «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии», изданной в том же году, дано развернутое пояснение: «В 1885 г. в Москве была издана книга архим. Леонида (Кавелина) “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь”. Эта одна из лучших дореволюционных работ по истории христианства в Абхазии. Архим. Леонид ознакомился с христианскими древностями в Абхазии во время своего пребывания в Ново-Афонском монастыре в 1884 г. В том же году он напечатал небольшую брошюру “Путешествие на Кавказ и пребывание в Ново-Афонском монастыре”. В 1887 г. в Москве труд архим. Леонида “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь” был переиздан под названием “Абхазия и ее христианские древности”. В 1898 г. было осуществлено новое издание работы архим. Леонида с дополнениями иеромонаха Нифонта»[1].

Как видим, в данном случае автор повторяет историю книги в изложении Е. К. Аджинджала, а также дана не получившая своего подтверждения дополнительная информация о предварительном выходе в свет брошюры архимандрита Леонида (1884). Ни один библиографический источник трудов архимандрита Леонида не содержит издания с таким названием. Вышедшая в 1884/1885 г. брошюра «Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре», как было показано выше, принадлежит перу паломника М. Сизикова[2].

---

[1] *Дорофей (Дбар), иером.* История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон: Изд-во «Стратофил», 2005. С. 10–11.

[2] *Сизиков М., паломник.* Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. (Первая книжка о Ново-Афонской обители). М.: Тип. И. Ефимова, 1885. 16 с. То обстоятельство, что фамилия автора значится на последней странице текста, а не на обложке и титульной странице, могло ввести в заблуждение, приписывая авторство книги архимандриту Леониду. Кроме

Таким образом, эти два автора совершенно четко и последовательно дают хронологию издания книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», указывая на происходившие изменения в названиях и смену автора-составителя. Казалось бы, очередность выхода книг установлена, и нужно ее придерживаться. Однако в некоторых последующих исследованиях неувязки с выходными данными продолжились.

В другой статье Дорофея (уже в сане архимандрита), подвергается сомнению версия, что составителем книги 1898 г. был иеромонах Нифонт. Указывается, что относительно инициалов И. Н. «высказано также мнение», что автором «расширенного и дополненного издания работы архим. Леонида 1899 г. является Иван Никифоров» и дается ссылка на книгу «Искусство абхазского царства»[1]. Здесь же, в списке литературы, где даны все три книги, труд И. Н. представлен как издание: «новое, значительно измененное и дополненное»[2].

Действительно, в разделе, написанном А. С. Агумаа в коллективной монографии «Искусство Абхазского царства», сказано: «В 1885 г. вышла книга архим. Леонида (Л. А. Кавелина), посвященная Ново-Афонскому монастырю, а затем, в 1898 г. продублировавшая ее (с частич-

---

того, брошюра М. Сизикова могла быть издана дважды в 1884 и 1885 гг., поскольку в ней повествование начинается со слов: «Прошлой осенью (1883 г.)» пришлось мне побывать на Кавказе…» (С.1). Между тем, архимандрит Леонид в своем предисловии пишет, что он пребывал на Новом Афоне «в течение двух летних месяцев 1884 г.» См.: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А. Л. М.: Тип. В. Ф. Рихтера, 1885. С. 5.

[1] *Дорофей (Дбар), архим.* Место кончины и погребения св. Иоанна Златоуста: Команы Абхазские или Команы Понтийские? // Вестник Академии наук Абхазии. № 10. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Acadeia, 2020. С. 79.

[2] Там же. С. 96.

ными дополнениями) книга Ивана Никифорова»[1]. Далее в приводимом им каталоге фотографического материала Агумаа 5 раз ссылается на И. Н., везде в квадратных скобках расшифровывая эти инициалы, как Иван Никифоров[2]. Напомним, что Агумаа не первый, кто называет И. Никифорова, скрывающегося за инициалами И. Н.: раньше эту фамилию (правда, без имени) указывал С. П. Басария.

Нужно добавить, что архим. Дорофей (Дбар) обращается к книге А. Л. и в другой своей работе — сборнике статей и интервью, где ссылается исключительно на второе издание «Абхазия и ее христианские древности»[3].

Информация о книгах с одинаковым названием «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» дана в приложении к монографии В. А. Бигуаа «Абхазский исторический роман». Автором-составителем, стоящим за инициалами И. Н., Бигуаа называет Игумена Никона[4]. Таким образом, дается еще один вариант расшифровки инициалов.

Ссылки на книги архимандрита Леонида содержатся в статье Э. М. Чкок-Эшба «Из истории Русского монастыря Св. Пантелеимона на Горе Афон (Греция) XIX в.». К приведенной в ней цитате дана следующем ссылка: «И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кана-

---

[1] *Агумаа А. С.* Иконографические материалы древностей Анакопийской горы. Каталог // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб.: Изд-во РХТА, 2011. С. 228.

[2] Там же. С. 236–237

[3] *Дорофей (Дбар), архим.* Православная церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, сообщения, размышления и интервью). Новый Афон (Анакопия), Священная Митрополия Абхазии, 2012. Т. I. С. 15, 95, 96, 109, 230, 231.

[4] *Бигуаа В. А.* Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 536.

нитский монастырь. Изд. 2. М.: 1887. С. 328»[1]. Эти выходные данные не корректны. Во-первых, вышедшая в 1887 г. книга, как мы знаем, имело иное название, а ее составителем обозначался А. Л. а не И. Н.; во-вторых, это издание не содержало то количество страниц, о котором говорит исследователь.

В первом томе труда С. М. Сакания и Г. В. Требелевой «Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья» используются исключительно книга архимандрита Леонида. Самого автора они в своем предисловии называют «знаменитым»[2]. В данной книге приводится описание христианских архитектурных памятников западной части Абхазии, сопровождаемое указанием специальной литературы о них. В первом издании книги архимандрита Леонида упоминаются следующие храмы: Пицундский и Бзыбский, храм в Амбаре и Крестово-купольный Анакопийский храм св. апостола Симона Кананита. Это же издание наличествует в перечне литературных источников ко всей книге[3]. Ссылки на него указываются не по образцу книги (А. Л.), а по фамилии, церковному сану и имени — «Кавелин Л. (Архиманддрит Леонид)». В одном случае в выходных данных указано, как у Л. Г. Хрушковой: «1885—1888 и тома 1–2».

Книги А. Л. и И. Н. цитируются и комментируются в работе А. Ю. Скакова «Сухумский район Республики Абхазия: история и современность». Автор полемизирует с ними по поводу места кончины и первоначального

---

[1] *Чкок-Эшба Э. М.* Из истории Русского монастыря Св. Пантелеимона на Горе Афон (Греция) XIX в. // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум: АбИГИ, 2016. Вып. 10. С. 99.

[2] *Сакания С. М., Требелева Г. В.* Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2019. Т. 1. С. 5.

[3] Там же. С. 27, 54, 62, 91, 127.

погребения св. Иоанна Златоуста, придерживаясь точки зрения, что это имело место не в Абхазских Команах, а в Команах Понтийских[1]. По поводу самих книг и их составителей автор пишет: «Книга Архимандрита Кавелина была переиздана в 1887 г. под названием “Абхазия и ее христианские древности”, а в 1898 (1899) г. была опубликована книга некоего И. Н. (Ивана Никифорова или иеромонаха Ново-Афонского монастыря Нифонта) с тем же названием: “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь”, где главка о Команах (с. 123–127) дословно повторяла текст из книги А. Л. (Кавелина) 1885 г. Впрочем, считать это плагиатом не приходится, так как на с. 254 автор прямо говорит о своем заимствовании, и высказывает некоторые собственные мысли»[2].

Первые два издания книги архимандрита Леонида с полными выходными данными отражены в библиографическом указателе «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX — начала XX века»[3], подготовленный сотрудниками Северо-Кавказского федерального университета и Абхазского института гуманитарных исследований. В нем книга И. Н. не упомянута.

Проведенный обзор использования разных изданий книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симона-Кананитский монастырь» позволяет сделать следующие выводы:

1. С момента выхода в свет обе книги привлекали внимание широкого круга публицистов и исследователей.

---

[1] *Скаков А. Ю.* Сухумский район Республики Абхазия: история и современность. М.: ИВ РАН, 2021. С. 110–413.

[2] Там же. С. 112.

[3] Историография и источниковедение истории Абхазии XIX — начала XX века. Библиографический указатель / авт.-сост.: А. Ф. Авидзба, М. Р. Аргун, А. Е. Ашуба, Л. П. Ермоленко, И. В. Зозуля, Н. В. Касландзия, М. Е. Колесникова, С. Ш. Салакая, О. И. Шафранова. Ставрополь: Дизайн-студия Б., 2021. С. 280, 285–286.

2. У некоторых авторов в отношении книги И. Н. заметно предубеждение, что ее текст полностью дублирует работу архимандрита Леонида.

3. Только в работах рубежа прошлого и нынешнего веков дается точная последовательность выхода в свет разных изданий.

4. Отношение к личности и работе архимандрита Леонида, за редким исключением (М. Косвен), весьма благосклонное, несмотря на то, что некоторые авторы опровергают те или иные положения его сочинения.

5. В отношении И. Н. имеют различные распознавания: Иван Никифоров, иеромонах Нифонт или иеросхимонах Нифонт, игумен Никон, и как увидим ниже — Нифонт (Четвериков).

6. При расшифровке этих инициалов не приводятся никаких биографических сведений.

7. В работах отдельных исследователей при ссылках на рассматриваемые книги имеют место неточные указания на их выходные данные и некорректные цитирования.

8. Ошибки и неточности не всегда устраняются при переизданиях, а в некоторых случаях и вовсе умножаются.

9. Эти ошибки могут являться следствием, как невнимательности самих авторов, так и редакторских погрешностей.

Проведенные выше примеры обращения к книгам с одинаковым названием «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» и отношение к их авторам ставят вопросы, на которые необходимо ответить. Во-первых, нужно сопоставить тексты книг, показать, в чем заключаются их сходства и различия. Во-вторых, справедливо ли мнение о книге И. Н. как результате плагиаторства. В-третьих, необходимо установить личность И. Н. и собрать имеющиеся сведения о нем.

Обратимся к выходным данным всех трех изданий. В первом составитель обозначен как «А. Л.», во второй

книге как «А. Леонид», и в третьей как «И. Н.». Все три книги были изданы в Москве. Первая была выпущена в типографии В. Ф. Рихтера, а вторая и третья — в Типо-Литографии И. Ефимова. Цензором первых двух изданий был протоирей Платон Капустин, а третьей — священник Григорий Дьяченко. На титульной странице книги 1885 г. отмечено: «в пользу строящейся обители», а в книге 1887 г. — «в пользу миссионерской абхазской школы, находящейся при Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре». Как видим, все три издания пересекались: в одном случае — благодаря цензору, в другом — благодаря издательству. Две первые книги были изданы при жизни архимандрита Леонида (ум. в 1891), а третья — после его кончины. Изменение названия книги во втором издании в виде «Абхазия и ее христианские древности» вызвано тем, что в ней отсутствуют предисловие и вторая часть, посвященная истории и деятельности Ново-Афонского монастыря. Поэтому она меньше по объему, содержит 106 страниц.

Что касается объема третьей книги, составителем которой выступил И. Н., то она значительно превосходит объем предыдущих. Первое издание книги архимандрита Леонида состоит из 143 страниц, вместе с оглавлением и сведениями об опечатках. Книга же И. Н. содержит 343 страницы – при том, что формат и размеры шрифта в обоих изданиях одинаковы. Таким образом, книга И. Н. почти в два с половиной раза превышает объем книги, автором которого является архимандрит Леонид. Следовательно, их тексты не могут быть идентичными. Различия видны также в подзаголовках и оглавлениях книг. Подзаголовок книги Леонида Кавелина: «С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря». В книге И. Н. отсутствует цифровые данные о количестве иллюстраций, хотя их число умножено. Оглавление книги, составителем которой является И. Н. структурировано и имеет большее количество разделов.

Предисловия в книгах разные: у архимандрита Леонида оно состоит из двух станиц, а у И. Н. — из двенадцати.

Предисловие И. Н. снимает многие вопросы относительно истории предыдущих изданий и их автора-составителя. В нем сказано: «В 1885 году появился в печати труд Архимандрита Леонида (бывшего наместника Троице-Сергиевой лавры): “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь”. Москва. До того времени не имелось еще ни одного цельного, хотя бы и краткого, описания Абхазии”»[1]. Ниже дополнено: «В 1887 году “Абхазия и ее христианские древности” вышла уже вторым изданием (“исправленным и умноженным”). Исправления и дополнения заключались главным образом в примечаниях, сделанных известным грузинским историком и археологом Д. З. Бакрадзе, под руководством которого была составлена и новая, более совершенная карта Абхазии и Самурзакани, а также — в сообщении некоторых новых данных, относящихся к Ново-Афонскому монастырю, как-то: о присоединении к нему Пицунды, возобновления и освещении знаменитого Пицундского храма и т. д.»[2]. Заметим, что в самой книге, роль Д. Бакрадзе по подготовке второго издания не отмечена.

Необходимость издания своей книги И. Н. объясняет тем, что со времени выхода в свет предыдущих прошло достаточно много времени, в течение которого были опубликованы работы, содержавшие новые сведения. Он дает свою оценку некоторых специальных работ, посвященных кавказской тематике и, в частности, абхазской. В этой связи И. Н. отмечает: «…сведениям, собираемым даже в настоящее время, далеко не всегда можно дове-

[1] [*И. Н.*]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с рисунками памятников христианства в Абхазии и видами Ново-Афонского монастыря. Составил И. Н. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1898. С. 5.

[2] Там же. С. 5–6.

риться; к этой категории относятся сведения, заимствованные не из первых, а из десятых рук и при этом без основательной критической проверки, а также сочинения тех кавказских писателей, которые руководятся известной предвзятой идеей»[1].

Аргументируя свою оценку более ранних публикаций, И. Н. приводит статью А. Н. Введенского «Абхазцы. По поводу сочинения г-на Дубровина "Очерк Кавказа и народов его населяющих"» и справедливо отмечает, что в ней «с большой основательностью доказывается ошибочность взглядов г-на Дубровина на жизнь и нравы абхазцев»[2]. Из современных изданий выделяет работы Н. М. Альбова и Г. А. Рыбинского, на которые, он и опирается в своем сочинении. Свой выбор И. Н. мотивирует так: «Господа Альбов и Рыбинский при изучении края руководствовались только любовью к науке; как люди русские, они чужды тех враждебных отношений и предвзятых взглядов, которые сложились исторически и традиционно поддерживаются еще и до сих пор между различными народностями, населяющими Кавказ и Закавказье. Вследствие этих весьма важных условий, авторам легче было сохранить вполне объективное, беспристрастное отношение к населению. Сочинения их чужды разного рода натяжек, нередко встречаемых в отчетах официального характера. Характеристика же абхазцев, как результат личных наблюдений, отличается жизненностью. Возможность употребить достаточно времени на разностороннее изучение края и населения его предохранило авторов от таких грубых ошибок, в которые часто впадают иностранцы-туристы, составляющие свои корреспонденции и даже серьезные отчеты в ученые общества на основании только поверхностного ознакомления с той или другой страной»[3].

Здесь же И. Н. сообщает, что часть, о Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре остается «мало-

[1] Там же. С. 7–8.
[2] Там же. С. 7.
[3] Там же. С. 9.

измененной», а разделы «Исторический очерк Абхазии», «Судьбы христианства», а также о памятниках христианства и исторический очерк обители подвергнуты только «исправлениям в редакционном отношении» и дополнены «позднейшими фактами»[1].

Кроме того, И. Н. в своем предисловии дает обзор достаточно большого числа изданий, которыми он пользовался. Полноту научных сведений о Закавказье, в том числе и об Абхазии И. Н. считает недостаточной. По мнению автора, в числе неисследованных и остающихся пока еще «темными» являются вопросы антропологии, этнологии, этнографии и археологии. В то же время он указывает на труды, заслуживающие внимания, некоторые из них цитируются. Это — работы венгерского ученого Е. фон-Зичи, Н. К. Зейдлица, Л. П. Загурского, И. Пантюхова, К. Ф. Гана, В. И. Чернявского, Ю. П. Проценко и др. Все приведенные здесь материалы предисловия к книге И. Н. отсутствуют в предисловии к сочинению архимандрита Леонида, имеющего иной вид.

И. Н. проявляет осторожность и дает своему труду скромную оценку: «При всем сравнительном богатстве современных источников для описания Абхазии, — пишет он, — я отнюдь не задавался мыслью придать настоящему труду вполне научное значение; всякие попытки к каким-либо категорическим заключениям в этом случае, мне кажутся преждевременными»[2].

Структура и основные части книг архимандрита Леонида и И. Н. также имеют различия. Остановимся на главных из них. Книга архимандрита Леонида открывается «Географическо-историческим очерком», состоящим из 10 страниц, тогда как у И. Н. географическому очерку посвящен отдельный, большой раздел в 45 страниц. Во второй из этих книг отсутствует самостоятельный раздел, посвященный нравам и обычаем абхазов,

[1] Там же. С. 10.

[2] Там же. С. 10–11.

который имеется в сочинении архимандрита Леонида. У И. Н. эта часть в значительно дополненном виде включена в главу «Географический очерк». В данной части он обильно использует информацию из работ Н. М. Альбова и Г. А. Рыбинского. Здесь даны более подробные географические сведения: координаты занимаемой Абхазией территории, названия гор и вершин с указанием их высот, климатические особенности времен года, богатство флоры, культурных растений, фауны и т. д. Рассматриваемый текст не повторяет книгу архимандрита Леонида. В некоторых случаях даже фактический материал подвергается уточнениям или изменениям. Так, перечисленные у И. Н. реки не совсем совпадают с теми, которые названы в первой книге; имеются различия в статистических данных численности населения и т. д. Большая часть главы состоит из сведений о жизни коренного абхазского населения, его связях и взаимоотношениях с соседними народами. Даются оценочные суждения, содержащие, как положительные, так и отрицательные характеристики. Позитивных примеров намного больше.

И. Н. в своем сочинении стремится контурно охватить чуть ли не все стороны жизни абхазов. Здесь говорится: об их внешнем — антропологическом типе, жилищах, хозяйственном укладе, возделываемых культурах, домашнем устройстве и внутрисемейных отношениях, одежде, воспитании, молочном родстве, пище, гостеприимстве, языке, музыкальных инструментах, песнях, танцах и преданиях седой старины. Но всю эту часть нельзя считать вполне оригинальной: многое заимствовано, как было отмечено выше, из работ Н. М. Альбова, Г. А. Рыбинского и некоторых других авторов. Причем, эти заимствования весьма значительны, иногда они составляют целые страницы. В данном случае заслуга автора состоит в том, что сведения на разнообразные темы, опубликованные в других работах и в разное время, он объединил в одной книге.

Важно отметить, что И. Н. называет источники заимствуемых текстов. В отдельных случаях он не согла-

шается с доводами авторов, прямо или косвенно вступая в спор с ними. Не всегда вносимые И. Н. «исправления» или дополнения верны. Так, например, у Н. М. Альбова о самурзаканцах сказано, что они являются «племенем абхазского происхождения со значительной примесью мингрельского элемента»[1], и приводятся доводы, подтверждающие это заключение. Этот же текст использует И. Н., но с ссылкой на заметку в газете «Казбек» (1897. №89), согласно которому самурзаканцы — «народ абхазского племени, отделившийся от абхазцев в силу исключительно религиозных причин»[2].

Такое утверждение, не вполне отражает действительную картину исторического процесса. Во внутреннем этническом размежевании самурзаканцев от остальной части абхазского народа, религиозный фактор, безусловно, имел место, но он не являлся главным. Здесь мы имеем дело с совокупностью ряда причин, где политический момент, все-таки был более важным и определяющим. Вообще в текстах обоих сочинений о самурзаканцах уделено достаточно большое место. В книге И. Н. приводится даже текст документа, в котором император Николай I выразил милость и доверие «любезно-верному самурзаканскому племени»[3].

В конце главы «Судьбы христианства в Абхазии» к тексту архимандрита Леонида имеются дополнения, осуществленные И. Н. Он оговаривает, что основанием для сей «главы послужила прекрасная статья известного знатока Абхазии А. И. В-го «Религиозные верования абхазцев»[4]. Приводится список Абхазских епископов, кафедра которых с 1851 г. находилась в Сухуме. Список

---

[1] *Альбов Н. М.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост.: З. И. Адзинба, Л. Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. С. 106.

[2] *И. Н.* Указ. соч. С. 26.

[3] Там же. С. 28.

[4] Там же. С. 77.

этот состоит из 8 имен с указанием годов, когда каждый из них возглавлял эту кафедру. Далее он рассуждает о необходимых мерах, которые могли бы послужить широкому распространению христианской веры в Абхазии. Для этого он считает желательным подготовить священников из абхазской среды: «Необходимо, сверх широкого развития церковно-приходских школ, открытие в Новороссийске духовного училища для самурзаканцев, абхазцев и русских поселенцев»[1].

В главе книги архимандрита Леонида «Памятники христианства в Абхазии» приведены сведения об 11 храмах, данные о 5 из них заимствованы из сочинения Д. Бакрадзе «Кавказ в памятниках христианства»[2]. И. Н. в эту главу вносит незначительные дополнения. В частности, в разделе о Пицундском храме, он упоминает о событии, произошедшем уже после написания книги архимандрита Леонида. А именно том, что «в 1885 г., «по Высочайшему соизволению, Пицундский храм присоединен к Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю с поземельным наделом в 1049 десятин, в который входит прибрежная сосновая роща и рыбное озеро Инкит»[3]. Говорит он о предварительно произведенных внешних и внутренних работах в храме. Указывает точную дату, когда состоялось торжественное его освещение — 3 сентября 1885 г. Подчеркивается важность события, в котором приняли участие духовные и светские официальные лица. Освящение храма в присутствии главноначальствующего Кавказского края генерал-адъютанта А. М. Дондукова-Корсакова, совершил экзарх Грузии, высокопреосвященнейший Павел. Сказано и о том, что

---

[1] *И. Н.* Указ. соч. С. 89. Имеется в виду статья А.Н. Введенского, опубликованная в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Опечатка допущена в инициале отчества (И); его имя и отчество – Аполлон Никитич.

[2] Это храмы: в Гагре, Лыхны, Дранде, Илоре и Моквы. См.: *А. Л.* Указ. соч. С. 28.

[3] Там же. С. 225.

прибывших посетителей было так много, что их «не вмещал в себе пустынный храм». Сообщено о том, что произнесенная пространная речь высокопреосвященнейшего Павла опубликована в журнале «Православное обозрение» за декабрь 1888 г.

В разделе, посвященном храму в урочище Амбара, И. Н. опустил последний абзац текста книги архимандрита Леонида, где говорится о произведенных фотографом снимках. В разделе, относящемуся к Анакопийскому храму, И. Н. дополнил информацию о найденном в 1866 г. в развалинах церкви камне с греческой надписью. Здесь он излагает свою точку зрения по поводу датировки этой надписи и ее содержания. В книге архимандрита Леонида также не был выделен 7-й раздел данной главы. Этот недостаток у И. Н. был исправлен, и отмечен подзаголовок: «7. Диоскурий — Севастополь (Сухум)»[1].

Приложения к 1-й главе сочинения архимандрита Леонида, повторены и в книге И. Н., но в конце они существенно дополнены историческими сведениями. Автор расширил круг литературных источников ссылками на работы Д. Бакрадзе, К. Гана, Ж. Шардена и др.

И. Н. внес уточнения и дополнения и в часть, относящуюся к Ново-Афонскому монастырю. Это касается как географических данных, описаний местности, где расположен монастырь, так и сообщений о произведенных новых хозяйственных постройках. Здесь же говорится о посещении императором Александра III Ново-Афонского монастыря в 1888 г., сообщается, что аллея, по которой он спускался в сопровождении о. игумена Иерона, в честь этого названа «царской аллей». Раздел «Исторический очерк обители» книги архимандрита Леонида в сочинении И. Н. подвергнут незначительным сокращениям. В частности, в книге И. Н. отсутствует небольшой раздел «День монастыря, отзывы о нем в записной книжке». Имеются и другие более мелкие изменения:

[1] Там же. С. 127.

на стр. 222 опущено предложение, на стр. 223 добавлено одно предложение и т. д. Однако книга И. Н. восполнена сообщениями о событиях, начиная с 1885 по 1896 год. Завершается эта часть книги И. Н. библиографией, озаглавленной «Литературой предмета», в которой перечислены литературные источники, разделенные по следующим тематическим направлениям: «К описанию Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря», «Для описания Абхазии», «По флоре и сельскому хозяйству».

Вся остальная часть данного сочинения (с. 233–343), уже не соотносится с текстом труда архимандрита Леонида. Она состоит из следующих разделов: «Необходимые прибавления», «О древних путях сообщения Кавказа с внутренней Россией», «К археологии Кавказа и Черноморского побережья», «Древние обитатели Черноморского побережья — по карте Римской Империи и сведениям писателей классической древности», «Указание источников, полезных при изучении церковной истории, археологии, церковного зодчества и иконографии», «Школа Ново-Афонского монастыря и добавления об абхазском языке», «Заключение», «К портретам архим. Макария и иеросхимонаха Иеронима. (Игумена и духовника Старо-Афонского св. великомуч. Пантелеимона монастыря)» и «Примечания».

Не все перечисленные разделы, отмеченные в оглавлении, выделены в самом тексте книги. Причиной этого дефекта, вероятно, послужила то обстоятельство, что книга дописывалась в ходе ее подготовки к изданию. Подтверждением служит признание самого И. Н.: «Во время уже печатания книги мне удалось добыть весьма важные дополнительные сведения, которыми я нахожу необходимым поделиться с читателями»[1].

Исходя из этого, а также из дат, указанных под некоторыми разделами и приводимых в самом тексте, становится ясно: в окончательном варианте, книга была выпу-

[1] Там же. С. 233.

щена в свет в 1899 г., а не в 1898 г., как указано в выходных сведениях. Так, заключение датировано 10 мая 1899 г.[1]; под разделом о портретах архимандрита Макария и иеросхимонаха Иеронима значится 15 июля 1899 г.[2]; а под завершающей частью книги — 24 ноября 1899 г.[3]

В самом тексте приводится факт, имевший место 30 января 1899 г.[4] По-видимому, не случайно некоторые исследователи, ссылаясь на книгу И. Н., указывали на 1899 г. Возможно, в части тиража книги дата ее выхода была исправлена. Этот возможный факт проясняет причину имеющегося разнобоя при ссылках на выходные данные: одни указывали на 1898 г., другие — на 1899 г., а третьи и на тот, и на другой.

Добавления И. Н. относятся к различным сторонам прошлого и настоящего Абхазии. Например, говорится о путях сообщения Черноморского побережья с остальной частью Закавказья и внутренней Россией, о существующих по ним проектах. Делается это на широком историческом фоне, приводятся примеры, существовавших в различные периоды сухопутных и морских сообщений, дается немало исторических источников. Из современных авторов предпочтение отдается работам В. И. Чернявского, Ю. П. Проценко, Н. А. Шаврова. Труды последнего используются и при добавлениях об особенностях культуры абхазов.

Автор уделяет внимание и вопросу заселения края, отмечая причины, которые тому препятствовали. Более подробно останавливается на проблеме борьбы с малярией. В этой части им использованы публикации И. И. Пантюхова и Н. Токарева. Приводятся также отдельные примеры сближения русских переселенцев с абхазами.

Весьма обширным материалом пополнена историко-археологическая часть. В ней И. Н. затрагивает вопро-

[1] Там же. С. 316.
[2] Там же. С. 338.
[3] Там же. С. 340.
[4] Там же. С. 305.

сы многих древних племенных этнонимов и топонимов. Посредством различных карт и данных древних авторов им предприняты попытки расшифровки и локализации мест проживания народов и определения названия городов, устранения имеющихся противоречий, несоответствия в трактовки сведений, оставленных древними писателями. Особое внимание И. Н. уделяет вопросу о месте смерти и первичного захоронения св. Иоанна Златоуста.

Текст дополнений, касающихся школы при Ново-Афонском монастыре, носит иной характер. Если выше, как мы видели, автор опирался на различные литературные источники, то фрагмент дополнений о монастырской школе, является результатом его непосредственных наблюдений. Здесь говорится о том, что в школе обучаются 20 воспитанников из беднейших семей, что они находятся на полном монастырском обеспечении. Срок курса обучения составляет 4 года, но со следующего года, по ходатайству наблюдателя Сухумской епархии, этот срок будет доведен до 5 лет. Приведена статистика: за время своего существования курс школы со свидетельствами окончили 64 ученика, большая часть которых вернулись в свои семьи; 4 выпускника поступили в учительские семинарии, из них двое состояли потом учителями монастырской школы; один, после окончания военного училища, служил офицером в кавказской армии; двое стали священниками, еще двое — псаломщиками; один — смотрителем училища; один обучается на механическом литейном заводе в Новороссийске; двое — в Екатеринодарском духовном училище[1].

Подробно излажено содержание учебной программы, по которой обучаются учащиеся: первое полугодие на абхазском языке; со второго полугодия — лексическое знакомство с русским, а также обучение чтению, письму и счислению[2].

---

[1] Там же. С. 290.

[2] Там же. С. 289.

Автор дает целый ряд рекомендаций о необходимых педагогических мероприятиях, связанных как с учебным процессом, так и воспитания учащихся в неформальной обстановке. Весьма важное информацией является сообщение И. Н. о книгах, по которым учащиеся обучались абхазскому языку в то время. Он называет следующие книги: «Абхазский букварь», составленный под руководством И. Бартоломея (1865), «Краткая священная история» (перевод из книги «Доброе чтение православным»), осуществленный И. Гегия, Д. Маргани, Г. Курцикидзе, под руководством И. Бартоломея (1866), «Абхазская азбука, Главнейшие молитвы и заповеди на абхазском и церковно-славянском языке. Молитвы. Х заповедей и присяжный лист», составленный К. Мачавариани и Д. Гулиа (1892)[1].

Это свидетельство для нас важно потому, что оно опровергает утвердившееся мнение, что изданная в 1965 г. «Абхазская азбука», якобы не получила практического применения[2].

В свое время Г. А. Дзидзария опубликовал газетную статью, посвященную первому «Абхазскому букварю», в которой он основе архивных материалов, опроверг устоявшееся неверное представление о его роли для абхазских школ[3].

Но, судя по тому, что и в наши дни имеют место публикации в прежней трактовке, аргументы этого, без всякого сомнения, авторитетного ученого не были восприняты, должным образом.

Далее И. Н. восхищенно, даже пафосно отмечает проявления умственных способностей учеников. Он

---

[1] Там же. С. 295–296.

[2] См.: *Гулиа Д. И.* История Абхазии. Тифлис: Изд. Наркомпроса ССР Абхазии, 1925. С. 21. Очерки абхазской литературы /под. ред. Х. С. Бгажба, Ш. Х. Салакая. Сухуми: Алашара: 1974. С. 12; История развития письма. Учебное пособие / автор-составитель А. Р. Гумба. АГУ: РИО, 2013. С. 263, и др.

[3] *Дзидзария Г. А.* И. А. Бартоломей и его первая абхазская книга // Советская Абхазия. 1975, 6 августа. № 155 (14781).

пишет: «Если же по детям можно справедливо судить и о родителях, то я имею неоспоримые основания вывести заключение об абхазцах как о народе необыкновенно способном и обладающим прекрасными душевными качествами. В числе двадцати воспитанников почти половина таких, которых я без преувеличения могу назвать — идеальными. Даже поражаешься, каким образом у народа, пользующегося такой дурной репутацией, могут быть дети, отличающиеся неимоверной кротостью, мягкостью характера и тем, что в светском обществе принято называть "выдержанностью". Если в нашем обществе эта "выдержанность", с нравственной стороны, свойство весьма условное, и иногда близко граничит с дрессировкой, то в абхазских детях ее нельзя назвать иначе, как самообладанием, так редко встречающимся в этом возрасте. Все эти качества можно объяснить только прочностью патриархальных начал в среде абхазского народа, которого не коснулось еще вредное влияние ложно-направленной культуры, городской и фабричной цивилизации»[1].

Далее эти общие оценочные рассуждения автор конкретизирует констатацией того, что в отношении учеников «не приходится делать ни одного серьезного замечания». Приводится много примеров прилежности в учебе, в поведении, послушании и восприимчивости к религиозному воздействию, проявляемых воспитанниками. Весьма любопытны сведения о двух не названных воспитанниках, о которых И. Н. пишет, как об учениках с необыкновенными способностями. Эта часть стоит того, чтобы привести цитату целиком: «Два года назад, — пишет автор, — поступил в школу десятилетний мальчик из очень глухого уголка Абхазии, не знавший ни одного слова по-русски; он отличался необыкновенно кротким, тихим характером. Почти никогда не играл с другими детьми; его приходилось отрывать от книги,

[1] *И.Н.* Указ. соч. С. 297.

опасаясь, чтобы такая напряженная умственная работа не отразилась вредно на его здоровье. В один год он выучился совершенно правильно читать по-русски, по церковно-славянски и также говорить по-русски, а по арифметике идет впереди всех, вызывая удивление и в учителе. По-абхазски он в один год выучился читать лучше, чем другие в два года. Теперь он по чтению и счислению обогнал тех, которые уже четвертый год в школе. По церковно-славянски читает как хороший псаломщик. Напряженность внимания во время уроков в нем удивительная; лицо его всегда выражает необыкновенную вдумчивость и сосредоточенность»[1].

Ниже приводится второй пример: «В сентябре 1898 года поступил тоже десятилетний мальчик, но этот обучался уже один год в школе — в своем селении. По характеру он составляет противоположность охарактеризованному выше; хотя тоже добрый мальчик, но необыкновенно живой, резвый, смешлив — до бесконечности. Способности и любознательность у него тоже замечательные, о чем свидетельствует и следующий редко встречающийся в педагогии факт. Я без преувеличения могу назвать его абхазским Дювалем»[2]. Рассказав историю бедного пастушка Дюваля из Лотарингии, выучившегося самостоятельно чтению, а затем ставшего имперским библиотекарем в Вене, и о возникшем после этого методе в Европе, который применяется и в России, автор возвращается к истории абхазского мальчика и дополняет: «А в Абхазии, добавлю, этот метод оправдал десятилетний мальчик следующим образом. В доме его воспитательницы тетки работали грузины; от них любознательный мальчик научился устному счету до десяти по-грузински. Вскоре, по поступлении в монастырскую школу, он получил в числе учебников описанный выше “Абхазский букварь”, найдя в нем, на стр. 148-й, в сред-

[1] Там же. С. 302.

[2] Там же. С. 302–303.

нем столбце — цифры, он начал произносить названия их по-грузински, вслушиваясь в звуки своего голоса, а в правом столбце отыскивал соответствующие этим звукам грузинские буквы, в названиях чисел по-грузински. Потом сейчас же отыскивал подобные буквы в других словах, на следующих страницах и этим путем выучился читать по-грузински совершенно самостоятельно.

Заинтересовавшись этим фактом, я нарочно дважды расспрашивал мальчика о изобретенном им процессе самообучения, и он совершенно одинаково и толково, объяснил мне, показывая пальчиком, как сперва отыскивал в грузинских названиях чисел отдельные буквы знакомых ему звуков и как затем шарил по следующим страницам, разыскивая те же самые начертания в разных словах. <…> О том, что в Абхазии "объявился" маленький абхазский Дюваль, я счел нужным оповестить, как о весьма интересном эпизоде в истории педагогии. Лицо у этого мальчика необыкновенно подвижное, нервозное и бледное, как полагаю, от постоянной работы мысли, так как сложения он вообще крепкого, коренастенький. Индивидуальность, развитая в нем, сказывается в желании всегда внести что-либо свое, при передаче слышанного или читанного. Я остановился на характеристике только этих двух воспитанников школы, — завершает свой рассказ автор, — потому, что нахожу способности и успехи их почти феноменальными. Но и многие другие, как я говорил уже выше, проявляют подобные качества, хотя и в меньшей мере»[1].

Весьма интересными являются высказывания И. Н. об абхазском языке и попытки этимологизировать отдельные слова, находя их общность с отдельными неродственными языками. Текстовая часть книги завершается своеобразным приложением, в котором приведены подробные биографии отцов — иеросхимонаха Иерона и архимандрита Макария.

[1] Там же. С. 303–304.

Таким образом, сравнительный анализ текстов двух книг «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» со всей очевидностью убеждает в том, что перед нами разные сочинения: во второе включена большая часть первого, но второе имеет и значительные добавления. Судя по этой книге, И. Н. нельзя считать плагиатором, поскольку он четко указывает, какие части сочинения архимандрита Леонида вошли в составленную им книгу.

Теперь остановимся на личностях авторах этих книг. Относительно архимандрита Леонида (Кавелина) однозначно можно сказать, что его имя широко известно. Он знаком многим исследователям как автор книг и статей. Имеется большое количество исследований, посвященных его биографии и трудам. Кроме того, есть статья А. А. Кащеева, в которой реконструирована история по созданию труда «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» и его переиздания. Основой этой статьи послужили документы из архивного фонда архимандрита Леонида, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Приводимые в статье документы и переписка, позволят точно определить, как протекали подготовка и выпуск в свет двух первых изданий книги. А. А. Кащеев указывает, что первая книга вышла во второй половине 1885 г.: «Эта книга архим. Леонида (Кавелина) является первой попыткой исторического исследования Абхазии, и одной из лучших для того времени по истории христианства в Абхазии. Информация в книге, как всегда, представлена о. Леонидом с большой научной добросовестностью. В том же году и в этой же типографии был напечатан и другой вариант книги “Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь” — без рисунков, но с тем же количеством частей и глав»[1].

[1] *Кащеев А. А.* История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русская православная

Исходя из сообщения о повторном издании в том же году той же книги без иллюстративного материала, трудно судить, которой из этих двух книг в последующем пользовались исследователи. Относительно второго издания книги, уже под другим заглавием, А. Кащеевым даются сведения о том, как архимандрит хлопотал в связи с задержкой ее выпуска, о том, что она издавалась в пользу абхазской школы при монастыре. Но ничего не сказано об участии в этом процессе Д. Бакрадзе (как сообщается в предисловии у И. Н.). Что касается составителя другой книги и ее автора — И. Н., А. А. Кащеев дает следующую информацию: «В 1889 году после пребывания на Новом Афоне, иеросхимонах Нифонт (Четвериков) выпустил книгу "Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь". Судя по заглавию, она, по сути, стала продолжением одноименного труда архим. Леонида (Кавелина), но с большим количеством иллюстраций, карт и большая по объему. В книге представлены карты Абхазского побережья и части Римской империи, рисунки памятников христианства в Абхазии, виды Ново-Афонского монастыря и портреты почивших старцев Афонского Св.-Пантелеимоново монастыря. Историко-археологическая часть книги о. Леонида практически без изменений вошла в это издание. Однако первоначальный текст архимандрита Леонида был дополнен сведениями по истории, этнографии, лингвистике и культуре Абхазии и Кавказа. Описаны и географические особенности данного региона. В книге были собраны богатейшие для того времени историко-этнографические сведения»[1]. Таким образом, А. А. Кащеев

культура. С. 123. История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (cyberleninka.ru) (дата обращения: 05.01.2024). Заметим также, что в приведенной цитате указанный год неверный; скорее всего это опечатка – вместо 1898-го напечатано 1889.

[1] Там же. С. 123.

инициалы И. Н. расшифровывает как иеросхимонах Нифонт (Четвериков).

Еще раньше Ю. Н. Воронов посвятил газетную статью архимандриту Леониду и его книге. Она была опубликована, как отмечено в подзаголовке, в связи со «100-летием первой книги по истории Абхазии». Эта статья была напечатана в вышедшем 13 марта 1984 г. номере газеты «Советская Абхазия»[1]. В ней автор подробно останавливается на биографии архимандрита Леонида и излагает содержание книги, давая ей высокую оценку. О процессе работы над созданием труда Ю. Н. Воронов пишет: «В начале лета 1884 г. Л. Кавелин лечился на Кавказских минеральных водах, откуда направился в Абхазию, где провел два месяца. В октябре того же года рукопись первой книги по истории Абхазии, объемом свыше 10 печатных листов была сдана в производство»[2]. Это согласуется со сведениями, приводимыми А. А. Кащеевым. Но рукопись была дозволена цензором к печати, как указано в самой книге, 6 апреля следующего, 1885 г. Поэтому не поддается объяснению, почему Ю. Н. Воронов 100-летний юбилей выхода книги отметил статей годом раньше, и почему рассматривая первое издание книги, он дает ему заглавие второго — «Абхазия и ее христианские древности» (1887). Можно лишь допустить, что при публикации статьи она подверглась сокращению, при котором часть, где приводилось первое название книги, была удалена. Относительно же указанного года выпуска никакие допущения невозможны. Во-первых, потому что статья опубликована в 1984 г., и во-вторых, в более ранней работе Ю. Воронова «Археологическая карта Абхазии» (1969) ссылка на книгу дана в виде: «Леонид, архимандрит. “Абхазия и ее христианские древности”. М.: 1884».

---

[1] *Воронов Ю. Н.* Листая страницы старых изданий. 100-летие первой книги по истории Абхазии // Советская Абхазия. 1984. 13 марта. № 52 (16949).

[2] Там же.

К сожалению, при переиздании данного труда, эта неточность не была устранена[1].

При всем том, что книга «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» и другие труды архимандрита Леонида имеют широкую известность, а имя автора популярно в исследовательской среде, до недавнего времени в биографических данных архимандрита Леонида имелись некоторые разночтения. В выпущенной после его смерти книге Г. А. Воскресенского отмечено, что архим. Леонид «родился 22 февраля 1822 года в калужском имении своего отца, штаб-ротмистра Александра Александровича Кавелина»[2].

В приведенной выше газетной статье Воронов местом рождения Л. Кавелина указывает село Грива, Калужской губернии[3]. Этой точки зрения придерживались и многие другие авторы статей о нем, которые выложены на различных сайтах интернет-ресурсов. Они достаточно многочисленны, поэтому приведем лишь наиболее важные. Так, А. Никольский в большой и подробной статье о нем пишет, что Л. Кавелин «происходил из дворян Калужской губернии»[4]. На сайте Древо размещена следующая информация: «Духовный писатель, историк, археограф, автор стихов и прозы в мире Лев Александрович

---

[1] См.: *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии // Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2009. Т. 2. С. 161.

[2] *Воскресенский Г. А.* Памяти о. архимандрита Леонида, наместника св. Троице-Сергиевой Лавры (умер 22-го октября). М.: Университетская тип., 1892. С. 4.

[3] *Воронов Ю. Н.* Листая страницы старых изданий // Советская Абхазия. 1984. 13 марта.

[4] *Никольский А.* Архимандрит Леонид Кавелин // А. Никольский — Архимандрит Леонид Кавелин (kroraina.com) (дата обращения: 05.01.2024).

Кавелин, родился в 1822 году в Калужской губернии»[1]. Эти же сведения о нем продублированы на веб-сайте Хронос[2].

Другим вариантом места рождения Л. Кавелина указывается Смоленская губерния. Так, на сайте Азбука об этом сказано, что он «родился в селе Спас-Волженское, Вяземского уезда, Смоленской губернии в семье военного»[3]. Эти же данные обозначены в статье об архимандрите Леониде и в Православной энциклопедии[4]. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что эти данные являются достоверными. И вот почему: в статье, размещенной на сайте Государственного архива Калужской области, говорится: «20 февраля (по ст. ст.) 1822 г. родился архимандрит Леонид, в миру Лев Александрович Кавелин. Долгое время местом рождения Кавелина считалось сельцо Грива Козельского уезда Калужской губернии. Дата и место рождения установлены Чайкиным Е. В. по метрике, приложенной к формулярному списку Кавелина Александра Александровича, отца будущего архимандрита, и обнаруженной исследователем в Российском государственном историческом архиве. Согласно метрической выписке, Лев Александрович родился в селе Спас-Волженском Вяземского уезда Смоленской губернии. Детство о. Леонида прошло в Калужской губернии. Имение Кавелиных находилось в Козельском уезде, калужская земля была для Льва Александровича близкой: еще в детстве он часто посещал Оптину пустынь, а матушка его Мария Михайловна стала духовной дочерью оптинского

---

[1] Древо. ЛЕОНИД (КАВЕЛИН) - Древо (drevo-info.ru) (дата обращения: 05.05.2024).

[2] Хронос: Леонид (Кавелин) (hrono.ru) (дата обращения: 05.01.2024).

[3] Архимандрит Леонид Кавелин // Архимандрит Леонид (Кавелин) (azbyka.ru) (дата обращения: 05.01.2024).

[4] Православная энциклопедия: ЛЕОНИД (pravenc.ru) (дата обращения: 01.12.2022).

старца Макария»[1]. Добавим, что статья снабжена родословной рода Кавелиных. Таким образом, можно считать, что имевшиеся до недавнего времени противоречия о месте рождения Л. А. Кавелина — архимандрита Леонида — устранены.

Гораздо сложнее обстояло дело с выяснением личности, скрытой за инициалами И. Н. Но и она была решена. После того, как эта часть нашей работы, была предложена журналу «Два века русской классики», на разрешение проблемы откликнулась его главный редактор и руководитель научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН М. И. Щербакова. Она обратилась к иерею Московской духовной академии Николаю Солодову с просьбой провести поиски. Результаты его изысканий увенчались успехом. На основе анализа текста самой книги и различных других источников: официальной отчетности Общества восстановления Православного христианства на Кавказе и архивных документов Н. В. Солодову удалось установить, что автором-составителем книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», изданный в 1898/99 г., был полковник в отставке Иван Алексеевич Никифоров[2].

Дополнительным подтверждением того, что такая личность реальна была и, что он действительно имел отношение к Ново-Афонскому монастырю, служат материалы, опубликованные М.С. Крутовой. В одном из писем схимонаха Иннокентия из Нового Афона к Леониду Кавелину упомянут Иван Алексеевич Никифоров,

---

[1] К 100-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Лев Александрович Кавелин) (admoblkaluga.ru) (дата обращения: 05.01. 2024).

[2] *Солодов Н. В., иерей.* Об авторе книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 174–185.

которого она еще тогда определила как автора книги 1899 г.[1].

Таким образом, личность автора-составителя, скрывавшего свое имя за инициалами «И. Н.» и, за которым в течение долгого времени, незаслуженно было закреплено клеймо плагиатора, установлена окончательно.

***

На исходе XIX столетия тема строительства железной дороги через территорию Абхазии вновь становится актуальной. Раздаются конкретные предложения по реализации этой идеи. Один из примеров — книга Рафаила Карловича фон Гартмана «По железной дороге от Туапсе до Сухума», изданная в Санкт-Петербурге в 1899 г.

Р. К. фон Гартман (1839–1902) — русский инженер и предприниматель финского происхождения, родился в Гельснгфорсе. С 1870 г. жил в Санкт-Петербурге, где занимал должность управляющего таможни. Затем занимался организацией перевозки пассажиров железнодорожным транспортом. Был учредителем общества Сибирских железных дорог. По поручению Министерства финансов в 1897–1898 гг., в качестве руководителя экспедиции, провел исследование побережья Черного моря и Сухумского округа с целью выяснения целесообразности постройки железной дороги между Новороссийском и Сухумом. Имел большое имение на берегу Черного моря, между Туапсе и Сочи[2], предположительно в Аше.

В книге «По железной дороге от Туапсе до Сухума» отражены результаты экспедиции Гартмана по обследованию местности для планируемой железнодорожной

---

[1] *Крутова М.С.* Письма насельников Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря 1884 –1890 гг. к архимандриту Леониду (Кавелину), хранящиеся в ОР ОГБ // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 290.

[2] https//:wikipedia.org./wiki/Гартман_Рафаил_Карлович (дата обращения 17.09.2020).

ветки. Имя автора обозначено в заглавиях или в конце разделов книги. Во вступлении, в виде исторической справки, сообщается о прошлом Абхазии, о древних городах, заложенных еще в античную эпоху: Диоскурии (Сухум), Питиусе (Пицунде). Отмечено, что по этой территории проходили проложенные греками пути в Индию и Персию. Характеризуя средневековый период, автор подчеркивает, что «абхазы перешли в христианство» и приводит пример построенного Императором Юстинианом в Пицунде храма во имя Божьей Матери. «Уже в XI в., в царствование Абхазского царя Давида-Завоевателя весь берег был покрыт цветущими городами и монастырями, а прилегающие к нему горы укрепленными замками и церквами»[1].

Отмечен также период истории, когда существовал Абхазский католикосат; названы имена нескольких католикосов. Автор справедливо пишет о том, что экспансия Турции привела регион к упадку. Однако следует заметить, что культурный упадок наметился еще в генуэзский период. В российском периоде автор сгущает краски, допуская, например, такой пассаж: «Во время Крымской войны, отрезавшей доступ к краю со стороны моря, Черноморское побережье было окончательно предоставлено на произвол судьбы и во власть разбойничьих племен, начавших на нем хозяйничать по-своему. Черкесы, грузины, абхазцы, мингрельцы и другие заполонили леса и горные ущелья, грабили и разрушали те остатки прежней культуры, которые еще уцелели. Плодородная почва, хотя и необработанная, доставляла им растительную пищу, а обилие крупной дичи — мясную»[2]. Подобные рассуждения свидетельствуют о незнании края и населявших его народов. Недостаток сведений об Абхазии проявился и в неприязненном отношении автора книги к коренному населению. «Я лично вполне убе-

[1] [*Гартман Р. К.*]. По железной дороге от Туапсе до Сухума. СПб.: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1899. С. II.

[2] Там же. С. III.

жден, — пишет Гартман, — что, пока они будут не совсем выселены, хорошие отношения между землевладельцами и рабочими не установятся»[1].

Рекомендации Гартмана по поводу того, что необходимо для превращения края в «жемчуг российской короны», сводятся к идее прокладки железнодорожного сообщения по берегу Черного моря. Высокую оценку получают результаты деятельности Н. С. Абазы — председателя Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья. Автор включает в свою книгу подробное обоснование несомненного промышленного и коммерческого успеха от прокладки железной дороги. Во-первых, представлены топографические сведения о Черноморском побережье, полученные экспедицией Гартмана в апреле и мае 1898 г., подтверждающие преимущества прокладки линии рельсового пути Екатеринодар — Туапсе — Сочи — Сухум — Ново-Сенаки. Здесь же размещен текст Протокола заседания по вопросу о целесообразности применения электрической тяги на проектируемой Черноморской железной дороге; заседание проходило в присутствии Р. К. Гартмана, полковника П. Е. Губера, инженеров Р. Абта, Смалленбурга и Е. Биттерли.

Описанию экспедиции Гартмана посвящен самостоятельный раздел книги. Места пролегания будущей дороги обозревались как с моря, так и на суше. Сведений об абхазском населении здесь мало; в основном речь идет о природных условиях и некоторых памятниках старины, которые участники экспедиции встретили на своем пути. Упоминается, что отдельный участок будущей линии железной дороги Абхазии Гартман прошел пешком «со своим проводником, местным уроженцем, черноглазым абхазцем Кириллом».

Новые впечатления автора касаются Пицунды и ее древнего храма, резиденции бывшего владетеля Абха-

[1] Там же. С. V.

зии князя М. Шервашидзе, Ново-Афонского монастыря, посещаемого «туземцами и местными жителями, прибывающими сюда большими массами, особенно в праздники, как для молитвы в храме, так и ради развлечения». В день посещения Гартманом Нового-Афона наплыв туземцев был значительным: «Народ этот показался очень симпатичным, но поговорить с ним я не мог, не зная языка, а из них никто не говорил по-русски. От этих богомольцев, которых монахи два дня кормят даром, монастырь получает дешевую рабочую силу, так как богомольцы охотно работают в течение недели и более за одни харчи»[1]. Гартмана восхищает энергичная деятельность архимандрита Иерона, который «в Новом Афоне — все»; он построил прекрасную мельницу с искусственным водопадом, большой кирпичный завод, пристань. Такое стремительное развитие Нового Афона автор рассматривает как «живое доказательство того, что можно в короткое время сделать на Черноморском побережье с энергией и знанием». Если будут проявлены подобные качества при постройке железной дороги, то, как считает автор, результат будет столь же блестящим. В заключение Гартман выразил надежду, что проект прокладки железнодорожной ветки не останется на бумаге и будет реализован. Он мечтательно заявляет: «Прибыв, наконец, в Сухум, я был почти уверен, что совершил путешествие по железной дороге»[2]. Однако, как известно, Российской империи не суждено было реализовать этот важный проект. Железная дорога была построена значительно позднее.

***

Информация об исторических памятниках Абхазии содержится в небольшой книге Ивана Алексеевича Владимирова «Древности Черноморского побережья

[1] Там же. С. 51–52.
[2] Там же. С. 46.

Кавказа». Книга интересна и тем, что оказалась неучтенной в творческой биографии, как будет показано ниже, довольно известной личности. Она редко удостаивалась упоминания в работах по археологии Абхазии, а в исследованиях, посвященных другим его работам и творческой деятельности вообще, ее обходили молчанием. Между тем, брошюра И. А. Владимирова содержит довольно обширный и интересный материал об исторических памятниках и археологических находках Абхазии, которые были выявлены к тому времени.

В книге выделены следующие параграфы: «Древние историки», «Село Полтавское», «Дранды», «Сухум», «Пицунда» и «Гудаут». Объем текста названных разделов разновелик: одни сжаты, другие — достаточно развернуты. Несмотря на то, что в заглавие книги вынесены слова, охватывающее более широкое географическое пространство, материал в ней ограничен данными, относящимися исключительно к территории Абхазии. Кроме первого параграфа, во всех остальных речь идет о памятниках, располагавшихся в населенных пунктах Абхазии.

Во вступительной части автор говорит о том, что побережье Черного моря со стародавних времен привлекало внимание «культурных народов древности», где они основывали свои колонии и торговые поселения[1]. Здесь упоминаются: «полумифические аргонавты», приплывшие за золотым руном; древние греки, устраивавшие торговые колонии; византийцы, принесшие «свет христианского учения»; генуэзцы, построившие на побережье «укрепленные гавани»[2]. Оставленные ими следы пребывания, по мнению И. Владимирова, являются древними культурными памятниками, о которых он повествует в дальнейшем. Автор свидетельствует, что «на пространстве между г. Сочи и Сухумом, в нынешней Абхазии и части Мингрелии, обнаружены памятники ста-

[1] *Владимиров И. А.* Древности Черноморского побережья Кавказа. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900. С. 3.

[2] Там же. С. 3.

рины и остатки христианских храмов»[1]. Однако многие из них для исследователей старины, оказались скрыты в лесах, поросших буйной растительностью.

В небольшом параграфе «Древние историки», приведены свидетельства трех античных авторов: Птолемея, Страбона, Арриана и византийского историка Прокопия. Владимиров не приводит прямых цитат из их сочинений, а излагает их мнение по тому или иному факту. Несмотря на лаконичность данной части текста, в нем содержится ряд важных исторических данных, имеющих непосредственное отношение к истории Абхазии того времени. Имеется информация о споре местоположения города Севастополя[2]. Ссылаясь на данные Птолемея, упомянута Великая Абхазская (Келасурская) стена, которую автор называет «циклопической». Даны сведения о ее размерах (160 верст), и наличия башен в определенных местах. Отмечены некоторые древнеабхазские и родственные им и соседние племена: гениохи, ахейцы, керкеты, зихи, колхи, соаны. Но сведения, приводимые автором, неполны; не упомянуты другие абхазские племена: апсилы, саниги, мисимиане. И. Владимиров пишет: «Абаски или абхазцы встречаются первый раз у Арриана, жившего во II веке по Р. Х.»[3]. Это совпадает с установившимся в современной исторической науке положением о первом упоминании абасков (абазгов). Но, в том же сочинении Арриана были названы и апсилы, которые почему-то не вошли в число перечисленных Владимировым племен. Между прочим, укажем и на то, что в трудах римского географа Плиния Секунда (I в. н. э.) о них имеется и более ранее упоминание[4].

---

[1] Там же. С. 3–4.

[2] Дискуссия по этому вопросу, хотя и в меньшей степени, продолжается и по настоящее время.

[3] *Владимиров И. А.* Указ. соч. С. 5.

[4] См.: *Воронов Ю. Н.* Древняя Апсилия // Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2010. Т. 3. С. 144.

Далее со ссылкой на церковную историю, И. Владимиров говорит о том, что первыми христианскими проповедниками на абхазской земле были апостол Андрей и «его спутник св. Симон Кананит, замученный местными жителями…»[1]. Продолжая тему христианизации Абхазии, автор передает предание, согласно которому в «разрушенном ныне храме на р. Гумисте, в 12 верстах от Сухума, близ селения Гумы, пролежал в течение 33-х лет прах сосланного в Пицунду святителя Иоанна Златоуста»[2]. Утверждается, что Прокопий «приписывает обращение абхазцев в христианство и постройку для них церкви Божьей Матери в Пицунде византийскому императору Юстиниану»[3].

Часть, посвященная памятникам села Полтавское[4], насыщена значительным материалом. Здесь говорится о том, что в 1866 г. местными жителями в «лесной трущобе» была открыта «совершенно уцелевшая древняя церковь». Императорская Археологическая комиссия приняла меры для охраны церкви и собрала «почти все находки из храма»[5]. Сказано о том, что исследование храма было поручено историку Д. Бакрадзе; составлен перечень обнаруженных многочисленных предметов. Кроме того, имеется информация о размерах и состоянии внутреннего убранства, где сохранился орнамент с надписями. Говорится также о результатах раскопок, проведенных внутри церкви: найдена гробница с «костями человека и двух лошадиных зубов»[6]. В этом же па-

---

[1] *Владимиров И. А.* Указ. соч. С. 5.

[2] По этому поводу имеются различные точки зрения.

[3] Там же. С. 6.

[4] Один из поселков с. Цабал (рус.: Цебельда); в 1867 г. был переименован в честь великой княгини Ольги в «Ольгинское»; в 1943 г. переименован в «Октомбери»; в 1996 г. восстановлена историческое название «Бариал». (См.: *Кварчия В. Е.* Топонимика Абхазии. АбИГИ, 1999. С. 348).

[5] *Владимиров И. А.* Указ. соч. С. 6.

[6] Там же. С. 8.

раграфе говорится еще о двух храмах, находившихся в развалинах. Даны их краткие описания и перечислены обнаруженные во время раскопок предметы. При этом автор опирается на данные Д. Бакрадзе и придерживается его мнения по поводу времени их постройки и интерпретации относительно традиций христианского храмостроительного зодчества. Вместе с тем, подробности описания самих памятников, детальные характеристики выявленных предметов, а также частое использование слова «видно», дают основания полагать, что автор имел возможность непосредственного знакомства с самими объектами. Это подтверждают его слова, сказанные и в заключительной части книги. Об источниках описанного материала он сообщает: «Перечисленные сведения о местонахождении древних памятников собраны из всевозможных источников, начиная от устных рассказов местных жителей, до ценных исследований древних и современных ученых и любителей археологии»[1]. Стало быть, автор имел возможность общения с информаторами из числа местных жителей.

В кратком параграфе, посвященном памятникам Дранды, говорится об открытых, вблизи Драндского монастыря, развалинах небольшого христианского храма. Здесь также даны описания, обнаруженных предметов. И. Владимиров более подробно описывает памятники культуры Сухума и его окрестностей. Правда, приводимые автором в этом разделе сведения, выходят за пределы географических границ Сухума. Проведен обзор немалого числа культурных и природных памятников, расположенных в отдаленных от Сухума местах: в окрестностях Гагры, Пицунды, Нового Афона, Хуапе. Автор перечисляет множество, найденных во время раскопок, археологических находок. Здесь же несколько раз упомянуты В. Чернявский и А. Введенский, проводившие археологические исследования на территории Абха-

[1] Там же. С. 22.

зии. Владимиров, называя имя Введенского, добавляет и его воинское звание «полковник». Между тем, в ту пору, когда писалась книга, последний был генерал-майором в отставке[1]. Заслуживает внимания приводимый автором факт, гласящий об обнаружении трех гробниц, найденных во время раскопок, проведенных в 1869 г. А. Введенским в селе Хуап. Говорится также и о результатах исследований другого краеведа – В. Чернявского, в частности об открытии им на горе Ахабюк сталактитовой пещеры, в которой были найдены человеческие кости. Последующие археологические изыскания подтвердили догадки Чернявского, это место оказалось участком одного из крупнейших памятников эпохи палеолита, получившего в науке название «Яштухской стоянки»[2].

Заключительная часть работы посвящена памятникам Пицунды и его окрестностей. Здесь упомянуты развалины самого древнего города Питиунта, пещерный монастырь у рукава реки Бзыби, древний монастырь Солагу, близ поселка Гудауты, а также затвердевшие каменные кладки напротив гудаутского порта. Автор приводит мнение В. Чернявского о том, что эти кладки могли быть «остатками древних стен береговых сооружений»[3]. Здесь перечислены предметы, найденные в пещерном монастыре.

Значимость работы И. А. Владимирова заключается в том, что в ней названы отдельные исторические объекты и памятники, перечислено множество археологических артефактов, обнаруженных в них. Несмотря на

---

[1] См.: Введенский Аполлон Никитич // Генералитет Российской Императорской армии и флота // Российский генералитет. Введенский А.Н. (rusgeneral.ru) (дата обращения: 11.09.2023).

[2] *Авидзба Д. З.* Яштухская стоянка // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 548–549.

[3] *Владимиров И. А.* Указ. соч. С. 22.

это, как было сказано, в специальной археологической литературе об Абхазии, данная книга редко упоминается. Она практически оказалась вне поле зрения археологов, писавших о культурных памятниках Абхазии. На нее обращено внимание лишь в книге О. Х. Бгажба и Ю. Н. Воронова и в статье А. И. Джопуа и В. А. Нюшкова, которые непосредственно посвящены истории изучения археологии Абхазии. В книге О. Бгажба и Ю. Воронова о нем вскользь, одним предложением, сказано: «В какой-то мере итогом исследований 80–90 годов XIX в. может служить работа художника И. А. Владимирова»[1]. Как будет показано ниже, указанная этими авторами сведения о профессиональной деятельности Владимирова, помогло нам в определении его личности. В статье А. Джопуа и В. Нюшкова о книге Владимирова говорится, что в ней описаны «три церкви в окрестностях с. Цебельда» и далее цитируется текст, но инициалы его указаны как «К. А.»[2]. И это не случайно. На обложке книги Владимирова, художественно оформленная начальная буква именного инициала больше похожа на букву «К» чем на «И». Других сведений об авторе цитируемого текста они не дают.

Исходя из указания о виде его профессиональной деятельности, как о художнике, мы продолжили свой поиск в различных энциклопедических и справочных изданиях. Оказалось, что словарные статьи о художнике Иване Алексеевиче Владимирове содержатся во всех трех изданиях «Большой советской энциклопедии»[3]. Несмотря на

---

[1] *Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н.* История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 36.

[2] *Джопуа А. И., Нюшков В. А.* Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии // Наследие веков. 2016. № 4. С. 33, 34.

[3] См.: Владимиров Иван Алексеевич // Большая Советская энциклопедия: в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1930. Т. 11. С. 583; Владимиров Иван Алексеевич // Большая советская энциклопедия: в

отдельные несовпадения биографических данных, нет сомнений в том, что речь во всех трех статьях идет об одной и той же личности. Но в этих статьях освещен лишь один род его творческой деятельности, а именно его достижения в области изобразительного искусства. Дальнейший поиск был продолжен в работах, в которых упор сделан на результаты увлечения И. А. Владимирова археологией[1]. Обе стороны его творчества показаны в статье И. А. Дружининой и В. Н. Чхаидзе. Они пишут о нем как о «незаурядном человеке», получившем «профессиональное признание, как замечательный художник-баталист»; констатируют, что за исключением «узкого круга специалистов мало кому известно», что с его именем «связана одна из ярких страниц северокавказской археологии»[2]. Авторы сообщают об археологических раскопках на Кавказе, проводимых И. А. Владимировым; о том, что он тесно сотрудничал с Императорской археологической комиссией, и публиковал отчеты своих изысканий на страницах, издаваемой этой комиссией специальных сборниках. Кроме того, указано, что «в 1900 г. Владимиров по поручению ИАК осмотрел памятники на Черноморском побережье: развалины старинной церкви в Хосте и крепостной башни в окрестностях Сочи»[3]. Статья о результатах, проведенной работы была опубликованы в

50 т. Изд. 2-е / гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Гос. научное изд-во «Большая советская энциклопедия», 1951. Т. 8. С. 233; Владимиров Иван Алексеевич // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Изд. 3-е / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. Т. 5. С. 144.

[1] См.: *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблема христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: 2011; *Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н.* Археология как искусство. К 150-летию со дня рождения И. А. Владимирова // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск: 2019, № 3.

[2] *Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н.* Указ. соч. С. 269.

[3] Там же. С. 273.

«Известиях Императорской археологической комиссии» под заглавием «Два памятника старины на Кавказе». И. Дружинина и В. Чхаидзе в своей статье хоть и не упоминают о рассмотренной нами книге И. А. Владимирова, но приводимые ими данные косвенно указывает, что в данном случае речь идет об одном и том же лице. Можно полагать, что публикация Владимирова, посвященная памятникам старины Сочи и Хосты, независимо от времени их написания дополняли сведения, приводимые в книге «Древности Черноморского побережья Кавказа». Еще раз укажем на то, что, несмотря на заглавие, в данной книге речь исключительно шла о памятниках, располагавшихся на территории Абхазии.

Более полные данные, относящиеся к ранним страницам биографии И. А. Владимирова и его профессиональной деятельности, содержатся в энциклопедической статье С. Е. Лазарева. Из нее мы узнаем, что российский, советский живописец, рисовальщик, археолог Иван Алексеевич Владимиров родился в г. Вильно в 10.01.1869 г. (по новому стилю). Отец был выходцем из духовного сословия, работал сельским учителем. Владимиров окончил Виленскую рисовальную школу (1892), класс батальной живописи Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств (1897). Лазарев далее пишет: «По окончании Академии работал в Париже под руководством художника-баталиста Ж.-Б. Э. Детайля <…> Лето традиционно проводил в горных аулах на Кавказе, где искал материалы для новых картин. Звание классного художника получил за картину „Перевязочный пункт во время Кавказской войны” (1893), <…> что позволило ему начать самостоятельное творчество. Один из энтузиастов, который наряду с профессиональными исследователями стоял у истоков научного археологического кавказоведения. В 1896—1900 гг. на территории современных республик Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также Краснодарского края вел разведку и раскопки археологических памятников самого широкого куль-

турно-хронологического диапазона от курганов эпохи бронзы до горских склепов-кешине XVII в. В 1899–1900 годах провел разведочные археологические экспедиции ряда древнехристианских памятников, в т. ч. Сентыйского храма X в., а также крепостных укреплений в окрестностях г. Сочи…»[1].

И. Владимиров был последователем и продолжателем реалистических традиций изобразительного искусства художников-передвижников. В качестве художественного корреспондента журнала «Нива» выезжал в действующую армию; его иллюстрации публиковались в российских и зарубежных периодических изданиях. Он создал полотна, отражавшие события русско-японской войны: «Солдат на позиции», «Ночной патруль» (обе 1904); Первой мировой войны: «Сестра милосердия» (1915), «От казаков не ушли!», «Патруль» (обе 1916) и др. Известен он и как автор картин, посвященных Первой Русской революции 1905–1907 гг.: «Бой на Пресне» (1906), «Расстрел народа перед Зимним дворцом 9 января 1905 г.» (1925).

«Работая в 1917–1918 гг. в петроградской милиции, рисовал портреты разыскиваемых преступников; этот опыт послужил источником многих сюжетов. Автор документальных зарисовок революционных событий 1917 г.: «Долой орла!» (1917), «За власть Советов!» (1917), «На улицах Петрограда» (1918), «Арест царских генералов» (1926) <…> и др.»[2]. И. А. Владимиров был активным участником различных выставок художников; в советское время состоял членом творческих союзов: Ассоциации художников революционной России (1923) и Союза художников СССР (1931). Ему было присвоено звание «Заслуженного деятеля искусств РСФСР» (1946),

[1] *Лазарев С. Е.* Владимиров, Иван Алексеевич // Россия в Гражданской войне. 1918–1922. Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. I. С. 367–368.

[2] Там же. С. 368.

был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1945). Кроме того, С. Е. Лазарев пишет и том, что «в XXI в. стали известны множество его рисунков периода революции и Гражданской войны, вывезенных из страны зарубежными коллекционерами. Они открыли Владимирова как отличного бытописателя, осуждавшего революционный террор, высмеивавшего уклад жизни и настроения послереволюционной эпохи, критически относившегося к советской власти: „Расстрел полицейских на Крестовском мосту 3 марта 1917 года" (без даты), „В театре. Царская ложа", „На посту" (обе 1918) <…> и др.»[1]. Скончался И. А. Владимиров на 78 году жизни, 14 декабря 1947 г., похоронен на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.

В библиографических ссылках некоторых статей в интернете, посвященных И. А. Владимирову указана книга о нем, выпущенная его внучкой, архитектором Н. И. Баторевич, «"Всю жизнь я служил России…". Жизнь и творчество художника И. В. Владимирова» (СПб.: 2013)[2], обнаружить которую нам не удалось.

* * *

В 1900 г. вышла книга Владислава Юлиановича Румеля «Материалы для описания русских коммерческих портов и история их сооружения». На титульном листе обозначено, что книга стала результатом изысканий, произведенных в 1896—1897 гг. В предисловии сказано, что данное издание является продолжением выпусков и пятым по счету серии «Материалы по описанию русских коммерческих портов». В нем содержится информация о проектах портовых устройств в Керчи, Анапе и Сухуме. По каждому из этих населенных пунктов автором даны проекты, с обоснованием какого именно вида порта не-

[1] Там же. С. 368.

[2] См. напр.: Баторевич, Наталия Игоревна – Всю жизнь я служил России… [Текст]: жизнь и творчество художника И. А. Владимирова – Search RSL (дата обращения: 27.07.2023).

обходимо соорудить в каждом из них. Имеются сметы стоимости (в отдельных случаях варианты) различных видов работ по их устройству. Освещены географические особенности, топографические, климатические условия рассматриваемых местностей. Помимо проектных соображений в некоторых случаях автор останавливается и на истории вопроса, знакомя читателя с данными прежних изысканий. В этом плане раздел книги о Сухуме выделяется своей большей полнотой. Он состоит из трех глав: «Общее описание», «Физико-географическое описание», «Современное значение г. Сухума». Каждая глава подразделяется на параграфы. Первая глава включает в себя: «Топографическое описание. — Рейд», «Историко-статистические сведения. — Существующие портовые устройства»; вторая глава содержит: «Метеорологические данные», «Колебание уровня воды. Течения. Действия волнения», «Берега и дно бухты. — Результаты бурения»; и третья — «Торговая деятельность. — Сухум — климатическая станция», «Соображения о портовых устройствах г. Сухума в случае проведения к нему железной дороги».

В параграфах первой главы наряду с описанием географических особенностей расположения города, В. Руммель касается и некоторых страниц его исторического прошлого. Исторические сведения носят отрывочный характер. Но в то же время, они содержат информацию о наиболее важных событиях истории города, начиная с древнейших времен. Они следуют в хронологической последовательности. Приводятся древние названия Сухума — Айа, Диоскурия и Севастополис. Называются известные исторические лица, с именами которых связан тот или иной период истории города: египетский фараон Рамзес Великий или Сезострис, ассирийский царь Тиглет-Цилизер, персидский царь Дарий Гистасп, греческий писатель Скилакс Кариан[д]ский, понтийский царь Митридат Великий (Евпатор), древнеримский полководец и государственный деятель Помпей, римский импе-

ратор Адриан, византийский император Юстиниан Великий и его сподвижник, военачальник Флавий Велизарий (Велисарий). О их пребывании или деятельности на территории Абхазии сказано мало. Только в отношении Митридата, Юстиниана и Велизария содержится некоторая информация. В отношении Митридата сказано, что он «в 67 г. до Р. Х., преследуемый Помпеем <…> заперся в Диоскурии на всю зиму с 100 тысячной армией, и все это время средствами города мог продовольствовать всю эту армию»[1]. Важным историческим сообщением является сведение о том, что преследовавший Митридата Помпей «всю зиму простоял за Кодором, не решаясь напасть на Диоскурию через Каракcианскую стену»[2]. Оказавшаяся непреодолимой для Помпея в зимний период стена в тексте Рюммеля встречается дважды. В другом месте о ней сказано, что рядом с Диоскурией располагалась «Каракcиенская стена и народ Каракcиены. Часть этой стены тянется и ныне от реки Келасури до реки Ингура, дугою до 150 вер., обхватывая всю южную Абхазию, с частыми башнями и местами двойная»[3]. Из приведенной цитаты следует, что автор отождествлял стену, которая стала препятствием для Помпея, с Великой Абхазской (Келасурской) стеной. Как было отмечено, Руммель не дает указание на источник, но вероятно, что свой вывод он вынес из труда Дюбуа де Монперэ. Последний также полагал, что возведение этой стены имело место «за несколько веков до нашей эры, к той эпохе, когда цветущая и могущественная Диоскурия была метрополией респу-

[1] [*Руммель В. Ю.*]. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Вып. XXX. Керчь – глубокий порт, судоходный канал от р. Кубани к Анапе. Сухум. Результаты изысканий, произведенных в 1896–97 гг. Сост. В. Ю. Руммель, инженер путей сообщения.. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения. (Т-во И. Н. Кушнерев и К°), 1900. С. 33.

[2] Там же. С. 33.

[3] Там же. С. 32–33.

блики, замкнутой этой стеной»[1]. Правда, в работе Дюбуа ниже говорится и о «другой стене, которая поднималась вверх по долине Кодора»[2]. Но из его текста не совсем понятно, что он имелось в виду: являлась ли эта «вторая» стена отдельной, или же продолжением той самой Келасурской.

Несмотря на то, что с тех пор учеными было проведено немалое количество изыскательских работ, вопрос о времени строительства этого сооружения остается открытым. В этой связи один из современных ее исследователей Ш. Г. Кайтан отмечает: «Руины Великой Абхазской стены давно привлекают внимание исследователей, однако этот памятник по праву считается одним из самых спорных и загадочных. В существующей обширной литературе данное сооружение датируется по-разному. Большинство исследователей считало ее древним (античным или раннесредневековым) сооружением (Ф. Дюбуа де Монперэ, В. И. Сизов, П. С. Уварова, К. Д. Кудрявцев, М. М. Иващенко, И. Е. Адзинба, В. П. Пачулиа, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, М. М. Гунба и др.). В 1970-х гг. отдельные исследователи высказали мнение о том, что Великая Абхазская стена была построена лишь в сер. 17 в. (Т. Берадзе, Ю. Н. Воронов и др.). Есть и такое мнение, что строительство стены было осуществлено в два этапа, хронология которых определена концом V–VI и X–I вв. (Л. Н. Соловьев)»[3].

В этой связи можно надеяться на то, что, систематически проводимые, в течение нескольких последних археологических сезонов, исследования совместной рос-

---

[1] *Дюбуа де Монперэ Фредерик*. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов / перев. с франц. Н. А. Данкевич-Пущиной. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2010. Т. I. С. 146.

[2] Там же. С. 144.

[3] *Кайтан Ш. Г.* Великая Абхазская стена // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд. «Юридический центр», 2022. Т. I. С. 283.

сийско-абхазской экспедицией дадут положительные результаты. Эта экспедиция в своей работе использует современные методы и способы изучения археологического материала, которые могут способствовать определению хронологических рамок построения этой «загадочной» стены.

Кратко проинформировав читателя о «турецком периоде» города, когда он «назывался вторым Стамбулом»[1], В. Руммель переносит нас на события недавнего прошлого и современного его состояния. Упоминает он о занятии города русскими в 1810 г., о его «разгроме» в 1877 г. в ходе последней Русско-Турецкой войны. «В настоящее время в Сухуме ни фабричной, ни промышленной деятельности нет, — пишет автор, — исключая двух кирпичных заводов, вырабатывающих вместе до 700 тысяч штук плохого кирпича. Все необходимые принадлежности домашнего обихода доставляются из ближайших городов: Батума, Новороссийска, Керчи и отчасти Одессы»[2]. Кроме того, имеется краткие сведения: о деятельности пароходств; о наличии трех пристаней; о народонаселении; о выращиваемых культурах тропических растений и т. п. Из сообщаемых автором сведений, как наиболее важные, можно выделить следующие: «с устройством берегового шоссе деятельность прилегающих к нему местностей немного оживилась, но внутренность страны остается по-прежнему недоступной»; «тропические растения производятся на дачах Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича (Синоп)[3], Татаринова, Ноева и других»;

[1] *Руммель Ю. В.* Указ. соч. С. 33.

[2] Там же. С. 33.

[3] Дача «Синоп», до приобретения (1891) великим князем А. М. Романовым, принадлежала А. Н. Введенскому, который и заложил знаменитый на всем Черноморском побережье сад. (См: *Бебия С. М., Гуланян Т. А.* «Синоп» // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд. «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 288–289).

«на пристани Министерства Путей Сообщения грузовые операции не производятся: они специально служат для высадки пассажиров в благоприятную погоду»[1].

В качестве источников В. Руммель указывает на неназванных конкретно «древних писателях». Из них упомянут лишь один Страбон, «указывавшего», что Диоскурия «не разобщался от Северного Кавказа горами и связывался с Каспийским морем длинным почти сквозным ущельем, которым проходил торговый путь в Индию»[2]. Из современных авторов названы трое: Дюбуа де Монперэ, С. Пушкарев, В. И. Чернявский. При этом автор только в одном случае дает ссылку, а именно на работу В. И. Чернявского. Он указывает на 5-й выпуск журнала «Записки Императорского Русского Географического Общества» за 1887. Проверить верность данной ссылки нам не удалось. Среди выложенных на сайте Государственной публичной библиотеки номеров этого издания нет работы Чернявского. Имеющаяся информация в отношении данного издания такова: сборник с таким названием выходил с 1846 г. в «неопределенные сроки», а с 1866 г. его выпуски осуществлялись по каждому из трех отделений (общей географии, статистки и этнографии). Выпускались они, опять же, в неопределенные сроки, т. е. нерегулярно[3]. В обнаруженных выпусках за 1887 г. публикации В. Чернявского нет. Вполне вероятно, что автор или редактор книги, могли допустить ошибку в ссылке. В работах исследователей, ссылающихся на работы Чернявского, также отсутствует указание на этот источ-

[1] *Руммель Ю. В.* Указ. соч. С. 33–34.

[2] Там же. С. 33.

[3] См.: Записки Имп. Русского Географического Общ. // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. Т. XII. С. 269; Библиография русской периодической печати. 1703–1900. (Материалы для истории русской журналистики) / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Петроград: Тип. Акц. Общ. Дела, 1915. С. 220–223.

ник. При этом они часто обращаются к его статьям «Из исследований в юго-западном Закавказье» и «Краткий очерк Абхазии»[1], которые были опубликованы в 13-м томе «Известий Императорского Русского Географического Общества» за 1878 г. Под таким названием Императорское Русское Географическое общество начало выпускать свой печатный орган с 1865 г. Тексты очерка В. Руммеля и указанные статьи В. Чернявского обнаруживают близкое сходство, что может говорит о том, что автор рассматриваемой нами работы опирался на них.

Интересными выглядят и другие сведения В. Руммеля – о Дюбуа де Монперэ, обратившего внимание императора Николая I: «на необходимость возобновления этого пути, для полного овладения Абхазией и Черкесией»[2]. Приводятся также свидетельства Дюбуа о наличии на этом побережье развалин «целого ряда городов, замков, башен и крепостей»[3].

Таким образом, В. Ю. Руммель своим очерком о Сухуме преследовал две цели: с одной стороны, он стремился показать, что Сухум, исторически являлся важным транспортным пунктом, а с другой — утверждал необходимость сооружения современного порта. «Из этого краткого очерка можно заключить, какую первенствующую роль играл г. Сухум в древние времена, и какая могла бы быть блестящая его будущность, принимая во внимание его выгодное географическое положение и климатические свойства»[4] — заключает автор.

В. Руммель также говорит о том, что Сухум, представляет интерес не только с коммерческой точки зрения, но и развития в нем хозяйственной деятельности и здраво-

---

[1] См.: *Чернявский В. И.* Из исследований в юго-западном Закавказье // ИИРГО. 1877 / изд. под ред. В. И. Срезневского. СПб.: В тип. В. Безбородова и комп., 1878. Т. 12. С. 330–349. Его же. Краткий очерк Абхазии. Там же. С. 415–430.

[2] *Руммель В. Ю.* Указ. соч. С. 33.

[3] Там же. С. 33.

[4] Там же. С. 33.

охранения. Рассуждая о его перспективах, отмечается в этом плане, он замечает: «Не имея в настоящее время значения в торговом отношении, город Сухум представляет громадную будущность, как лучшая у нас климатическая станция <…>. Сухум может служить прекрасным местом для жизни и для успешной деятельности по разведению полезных и ценных растений, обладая всеми необходимыми условиями относительно воздуха, воды, почвы, богатейшей растительности, а также значительно красивым местоположением. Недаром такие авторитеты, как Вирхов[1], Боткин[2], Остроумов[3] и другие предрекли Сухуму будущность Ниццы»[4].

---

[1] Вирхов Рудольф Людвиг Карл (1821–1902) – немецкий ученый, врач, физиолог; один из основоположников клеточной теории в биологии и медицине; известен как археолог и антрополог. В 1881 г. посетил Абхазию, совершил путешествие по ее горным районам. Побывал в Сухуме и высоко оценил природно-климатические факторы города; предрек ему большую будущность в качестве климатобальнеологического курорта. (См.: *Медвенский Н. И.* Вирхов Рудольф Людвиг Карл // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 199).

[2] Боткин Сергей Петрович (1932–1889) – выдающийся русский ученый, врач, патолог, физиолог и общественный деятель. Создал учение об организме как едином целом, подчиняющемся воле; профессор Императорской Медико-хирургической академии (с 1861 г.), Тайный советник (1877 г.), Лейб-медик (1872–1880). С 1920 г. Московская городская клиническая больница носит его имя.

[3] Остроумов Алексей Александрович (1844–1908) — профессор медицины, с 1880-х годов жил и работал в Сухуме. По его инициативе и на его пожертвования в городе была открыта первая городская гражданская больница. Ныне это — Сухумская городская больница № 1 имени проф. Остроумова. (См: *Алания Т. Г.* Сухумская городская больница № 1 имени проф. Остроумова // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Издво «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 336).

[4] *Руммель В. Ю.* Указ. соч. С. 38.

Далее В. Ю. Руммель дает подробное физико-гидрографическое описание, составленное в результате тринадцатилетних наблюдений, производившихся на Сухумском маяке. Книга снабжена также большим количеством иллюстраций, таблицами, схематическими планами, картами и снимками городов, в т. ч. двумя фотографиями Сухумского порта, заснятых с моря.

Об авторе этой книги Владиславе Юлиановиче Руммеле известно немного. Он упомянут в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В статье, посвященной дворянскому роду Руммелей, отмечено: «Владислав Юлианович (род. в 1854 г.), инженер путей сообщения, написал несколько исследований о положении и устройстве русских портов»[1]. Некоторые дополнительные биографические сведения о нем содержит статья, посвященная его сыну. Она опубликована в энциклопедическом издании «Польский Петербург». Там сказано: «Владислав Юлианович Руммель (1854–1930), выпускник Института инженеров путей сообщения, строитель портов в С.-Петербурге, Либаве, Риге, Ревеле (ныне Таллин). Во время Первой мировой войны строил порты на Белом и Черном морях, в Северном Ледовитом океане. В 1921 г. вернулся в Польшу[2]. Из этой же статьи узнаем, что в 1824 г. вместе с сыном Юлианом-Евгением и зятем — инженером Теодозием Носовичем и доктором Здиславом Слушкевичем положили начало созданию французско-польскому консорциуму для строительства порта в Гдыне.

В. Ю. Руммель был женат на Валерии Руммель (урожд. Нарольская), и у него была еще дочь — Зофья (1883–1976), бывшая замужем за Теодозием Носовичем

---

[1] Руммель // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издат. дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. Т. XXVII. С. 258.

[2] Руммель Юлиан-Евгений Владиславович // Польский Петербург. Энциклопедия (polskipetersburg.ru) (дата обращения: 27.07.2023) [Отмечено: «Статья публикуется в редакции Фонда имени Д. С. Лихачева. Перевод статьи Майи Бобовой].

(1882–1934), являвшегося выпускником Санкт-Петербургского Института инженеров путей сообщения[1].

***

В первые годы XX столетия была выпущена научно-популярная книга Николая Александровича Александрова «Горы и Море. Закавказье. Черноморское побережье. Абхазцы или Азега, Сванеты или Шаны». Этим очерком, автор продолжил серию своих этнографических рассказов. Ранее им были выпущены в свет рассказы для детей «Народы России» (СПб., 1872, 1873), в последующем изданные под заглавием «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет» (СПб., 1874, 1884, 1892). Последнее заглавие автор поставил в виде колонтитула на первой странице своей книги «Горы и море».

В этом очерке Александров дает описание части Закавказья — ее Черноморскому побережью, которое, в прошлые времена, по его словам, «сообразно военным сторожевым линиям нашей границы — Кубанской и Терской», называлось Черноморской береговой линией[2]. Очерчены географические границы, описываемой акватории, куда входили административно-территориальные единицы: Новороссийская губерния, с г. Новороссийском, Сухумский и Батумский округа. Проведено сравнение прошлого и настоящего природно-климатических и этно-социальных условий, описываемого региона. «Природа и тогда, и теперь осталась, конечно, все та же; народ по природе тот же; но тогда была на Кавказе безостановочная резня, грабеж, буйство <…> Теперь Кавказ покорен, <…>, и теперь народцы, населяющие Кавказ и происходящие от разных давних народов Азии,

[1] Там же.

[2] [*Александров Н. А.*]. Горы и Море. Закавказье. Черноморское побережье. Абхазцы или Азега, Сванеты или Шаны. Порты Черного моря: Новороссийск, Сухум, Поти и Батум. (Чтение для народа). Н. А. Александрова. М.: Издание книжного склада А. Я. Панафидина, 1901. С. 3.

мало-по-малу оседают на своих землях и мало-по-малу присоединяются к народам Европы. Нет теперь даже и сомнения в том, что их дикие азиатские нравы скоро исчезнут, и, как народ от природы умный, они войдут в общечеловеческую семью мира и спокойствия»[1]. Из приведенной цитаты становится очевидным, что автор, в данном случае, исходит из европоцентристских политических взглядов. Сторонники и последователи этой идеологической доктрины считали европейскую цивилизацию универсальной, тем самым недооценивая культуру других регионов мира.

Автор сообщает, что книга его появилась на свет, как результат его знакомства с описываемым краем в детстве. «На долю моего детства выпал Кавказ, — пишет он, — и по преимуществу та его часть, которая прилегает к Черному морю»[2]. Он указывает также и время, истекшее с тех пор — «пятьдесят лет назад». Таким образом, временной пласт, отображающий прошлое, относится к концу 1840-х — началу 1850-х гг. Автор передает запечатлевшееся в памяти воспоминания поездки «вдоль всей Кубани от Ставрополя до устья Кубани и затем вдоль всего Черноморского побережья от г. Новороссийска до г. Поти, то есть до устья Риона»[3].

Александров не жалеет красок для изображения картин своих воспоминаний. Он описывает «казачьи станицы, караульные казачьи вышки», левый берег Кубани, «где прятались в ущельях гор и в подлесках черкесские аулы». Воспроизводится чувство тревоги, которое он испытывал по пути следования. Он осознавал, что ощущения внешнего спокойствия было обманчивым. Об этом пишет: «Стоило зашелестит камышу на Кубани, зашуршать крыльями птиц по воздуху, и, мигом все было на ногах, все готовились к смерти»[4]. В подтверждение вер-

[1] Там же. С. 4.
[2] Там же. С. 3.
[3] Там же С. 5.
[4] Там же. С. 6.

ности своих детских воспоминаний автор приводит выдержки из книги г-на Попко[1] «Черноморские казаки».

Из повествования видно, что свое путешествие Н. Александров совершал в детстве в сопровождении своего дяди — «неустрашимого кавказца», у которого было 18 ран[2], и который бережно опекал его от опасностей на пути к бывшему форту Раевского. Здесь он поведал о тревожной ночи в связи с нападением черкесов. Далее он пишет, что хотя к утру все успокоилось, но в одном из привалов по дороге к Новороссийску, услышали об угоне части скота при нападении на форт. О совершивших угон скота горцев заметил: «черкесы, и уже не шапсуги и натухайцы, как на Кубани, а уже другой народец — абхазцы или азега»[3]. В данном случае сложно судить о верности его утверждения, что угонщиками были абхазы. Конечно, полностью исключать возможность подобного случая нельзя, но и допустить вероятность того, что абхазы могли совершить подобное в значительном географическом отдалении (окрестности Новороссийска) от своей страны, тоже сложно представить. В данном случае автор, возможно, мог перепутать абхазов с абадзехами. Тем более что он не видит особых различий между отдельными этническими группами. «И абхазцы, так же, как и черкесы-адиге, — пишет автор, — красивы, стройны, ловки, они так же красиво одеты; но никто из кавказцев, кроме еще кабардинцев, не умеет так носить свой костюм, как черкес, у которого и худые рукава, и заплата на заплате, а иногда и просто разорванная и в лохмотьях черкески и бешметы <…> выглядеть щеголевато, франтовски,

[1] Попко Иван Диомидович (1819–1893) — генерал-лейтенант, автор многих работ на кавказскую тематику, в том числе и «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы» (СПб.: 1858).

[2] *Александров Н. А.* Указ. соч. С. 12.

[3] Там же. С. 13–14.

так что прорехи и недостатки костюма сглаживаются; на них не обращаешь и внимания»[1].

Из описания Новороссийска, мы узнаем, что автор был хорошо знаком с этим городом: там, против бухты стоял дом его отца, он был очевидцем «ужасного урагана» 1848 г., приведшего к гибели большого количества кораблей: «парохода “Боец”, брига “Паламед”, корвета “Палад”» и тендера “Струя”»[2]. Автор уточняет, что корвет «Палад» затонул вместе с экипажем.

При описании современного состояния края Александров с надеждой смотрит на происходящие изменения: «Теперь черкесы русские подданные, теперь они цивилизуются или образовываются нами, сливаются, или должны сливаться с русскими, заселяющими вместе с ними весь край»[3]. При этом он, со слов новых русских переселенцев, пересказывает случаи имевшихся межэтнических трений. Не все изменения радуют глаз повествователя, увиденные в детстве картины окружающего мира были более колоритными, и он с сожалением пишет, что описываемые места стали какими-то безликими. «Свое, кавказское, типичное исчезло, видимо, повсюду и во всем; явилось не то Малороссия, не то Москва, или Вологда и Владимир; одним словом, что-то безразличное, однообразное и далеко ничем не привлекательное»[4]. Впрочем, автор не последователен в своих оценках в отношении, произошедших за это время изменений. Ниже он высказывает уже иное, по сути, обратное вышесказанному утверждению, мнение. Он пишет: «От г. Новороссийска до Сухума есть еще множество поселений, существующих с давних времен, которые теперь также преобразовываются в города, морские поселения, а некоторые в морские курорты и, наконец, в дачные постройки, которых со временем будет, пожалуй, больше,

[1] Там же. С. 15.
[2] Там же. С. 21.
[3] Там же. С. 28.
[4] Там же. С. 31.

чем на южном берегу Крыма. Многих не так еще давно пугали кавказские лихорадки; но теперь даже и ленивые и ничего не желающие делать дикие абадзехи поняли, что, с уничтожением папоротника и осушением болот, лихорадки быстро исчезают, и климат повсюду меняется, он делается прекрасным и вполне здоровым морским или горным климатом»[1].

В подтверждение этого своего замечания Александров приводит примеры благоустройства отдельных населенных пунктов: Геленджика, Туапсе, Майкопа, Сочи, Адлера. Упомянуты и некоторые города, и местечки Абхазии: Гагра, Гудаут, Пицунда Сухум и Новый Афон. О последнем автор отзывается как о «живописно устроенном монашеском поселении». Затем следует обрывочное замечание о том, что обстановка в этом крае сравнительно улучшилась. «Некогда совершенно пустынные берега, — говорит автор, — по которым бродили только разбойничьи шайки абадзехов да голодные шакалы (волки), теперь мало-помалу, и даже очень быстро преобразовываются: везде вы встречаетесь с пароходами, повсюду, еще издали, перед вами мелькает фон отвесных гор, электрические огни»[2].

Приведенная цитата содержит очевидные противоречия. Автор, использует противостоящие по смыслу слова: «мало-помалу» и «даже очень быстро». Опять же, не к месту использует он этноним «абадзехи», которые, как известно, проживали на территории нынешней Адыгеи. Эти неточности свидетельствуют о недостаточных знаниях Александрова при определении этнических групп, населявших Черноморское побережье Кавказа. Малосодержательны также и следующие за тем историко-этнографические зарисовки об абхазах. По существу, автор не дает ничего нового о них, повторяя высказывания отдельных предшественников, представлявших

[1] Там же. С. 42.
[2] Там же. С. 43.

абхазов исключительно в дурном свете. Одним из таких авторов был В. А. Потто, которого Александров и цитирует, называя его «нашим писателем». Не приводя никаких, сколько-нибудь убедительных свидетельств и аргументов, автор повторяет в их адрес шаблонные выражения: «ничего не делающих», испытывающих «отвращение к честному труду» и т. д. Не менее странным выглядит утверждение о том, что «абхазцы даже и подданство России приняли как бы от лени, от ничего неделанья»[1]. И далее в том же духе: «религия у абхазцев тоже была неизвестно какая: они принимали и христианство, которое будто бы насаждено у них было Андреем Первозванным…»[2].

Книга Н. Александрова «Горы и море. Закавказье. Черноморское побережье. Абхазцы или Азега, Сванеты или Шаны», без сомнения, не входит в число работ, адекватно освещавших образ жизни абхазского народа. Между тем, ко времени выхода в свет этой брошюры, уже было опубликовано немалое число книг и статей, в которых история и культура Абхазии была представлена в гораздо более объективном свете. Таковыми, в частности, были книги архимандрита Леонида (Кавелина), графини Уваровой, статьи Н. М. Альбова и т. д. Рассмотренная книга Н. Александрова никоим образом не может соперничать с их сочинениями. Она не содержит познавательно-исследовательской струи, создает впечатление малосодержательной, наспех написанной книги. Объективным фактором этого, могло служить то, что в этот исторический период правовой статус коренных жителей Абхазии был репрессивным; абхазский народ был урезан в гражданских правах и объявлен «виновным населением» (1880–1907)[3]. Вероятно, это обстоятельство могло служить фактором, вынуждавших отдельных ав-

---

[1] Там же. С. 44.

[2] Там же. С. 44.

[3] См.: *Трапш Н. А.* «Виновное население» // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум;

торов, писать об абхазах, придерживаясь официальной точки зрения.

Николай Александрович Александров, известен как журналист, писатель и автор этнографических очерков. Сведения о его жизни и творчестве содержатся в энциклопедических и справочных изданиях, как С. А. Венгерова «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» и «Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь» под редакцией П. А. Николаева. Год и место рождения в указанных изданиях несколько рознятся. В словаре Венгерова указано: «1840, г. Ставрополь (Кавказский)»[1], а во втором словаре сказано, что родился в 1841 г. в Петербурге, по другим сведениям — г. Ставрополь (Кавказский)[2].

На наш взгляд, более верными могут быть данные словаря С. А. Венгерова, по той причине, что статья о нем была написана еще при жизни самого Н. А. Александрова, а в самой статье уточняется: «по полученным от него сведениям»[3].

Происходил Н. А. Александров из дворян; учился в 1-й киевской гимназии; слушал лекции в Харьковском, Московском и Санкт-Петербургском университетах. Его литературная деятельность начинается с 1860-х гг., публикациями нескольких рецензий в журнале «Современник»; затем был негласным редактором (совместно с Н. И. Шульгиным) газеты «Якорь» и сатирического

СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. I. С. 278.

[1] *Венгеров С. А.* Александров Николай Александрович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней): в 6 т., вып. 1–21. СПб.: Семеновская Типо-лит. (И. Ефрона). Вып. 8. Т. I. С. 359.

[2] *Пенская Е. Н.* Александров Николай Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. I. С. 46.

[3] *Венгеров С. А.* Указ. соч. С. 359.

приложения к ней «Оса». Сотрудничал с целым рядом периодических изданий, таких как: «Женский вестник», «Современное обозрение», «Дело», «Библиограф», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русская газета», «Всемирная иллюстрация», «Петербургский листок», «Слово», «Русская правда», «Новое временя», «Голос», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Северный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Север». Александров основал и редактировал свое собственное издание «Художественный журнал». В словаре Венгерова приведены псевдонимы, под которыми печатался Александров: «Н. Аров», «Nemo», «Сторонний зритель»; некоторые фельетоны и заметки публиковал без подписи. Им были выпущены в свет отдельными изданиями книги: «Народы России» (1872), «Волга. Рассказы для детей» (1874); совместно с А. Н. Плещеевым издал для детей литературный сборник «На празднике» (1873). Последние годы жизни Александров «провел в одиночестве и крайней бедности. Написал литературные воспоминания “За 20 лет”. <…> Умер в приюте»[1].

* * *

Первый путеводитель, непосредственно посвященный столице Абхазии — Сухуму: «Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям» был издан в 1903 г. И. М. Тези в Харькове, в типо-литографии М. Зильберберга и С-вья. Эта книга оставалась практически забытой до ее недавнего переиздания, осуществленного А. Я. Дбаром в 2021 г.[2] Биографические сведения автора этой книги — Иосифа Митрофановича Тези – пока еще остаются весьма скудными. Дбару, подготовившему современное издание путеводителя, удалось обнаружить фамилию и инициалы (И. М. Тези) в следующих изданиях: «Спи-

[1] *Пенская Е. Н.* Указ. соч. С. 46.

[2] См.: *Тези И. М.* Сухум: путеводитель по городу и окрестностям / подг. текста, вступ. слово, примеч. А. Я. Дбара. Сухум: Изд. группа «Новый день», 2021.

ске врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек на 1 мая 1915 г.» (1916), «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (1960) И. Ф. Масанова и «Книге Памяти политических репрессий по Краснодарскому краю» (2005). Последнее издание содержит более полную информацию об Иосифе Митрофановиче Тези. В биографической справке о нем указано: родился «в 1877 г. в г. Геленджик, русский, беспартийный, образование среднее, провизор аптеки, зубной врач». Далее имеется информация о том, что: «на момент ареста проживал по месту рождения, арестован 03.11.1924 г.». И. Тези обвинялся в «антисоветской агитации» и был приговорен к запрету проживания в столице и ряде крупных городов СССР сроком на три года. Несмотря на полное совпадение фамилии и инициалов, Дбар проявляет осторожность, и заявляет: «с абсолютной уверенностью утверждать, что этот репрессированный большевиками врач <…> является автором первого путеводителя по Сухуму, мы пока не можем»[1]. В свою очередь, и мы не можем эту информацию пополнить какими-либо дополнительными данными.

Два раздела путеводителя И. М. Тези содержат научно-популярную и бытовую информацию. Первый раздел, посвящен самому Сухуму, его истории и объектам, расположенным в нем. Он состоит из следующих глав: «Исторический очерк Сухума», «Сухум в настоящее время», «Справочный отдел», «Климат Сухума», «Сухума — климатическая станция». Во втором разделе об окрестностях города, выделены такие объекты: «Ботанический сад», «Синоп», «Гора г. Чернявского», «Гора г. Юрьевича», «Венецианский мост», «Серный источник на реке Беслетке», «Женский Василиско-Златоустовский монастырь», «Сталактитовая пещера около с. Михайловского», «Келласури», «Ольгинское», «Цебельда», «Успен-

[1] *Дбар А. Я.* Неизвестный Иосиф Тези // И. М. Тези. Сухум: путеводитель по городу и окрестностям. Сухум: Изд. группа «Новый день», 2021. С. 5–6.

ско-Драндский монастырь», «Кодор», «Старый Сухум». В приложении к изданию автор помещает информацию о Члоуской сталактитовой пещере[1] и объявления.

В предисловии Тези указывает издания, к которым обращался как составитель: М. Н. Владыкин «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу» (1885, 2-е изд.), П. С. Уварова «Кавказ. Путевые заметки» (в 2 ч. 1887, 1891), Ф. К. Брун «Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России» (в 2 ч. 1879, 1880), А. И. Воейков, Ф. И. Пастернацкий, М. В. Сергеев «Черноморское побережье» (1899), В. И. Фомилиант «Приморские санатории, их роль при лечении золотухи, "местного" туберкулеза и рахита» (1901). В тексте, наряду с названными авторами, встречаются ссылки и на другие сочинения: древнегреческого историка и географа Страбона, древнеримского писателя Плиния Старшего, французского путешественника Ж. Шардена, швейцарского путешественника французского происхождения Ф. Дюбуа де Монперэ, русского писателя-путешественника, крымоведа Е. Л. Маркова. Часть текста, где приводится рассказ очевидца о неприглядном виде Сухума в 1835 г. совпадает с текстом Ф. Ф. Торнау[2]. Из этого же предисловия видно, что автор намеревался издать и другие части путеводителя по Русской Ривьере — по Новому Афону, Сочи и Батуму. Они, по его словам, «теперь готовятся к печати»[3]. По неизвестным причинам, планировавшиеся автором эти путеводители, не были выпущены в свет.

---

[1] Автор данную пещеру называет Чиловской. Так писали и некоторые другие авторы того времени. Между тем, название пещеры происходит от села, где она расположена. Абхазское название этого села и в прошлом и настоящем – Члоу. Саму пещеру в народе назвали еще «Пещерой Абрскила».

[2] См.: *Тези И. М.* Указ. соч. С. 18; *Авидзба Р. Л.* Абхазия под пером Ф. Ф. Торнау // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. I. С. 170.

[3] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 11.

В своем историческом очерке о Сухуме Тези подчеркивает, что город относится «к одним из самых древнейших городов мира»[1]. При этом отметим, что относительно раннего периода, мы не встречаем пространных исторических сюжетов. Автор, ограничиваясь одним или несколькими предложениями, обозначает те или иные исторические факты. По его предположению возникновение города связано с отмеченным в древнегреческой мифологии городом Эйя (Айя), существовавшим в XIV–XIII веках до Рождества Христова. Затем, приводятся факты из мифологической и реальной истории: походе аргонавтов, проходившем через Сухум торговом пути, который связывался с Малой Азии, Персии, Аравии и Индии. Говоря об оживленной торговле в самом городе, автор приводит свидетельства древнеримского писателя Плиния Старшего, который отмечал, что для сношений с местными жителями, «римляне должны были содержать в нем не менее 300 переводчиков»[2].

И. Тези упоминает также и об имевших место переименованиях города: Диоскурия (при греках), Себастополис (Севастополис) (при римлянах). Коротко сказано о периоде царей Абхазской династии Леонидов. По версии Тези, в «средние века Сухум потерял всякое значение и опустел совершенно». Он утверждает: «Под городом или развалинами его образовался тот слой земли, под которым теперь находят остатки древностей»[3]. Далее автор приводит версии о местонахождении города: по одной из них он был расположен на мысе «Искурия» (Скурча), по другой — в том месте, где он располагается и сейчас. Причем, во второй версии, не исключается вероятность того, что город (по крайней мере, его часть) оказался под наступившим морем. Следует отметить, что, несмотря на полемику о месторасположении Сухума, продолжающуюся и в наши дни, большинство исследователей, и

[1] Там же. С. 13.
[2] Там же. С. 13.
[3] Там же. С. 15.

тогда и сейчас склонялись к версии, что Сухум во все периоды своего исторического существования располагался на том же месте, где он находится ныне[1].

Исторический период, охватывающий XV–XIX вв., Тези излагает подробней. Воспроизводя время, когда Абхазия оказалась под властью Турецкой империи, автор упоминает о двух восстаниях, в результате которых турецкие гарнизоны временно изгонялись из страны. Однако один из братьев, изгнавших их, — Леван, поссорившись со своим братом Зурабом, опять передал Сухум туркам. Принявший наследство, после очередного раздела Абхазии между членами владетельской фамилии, владетель центральной ее части Келеш-бей до поры до времени признавал власть турецкого султана. Однако после того как он предоставил убежище опальному Трапезундскому паше (Таяр-паша), его отношения с Турцией приняли враждебный характер. Это обстоятельство стало причиной поиска путей сближения с Россией и его просьб о покровительстве Российской империи. За эти действия, по версии Тези, «турки подкупили его старшего сына Аслан-бея убить отца»[2]. Убийство Келеш-бея произошло 2 мая 1908 г. Следует заметить, что в историографии существует и иная версия устранения Келеш-бея[3].

В разделе «Сухум в настоящее время» автор дает информацию: о географических координатах города, названия протекающих в черте города горных речках, количественном и национальном составе населения,

---

[1] См.: *Трапш М. М.* Труды: в 4 т. // М. М. Трапш. Древний Сухуми / сост. тома и отв. ред. А. Х. Халиков. Сухуми: Алашара, 1969. Т. II. С. 212; *Воронов Ю. Н.* Диоскурия – Себастополис – Цхум. / Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2014. С. 188; *Шамба Г. К.* Древний Сухум. (Поиски, находки, размышления). Сухум: Алашара, 2005. 208 с.

[2] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 16.

[3] См.: *Лакоба С. З.* Александр I: Асланбей или Сефербей? (Историко-психологический очерк). Сухум: 2022. С. 20.

особенностях бухты, функционировавших пристанях, клубах, городском бульваре и саде, базаре, кофейнях, харчевнях и проч. В соответствии с предназначением своей книги — оказание практической помощи путешественникам и гостям Сухума, — Тези сообщает о достопримечательностях города и местах их расположения. При этом изложение материала не ограничивается констатацией положительных сторон того или иного объекта. Автор путеводителя пишет и об имевшихся недостатках, изъянах и недоработках; в связи с чем предлагает свои советы по их исправлению. Такие рекомендации, на его взгляд, послужат развитию города, оптимизируют условия жизни, как для самих горожан, так и для его гостей. Например, он находит длину пристаней недостаточной для того, чтобы к ним приставали суда; находит персидские, турецкие и греческие кофейни неопрятными; каналы для стока вод засоренными и проч. Описывая городской бульвар, автор пишет, что он «весьма миниатюрный, мог бы, при уходе за ним, быть украшением города. В нем, на местах, где предполагались клумбы, растут и пальмы, и акации, и драцены, и агавы, но, неумело посаженные, они заглушают друг друга, и едва ли достигнут большого роста. Бульвар должен быть продолженным до конца улицы, и таким образом несколько удовлетворилась бы настоятельная для Сухума нужда в месте для гуляний. Тяжелое, неизящное сооружение для музыкантов, что занимает много места посреди бульвара, могло быть заменено более дешевой, но более благородной для акустики, деревянной эстрадой, устроенной у одного конца бульвара»[1].

Следующая часть книги — «Справочный отдел» – является наиболее информативно насыщенной. Здесь перечислены существовавшие на рубеже XIX–XX вв. в Сухуме многие государственные и значимые частные учреждения и организации. Тези называет следующие

[1] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 25.

структуры: Городская управа, Городская больница, Отделение Воинского Присутствия, Податная инспекция, Акцизное управление, Казначейство, Таможенная контора, Женская прогимназия, Горская школа, Городская мужская школа, Почтовая и телеграфные конторы, Временная сессия Кутаисского Окружного Суда, Окружное управление, Благотворительное Общество, Общество Взаимного Кредита, Библиотека, Дом Епископа Сухумского, Церковно-приходская школа, Контора нотариуса, Табачные склады, Гостиницы, Справочно-Комиссионная контора, Пансионат г. Циммермана, Купальни, Контора О-ва Надежда, Подворье Ново-Афонского монастыря, Подворье Драндского монастыря, Подворье женского Василиско-Златоустовского монастыря, Контора Русского Общества Пароходства и Торговли, Контора Российского общества морского, речного и сухопутного транспортирования и страхования кладей и список практикующих врачей. Весьма ценной информацией является сведения автора о месте расположения каждого учреждения и названы руководители или владельцы перечисленных организаций. Кроме того, имеются данные о структуре и количестве обучающихся в учебных заведениях; количестве больничных койко-мест; функционировавших транспортных средствах (дроги, фаэтоны, дилижансы). Указаны также стоимость той или иной услуги: проживание, проезд, обслуживание и т. д. В конце данного раздела книги помещены расписания рейсов пароходов Русского Общества Пароходства и Торговли и Российского Общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования (почтовых, пассажирских, срочно-грузовых и т. д.), курсировавших между Одессой и Батумом, с указанием тарифов за услуги.

Стоит отметить, что в книге Тези отмечены не все, а только главные, на его взгляд, учреждения и организации. Как видно из книги о Сухуме А. С. Агумаа их было значительно больше, чем перечисленные в путеводителе. К примеру, среди функционировавших в черте города

Сухума объектов того времени у Агумаа еще значатся: Сухумское общество сельского хозяйства, Сухумское отделение Индоевропейского Телеграфа, Сухумское городское училище, Пожарное депо, Пекарни и целый ряд других[1]. Кроме того, в работе Тези встречаются неточности и противоречия. Так, например, вступление Абхазии под покровительство России, автор обозначает 1808 годом (вместо 1810 г.); в разделе, посвященном настоящему времени Сухума, он пишет об имеющихся в нем «всех трех гостиницах»[2], тогда как следующем разделе у него перечислено 8 гостиниц: «Россия», «Биржа», «Метрополь», «Франция», «Центральная», «Одесса», «Кавказ», «Париж»[3].

Одним из важных разделов книги является небольшая глава «Сухум — климатическая станция». В ней речь идет о лечении морем — талассотеропии. Приведя названия болезней, их виды и требования к лечению, автор заключает: «Если приложить все вышесказанные требования талассотерапии к Сухуму, то видно, что он, расположенный на берегу широкого залива <…>, обладает всеми данными для лечения морем, как непосредственным соседством его, так и купаньем»[4].

В следующем разделе И. Тези дает краткие описания других достопримечательностей, расположенных в окрестностях Сухума. При этом отмечено, что некоторые из них «в настоящее время относятся к центральной части Сухума, а какие-то и вовсе находятся в других районах Абхазии»[5]. Несмотря на расплывчатость данной фразы, она все же указывает на то, что в тот период шел процесс расширение города за счет близлежащих территорий. Ботанический сад был тем объектом, который непосредственно относился к городской черте.

---

[1] См.: *Агумаа А. С.* Сухумъ…. С. 101, 157, 225, 305, 318 и др.

[2] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 24.

[3] Там же. С. 30.

[4] Там же. С. 53.

[5] Там же. С. 54.

Автор указывает место его расположения, сообщает о занимаемой площади, о том, что сад в то время находился в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. Однако утверждение Тези, что сад был заложен наместником Кавказа М. С. Воронцовым, не соответствует действительности. Инициатива создания ботанического сада принадлежала другому известному военному деятелю, генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому. Будучи начальником Черноморской береговой линии, он планировал создать сады в Сухуме и Бамборе. Одна из его задумок была реализована — был заложен ботанический сад в Сухуме. Официальной датой его создания считается 1840 г. Сама идея была претворена в жизнь благодаря усилиям, сосланного на Кавказ студента-медика В. Багриновского[1], который несколько позже, уже в чине унтер-офицера, был назначен заведующим этого сада. Первоначально сад непосредственно входил в структуру военного ведомства и носил название Военно-ботанического сада. По прошествии некоторого времени, многие авторы, писавшие о нем, начали именовать его Воронцовским садом, в честь наместника Кавказа графа М. С. Воронцова. Но, как известно, он исполнял эту свою должность в 1844–1853 гг. Стало быть, он не может считаться основателем Сухумского бота-

[1] Багриновский Владислав И. (ок. 1804–1854.) — по происхождению поляк; будучи студентом медицинского факультета Виленского университета (1833–1838), был замешан в антиправительственной агитационной деятельности, за что, в числе других участников, в 1838 г. был сослан на Кавказ. В 1839 г. проходил службу в качестве солдата в 5-м Черноморском батальоне; в1839 г. был переведен в Сухум, где работал лекарем воинских частей. Первоначально он выращивал лекарственные растения для лечения больных, но со временем он стал разрастаться и стал Ботаническим садом, заведовать которым с 1843 г. стал В. Багриновский. (См.: *Дзидзария Г. А.* Участники польского движения 20–40-х гг. XIX в Абхазии // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Кн. 2-я. С. 242.; *Агумаа А. С.* Сухумъ… С. 327–329).

нического сада. Весьма вероятно, что он, будучи в этой должности принимал определенное участие в дальнейшем благоустройстве сада, за что и начали называть сад его именем. Тези говорит о высаженном им чайном кусте, достигшем огромных размеров[1].

Также Тези сообщает имена персон, заведовавших садом в те годы. «После турецкого погрома, садом стал заведовать г. Татаринов[2], местный домовладелец, и его знанию, опытности, вкусу и любви в деле весьма многим обязан Сухумский ботанический сад. Г-н Татаринова, в деле заведывания садом, заменил, назначенный Министерством Земледелия г. Чуйков, но этот очень дельный администратор применял свои способности всего около двух лет; его деятельность прекратила преждевременная смерть. В настоящее время (сентябрь 1902 г.) новый заведующий садом еще не назначен, а временно исполняет его обязанности заведующий Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станцией агроном г. Ляховецкий. Садовником состоит весьма предупредительный и любезный г. Воробьев»[3], — пишет автор. Затем перечислены виды, произрастающих в саду растений. Некоторые из них удостоены авторского описания, с указанием возраста, роста, вида и проч. В качестве недостатка сада указывается на отсутствие надписей названий растений.

---

[1] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 55.

[2] Татаринов Павел Егорович (1833–1905) — ботаник-растениевод, специалист по садоводству и интродукций растений; поселился в Сухуме в 1885 г., где на его восточной окраине построил дачу и заложил великолепный сад, которыми восхищались как путешественники, так и специалисты. Он стал заведовать Сухумским ботаническим садом с 1891 г. (См.: *Альбов Н. М.* Состояние садоводства в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. Сухум: Благотворительный Фонд Первого Президента Республики Абхазии, 2016. С. 84–91; *Агумаа А. С.* Сухумъ… С. 329).

[3] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 54–55.

Следующий раздел посвящен описанию дачи «Синоп», принадлежавший тогда великому князю Александру Михайловичу Романову[1]. И. Тези не пишет об истории этого садового заведения, ограничившись указанием имени нового хозяина. Между тем, это важно, поскольку далее автор делает такое пояснение: «Здесь, между прочим, много старых деревьев, пощаженных турками во время уничтожения Сухума в 1877 г., благодаря той случайности, что в этом месте жил тогда какой-то турецкий начальник»[2]. Дело в том, что и сад, который по свидетельству многих авторов[3] тех лет, и дача принадлежали А. Н. Введенскому. Последний многие годы жил в Абхазии, состоял членом Сухумской сословно-поземельной комиссии, был начальником Сухумского округа в звании полковника (1883–1888); был уволен в отставку с мундиром и пенсией с производством в генерал-майоры[4]. Именно А. Н. Введенский заложил, описываемый автором роскошный сад и построил дачу, которые в 1891 г. были приобретены великим князем Александром Михайловичем.

Относительной случайной сохранности старых деревьев этого сада, в существующей литературе имеются разночтения. Схожую с изложенной версией Тези мы встречаем и в статье Н. Альбова, который пишет, что сад «не был разорен <…> благодаря тому обстоятельству, что

---

[1] Романов Александр Михайлович (1866–1933) — Великий князь, российский государственный и военный деятель, внук Николая I.

[2] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 57.

[3] См.: *Уварова П. С.* Абхазия. Аджария. Шевшетия. Посховский участок. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. С. 86.; *Прогульбицкий В. К.* Поездка в Цебельду. Путевые заметки и впечатления // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. Нальчик, Изд. М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. I. С. 505–536.

[4] Введенский Аполлон Никитич // Генералитет Российской Императорской армии и форта // http://www.rusgeneral.ru/gen/v/gen_v173b.html (дата обращения: 05.01.2024).

турецкий паша, высадившийся в Сухуме, избрал дачу Введенского своей главной квартирой»[1]. Сам же основатель сада по этому поводу подробно свидетельствовал: «Оставляя свою дачу и не имея возможности спасти растения, я рассчитывал на верную гибель построек, и потому распорядился все оранжерейные и тепличные растения посадить в грунте в саду, надеясь, таким путем мне удастся спасти хоть что-нибудь. Возвратясь в марте 1878 года на свое прежнее пепелище, я убедился, что расчет мой был неверен, потому что все более редкие растения были выкопаны и увезены в Турцию, а остальные все насаждения были вырублены. Хозяйничанье турок в моем саду имело, однако, и свою положительную сторону. Оно мне указало, что хвойные растения, срубленные у корня, в первый же год дают правильное растение, в чем я убедился в двух Cedrus Deodara и одной Picea rubra и, что сухумские зимы, при известных условиях, могут переносить и растения, относимые обыкновенно к тепличным. До войны, в теплице, в грунте был посажен Philodendron pertusum достигший к 1877 г. длины 5–6 ар.; не знаю, почему турки его не выкопали, а чтобы очистить занимаемую им стену разрубили на части и разбросали их вблизи теплиц. В марте 1878 г. в несколько частей ствола Philodendron нашел в зарослях, давшими корни и листья. Этот случайный опыт акклиматизации растения дал мне мысль, при последующих посадках растений на открытом воздухе, иметь в виду случай с Philodendronʿом»[2]. Из приведенной цитаты, с большой долей вероятности,

[1] *Альбов Н. М.* Состояние садоводства в Абхазии //Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост. З. И. Адзинба, Л. Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. С. 81.

[2] *Введенский А.Н.* Акклиматизационный сад А.Н. Введенского в Сухуме // Труды отдела батаники Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений / под ред. пред. отдела Н. Ф. Золотницкого. М.: Университетская типография, 1899. Т. I. С. 70–71.

можно сделать вывод о том, что, во время оккупации сад подвергся значительному повреждению. Возможно, случайно сохранившиеся отдельные деревья или заботливо выращенные хозяином растений, создавали иллюзию у некоторых наблюдателей о его не поврежденности во время войны.

Далее в путеводителе Тези следует описание горы Чернявского[1], где говорится о пейзажных видах с ее вершины. Такое же описание автор дает и в отношении следующей горы, которую автор называет горой Юрьевича. Говоря о развалинах крепости, располагавшиеся на ней, указывается, что «остатки этой крепости называются замком Баграта, крепости, принадлежавшей абхазцам и господствовавшей над долиной Беслеты»[2].

В разделе, посвященном женскому Василиско-Златоустовскому монастырю, отмечены маршрут к нему, качество дорог (плохих), «живописных горных видов»; сказано и о том, что эта «местность представляет высокий археологический интерес»[3]. Сам мост Тези называет «венецианским» и описывает его состояние. Автор в утвердительной форме пишет, что в этой местности был замучен епископ Команский Василиск, а в 404 г. здесь же скончался и был погребен Иоанн Златоуст, останки которого в 437 г. были перенесены в Константинополь. И. Тези

---

[1] *Чернявский Владимир Иванович* (1846—1915) – краевед, зоолог; проживал в Сухуме до конца своей жизни. В 1868–1875 гг. работал чиновником по особым поручениям Сухумского отдела. В 1875 г. вышел в отставку в чине коллежского регистратора. В 1868 г. приобрел участок на одной из возвышенностей в окрестности Сухума. Местность по-абхазски называлась Саматхуа, но с течением времени эту гору стали назвать именем его нового хозяина. В настоящее время горе возвращено ее исконное название. В. Чернявский на своем участке построил дачу и развел сад. У него имеется целый ряд публикаций, посвященные истории, этнографии, флоре и фауне Абхазии. (См.: Агумаа. Сухумъ…. С. 393–394).

[2] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 59.

[3] Там же. С. 62.

приводит точные даты возобновления церкви (1899), ее освящения (1901), а также количество монахинь (70). Названы имена настоятельницы матери Анны и священника о. Иеренея — иеромонаха Успенско-Драндского монастыря.

Раздел, под заголовком «Келласури», примечателен тем, что в ней главным образом речь идет о «гигантской абхазской стене». Излагаемая И. Тези версия об истории этой стены противоречива. Сначала он пишет, что «возведена она, по преданию, Юстинианом Великим, для защиты Абхазии от набегов соседних горских народов», а ниже: «Птолемей, в 211 г. по Р. Х., первый указывает на эту стену, называя ее «крепкой» и определяет ее по соседству реки Кодора или Коракса»[1]. О самом топонимическом названии автор говорит, что «место названо туземцами, произносившими по-своему греческое слово «клейсура» — ущелье, каковым именем <…> называлась у византийских писателей»[2].

Затем Тези дает географические описания сел Ольгинского и Цебельбы. Указываются расстояние от Сухума, произрастающие деревья, количество населения и этнический состав. Описывая путь к ним, автор путеводителя подчеркивает красоты, с которыми встречается путешественник. «Зелень здесь скрашивает суровые контуры скал и разнообразием оттенков дает великолепный пейзаж. Пейзаж этот еще более интересен осенью, когда листва деревьев перед зимним умиранием принимает всевозможные тона, давая целую гамму их, от бледно-желтого до темно-красного, и купы так окрашенных деревьев резко вырисовываются на общем темно-зеленном фоне, который образует вечнозеленая кавказская пальма (самшит), со своими, как будто лаком покрытыми, мелкими листочками. Эффект поразительный»[3], — восхищенно пишет автор. Стоит отметить, что выде-

[1] Там же. С. 64, 65.
[2] Там же. С. 65.
[3] Там же. С. 66.

ляемое автором отдельно село Ольгинское, ранее было частью самой Цебельды.

Раздел о Драндском храме, называемый автором как Успенско-Драндским монастырь, также начинается с описания дороги ведущей к нему. Говорится об имениях и дачах, мимо которых пролегает путь: великого князя Александра Михайловича, А. П. Петрова, Н. Н. Смецкого[1]. Основание собора автор относит к VI в., и связывает его возведение с именем императора Юстиниана Великого. Здесь тоже заметим, что исследователи не придерживаются единого мнения относительно датировки основания этого памятника[2]. Несколько подробнее говорится о современной деятельности монастыря. Он был возобновлен 10 лет назад (т. е. в 1892 г.); при монастыре имелись различные хозяйственные постройки, в которых проживали до 300 монахов; братии было около 150 человек, послушников — свыше 300; при монастыре имелась школа, которую посещали до 50 детей. Есть информация

[1] *Смецкой Николай Николаевич (*1852–1931) — крупный землевладелец, лесопромышленник, меценат. С 1889 г. поселился в Абхазии, где и прожил до конца жизни. Сыграл выдающуюся роль в развитии здравоохранения и курортного дела в Абхазии; построил три санатория для туберкулезных больных; его имения национализировались дважды: во время оккупации Абхазии грузинскими меньшевиками (1918) и установления советской власти (1921). Примечательно, что власти советской Абхазии не подвергли Н. Н. Смецкого репрессиям. За ним был закреплен нижний этаж дома в парке «Субтропическая флора», а сам он был назначен управляющим его бывшего имения. В 1964 г. у входа в Сухумский дендропарк ему был установлен выполненный в бронзе памятник. (См.: Агумаа А. С. Николай Николаевич Смецкой (1952–1931). (Из цикла «Русская интеллигенция в Абхазии). Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2010. 168 с.).

[2] См.: *Ендольцева Е. Ю.* Драндский собор // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия», Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. I. С. 436.

о том, что монастырь имел два скита, располагавшихся в 2-х и 7-и верстах соответственно. «В церкви находится чтимая и чудотворная икона Божьей Матери из старого письма икона св. Антония Печерского, найденная при постройке скита»[1] — свидетельствует автор.

Следующий населенный пункт, о котором пишет И. Тези, поименован как «Кодор». «В трех верстах от Драндского монастыря, на лесистой равнине, расположено село Кодор», при горной речке того имени»[2]. Нужно отметить, что в данном случае И. Тези следует некоторым авторам, которые вместо села Адзюбжа, правобережную часть этого населенного пункта называли Кодором[3].

Говорится также, что проложена Военно-Сухумская дорога через Клухорский перевал, соединяющая Сухум с Северным Кавказом. Но дорога эта, по словам автора, хотя и является одной из красивейших, не обустроена должным образом, вследствие чего редко посещается туристами. Имеется информация о функционировании в прибрежной части р. Кодора лесопильного завода лесозаводчика Максимова, на котором работали свыше 2000 человек.

В приложении даны сведения об одной из красивейших пещер Абхазии, расположенной в селе Члоу. Описав место, где расположена это пещера, изложив некоторые особенности пещеры, Тези приводит и один из вариантов предания, согласно которому в этой пещере был заточен эпический герой абхазского фольклора Абрскил[4]. Изложенный здесь вариант предания интересен тем, что герой эпоса увязывается с абхазским княжеским родом Ачба (Анчабадзе). Он представлен братом по воспита-

---

[1] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 68.

[2] Там же. С. 68.

[3] См.: *Маан О. В.* Междуречье — низовья реки Кодор. Ростов-н/Д.: ПРОФПРЕСС, 2013. С. 12.

[4] Автор использует другой вариант имени этого героя — Абласкир, но в тексте оно напечатано в искаженном виде, как Аблаксир.

нию, одного из предков этой фамилии, Беслана. Абрскил типологически близок к древнегреческому мифологическому герою Прометею, который, как известно, за свое богоборчество был прикован к скале на Кавказе. Абхазский Абрскил «был настолько горд, что, когда ездил верхом, и ему на пути попадалась виноградная лоза, то перерубал ее, не желая нагибаться, чтобы не подать повода думать, что поклоняется Богу; Аблаксир постоянно истреблял папоротник, который мешал людям заниматься земледелием и почему-то не любил рыжих людей с серыми глазами, которых при встрече убивал»[1]. За такое поведение он был наказан Богом и заточен в пещеру. В приводимом варианте И. Тези, отсутствуют подробности поимки Абрскила, которые встречаются в наиболее распространенных сюжетных версиях. Здесь же рассказано о поиске Беслана своего «брата» и предпринятых им мерах по его спасению. Ему удалось дойти до места, где в глубине пещеры находился Абрскил, и даже переговорить с ним. Но вызволить его из пещеры не удалось. На вопрос Беслана, чей стон раздается в пещере, Абрскил ответил: «Я твой брат по воспитанию, <…> за мою гордость я и мой конь прикованы к верху скалы так, что не можем сойти вниз. Скажи мне, растут ли у вас по-прежнему виноград и папоротник и живут ли еще рыжие люди? До тех пор я буду мучиться на скале, пока не исчезнут виноград с папоротником и рыжие люди. Ты же, брат Беслан, помочь мне не сможешь; возвращайся скорее назад и расскажи про мое наказание людям. Если же у тебя кончаются свечи, то предоставь идти впереди себя ослам, которые по чутью выведут тебя из пещеры»[2].

При описании самой пещеры И. Тези делает предположение, что она может быть связана с другой пещерой, расположенной на Северном Кавказе. И в этой связи передает смысл другой весьма любопытной ле-

[1] *Тези И. М.* Указ. соч. С. 73.
[2] Там же. С. 73.

генды — «будто Александр Македонский прошел некогда этим путем из южного Кавказа в Северный»[1]. Сам автор оценивает это предание, как совершенно неправдоподобное.

Рассмотренный путеводитель И. М. Тези ценен тем, что он, несмотря на некоторые недостатки, содержит важные сведения об истории и состоянии Сухума в кон. XIX — нач. XX в.

***

В 1906 г. вышла книжка «Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего)». Ее автор — Николай Васильевич Фон-Дервиз родился в 1859 г. в городе Рыльске Курской губернии. В 1881 г. окончил лесное училище под Санкт-Петербургом. После его окончания служил помощником лесничего в 3-м Космедемьянском лесничестве в Казанской губернии. В 1886 г. окончил Петровскую Земледельческую и Лесную Академию в Москве. С осени 1886 г. отбывал воинскую повинность в Вязьме. Затем, в течение года, работал помощником лесничего в Смоленско-Витебско-Могилевском управлении Государственных имуществ. В 1889 г. переехал в Сухум. С 1890 по 1898 гг. в чине коллежского секретаря работал в качестве исполняющего дела Очамчирского лесничего. В 1899—1903 гг. работал Очамчирским лесничим и был членом Сухумского Епархиального Александра-Невского церковного братства и Сухумского Епархиального Училищного Совета. Н. В. Фон-Дервиз с 1904 по 1906 г. — надворный советник, старший производитель работ по земельному устройству государственных крестьян. С 1907 по 1913 г. был командирован в Тифлис в распоряжение Уполномоченного для работ по земельному устройству государственных крестьян. Участвовал в создании четырех русских поселков и занимался акклиматизацией пород деревьев. Из-за слабого здоровья его и жены был пере-

[1] Там же. С. 72.

веден в Черкасское лесничество лесничим 1-го разряда. Здесь он открыл школу Черкасского лесничества, которой сам заведовал (1913). Ему был присвоен чин Статского советника, был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени (1912). Имеются сведения о том, что помимо книжки, которую мы рассмотрим ниже, он был автором и других изданий: «Пособие по определению древесного прироста и запаса в лесах» (1906), «Сухумский округ в сельскохозяйственном отношении» («Кавказское сельское хозяйство». 1894, № 48–51). Н. В. Фон-Дервиз был женат на Анне Мечиславовне Михаловской. У них был сын Евгений, который родился в Сухуме в 1891 г.[1].

Книга Н. В. Фон-Дервиза была выпущена отдельным изданием «Записок Кавказского отдела Императорского Русского географического общества» (книжка XXV, выпуск 8-й)[2]. Структурно она состоит из следующих разделов: «Географическое положение, Пространство. Топография местности. Почва», «Климат. Климатические станции», «Гидрография», «Пути сообщения», «Население», «Культурная полоса», «Пастбища. Свободные казенные земли», «Сельское хозяйство», «Скотоводство», «Коневодство», «Свиноводство», «Птицеводство», «Садоводство», «Виноградарство и виноделие», «Табаководство», «Пчеловодство», «Рыболовство», «Кустарная промышленность», «Лесное хозяйство», «Лесная промышленность», «Охота», «Горная промышленность», «Колонизация округа».

Объем перечисленных разделов различен, от нескольких предложений в одних случаях, до разверну-

---

[1] Биографические сведения Н. В. Фон-Дервиза получены из сайта: Иван Григорьевич фон Дервиз (1839–1887) — Genealogy (geni.com) (дата обращения: 05.01.2024). Его единственный сын — Евгений Николаевич Фон-Дервиз был юристом, в 1934–1944 гг. работал в Сухуме, а с 1944 г. проживал и работал в с. Тарумовка, Дагестанской АССР; ушел из жизни в 1956 г.

[2] *Фон-Дервиз Н. В.* Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). Тифлис: Типография К. Н. Козловского, 1906.

тых описаний — в других. Во избежание повторов, при рассмотрении материала, изложенного в книге, мы, прежде всего, обращаем свой взор к новым сведениям об Абхазии данного автора. Поэтому из географических описаний выделим лишь те моменты, которые не встречаются в работах других авторов. Из текста следует, что Н. В. Фон-Дервиз поселился в Сухуме в 1889 г. и безвыездно проживал в нем в течение четырнадцати лет[1]. Он опровергает широко распространенное в литературе мнение о том, что Сухум не пригоден для здоровья и проживания. «Что бы ни говорили о Сухуме, — пишет автор, — в смысле непригодности его для климатической стоянки, все будет или неверно, или пристрастно»[2]. Для убедительности сказанного он обращается к примерам выздоровления больных и приводит факт из собственной жизни. «Мягкость климата округа, в особенности же города Сухума, давно обратила внимание врачей, и они уже с 80-х годов прошлого столетия стали присылать туда для климатического лечения слабогрудых, особенно предрасположенных к туберкулезу легких. Не только пишущему эти строки, но многим, особенно врачам, известны просто чудесные случаи как полного излечения от туберкулеза и горловой чахотки, так и настолько сравнительно большого облегчения, полученного приезжавшими лицами, приговоренными врачами к смерти, что они жили после этого еще 3–4 лет. Пишущий эти строки приехал в Сухум в 1889 году с поражением левого легкого в значительной степени. Через два года, не прибегая ни к каким медицинским средствам, а благодаря исключительно климату, процесс остановился, и произошло полное зарубцевание. Болезнь более не повторялась»[3].

Автор говорит, что такие случаи являются не исключением, а характерными, примеров которых достаточно много. Он сетует на не благоустроенность города, из-за

[1] Там же. С. 9.
[2] Там же. С. 9.
[3] Там же. С. 2–3.

чего больные испытывают затруднения. По его мнению, если бы благоустройством города занялись предприимчивые и богатые обитатели, то в «нем давным-давно был бы устроен курорт, и тысячи молодых людей имели бы возможность получить полное излечение и сохранить свою жизнь»[1]. Впрочем, автор упоминает и о начавшихся позитивных изменениях в этой области. Приводится пример костромского помещика Н. Н. Смецкого, построившего в своем имении санаторий для «помощи неимущих больных». Фон-Дервиз подробно описывает местоположение и условия введенного в строй в 1902 г. этого санатория. Он выражает свое удовлетворение тем, что курортное строительство и объектов здравоохранения имеют тенденцию развития. В качестве наглядного примера приводится устройство принцем А. Н. Ольденбургским климатической станции в Гагре. О ее значимости, произведенных в ней работах, и созданных там условиях автор пишет в восторженных тонах. Высказывает мнение о перспективах подобных изменений в Пицунде. Свои пожелания он завершает словами: «Если бы затратить на приведение в надлежащий вид Пицунды столько, сколько затрачено на Гагры, то получился бы такой уголок, подобный которому трудно было бы найти»[2]. Путешественникам советует непременно посмотреть и послушать пение в Пицундском монастыре. Автор тонко уловил акустические возможности зала, где происходило пение. «В акустическом отношении храм представляет нечто бесподобное: поют всего 2–3 монаха с довольно обыкновенными голосами, а слушателю кажется, что поет громадный и прекрасный хор»[3] — говорит он.

Таким образом, характеризуя современное состояние трех населенных пунктов, автор вновь возвращается

---

[1] Там же. С. 3.

[2] Там же. С. 8.

[3] Неслучайно, что в 1975 г. здесь был установлен орган; с тех пор в этом зале звучит органная музыка, выступают известные исполнители.

к вопросу о создании зимней климатической станции. И в этом вопросе он отдает предпочтение все-таки Сухуму. Фон-Дервиз останавливается на недавней истории города: о постигших разрушениях во время войны 1877–1878 гг. и процессе его восстановления. По его мнению, ускорению оздоровления города способствовало введение в 1892 г. городского самоуправления, а также «увеличение населения и приезд в Сухум новых домовладельцев, не привыкших к такой грязи»[1]. При этом отмечена значимость работы медицинских работников. Названы имена врачей, сыгравших важную роль по улучшению санитарного состояния города — П. Н. Б-ого[2] и профессора Остроумова[3]. В этой части текста, как в и нескольких местах ниже, автор приводит некоторые свои, воспоминая, препровождая их выражениями: «в бытность мою», «за долгое мое пребывание» и проч.

В разделе о гидрографии, Н. Фон-Дервиз перечисляет наиболее значительные реки Абхазии, подразделяя их на крупные и второразрядные, в зависимости от площади бассейна и их протяженности. Кроме того, обозначает ряд родников и серных источников, которые обладают лечебными средствами от ревматизма и других болезней. Среди серных источников выделяется Ткварчельский, где была устроена ванна, и куда ежегодно приезжают лечиться до 500 человек. Пишет автор и о том, что он сам неоднократно «возбуждал ходатайство об отпуске средств на проведение ванн в лучший вид», по его словам, этого «абхазского курорта». Однако, опускавшиеся средства, были столь незначительны (200 р.), что их не хватало на какое-либо значительное улучшение обустройства этого объекта. Вторым оздоровительным

[1] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 10.

[2] Совпадения инициалов и начальной буквы фамилии позволяет предположить, что имелся в виду городской врач Барский Павел Николаевич, который долгие годы жил и работал в Сухуме. (См.: *Агумаа А. С.* Сухумъ.... С. 244).

[3] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 12.

источником автор называет пастбищное место Аданге, «куда летом приезжают лечиться туземцы».

Н. Фон-Дервиз называет и характеризует имеющиеся пути сообщения. В целом он их находит в запущенном состоянии. Исключение составляют две дороги: шоссированная, проведенная по берегу моря от Сухума на Новый Афон, Гудауту, Гагру и далее в сторону Новороссийска, и дорога, ведущая на Северный Кавказ в сторону станицы Баталпашинск[1]. Все остальные пути сообщения — и прибрежные и горные, автор находит в непригодном состоянии, из-за чего тормозится экономическое развитие края. Весьма интересно его замечание о предпочтительности построения дорог в возвышенной части, нежели по морскому побережью. По его мнению, в этом случае дорога проходила бы по многим населенным пунктам, что позволило бы соединить ее подъездными путями с другими селами. Здесь приведен пример неудачного опыта строительства дороги от Дранды до Ингура. Было это в 1892 г., когда начальником округа был полковник Браккер. Неудача была вызвана тем, что: во-первых, дорога строилась «без участия инженеров», а во-вторых, она была проложена по побережью. «Когда собирались деньги на устройство дорог, — свидетельствует автор, — было обещано, что она пройдет через селения Атары, Квитаули[2], Кыног[3], Тумуш[4], Моквы[5] и другие, — словом, по населенным местам. В действительности же ее провели чуть ли не по берегу моря, так что она коснулась лишь границ земельных наделов некоторых селений <...>. И вышло так, что население дало денег на дорогу, пользоваться же ею не может, так как она проходит очень далеко от селений»[6].

---

[1] Современный г. Черкесск.

[2] Правильно – Кутол.

[3] Правильно – Кындыг.

[4] Правильно – Тамщ.

[5] Правильно – Мыку.

[6] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 16–17.

Далее Н. Фон-Дервиз приводит различные коммерческие расчеты: стоимость доставки товара в Сухум, его цена, возможные прибыль или убытки. Таким образом, он подводит к мысли об убыточности занятия торговлей, что напрямую связывает с отсутствием или несовершенством дорог.

В главе о населении автор перечисляет представителей этносов, проживающих на территории Абхазии с указанием их количества. «Коренным населением, — пишет он, — нужно считать абхазцев, — до 72 867 душ и самурзаканцев — 31 486 душ, остальная же часть относится к разряду пришлого, из которого русских — 1 150, греков — 2 418, армян — 849, эстонцев — 576, немцев — 300, мингрельцев — 7 464, молдаван — 169, болгар — 100, и галичан — около 75. Кроме того, на арендном праве проживают, на частных землях около 16 тысяч армян и до 2–3 тысяч турок»[1].

При сопоставлении этих данных с цифрами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. обнаруживаются различия. Тогда, как количество абхазов увеличивается, остальные — уменьшаются. Согласно переписи, количество абхазов тогда достигало 58,697 человек[2]. То есть в течение 9 лет прирост составил более 14 тысяч. Мы не располагаем сведениями, на какие данные опирался Н. Фон-Дервиз. Указанная им тенденция роста численности абхазов имело место за счет возвращения из Турции. Известны публикации, свидетельствующие о том, как протекал процесс репатриации. Краевед и публицист К. Д. Мачавариани в одном из своих очерков писал: «Абхазцы стали пребывать из Турции целыми партиями по 200 и 300 душ, умоляя русское правительство водворить их на прежней

[1] Там же. С. 19.

[2] *Багапш Н. В.* Этническая идентичность в Абхазии и парадигмы ее институционализации: от советского прошлого к настоящему // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. С. 118.

родине[1]. Говоря о том, с какими трудностями и лишениями сталкивались эти возвращенцы, он продолжает: «Но тут спасителем их (абхазов. — *В. А.*) явился опять Августейший покровитель всего Кавказа великий князь Михаил Николаевич. Его Императорское Высочество соизволило разрешить не только принять возвращавшихся из Турции абхазцев, но даже наделить их достаточным количеством земли»[2]. Конечно, в данном случае, Михаил Николаевич представлен излишне гуманным, но верно то, что именно при нем в основном происходило обратное возвращение абхазов на родину. Исследователи этого вопроса придерживаются мнения о том, что затем этот процесс значительно замедлился[3]. Стало быть, количественные данные об абхазах, приводимые Н. Фон-Дервизом несколько завышены.

В этой же главе Н. Фон-Дервиз останавливается на вопросах религии, гостеприимства, жилища, преступности. Обобщающий его тезис таков: «Общей характеристикой абхазцев может служить выражение “милые бездельники”. Абхазец готов с утра до вечера говорить с вами или слушать вас или своего соседа, готов ради компании проехать с вами хоть сто верст, но приложить все усилия, чтобы избавиться от всякой домашней работы»[4]. Имущественное состояние коренного населения,

---

[1] *Мачавариани К. Д.* Очерки Абхазии // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., авторы проекта, пред, коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. II. С. 83.

[2] Там же. С. 83.

[3] См.: *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Изд. 2-е, дополненное // Г. А. Дзидзария. Труды / науч. ред. С. Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV. С. 470–501; *Багапш Н. В.* Этническая идентичность в Абхазии и парадигмы ее институционализации: от советского прошлого к настоящему // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. С. 113–129.

[4] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 20.

в целом, находя бедным, он, тем не менее, заявляет: «Богатые люди нередко имеют по 2–3 дома, из которых лучший предназначается для гостей; в таком доме складываются лучшие вещи. Особенно любят похвастаться туземцы количеством подушек и одеял; поэтому они накладывают их целые горы на самом видном месте. Не редкость встретить прекрасные шелковые одеяла.

Вообще абхазцы и самурзаканцы любят похвастаться и одеждой, и вещами, почему показная сторона всего блестит. Абхазцы также очень любят погулять, а при случае стянуть что-либо, особенно же лошадей, к которым они питают особую слабость»[1].

Приведенное здесь пристрастие абхазов к нарядной одежде, противоречит сведениям некоторых других авторов, писавших об этом. Например, А. Н. Введенский писал, что «главный шик мужчин — оборванная донельзя чоха»[2]. Другой исследователь — Н. М. Альбов, с которым Фон-Дервиз даже «совершил несколько экспедиций»[3], говорит: «одеваются как мужчины, так и женщины, вообще очень просто. Здесь нет того стремления к щегольству в одежде, которое заметно у мингрельцев, имеретин и гурийцев»[4]. Как видно, в данном вопросе мы имеем три противоречащих одно другому мнения. Если даже допустить, что со времени, когда об этом писал Введенский, произошли изменения в наряде абхазов, то все равно это не устраняет противоречий в данных Фон-Дервиза и Альбова. При том, что они представляли одно поколение, имели

---

[1] Там же. С. 21.

[2] *Введенский А. Н.* Экономическое положение туземного населения Сухумского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: 1872. Вып. VI. С. 14.

[3] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 27.

[4] *Альбов Н. М.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. Сухум: Благотворительный Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. С. 110.

близкое по профилю профессиональное образование, и, как было сказано, даже совершали совместные экспедиции, это не приводит к единому, совпадающему мнению. Оба дают разные описания одежды абхазов, и, соответственно, дают разную характеристику их носителям. Как известно, подобные случаи весьма часты в литературных источниках. Поэтому, по возможности важно разобраться в целом ряде особенностей личности того или иного автора: мировосприятии, целеполагании, пристрастиях, привычках, способностях, вкусах и т. п. Сопоставление народного бытописания об абхазах в публикациях Альбова и Фон-Дервиза показывает, что они различаются по своему подходу в отношении описываемого объекта. Фон-Дервиза прежде всего интересует экономическая сторона, тогда как Альбов, обладая более тонким этнографическим чутьем, замечает и во многих отношениях верно оценивает и объясняет народные обычаи и нравы. При всем этом, нужно все-таки признать, что в реальной жизни в среде абхазского общества были и бедно одетые, и скромно и просто одетые, и люди, щеголявшие своим модным нарядом. Но в приведенных публикациях о них говорится, как о наиболее характерном и распространенном явлении. Вместе с тем есть вероятность того, что подобные заключения Н. Фон-Дервиз заимствовал у А. Введенского. Но если у Введенского описания даны в развернутом виде, в книге Фон-Дервиза они лаконичны и поданы без дополнительных разъяснений.

В главе «Культурная полоса». Фон-Дервиз намечает пространственные границы, где возможна хозяйственная деятельность: отмечены более плодородные местности; даны топографические характеристики отдельным селам. Пишет он о лихорадке, его последствиях и способах избавления от этой болезни; говорит о произошедших изменениях в той или иной местности за период его пребывания в Абхазии; дает рекомендации по расчистке

от зарослей и т. д. Автор, между прочим, отмечает: «За долгое мое пребывание в округе, где мне по делам службы приходилось бывать чуть ли не во всех уголках его, я заметил, что на расчищенных низменностях по прошествии 2–3 лет заболевание лихорадки значительно уменьшились»[1].

Позитивные изменения автор связывает, прежде всего, с деятельностью новых хозяев. Приводимые им сведения не отличаются точностью и конкретностью. Например, он пишет: «С 1893 года в этой местности (окрестности Сухума. — *В. А.*) стали приобретать земли русские помещики — Петров, затем Смецкой и несколько позже великий князь Александр Михайлович. Через два года по приобретении каждым имений, картина резко изменилась: вместо зарослей и болот появились дивные расчищенные склоны и равнины…»[2]. В историографии Абхазии известно, что дачи Н. Н. Смецкого и великого князя Александра Михайловича были заложены раньше, чем это указано в работе Фон-Дервиза. Имение Смецкого тогда состояло из первоначально приобретенного в 1890 г. у сухумского садовода Л. О. Малания, у которого уже имелся хороший фруктовый сад[3]. Относительно сведений об имении великого князя Александра Михайловича информация вовсе неверна. Как указывалось выше, хозяином этого имения был бывший начальник Сухумского округа А. Н. Введенский. Он был страстным садоводом, результатом которого и было создание еще в 1870-х гг. замечательного сада, которым восхищались многие побывавшие там путешественники, исследователи и публицисты. Приведем свидетельство одного из них. Проживавший в то время в Сухуме, агроном и публицист Г. А. Рыбинский писал: «Многим известно, например, что сад «Синоп» великого князя Александра Михайловича куплен у полковника Введенского (оставившего в этом

[1] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 23.

[2] Там же. С. 23.

[3] *Агумаа А. С.* Сухумъ… С. 402.

по себе добрую память) за 60 тысяч рублей; дача имеет всего 12 десятин»[1].

После описания территорий культурной полосы Фон-Дервиз останавливается на пастбищах, которые расположены выше лесов. Они многочисленны и обширны, «весьма оживленные летом и совершенно безлюдные зимой». Автор показывает, как используются эти пастбища местным населением. В работе перечислено восемь названий наиболее обширных пастбищ. Считает, что жители, угоняющие в летние пастбища свой скот, используют их нерационально и примитивно. Говорится о благоприятном для здоровья климате и наличии большого числа минеральных родников и источников, используемых для лечения различных недугов. Автор убежден в том, что улучшение путей сообщения и постройка «хотя бы простых бараков» позволило бы выгоднее использовать эти места. Он убежденно заявляет, что пастбища «в состоянии прокормить в несколько раз больше имеющегося в настоящее время в округе скота»[2]. Здесь же приведены сведения об ученых, проводивших геологические и ботанические исследования.

В разделе о сельском хозяйстве сочинения Фон-Дервиза утверждает, что из всей площади хозяйственной полосы обрабатывается чуть более трети ее части, «остальная площадь находится в крайне запущенном виде». Причинами такого состояния он считает: «сравнительно невысокое требование на единственный продукт сельского хозяйства — кукурузу, второй — отсутствие путей сообщения и третий — отсутствие орудий, пригодных для корчевки боярышника и других кустарных пород <…> К четвертой причине можно отнести чисто националь-

[1] *Рыбинский Г. А.* Абхазские письма. (Извлечения) // Абхазия – страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., авторы проекта, пред., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. II. С. 6.

[2] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 26.

ные свойства коренного населения — абхазцев и самурзаканцев. Как первые, так и вторые не любят тяжелой работы, почему и работают мало…»[1].

К подобным выводам автора нужно относиться осторожно, и не принимать на веру все сказанное им. Многие жизненные явления или непонятые автором должным образом, или же преднамеренно искажаются. Встречаются случаи подачи материала в утрированном виде. К таковым относятся, например, сведения о гостеприимстве. При характеристике части мелкопоместных хозяев-землевладельцев автором используются такие выражения: «вовсе не обрабатывают землю», «гуляет понапрасну». «Живут эти лица, — пишет он, — только исключительно пользуясь обычаем гостеприимства, в силу которого переезжает от одного родственника к другому. А так как среди туземного населения почитается родство самое отдаленное, в других странах не признаваемое, то такое лицо свободно может существовать, яко птица небесная, переезжая от одного родственника к другому, не обременяя их. Нередко эти лица даже имеют семьи, причем случается часто, что жена живет у своих родных, а дети розданы на воспитание, как принято обычаем края, у крестьян до известного возраста, а затем начинают путешествовать по родственникам»[2].

Отрицать, что подобные примеры могли иметь место в реальности, мы не будем, но при этом отметим, что изображенный Фон-Дервизом, образ жизни, не одобрялся, осуждался обществом. Наглядное тому доказательство, стихотворения Д. И. Гулиа «”Милое” создание», «Гуляка»[3], написанные в ту пору. Иными словами, Фон-Дервиз преднамеренно выстраивает ряд исключительно негативных явлений при характеристике всего народа. Поэтому в повествовании автора, ощутимо пре-

---

[1] Там же. С. 29.

[2] Там же. С. 30.

[3] См.: *Гулиа Д. И.* Избранное. Пер. с абх. / вст. слово К. М. Симонова. М.: Художественная литература, 1974. С. 9–10, 12.

небрежительное отношение к коренному населению. В отдельных случаях оно переходит в ироническую плоскость, что вряд ли согласуется со стоявшей перед автором познавательно-исследовательской задачей. В качестве примера можно привести места, где говорится о не имеющих себе равных абхазских бойцовских петухах, о злых и свирепых абхазских собаках. Несмотря на то, что автор приводит эти примеры с целью осведомления путешественников и их предупреждения о необходимости проявления осторожности, сам стиль изложения выглядит как насмешка над объектом с нарочито подобранными фактами. Даже приведенные смешные примеры: случаи о петухах, и совсем не смешные о собаках, вкупе с оговоркой автора, что «вполне можно рассчитывать на полное радушие со стороны пастухов, но совершенно обратный прием будет со стороны собак»[1] выглядит не иначе, как «похвала посредством порицания»[2].

В основном подобная предвзятость содержится и в характеристиках Н. Фон-Дервиза, при описании сельскохозяйственной отрасли. Согласно им у абхазов скотоводство находится «в крайне плачевном состоянии»; коневодство «слабо и плохо поставлено»; говоря о птицеводстве, он пишет, что куры пришли «в дикое состояние»; занимаясь пчеловодством, изымают плохой мед, «вызывающий сильное головокружение». Об охоте сказано: «абхазцы же бьют их только при встрече, причем сами их не берут, но при случае продают с условием, чтобы покупатель сам взял дичь»[3]. Такие неправдивые примеры опровергаются материалами, приводимыми другими исследователями. Например, немецкий кавказовед — лингвист и этнограф А. Дирр, совершавший, в начале XX столетия, экспедиционные путешествия по регионам Кавказа, в своей статье, касающейся божеству охоты —

---

[1] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 44.

[2] *Болдина Л.* Ирония // Литературный словарь. М.: «Луч», 2007. С. 84.

[3] *Фон-Дервиз Н. В.* Указ. соч. С. 37, 41, 43, 51.

Ажвейпшаа, говорит, что им зафиксированы особые слова из охотничьего языка абхазов[1]. На эту тему имеется специальная книга Д.И. Гулиа, в которой приведены более 50 слов охотничьего языка[2].

Более или менее позитивно высказывается о садоводстве и виноградарстве абхазов. По его данным они вовсе не занимались рыболовством, табаководством и свиноводством, что тоже является не совсем верным. В определенной степени позитивно высказывается об абхазах в разделе, посвященном кустарной промышленности. Здесь он говорит о распространенности этого ремесла, возделываемых предметах, предназначенных для внутреннего потребления. Автор, в частности, пишет: «Менее богатыми туземцами железные сбруйные украшения отдаются уже серебрякам для серебрения, богатые же крестьяне покупают серебряные наборы, иногда даже золоченые»[3]. Но, опять же добавляет: «золотых и серебряных мастеров мало», «резьба абхазских мастеров неизящна и очень однообразна»[4].

В данной части определенный интерес представляют сведения автора о видах ремесленничества, наиболее распространенных изготовляемых предметах и способах их производства.

Главы сочинения о лесном хозяйстве и лесной промышленности являются самыми объемными и более до-

---

[1] *Дирр А.* Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. Управл. Кавказского учебного округа; Тип. Канцелярии начальника Е. И. В. на Кавказе и К. Козловского, 1915. Вып. 44. Отд. IV. С. 9–11.

[2] *Гулиа Д. И.* Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум: Изд. Наркомпроса ССР Абхазии, 1926. 40 с. Необходимо также отметить, что в дальнейшем эта тема получила свое отражение в работах целого ряда исследователей: этнографов Г. Ф. Чурсина, Л. Х. Акаба, краеведа И. Е. Адзинба, лингвистов Х. С. Бгажба, С. А. Амичба, Л. Х. Саманба и др.

[3] Там же. С. 54.

[4] Там же. С. 54.

стоверными. Безусловно, сказались профессиональная подготовленность и познания автора. Из текста читатель узнает, что лесничества в Сухумском округе были созданы в 1889 г. Как видно, это дата совпадает со временем прибытия самого Н. Фон-Дервиза в Абхазию. Относительно ведения лесного хозяйства, он говорит, что оно, на Кавказе вообще, и в Сухумском округе, в частности, не велось, как это имеет место во внутренней России[1]. В числе недостатков называются: отсутствие практики лесовозобновления, преимущественное использование выборочной рубки, бывшее следствием отсутствия лесовозных дорог. Просьбы и обращения в вышестоящие инстанции об ассигновании для обустройства дорог оставались без ответа. Тогда был испробован вариант речного сплава на р. Кодор, в котором участвовал сам автор, и который дал положительный результат. Оказалось, что водный путь для доставки бревен с высокогорных мест на равнину был возможен. Этот способ использовался первыми лесозаготовителями Абхазии (С. Метакса, Г. Спинаки, В. Максимов).

В работе Н. Фон-Дервиза перечисляются свыше 30 пород деревьев, произраставших в Абхазии и имевших хозяйственное значение. Автор дает им качественную характеристику и указывает места преимущественного произрастания большинства из них.

В главе о горной промышленности даны сведения об имевшихся месторождениях железных, медных и серебросвинцовых руд в древние времена. Наличие их подтверждается остатками доменных печей, встречающиеся в разных частях культурной и нагорной полосы Абхазии. Говорится также и о попытках задействовать, вновь открытые залежи каменного угля в районе Ткварчала.

Заключительная часть книги содержит информацию о процессе колонизации. Автор называет вновь образо-

[1] Там же. С. 56.

ванные населенные пункты; указывает этнический состав проживающего в них населения. Показано как протекал процесс адаптации поселенцев на новом месте: указаны как достижения, так имевшиеся недостатки и проблемы.

Проанализированная книга Н. В. Фон-Дервиза оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, она содержит важные сведения об Абхазии географического и хозяйственного характера. С другой же стороны, автор сознательно или бессознательно, допускает весьма грубые ошибки при описании этнографического состояния коренного населения — абхазов. В конце XIX–XX вв. в Абхазии происходили заметные изменения во всех сферах, участником которых была если не вся, то определенная часть абхазского народа. По непонятным причинам это не стало предметом внимания в «Записках лесничего». Этот период хорошо изучен историками. В коллективной монографии «Очерки истории Абхазской АССР» приводится достаточно много примеров того, что абхазы того времени не выглядели такими бездеятельными «милыми бездельниками», какими их представил в свой книге Н. Фон-Дервиз. В «Очерках…» убедительно показана динамика, происходивших изменений в социально-структурном и культурном отношениях. Несмотря на то, что Абхазия, во многом все еще оставалась патриархальной, «промышленный подъем России в конце XIX столетия отчасти повлиял» и на развитие ее народного хозяйства[1]. Авторы этого исследования, подытоживая характер общественных изменений в жизни абхазов заключают: «В абхазском народном быту еще сохранялись феодально-патриархальные пережитки и воззрения <…>. Но старые дедовские условия деревенской жизни меняются под влиянием города. <…> Усиливается дифференциация в семье и в обществе; некоторые крестьяне уходят

[1] *Олонецкий А. А.* Развитие капиталистических отношений в пореформенной Абхазии // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. I. С. 230.

в город, становятся рабочими, служащими, занимаются торговлей, культурным садоводством. <…>. Все глубже проникают в быт прогрессивные воззрения, элементы современной культуры, в том числе и книга. Появляются на селе представители интеллигенции — учителя, врачи и другие»[1]. Но эти процессы, происходившие в тот период, остались незамеченными Н. В. Фон-Дервизом.

***

В завершении отметим, что в настоящее время, научными учреждениями Абхазии и другими организациями продолжается переиздание книг российских авторов об Абхазии. Помимо указанных выше нами работ, нужно назвать два выпуска сборников «Редкие книги об Абхазии», изданный благотворительным Фондом Первого Президента Республики Абхазия. В первый сборник вошли следующие книги и брошюры: А. В. Зеленин «Гагры: Новый климатический курорт на Кавказском берегу Черного моря», Н. Г. Калабухов. Н. Т. Яблонский «Страна тепла и солнца: Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум в климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях: их настоящее и будущее», А. Зандер «Черноморское побережье: Гагры — Новый Афон», О. Палакангас «К проекту Черноморского побережного сообщения на моторных лодках», А. А. Крубер «Поездка на Арабику (Гагрские источники и провалы-ледники на Арабике)», А. Беркутов «Имение “Руно” на Черноморском побережье близ Гагр. Участки», «Петербург — Севастополь — Гагры [автомобильные пробеги]: сентябрь 1911» и «Первое кавказское состязание автомобилей по маршруту «Новороссийск — Гагры»[2].

---

[1] *Дзидзария Г. А., Инал-ипа Ш. Д.* Культура и просвещение в XIX — начале XX вв. // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. I. С. 293.

[2] Редкие книги об Абхазии. Сб. репринтных изданий. / сост.: А.Я. Дбар, А.С. Керопян. Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2023. Вып. I. 492 с.

Во втором сборнике опубликовано семь изданий (брошюр и справочников), в числе которых и книги, рассмотренные нами выше. Это: «Поти или Сухум?» Д.Ф. Жаринцова, «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении» Г.А. Рыбинского, «Сухум-Кале, его данные и возможная будущность» Н.Е. Андриевского, «Железная дорога через Главный Кавказский хребет на Сухум. По поводу брошюры г. Андриевского» Б.И. Статковского, «Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям» И.М. Тези, «путеводитель по городу Сухуму» (Издание Сухумской городской управы), «Сухум. Справочник» (Под редакцией В.Ю. Шидловского)»[1]. Хочется надеяться, что эта полезная во всех отношениях работа будет иметь продолжение, и в ближайшем будущем будут переизданы и другие книги, содержащие важную информацию о страницах прошлого нашей истории.

[1] Редкие книги об Абхазии. Сборник репринтных изданий / сост. А.Я. Дбар, А.С. Керопян. Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2023. Вып. II. 400 с.

Источники и литература

1. Абхазия в русской литературе / сост. И.И. Квициния; предисл. Е.А. Евтушенко. Сухуми: Алашара, 1982. 374 с.

2. Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / автор идеи и отв. ред. М.И. Щербакова. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 400 с.; Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 664 с.

3. **А**бхазия и абхазы в российской периодике: в 2 кн. / сост.: Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. 1. 652 с.; Сухум: АбИГИ, 2008; Кн. 2. 732 с.

4. Абхазия // Справочный энциклопедический словарь: в 12 т. Издание К. Крайя [Ред. А. Старчевский] СПб.: Печатано в тип. К. Края, 1847. Т. 1. С. 28; всего 572 с.

5. Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т.1. 608 с.: илл.; Т. 2. 576 с.: илл.

6. Абхазия туристическая. Сборник документов / сост. М.Г. Бжания, А.А. Князева. М.: 2019. 242 с.

7. Абхазский биографический словарь / под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. 832 с.

8. Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. 2-е изд., исправл. М.: Наука, 2012. 547 с.

9. *Авалиани С.Л.* Крестьянский вопрос в Закавказье. Крестьянская реформа в Мингрелии, Сванетии, Сухумском отделе: в 4 т. Одесса: Тип. «Техник», 1913. Т. II. 191 с.

10. *Аверинцев С.С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1991. С. 3–26.

11. *Авидзба В.В.* Традиционный суд и судопроизводство абхазов в конце XVIII — первой пол. XIX в.: Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Сухум: 2008. 31 с.

12. *Авидзба В.Д.* Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1985. 192 с.

13. *Авидзба Д. З.* Яштухская стоянка // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 548–549.

14. *Авидзба Р.Л.* Наследие Ф.Ф. Торнау и традиции русской реалистической литературы: Автореферат дисс. на соискание ученой степени кан. филол. наук. М.: 2016. 25 с.

15. *Авидзба Р.Л.* Абхазия под пером Ф. Ф. Торнау // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 161–214.

16. [*Агафодор*]. Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ г. Сухума. Историко-археологическое описание Епископа Агафодора. Ставрополь, В тип. М.И. Тимофеева, 1894. 58 с.

17. *Агумаа А. С.* Николай Николаевич Смецкой (1852–1931). (Из цикла «Русская интеллигенция в Абхазии») / науч. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2010. 168 с.

18. *Агумаа А.С.* Иконографические материалы древностей Анакопийской горы. Каталог // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / отв. ред. и сост. Е.Ю. Ендольцева. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 225–238.

19. *Агумаа А.С.* Агафодор (Павел Флегонтович Преображенский) // Абхазский биографический словарь / под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 27–28.

20. *Агумаа А.С.* Просвещение Абхазии в XIX — начале XX в. / сост. А.С. Агумаа. Сухум: Абгосиздат, 2016. 80 с.

21. *Агумаа А.С.* Сухумъ: Очерки по истории и архитектуре города (кон. XIX — нач. XX вв.) / науч. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: ЗАО «Аквафон-GSM», 2023. 552 с.: илл.

22. *Аджинджал Е.К.* Из истории христианства в Абхазии. Новый Афон: Изд-во «Стратофил»; Сухумо-Абхазская Епархия, 2000. 143 с.

23. *Адзинба И.Е.* Архитектурные памятники Абхазии / ред. Л.А. Шервашидзе. Сухуми: Абгиз, 1958. 154 с.

24. *Алания Т.Г.* Сухумская городская клиническая больница №1 имени проф. Остроумова // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 336.

25. [*Александров Н.А.*]. Горы и Море. Закавказье. Черноморское побережье. Абхазцы или Азега, Сванеты или Шаны. Порты Черного моря: Новороссийск, Сухум, Поти и Батум. (Чтение для народа). Н.А. Александрова. М.: Издание книжного склада А.Я. Панафидина, 1901. 45 с.

26. *Алиева А.И.* Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2016. № 20 (59). С. 71–81.

27. *Алиева А.И.* Судьба кавказоведческого наследия А.С. и П.С. Уваровых в XX столетии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11 №3. С. 8–13.

28. *Алиева А.*И. Вклад Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества в исследование Кавказа (1887–1915 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований: https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-24-2-50-56 (дата обращения: 03.07.2024).

29. *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 288 с.

30. *Альбов Н. М.* Состояние садоводства в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост.: З.И. Адзинба, Л.Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный Фонд Первого Президента Абхазии, 2016. С. 76–97.

31. *Альбов Н. М.* Этнографические наблюдения в Абхазии. (Доклад, читанный в заседании этнографического отделения Императорского Русского географического общества 22 декабря 1892 года) // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост.: З.И. Ад-

зинба, Л.Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный Фонд Первого Президента Абхазии, 2016. С. 98–137.

32. *Амичба Г.А.* Новый Афон и его окрестности (исторический очерк). Сухуми: Алашара, 1988. 88 с.

33. *Амичба Г.А.* Средневековый период // Абхазы / отв. ред.: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. 2-е изд., исправ. М.: Наука, 2012. С. 64–73.

34. [*Андриевский Н.Е.*]. Сухум — Кале, его данные и возможная будущность; основания для осуществления к нему железных дорог через Главный Кавказский хребет и от Закавказской их сети. Очерк инженера Путей Сообщения Н. Андриевского. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1995. 68 с.

35. Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права абхазов / автор и руководитель проекта Д.Ю. Шапсугов; сост.: Д.Ю. Шапсугов, А.Ф. Авидзба, С.Ш. Салакая, З.Ф. Яхтанигов. Ростов-на-Дону: ООО Альтаир, 2017. Т. 30. 928 с.

36. *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976. 168 с.

37. *Анчабадзе З.В.* Избранные труды: в 2 т. / сост. и отв. за выпуск А.Э. Куправа. Сухум: АбИГИ, 2010. Т. 1. 554 с; Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. 350 с.

38. *Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э.* История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми: Алашара, 1986. 264 с.

39. *Анчабадзе Ю.Д.* Услар отстаивал внедрение национальных языков в кавказских школах // Северный Кавказ сквозь столетия (блог Н. Нефляшевой). Кавказский Узел. URL:kavkaz-uzel.org

40. [*Архимандрит Леонид (Кавелин)*]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. В пользу строящейся обители. Сост. А.Л. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1885. 142 с.

41. [*Архимандрит Леонид (Кавелин*)]. Абхазия и ее христианские древности. С картой Абхазского примор-

ского берега. В пользу миссионерской абхазской школы, находящейся при Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре / сост. А. Леонид. Издание второе (исправленное и умноженное). М.: Тип. И. Ефимова, 1887. 106 с.

42. Архимандрит Леонид Кавелин // Архимандрит Леонид (Кавелин) (azbyka.ru) (дата обращения: 1.12. 2022).

43. Ашинов (Николай Иванович) // Энциклопедический словарь: в 82 (осн.) т. и 4 (доп.) т. / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1905. Доп. том I. С. 188; всего 478 с.

44. *Багапш Н. В.* Этническая идентичность в Абхазии и парадигмы ее институционализации: от советского прошлого к настоящему // Этнографическое обозрение. 2021. №5. С. 113–129.

45. *Басария С. П.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. 2-е изд. Сухум: Министерство образования РА, 2003. 176 с.

46. *Бгажба О.Х.* Кавелин Леонид (Лев Александрович) Абхазский биографический словарь / под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 356.

47. *Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н.* История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1982. 81 с.

48. *Бгажба Х.С.* Очерки об абхазской литературе. Сухуми: Изд. Абгиза, 1940. 54 с.

49. *Бгажба Х.С.* О памятниках письменности в Абхазии // Х.С. Бгажба. Этюды и исследования. Сухуми: Алашара, 1974. С. 66–76.

50. *Бебиа Е. Г.* Периодическая печать Абхазии (1904–1917). СПб.: Изд. «Нота Бене», 1997. 88 с.

51. *Бебия С. М., Гуланян Т. А.* «Синоп» // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. II. С. 288–289.

52. *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблема христи-

анского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с. Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России — Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. — 2011 (djvu.online) (дата обращения: 27.07.2023).

53. *Белинский В. Г.* Русская литература в 1845 году // В. Г. Белинский. Собрание сочинений: в 9 т. / ред. тома Н. К. Гей; подгот. текста В. Э. Боград а. Статья и примеч. В. И. Кулешова. М.: Художественная литература, 1982. Т. 8. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1846. С. 7–33.

54. *Бердяев Н.А.* Русская идея // Н.А. Бердяев. Судьба России. Книга статей. М.: Эксмо, 2007. С. 373–636.

55. [*Берже А.П.*]. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Сост. Ад. Берже, Правителем дел Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис: В тип. Канцелярии Наместника Кавказского. 1858. 46 с.

56. Берже (Адольф Петрович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1892. Т. III-а. С. 530–531: всего 952 с. (пагинация продолжает т. III. С. 481–952).

57. Берже, Адольф Петрович // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1892. Т. III. С. 79–81; всего 444 с.

58. *Бигуаа В.А.* Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 600 с.

59. *Болдина Л.* Ирония // Литературный словарь. М.: «ЛУч», 2007. С. 83–87.

60. Большой этимологический словарь русского языка / сост. М.В. Климова. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2013. 960 с.

61. *Бондаренко Н.А.* О национальном самосознании русского человека (по материалам переписки Я.К. Грота (1812–1893) и П.А. Плетнёва (1792–1865) // Между-

народная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.», 13–15 октября 2020 г. Тезисы докладов / отв. ред. А.В. Гулин. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 25–27.

62. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Изд-во Астрель», 2003. 575 с.

63. *Ботяков Ю.М.* Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. // Северный Кавказ: Традиционные сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. Сб. статей /отв. ред. С.А. Штырков. СПб.: Наука, 2007. С. 129–203.

64. *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. / Пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.

65. Броневский (Семен Богданович) // Энциклопедический словарь // под ред. проф. И.Е. Андриевского. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. (И.А. Ефрона), 1891. Т. IV-а. С. 714.; всего 938 [пагинация продолжает предыдущий том].

66. [*Броневский С.М.*]. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть первая. М.: В тип. С. Селивановского, 1823. 352 с.

67. *Брун Ф.К.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. С XVIII литографированными листами. Одесса, В городской тип., 1875. Т. 9. С. 161–188; всего 471 с.: илл.

68. *Бутба З.Р.* Сочинения: в 2 т. Сухум: Абгосиздат, 2013. Т. 2: Приключения Чагу Чацбы. 3-е изд., доп. 504 с.; (на абх. яз.).

69. *Васюков С.И.* Гагры, Пицунда и Гудаут // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб.: Тип. Суворина, 1903. Т. XCI. С. 644–654.

70. [*Введенский А.Н.*]. Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов его населяющих». *** // Сборник сведений о кавказских горцах. Издаваемый с соизволения Е.И.В. Главнокомандующего Кавказской Армией при Кавказском горском управлении. Тифлис: 1872. Вып. VI. Разд. I. С. 1–48.

71. [*Введенский А. Н.*]. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. А……а // Сборник сведений о кавказских горцах. Издаваемый с соизволения Е. И. В. Главнокомандующего Кавказской Армией при Кавказском горском управлении. Тифлис: 1872. Вып. VI. Разд. III. С. 1–24.

72. [*Введенский А.Н.*]. Акклиматизационный сад А.Н. Введенского в Сухуме. Д. чл. А. Н. Введенского // Труды Отдела ботаники Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, состоящего под Августейшим покровительством Е. И. В. великого князя Сергея Александровича / под ред. пред. отдела Н.Ф. Золотницкого. Изд. на средства Министерства Земледелия и Государственных имуществ. М.: Университетская типография, 1899. С. 70–78.

73. Введенский Аполлон Никитич // Генералитет Российской Императорской армии и флота // Российский генералитет. Введенский А.Н. (rusgeneral.ru) (дата обращения: 11.09. 2023).

74. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней): в 6 т., вып. 1–21. СПб.: Семеновская Типо-лит. (И. Ефрона), 1889. Т. I. С. 1–21. Вып. 8. С. 323–370.

75. [*Верещагин А.В.*]. Путевые заметки по Черноморскому округу. С приложением двух фасадов, плана и разреза Сочинской церкви, — и карты Черноморского округа. Издание «Путевых заметок» назначается в пользу Сочинской церкви, в юго-восточной части Черноморского округа. А.В. Верещагина. М.: Изд-е Н.Н. Мамонтова, 1874. 203 с.

76. *Верещагин А.В.* Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского прибрежья Кавказа. Сообщение Императорскому вольному экономическому обществу в заседании III отделения в феврале 1878 г. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1878. 40 с.

77. [*Верещагин А.В.*]. Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию Черноморского прибрежья Кавказа. А.В. Верещагина. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1885. 48 с.

78. [*Верещагин А.В.*]. Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. А.В. Верещагина. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1885. 36 с.

79. *Владимиров И.А.* Древности Черноморского побережья Кавказа. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900. 22 с.

80. Владимиров Иван Алексеевич // Большая советская энциклопедия: в 65 т. и 1 доп. т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1930. Т. 11. С. 583.

81. Владимиров Иван Алексеевич // Большая советская энциклопедия: в 50 т. и 1 доп. т. / гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Научное изд. «Большая советская энциклопедия», 1951. Т. 8. С. 233; всего 648 с.

82. Владимиров Иван Алексеевич // Большая советская энциклопедия: в 30 т. и 2 доп. т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. Т. 5. С. 144; всего 640 с.

83. Владимиров Иван Алексеевич // Баторевич, Наталия Игоревна – Всю жизнь я служил России… [Текст] : жизнь и творчество художника И. А. Владимирова – Search RSL (дата обращения: 27.07.2023).

84. [*Владыкин М.Н.*]. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М. Владыкина. М.: Тип. И. Родзевича и В. Исленьева, 1874. 525 с.

85. Военная энциклопедия: в 18 т. [не завершена] / под ред.: засл. проф. Николаевской Инженерной Академии

ген.-лейтен. К.И. Величко, полковника В.Ф. Новицкого [и др.]. Петербург: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. 640 с.

86. *Волхонский М.А., Муханов В.М.* Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. М.: Объединенная редакция МВД России, 2009. 488 с.: илл.

87. *Воробьев Н. И.* Избранные труды / сост. С. З. Лакоба, А. Я. Дбар. Сухум: «Дом печати», 2022. 288 с.

88. *Воронов Ю.Н.* Листая страницы старых изданий. 100-летие первой книги по истории Абхазии // Советская Абхазия. 1984. 13 марта. №52 (16949).

89. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии // Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2009. Т. 2. С. 5–230.

90. *Воронов Ю.Н.* Древняя Апсилия // Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ, 2010. Т. 3. С. 141–464.

91. *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Себастополис – Цхум // Ю. Н. Воронов. Научные труды: в 7 т. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум, АбИГИ, 2014. Т. IV. С. 169–398.

92. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми: Алашара, 1986. 96 с.

93. [*Воскресенский Г.А.*]. Памяти о. Архимандрита Леонида, наместника св. Троице-Сергиевой Лавры (умер 22-го октября 1891 года). Г. А. Воскресенского. М.: Университетская тип., 1892. 34 с.

94. [*Восторгов И.И.*]. Деятельность Императора Николая I на пользу просвещения России и, в частности, Кавказского края. Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 4. С. 31–56; всего 654 с.

95. *В. Р-в.* Мурзакевич (Николай Никифорович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефроне (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1887. Т. XX. С. 210; всего 480 с.

96. *Габуниа З.М.* Научные портреты кавказоведов-лингвистов. Из истории лингвистических учений. Нальчик: КБГУ, 1990. 260 с.

97. [*Гартман Р.К.*]. По железной дороге от Туапсе до Сухума. СПб.: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1899. VII + 54 с.

98. *Генко А.Н.* Аҧсуа-Аурыс жәар. Абхазско-Русский словарь. Составил А.Н. Генко. Изд. 1-е / подгот. к печати, предисл. и коммент. Т. Х. Халбад. Сухум: Алашара, 1998. 396 с.

99. *Генко А.Н.* Введение к Абхазско-Русскому словарю // Абхазско-Русский словарь. Сост. А. Н. Генко. Изд. 1-е / подгот. к печати, предисл. и коммент. Т. Х. Халбад. Сухум: Алашара, 1998. С. 375–384.

100. *Городищев А.Ф.* Абхазия. Очерк // Русская беседа. Июнь. Год первый. СПб.: Печатня Е. Евдокимова, 1895. С. 58–81.

101. Грамота Александра I владетелю Абхазии Георгию (Сафарбею) Шервашидзе о принятии его в подданство России // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сб. документальных материалов / сост. Г.А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. С. 95–96.

102. *Григоренко С.* Писатель в газете // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т./ гл. ред. А.А. Сурков. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1968. Т. 5. Стб. 759–761.

103. *Гукасянц Л.* Переселенческое дело в Сухумском округе. («Кавказское сельское хозяйство» 1895. №73–74) // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.) / сост.: Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2008. Кн. 2. С. 427–435.

104. *Гулиа Д.И.* История Абхазии. Тифлис: Изд-е Наркомпроса ССР Абхазии, 1925. Т. 1.340 с.

105. *Гулиа Д.И.* Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум: Изд-е Наркомпроса ССР Абхазии, 1926. 20 с.

106. *Гулиа Д. И.* Избранное. Пер. с абх. / вступ. статья К. М. Симонова. М.: Художественная литература, 1974. 288 с.

107. *Гумба М.В.* Гасанбей (о политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея). Сухум: 2012. 68 с.

108. *Гурьева Т.Н.* Новый литературный словарь. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2009. 364 с.

109. [*Даль В.И.*]. Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля: в 4 т. / предисл. А.М. Бабкина. М.: Изд-во «Русский язык», 1978. Т. 1. 699 с.; 1979. Т. 2. 779 с.; 1980. Т.3. 555 с.; 1980. Т. 4. 683 с. [Издание повторено со 2-го издания: СПб.; М.: Изд. книготорговца-типографа М.О. Вольфа, Т. 1. 1880; Т. 2. 1881; Т.3. 1882; Т.4. 1882].

110. *Дамениа И.Х.* Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX — нач. XX вв. СПб.: Общво «Знание», Санкт-Петербургская организация, 1994. 72 с.

111. *Дамениа И.Х.* Историография истории народов Кавказа XIX — нач. XX в. СПб.: Санкт-Петербургская организация общ-ва «Знание», 1996. 72 с.

112. *Дбар А.Я.* Неизвестный Иосиф Тези // И.М. Тези. Сухум: путеводитель по городу и окрестностям / подг. текста, вступ. слово, примеч. А. Я. Дбара. Сухум: Издательская группа «Новый день», 2021. С. 7–8.

113. *Дегоев В.В., Стамова И.И.* Николай Федорович Дубровин: о творчестве классика русской историографии // Кавказский сборник. №10(42) / под ред. В.В. Дегоева / отв. ред. тома: М.А. Волхонский, В.М. Муханов, А.Л. Чечевишников. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 12–29.

114. *Державин Н.С.* Абхазия в этнографическом отношении //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского учебного округа; Тип. Канцелярии Е. И. В. на Кавказе и К. Козловского, 1907. С. 1–38.

115. *Джопуа А.И., Нюшков В.А.* Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии // Наследие веков. 2016. № 4. С. 30–35.

116. *Дзидзария Г.А.* Соломон Теймуркович Званба: Биографическо-библиографический очерк // С. Т. Званба. Этнографические этюды / под ред. и с предисл. Г.А. Дзидзария. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1955. С. 5–40.

117. *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.) // Г.А. Дзидзария. Труды / науч. ред. С.Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2016. Т. III. 597 с.

118. *Дзидзария Г.А.* Социально-экономический строй Абхазского княжества в XIX веке // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. 1. С. 142–172.

119. *Дзидзария Г.А.* И.А. Бартоломей и его первая абхазская азбука // Советская Абхазия. 1975. 6 августа. № 155(14781).

120. *Дзидзария Г.А.* Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. 130 с.

121. *Дзидзария Г.А.* Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1979. 354 с.

122. *Дзидзария Г.А.* Лыхны. (Очерк дореволюционного прошлого села). Сухуми: Алашара, 1986. 99 с.

123. *Дзидзария Г.А.* Восстание 1866 года в Абхазии // Г.А. Дзидзария. Труды. Сухум: АбИГИ, 2015. Т.2. С. 462–698.

124. *Дзидзария Г.А.* Ссыльные декабристы на Западном Кавказе // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Кн. 2. С. 111–228.

125. *Дзидзария Г. А.* Участники польского движения 20–40-х гг. XIX века в Абхазии // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Кн. 2. С. 229–250.

126. *Дзидзария Г.А.* Из истории мореходства в Абхазии // Г. А. Дзидзария. Труды. Сухуми: Алашара, 1990. Кн. 2. С. 251–273.

127. *Дзидзария Г.А.* Завоевание Абхазии царской Россией // Г.А. Дзидзария. Труды. Кн. III. Из неопубликованного наследия / сост.: А.Э. Куправа, Г.Г. Дзидзария; отв. ред. А.Э. Куправа. Сухум: АбИГИ, 2006. С. 29–104.

128. *Дзидзария Г.А.* Присоединение Абхазии к России и его историческое значение // Г. А. Дзидзария. Тру-

ды / науч. ред. С.Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2014. Т. I. С. 133–432.

129. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия // Г.А. Дзидзария. Труды. Изд. 2-е, допол. / науч. ред. С.Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV. 656 с.

130. *Дзидзария Г.А., Инал-ипа Ш.Д.* Культура и просвещение в XIX — начале XX вв. // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. 1. С. 271–293.

131. *Дирр А.* Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Изд-е Управл. Кавказского учебного округа; Канцелярия Начальника Е.И.В. на Кавказе и К. Козловского, 1915. Вып. 44. Отд. IV. С. 1–16.

132. *Дорофей (Дбар), иером.* Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Сухум: Алашара, 2005. 40 с.

133. *Дорофей (Дбар), иером.* История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон: Изд-во «Стратофил», 2005. 264 с.

134. *Дорофей (Дбар), архим.* Православная Церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, сообщения, размышления, интервью). Новый Афон (Анакопия): Священная Митрополия Абхазии, 2012. Т. 1. 560 с.

135. *Дорофей (Дбар Д.З.), архим.* Место кончины и погребения св. Иоанна Златоуста: Команы Абхазские или Команы Понтийские? // Вестник Академии наук Абхазии. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2020. № 10. С. 76–104.

136. Древо: ЛЕОНИД (КАВЕЛИН) - Древо (drevo-info.ru) (дата обращения: 01.12. 2022).

137. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Археология как искусство: к 150-летию со дня рождения И. А. Владимирова // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск: 2019. № 3. С. 267–276.

138. [*Дубровин Н.Ф.*]. Закавказье от 1803–1806 года. Н. Дубровина. Печатано по сообщению Генерального штаба от 6 августа 1855 г. СПб: Печатано в тип. Департамента уделов, 1866. 542 с.

139. [*Дубровин Н.Ф.*]. История войны и владычества русских на Кавказе. Н. Дубровина: в 6 т., в 8 кн. СПб.: Печатано в тип. Департамента уделов, 1871. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. XVI + 640 с.; Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. II. Закавказье. Абхазцы (Азега). С. 1–82; всего 423 с.

140. Дубровин (Николай Федорович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1893. Т. XI. С.213–214; всего 466 с.

141. Дубровин Николай Федорович (некролог) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1904. Т. XCVII. Июль. Отд. XVIII. Некрологи. С. 348–349.

142. Дубровин, Николай Федорович // Военная энциклопедия: в 18 т./ под ред. К.И. Величко и др. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 233; всего 322 с.: илл.

143. *Дудко А. П.* Из истории педагогического образования в Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1961. 127 с.

144. [*Дукмасов И. А.*]. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. Ив. Дукмасова. М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1887. 40 с.

145. *Дюбуа де Монперэ Фредерик.* Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов / пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пущиной / автор проекта Т. Н. Полухина. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2010. Т. I. 164 с.

146. [*Евецкий О.С.*]. Статистическое описание Закавказского края. С присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним: в 2 ч. Сост. Орест Евецкий. СПб.: Печатано в Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. 306 с.

147. Евецкий (Орест Степанович) // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг),

И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб. Типо-лит. И.А. Ефрона, 1893. С.417; всего 456 с.

148. *Ендольцева Е. Ю.* Драндский собор // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум: СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 1. С. 435–436.

149. [*Жаринцов Д.*]. Поти или Сухум? Д. Жаринцова. Тифлис: Тип. Чанцева, 1974. 14 с.

150. [*Желиховская В.П.*]. Кавказ и Закавказье. С картою Кавказа. В. Желиховской. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1985. 116 с.

151. *Журавлёва А.И., Некрасов В.Н.* Владыкин Михаил Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 451; всего 672 с.: илл.

152. *Завадский М.Р.* Об издании трудов П.К. Услара // П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. С приложением статей: 1) О распространении грамотности между горцами, 2) Предложение об устройстве горских школ, 3) О составлении азбук кавказских языков, 4) Заметки о черкесском языке, 5) О языке убыхов, 6) Грамматический очерк сванетского языка. Тифлис: Изд. Управления Кавказского учебного округа; Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. 486 с. (репринтное издание: Сухум: 2002). С. III–XV.

153. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда // Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и документах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 290–302.

154. Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / сост., автор предисл., примеч. и указателей Л.И. Цвижба. ИВ РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2019. 190 с.: карты, илл.

155. Записки Императорского Русского Географического Общества // Энциклопедический словарь: в 82

(осн.) т. и 4 (доп.) т. / Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1894. Т. XII. С. 269.

156. Записка Ф.Ф. Торнау «Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния» (1835) // Материалы по истории Абхазии XIX века. (1803–1839). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост. Г.А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. С. 205–212.

157. *Змеев Л.Ф.* Русские врачи писатели. Вып. 1-[2]: в 5 тетр. СПб.: До 1863 г. — 1886. Тетр. 1. 184 с.; 1886.Тетр. 2. 182 с.; 1887. Тетр. 3. 77 с.; С 1863 г. — 1888. Тетр. 4. 207 с.; 1889. Тетр. 5. 220 с.

158. *Зыков С.* Дубровин Николай Федорович — генерал-лейтенант // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб.: Тип. «Общественная рольза»,1904. Т. CXIX. Выпуски 7–9. Июль. С. 1–2; всего 722 с.

159. *Зыкова Г.В., Шахматов Б.М.* Молчанов Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 121–123.: всего 704 с.: илл.

160. [*Зябловский Е.Ф.*]. Землеописание Российской империи для всех состояний: в 6 ч. Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. СПб.: При Императорской Академии наук, 1810. Ч. I. 215 с.; Ч. II. 378 с.

161. [*Зябловский Е.Ф.*]. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о Статистике с общим обозрением Европы в статистическом виде. / Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора, коллежского советника и кавалера Е. Зябловского. 2-е изд., исп. и доп. : в 5 ч. СПб.: В морской тип., 1815.

162. [*Зябловский Е.Ф.*]. География Российской империи. Засл. проф. Зябловского. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1837. 167 с.

163. Зябловский (Евдоким Филиппович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1894. Т. XII-а. С. 734–735; всего 960 с.

164. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса М.С. Воронцову о нововведениях, учиненных владетелем Абхазии. 7 сентября 1846 г. // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. С. 318–320.

165. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса М.С. Воронцову о раздорах внутри фамилии Маан. Керчь, 2 июля 1846 г. // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. С. 316–317.

166. *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960. 448 с.

167. *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. (Историко-этнографические очерки). 2-е перераб. и допол. изд. Сухуми: Алашара, 1965. 690 с.

168. *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. 464 с.

169. *Инал-ипа Ш.Д.* Когда полыхал огонь в Дальском ущелье. Исторические комментарии к одной поэме И. Когониа // Алашара. 1980. №11. С. 113–120; (на абх. яз.).

170. *Инал-ипа Ш.Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. 384 с.

171. *Инал-ипа Ш.Д.* Ступени к исторической действительности // Ш.Д. Инал-ипа. Труды: в 11 т. / отв. ред. тома О. В. Маан. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV. С. 155–358.

172. [*И. Н.*]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с рисунками памятников христианства

в Абхазии и видами Ново-Афонского монастыря. Сост. И.Н. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1898. 343 с.

173. Историография и источниковедение истории Абхазии XIX — начала XX века: Библиографический указатель / авт.-сост.: А. Ф. Авидзба, М. Р. Аргун, А. Е. Ашуба, Л. П. Ермоленко, И. В. Зозуля, Н. В. Касландзия, М. Е. Колесникова, С. Ш. Салакая, О. И. Шафранова. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 380 с.

174. История развития письма. Учебное пособие. Автор-составитель А.Р. Гумба. АГУ: РИО, 2013. 272 с.

175. *Капба Р.Х.* Хухут Бгажба. Жизнь и творчество / пер. с абх. С. Корсая. Сухум: Абгиз, 2010. 616 с.

176. *Кайтан Ш.Г.* Великая Абхазская стена // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум: СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 1. С. 267.

177. [*Карлгоф Н.И.*]. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м Отделении. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Черного моря. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составил Генерального штаба полковник Карльгоф. СПб.: В тип. Департамента Генерального штаба, 1855. 45 с.

178. *Кащеев А.А.* История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русско-Византийский сборник. 2018. № 1. С. 120–125. DOI:10/24411/2588-0276-2018-10008. istoriya-napisaniya-arhimandritom-leonidom-kavelinym-knigi-abhaziya-i-v-ney-novo-afonskiy-simono-kananitskiy-monastyr.pdf

179. *Кварчия В.Е.* Топонимика Абхазии. Сухум: АбИГИ, 1999. 688 с.

180. *Керсновский А.А.* Философия войны. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. 208 с.

181. *Кибрик А.Е.* Услар, Петр Карлович Энциклопедия Кругосвет. URL:krugosvet.ru (дата обращения: 12.01.2022).

182. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества Императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. / сост. и пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года»: Изд. центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.

183. *Кожинов В.В.* Литература // Краткий энциклопедический словарь: в 9 т. / под ред. А.А. Суркова. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1967. Т. 4. Стб. 219–227.

184. *Кожинов В.В.* Литература // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 186–188.

185. *Кожинов В.В.* Литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 453–457.

186. *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 1040 с.

187. *Колбая Г.Н.* Поиски и находки о Н. И. Воробьеве // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум: АбИГИ, 2016. Вып. 10. С. 108–115.

188. *Колесникова Е. В.* Редакторы журнала «Библиотека для чтения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 51–55. redaktory-zhurnala-biblioteka-dlya-chteniya.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

189. *Короленко П. П.* На берегах Абхазии // Военный сборник. Год тридцать четвертый. 1891. № 8. Ч. 1. С. 315–355. Продолжение: № 9. С. 157–176.

190. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР. Ч. 1. С. 265–374; КЭС. М.: Изд. восточной литературы, 1958. С. 139–274; КЭС. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1962. С. 158–288.

191. [*Краевич П.Д.*]. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Извлечения из трудов Сухумской Сословно-Поземельной Комиссии, представленных в 1869-м году) // Сборник сведений о кавказских горцах. Издаваемый с соизволения Е.И.В. Главнокомандующего Кавказской Армией при Кавказском Горском Управлении. Тифлис: 1870. Вып. III. С. 1–25.

192. *Краевский А.А.* Обозрение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1 (генварь). Ч. 1. Отдел. V.2. С. 91–118.

193. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / под ред. А.А. Суркова. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1967. Т.4. 1024 стб.: илл.

194. [*Кременецкий А.*]. Место блаженной кончины и погребения Св. Иоанна Златоустаго и Василиско-Златоустовский общежительный женский монастырь в Абхазии. Сост. священник Александр Кременецкий. 2-е изд. В пользу Василиско-Златоустовского общежительного монастыря в Абхазии. Воронеж: Типо-лит. «Т-ва Н. Кравцов и К°», 1908. 24 с.

195. *Кренеберг И.Я.,* ректор и ординарный советник Харьковского университета. О изучении словесности // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. VIII. № XI. 1835. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1835. Отделение II. С. 253–289.

196. *Крутова М.С.* Письма насельников Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря 1884 –1890 гг. к архимандриту Леониду (Кавелину), хранящиеся в ОР РГБ // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 275–294.

197. *Крылов А.Б.* Постсоветская Абхазия. (Традиции. Религия. Люди). М.: ИВ РАН, 1999. 268 с.

198. *Куправа А.Э.* Из истории абхазской традиционной культуры. М.: 1998. Кн. 1. Апсны дууза. Народные сходы. 134 с.

199. *Курмансеитова А.Х.* Первые печатные издания на языках Карачаево-Черкесии // Кавказские научные записки / гл. ред. З.А. Станкевич. М.: 2011. № 2 (7). С. 172–182.

200. К 100-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Лев Александрович Кавелин) (admoblkoluga.ru) (дата обращения: 05.01.2024).

201. [*Лаврентьев А.Н.*]. Статистические описания губерний и областей Российской империи, по Высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства Т. XVI. Кавказский край. Ч. 5. Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии и Сванетии — и приставств: Самурзаханского и Цебельдинского. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. Сост. Генерального штаба штабс-капитан Лаврентьев. СПб.: В тип. Департамента Генерального штаба, 1858. 334 с.

202. *Лазарев С.Е.* Владимиров Иван Алексеевич // Россия в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. I. А–З. С. 367–368; всего 867 с.: илл.

203. *Лакербай М.А.* Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1962. 196 с.

204. *Лакоба С.З.* «Крылились дни в Сухум-Кале…» . Историко-культурные очерки. Сухуми: Алашара, 1988. 200 с.; 2-е изд. Сухум: Абгосиздат, 2011. 264 с.

205. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990. 153 с.

206. *Лакоба С.З.* Александр I: Асланбей или Сефербей? (Историко-психологический очерк). Сухум: 2022. 24 с.

207. *Ламберти А.* Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелия // СМОМПК. 1913. Вып. 49, отд. 1. С.

208. *Латышев В.В.* К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в

Императорской Археологической комиссии. 1886–1911. Со многими таблицами и рисунками в тексте. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума (отделение), 1911. С. 169–198.

209. [*Лисовский Н. М.*]. Библиография русской периодической печати. 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики) / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Тип. Акц. Общ. Дела, 1915. С. 220–223; всего 1067 с.

210. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

211. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред.: В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

212. *Луночкин А. В.* «Атаман вольных казаков». Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 1999. 148 с. //ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА — [Биографии] — Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность (lib.ru) (дата обращения: 22.12.2023).

213. *Маан О.В.* Междуречье — низовья реки Кодор. Ростов-н/Д: ПРОФПРЕСС, 2013. 160 с.

214. *М. М.* [*Мазаев М.Н.*]. Владыкин (Михаил Николаевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1892 т. Т. VI-а. С. 664; всего 944 с.

215. [*Максимов С.В.*]. Край Крещёного Света. IV. Русские горы и кавказские горцы. Рассказ С. Максимова. Изд. 2-е. СПб.: Изд. Товарищества «Общественная польза», 1873. 65 с.

216. *Марр Н.Я.* Кавказоведение и абхазский язык // Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1938. С. 125–149.

217. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1803–1839). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: Г.А. Дзидзария. Сухум: АбИГИ, 2008. Т. 1. 288 с.

218. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. 513 с.

319. Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2012. Т. 3. 628 с.

220. *Мачавариани [Д].* Народные смуты в Абхазии // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.): в 2 кн. / сост.: Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. 1. С. 597–619.

221. *Мачавариани Д., Бартоломей И.* Нечто о Самурзакани // Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл. и коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 234–240.

222. *Мачавариани К.Д.* Религиозное состояние Абхазии // Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл. и коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М.и В. Котляровых («Полигафсервис и Т»), 2011. Т. I. С. 470–493.

223. *Мачавариани К.Д.* Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком [Изд. 2-е] / подг. к изд., предисл., примеч. А.С. Агумаа, П.К. Квициния. Сухум: АбИГИ, 2009. 370 с.

224. *Мачавариани К.Д.* Очерки Абхазии // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т»), 2011. Т. II. С. 79–89.

225. [*Машанова Ю.И.*]. Верещагин Арсений Васильевич (1830–1894) / сост. Ю.И. Машанова // Краеведы Сочи. Биобиблиографический рекомендательный указатель. Сочи: МБУК «Централизованная библиотечная система г. Сочи». Центральная городская библиотека г. Сочи. Ин-

формационно-библиографический отдел, 2019. С. 12–18; всего 60 с.

226. *Медвенский Н.И.* Вирхов Рудольф Людвиг Карл // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. М.: Сухум: АбИГИ, 2015. С. 199.

227. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ / пер. с фр. М.Д. Гродецкого. СПб.: Изд. ред. жур. «Жизнь», 1898. 176 с.

228. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступительной статьей Д. Н. Анучина, Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: «Новая Москва», 1923. 616 с.

229. *Молчанов А.Н.* По России. СПб.: Издание Картографического заведения А. Ильина, 1884. 467 с.+26 илл.

230. Молчанов (Александр Николаевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб. Типо-лит. И.А. Ефрона, 1896. Т. XIX. С. 680; всего 960 с.

231. Московская городская дума. [Краткие сведения о личном составе Московской городской думы], 1897–1900 гг. М.: 1897 // ГПИБ России — электронная библиотека: ГПИБ | Московская городская дума. [Краткие сведения о личном составе Московской городской думы], 1897–1900 гг. — М., 1897. (shpl.ru) (дата обращения: 22.12.2023).

232. [*Мостовский М.С.*]. Этнографические очерки России. Сост. М. Мостовский. (Учебное пособие). М.: В Университетской Типогрфии (Катков и К°), 1874. 152 с.

233. Мостовский (Михаил Степанович) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1897. С. 26; всего 480 с.

234. [*Мурзакевич Н.Н.*]. Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря. Н. Мурзакевича. Из X тома «Записок Императорского Одесского Общества древностей». Одесса: Славянская тип. М. Городецкого и К°, 1877. 29 с.: илл.

235. *Назарова И.М.* Предисловие // И. Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с фр., предисл. и коммент. И.М. Назаровой. М.: Изд-во Надыршин, 2010. С. 4–13.

236. *Неверов Я.М.* Обозрение газет и журналов в России, издаваемых на разных языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. №4 (апрель). Отдел. VI. С. 105–137.

237. Николай-фон-Дервиз // Nikolay Grigorievich von Derwies (1837–1880) — Genealogy (geni.com) (дата обращения: 04.12.2023).

238. *Никольская Т.П., Крылова Г.А.* Желиховская Вера Петровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 262–263; всего 623 с.

239. *Никольский А.* Архимандрит Леонид Кавелин // А. Никольский — Архимандрит Леонид Кавелин (kroraina.com) (дата обращения: 01.12.2022).

240. Новый и Полный географический Словарь Российского государства, или Лексикон: Описующий азбучным порядком, географически, топографически, идрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеологически и геральдически; Наместничества, области и уезды; Города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; Соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; Реки, озера и моря; острава и горы; Прежние и новые иностранные поселения; Обитатели как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование Императрицы Екатерины Великой новоустроенном; С объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую Турецкую; А некоторые прежде того и от Персии храбростью российской ими обладаемы были, или и ныне находятся

еще во владении; Также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссей и с полуостровом Крымом к России присоединены; Из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный: в 6 ч. [Сост.:Л.М. Максимович, М.Д. Чулков, Ф.А. Полунин]. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1788. Ч. 1. — 1789. 292 с.

241. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему соизволению: в 4 ч. СПб.: В тип. Департамента внешней торговли, 1836. Ч. 1. 399 + 6 с.

242. Об учреждении школ для образования детей горских племен Кавказа // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Императоской Академии наук, 1859. Ч. CIV. Отд. I: Высочайшие повеления за октябрь 1859 года. С. 23; всего 869 с.

243. Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А.В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию // Материалы по истории Абхазии XIX века. (1863–1874). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2012. Т. 3. С. 415–514.

244. *Олонецкий А. А.* Развитие капиталистических отношений в пореформенной Абхазии // Очерки истории Абхазской АССР: в 2 ч. Сухуми: Абгосиздат, 1960. Ч. I. С. 215–236.

245. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. М.: Проспект, 1999. 544 с.

246. *Ортега-и-Гассет Х.* Запах культуры; / пер. с исп. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 384 с.

247. Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост.: З.И. Адзинба, Л.Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. 488 с.: илл.

248. Очерки истории абхазской литературы / под. ред. Х.С. Бгажба, Ш.Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1974. 282 с.

249. *Павлова И.К.* К читателю //С.М. Броневский. Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: в 2 т. / подгот. текста к изданию, предисл., примеч., словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 5–21.

250. Памятная записка о колонизации в Сухумском округе, составленная начальником округа полковником Браккером // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.): в 2 кн. / сост.: Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2008. Кн. 2. С. 584–589.

251. *Папаскир А.Л.* Абхазия в русской прозе XIX столетия. Сухум: ГПП «Дом печати»; АГУ, 2004. 174 с.

252. *Папаскир А.Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум: АГУ, 2005. 548 с.

253. *Папаскир А.Л.* Обезы (абхазы) в древнерусских источниках и некоторые проблемы истории Абхазии. Второе изд., исправ. и дополн. Сухум: АГУ, 2021. 758 с.

254. *Пачулиа В.П.* По историческим местам Абхазии. Научно-популярный очерк. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1956. 87 с.

255. *Пачулиа В.П.* Русские писатели в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980. 104 с.

256. *Пачулиа В.П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Изд-во «Наука», гл. ред. восточной литературы, 1986. 168 с.

257. *Пачулиа В.П.* Падение Анакопии. (Легенды Кавказского Причерноморья) / отв. ред. и автор послесл. Ю.В. Бромлей. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. 240 с.: илл.

258. *Пейссонель Клод-Шарль.* Трактат о торговле на Черном море. 1774.

259. *Пенская Е.Н.* Александров Николай Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический

словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 46.

260. *Пикуль В. С.* Как попасть в энциклопедию? // Читать книгу «Как попасть в энциклопедию?», Валентин Пикуль (4italka.su) (дата обращения: 05.01.2024).

261. *Платон.* Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Изд-во АСТ, 2016. 448 с.

262. *Плеханова А.С.* Благотворительная деятельность графини П.С. Уваровой // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1 (1). С. 88–92.

263. *Полиевктов М.* Сафонов Степан Васильевич // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. [Т. XVIII]. С. 209–210; всего 672 с.

264. *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / гл. ред. И.И. Мещанинов. Акад. наук СССР, Научно-исследовательский ин-т кавказоведения им. Акад. Н.Я. Марра. Тифлис: 1935. 225 с.

265. *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. / отв. ред. М. Габричидзе. Арх. Упр. МВД Груз. ССР. Тбилиси: тип. Заря Востока, 1946. 153 с.

266. По обе стороны Большого Кавказа: сб. документов (1-я половина XIX века): в 2 т. / автор-сост. М.Х. Экзеков; отв. ред. Н.М. Емельянова. СПб: ООО Изд-во «Питер», 2012. Т. Абазины. 608 с.; илл.; Т. 2. Абхазы. 608 с.: илл.

267. *Пржевальский Н.М.* Четвертое путешествие в Центральной Азии: От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. 1-е изд. СПб.: Тип. С.В. Балашова, 1988. 537 с.

268. *Прогульбицкий В.К.* Поездка в Цебельду. Путевые заметки и впечатления // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. I. С. 505–536.

269. *Просвирин А., прот.* Афон и Русская Церковь. Библиография // Богословские труды. 1999. Вып. 15. С. 185–256.

270. *Пушкарев С.* Абхазия и абхазцы // Абхазия — Страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 196–202.

271. *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. Литературный журнал, издаваемый А. Пушкиным. 1836. № 1. СПб.: В Гуттенберговой тип., 1836. С. 17–84.

272. *Пушкин А.С.* Мысли о литературе / Вступ. статья М.П. Еремина, примеч. М.П. Еремина и П.М. Еремина. М.: Современник, 1988. 639 с.

273. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. В Санктпетербурге, 1790. 460 с.

274. Рапорт и.д. начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга командиру отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгарту о необходимости оставления аманатов в Абхазии. 1 апреля 1844 г. // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сб. документальных материалов: в 3 т. / сост.: А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2011. Т. 2. С. 294–297.

275. *Ратушняк В.Н.* Крестьянская колонизация Кубани // История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Учебник для высших учебных заведений. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. С. 109–110.

276. Редкие книги об Абхазии. Сб. репринтных изд. / сост.: А. Я. Дбар, А. С. Керопян. Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2023. Вып. I. 492 с.

277. Редкие книги об Абхазии. Сб. репринтных изд. / сост.: А.Я. Дбар, А.С. Керопян. Сухум: Фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2023. Вып. II. 400 с.

278. Род Дукмасовых // Род Дукмасовых (passion-don.org) (дата обращения: 22.12.2023).

279. *Романов В.П.* Абазинской словарь / сост.: А. Ч. Абазов; соисполн. А.Р. Шомахова. Сухум: АбИГИ; Дом печати, 2016. 172 с.

280. *Рудаков В.* Берже, Адольф Петрович // Русский биографический словарь: в 25 т. Издан под наблюдением Председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.; Тип. Гл. управления уделов, 1900. Т. II. С. 739–740; всего 796 с.

281. [*Руммель В. Ю.*]. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Вып. XXX. Керчь — глубокий порт, судоходный канал от р. Кубани к Анапе. Сухум. Результаты изысканий, произведенных в 1896–97 гг. Сост. В. Ю. Руммель, инженер путей сообщения. Печатано по распоряжению Управления Водяных и Шоссейных Сообщений и Торговых Портов. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения. (Т-во И. Н. Кушнерев и К°), 1900. 42 с.: илл.: карт.

282. Руммель // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издат. Дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. Т. XXVII. С. 258; всего 480 с.

283. Руммель Юлиан-Евгений Владиславович // Польский Петербург. Энциклопедия (polskipetersburg.ru) [Отмечено: «Статья публикуется в редакции Фонда имени Д.С. Лихачева. Перевод статьи Майи Бобовой *статьи: Polski Petersburg*] (дата обращения: 27.07.2023).

284. Русский Биографический Словарь: в 25 т. [1896–1919]. Издан под наблюдением Председателя Императорского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов.

285. *Рыбак Е.А.* Альберт Викентьевич Старчевский (1818–1901) — журналист и редактор. Автореферат магистерской работы. Саратов: 2019. 12 с.

286. [*Рыбинский Г.А.*]. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Доклад и предисловие к нему Г.А. Рыбинского в Императорское Кавказское общество сельское хозяйство о необходимо-

сти организации Сельскохозяйственного общества в Сухуме. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. 31+27 с.

287. *Рыбинский Г.А.* Абхазские письма. (Извлечения) // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. II. С. 5–41.

288. *Сакания С.М., Требелева Г. В.* Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. Т. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). 202 с.

289. *Саманба Л.Х.* Вопросы абхазского и общего языкознания. Сухум: АбИГИ, 2015. 560 с.

290. [*Сафонов С.В.*]. Поездка к Восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году. Соч. С. Сафонова. Одесса: В городской тип., 1837. 72 с.

291. Сафонов (Степан Васильевич) // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. общ-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 477; всего 496 с.

292. *Свифт Дж.* Путешествие в некоторые отдаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гуливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей. Город и изд. 1725.

293. *Сидоров В.* По России. 2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. Практические сведения для туриста. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897. 669 с.

294 [*Сизиков М., паломник*]. Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. Первая книжица о Ново-Афонской обители. М.: Тип. И. Ефимова, 1885. 16 с.

295. *Скаков А.Ю.* Сухумский район Республики Абхазия: История и современность. М.: ИВ РАН, 2021. 312 с.

296. Словарь литературоведческих терминов / ред. — сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

297. *Солодов Н. В., иерей.* Об авторе книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 174–185.

298. Справочный энциклопедический словарь. СПб.: Изд. К. Крайя. [Ред. А. Старчевский], 1847. Т. 1. С. 28; всего 572 с.

299. [*Старчевский А.В.*]. Кавказский толмач. (Переводчик с русского на главнейшие кавказские языки). Заключающий в себе 27 языков: абхазский, аварский, андийский, армянский, грузинский, дарго, джарский, дидойский, ингушский, кабардинский, кубечинский, кумыцкий, лазский, лакский (казикумыцкий), лезгинский (кюринский), мингрельский, ногайский, осетинский (тагуарский), осетинский (дигорский), сванетский, талышский, татарский — кавказский, тушетский, удинский, хирканский (хюркинский), черкесский, чеченский. (По каждому языку до 2400 слов, до 300 фраз и грамматический очерк языка). Все напечатано русскими буквами. Сост. А. В. Старчевский. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1891. 687 с.

300. Старчевский (Адальберт — Войтех Викентьевич) // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз — Ефрон, 1900. Т.XXXI. С. 457; всего 472 с.

301. Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.): в 2 кн. / сост.: Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум: АбИГИ, 2005. Кн. 1. С. 9–28.

302. [*Статковский Б.*]. Железная дорога через Главный Кавказский хребет на Сухум. По поводу брошюры г. Андриевского. Б. Статковский. Тифлис: Тип. Главнонач. Гражд. частью на Кавказе, 1895. 28 с.

303. *Стерликова С. А.* «Сотрудник Закавказской миссии». Издание Епархиального церковного братства святого благоверного князя Александра Невского в г. Сухуме. Указатель статей // Абхазия в русской словес-

ности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 2. С. 237–258.

304. *Стерликова С.А.* Дела красноречивее слов. Служение епископа Андрея (Ухтомского) в Абхазии // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 2. С. 169–203.

305. *Стражев В.И.* Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. Сухум: 1925. Вып. I. С. 131–169.

306. *Тания И.В.* Рица // Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 2. С. 240.

307. *Тарнава М.И.* Краткий очерк истории Абхазской Церкви. (Доклад, прочитанный на съезде духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа). Сухум: Изд-е Бзыбского Комитета о-ва распространения просвещения среди абхазцев; Тип. Н.В. Захарова, 1917. 20 с.

308. *Тези И.М.* Сухум: путеводитель по Сухуму и окрестностям. Сост. И.М. Тези / подг. текста, вступ. слово, примеч. А. Я. Дбара. Сухум: Издательская. группа «Новый день», 2021. 80 с.

309. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков: сост.: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков: под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3. 1040 стб.

310. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. / сост. и коммент. А.И. Шифмана. М.: Художественная литература, 1985. Т. 21: Дневники. 575 с.: илл.

311. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера / сост.: А.Г. Макаров, С.Э. Макарова; вступ. статья С.Э. Макарова. М.: «АИРО — XXI», 2008. 457 с.

312. *Трапш М.М.* Древний Сухуми // М. М. Трапш. Труды: в 4 т. / сост. тома и отв. ред. А. Х. Халиков. Сухуми: Алашара, 1969. Т. 2. 373 с.

313. *Трапш Н.А.* Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810 — 1917) // Логос. 2004. № 5 (44). С. 216–224.

314. *Трапш Н. А.* «Виновное население» //Абхазия. Краткая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум; СПб.: НИЦ «Абхазская энциклопедия»; Изд-во «Юридический центр», 2022. Т. 1. С. 278.

315. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Н.С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 79–148.

316. [*Уварова П.С.].* Кавказ: Путевые заметки. [Соч.] Гр. Уваровой. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. Ч. 1. 326 с.

317. [*Уварова П.С.*]. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки Графини Уваровой. М.: Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. Часть II. 315 +VIII с.

318. [*Уварова П.С.*]. Кавказ. Рача, Горийский уезд, Горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. Путевые заметки Графини Уваровой. С 18 таблицами. Тип. Общва распространения полезных книг, Аренд. В.И. Вороновым, 1904. Ч. III. 327 с.

319. [*Уварова П.С.*]. Христианские памятники. Графини Уваровой // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства, М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. Вып. IV. 197 с.

320. *Уманец С.* На Новом Афоне. (Листки из путевого дневника) // Исторический вестник. Год двадцать третий. 1902. Т. LXXXVIII. С. 210–238.

321. *Урушадзе А.Т.* «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 10(42) / под ред. В.В. Дегоева / отв. ред. тома: М.А. Волхонский, В.М. Муханов, А.Л. Чечевишников. М.: «Аспект Пресс», 2017. С. 157–184.

322. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. С приложением статей: 1) О распро-

странении грамотности меду горцами, 2) Предложение об устройстве горских школ, 3) О составлении азбук кавказских языков, 4) Заметки о черкесском языке, 5) О языке убыхов, 6) Грамматический очерк сванетского языка. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского учебного округа; Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887 (репринтное издание, Сухум: 2002). 193 + 120 с.

323. Училища для образования детей горцев в Новороссийске // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1846. Ч. LII. Отд. VII: Новости и Смесь. С. 43–45; всего 758 с.

324. [*Ушаков Н.И.*]. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: в 2 ч. СПб.: Тип. Эдуарда Праца и К°, 1836. Ч. I. XXIII + 403 с.; Ч. II. III + 306 с.

325. *Фон-Дервиз Н.В.* Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). Тифлис: Типография К. Козловского, 1906. 77 с.

326. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / сост., подг. текстов, науч. ред., коммент. М.Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

327. *Хашба М. М., Касландзия А. М.* Басария Симон Петрович // Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С.147–148.

328. *Хёйзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Й. Хёйзинга. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В.В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Прогресс, 1992. С. 241–383.

329. *Храпова Л.Е.* Личность П.С. Уваровой, как она определяется по ее трудам и свидетельствам современников // Уваровские чтения — I. Тезисы докладов Первых Уваровских чтений. Резолюция Первых Уваровских чтений. 17–18 апреля 1990 г. Муром, Владимирская область, Муромский историко-художественный и мемориальный музей; Муромское отделение Всероссийского фонда культуры / отв. ред.: О.А. Лукина, Т.В. Купряшина, 1990. С. 5–6.

330. Хронос: Леонид (Кавелин) (hronos.ru) (дата обращения: 05.01.2024).

331. *Хрушкова Л.Г.* Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1985. 128 + XV с.

332. *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.

333. *Хрушкова Л.Г.* Просковья Сергеевна Уварова — выдающийся исследователь христианских памятников Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы Международных Свято-Игнатиевских чтений, г. Ставрополь, 14 мая 2013 г. Ставрополь: Изд. центр СтПДС, 2013. С. 100–116.

334. *Хрушкова Л.Г.* Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. М.; Калининград: Издательский дом «РОС-ДОАФК», 2018. 480 с.

335. *Цвижба Л.И.* Этно-демографические процесс в Абхазии в XIX в. Сухум: Алашара, 2001. 168 с.

336. *Цыпин Вл., прот.* Агафодор // Православная энциклопедия: в 75 т. / под общ. ред. патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. ; всего 750 с.

337. *Чанба Р.К.* Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 140 с.

338. *Чачхалиа Д.К.* Абхазская Православная Церковь. Хроника. Прибавления. М.: Изд-во «МААНН», 1997. 116 с.

339. *Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVIII века). Перевод и комментарии. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. / сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; примеч. и коммент. А.Д. Желтякова, М.К. Зулаляна, Г.В. Путуридзе. М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Восточной литературы, 1983. 376 с.

340. *Черкасов А.А.* «Положение о заселении Черноморского округа и управление оным» как исторический документ // Вестник Сочинского отделения РОИА «Время и документы». № 3 (13). Сочи: 2009. С. 75 — 95. URL:http:edemkavkaza.ru или bg:cherkasgv.press / journal_n /1317456574.pdf

341. *Чернышев К.* Еще об Абхазии // Абхазия — Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл. и коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. 1. С. 202–206.

342. *Чернявский В.И.* Из исследований в юго-западном Закавказье // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1877 / изд. под ред. секретаря общ-ва В. И. Срезневского, СПб.: В тип. В. Безбородова и К°, 1878. Т. 13. Отд. II. С. 330–349.

343. *Чернявский В.И.* Названия растений и плодов на некоторых языках юго-западного Закавказья, собранные преимущественно в Сухуме в 1870–76 и 1878–79 годах // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества / под ред. Л. П. Загурского. Тифлис: Тип. Главн. Управл. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1882–1883. Т. VII. № 1–2. С. 102–113.

344. *Чернявский В.И.* Названия животных на некоторых языках юго-западного Закавказья, собранные преимущественно около Сухума (частью на Кодоре, в Самурзакани) 1870–76 и 1878–79 годах // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества / под ред. Л. П. Загурского Тифлис: Тип. Главн. Управл. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1882–1883. Т.VII. № 1–2. С. 114–128.

345. *Чернявский В.И.* Краткий очерк Абхазии // Абхазия — страна души. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост., предисл., коммент. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровы (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Т. I. С. 411–421.

346. *Чирикба В.А.* Абхазский язык // Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. 2-е изд., испр. М.: Наука, 2012. С. 23–39.

347. *Чкок-Эшба Э.М.* Из истории Русского монастыря Св. Пантелеимона на Горе Афон (Греция) XIX в. // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум: АбИГИ, 2016. Вып 10. С. 93–101.

348. *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. 265 с.

349. *Шавров Н.* Русская колонизация Кавказа // Вопросы колонизации. Периодический сборник / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. Склад изд. С-Петербургский книж. магазин «Учебное дело». 1911. № 8. С. 119–177.

350. *Шамба Г.К.* Древний Сухум. (Поиски, находки, размышления). Сухум: Алашара, 2005. 208 с.

351. *Шафранова О.И.* Имперская модель экономической модернизации приморской зоны Западного Кавказа в последней четверти XIX века: опыт включенного наблюдения А.В. Верещагина // Кавказский сборник. Т. 10 (42) / под. ред. В.В. Дегоева: отв. ред. тома: М.А. Волхонский, В.М. Муханов, А.Л. Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2017. С. 232–240.

352. *Шервашидзе Г.М.* Так пишется история. (Письмо в редакцию) //Г.М. Шервашидзе. Собр. соч.: в 2 т. Кутаиси: 2006. Т. 1: Поэзия. Драматургия. Публицистика. С. 288–303.

353. Шервашидзе — княжеский род в Абхазии // Русский биографический словарь: в 25 т. Издано Императорским Русским Историческим Обществом. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. [Т. XXIII]. С. 99–100; всего 557 с.

354. [*Шереметьев С.Д., граф*]. Новый Афон. 1884. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. 11 с.

355. Шереметьев (Сергей Дмитриевич) // Энциклопедический словарь. Издатели. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Тип. Акц. общ-ва Брок-

гауз-Ефрон, 1903. Т. XXXIX-а. С. 494 [пагинация продолжает предыдущий том]; всего 960 с.

356. *Шишлова Е. Э., Тванба Л. Р.* Этнокультурные особенности абхазского языка в векторе его сохранения и развития // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 124–134. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-124-134. etnokulturnye-osobennosti-abhazskogo-yazyka-v-vektore-ego-sohraneniya-i-razvitiya.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

357. *Щербакова М.И.* Текстологические особенности этнографической прозы // Национальные культуры в современном мире. (По материалам Международной научной конференции, 22–26 октября 2003 г., Республика Абхазия, г. Сухум) / отв. ред. А.И. Чагин, В.Ш. Авидзба, В.А. Бигуаа. М.; Сухум: 2012. С. 123–139.

358. *Щербакова М.И.* Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) как издатель и просветитель // Национальные культуры в современном мире: Литература. Фольклор. (Памяти В.В. Кожинова) / отв. ред. В.А. Бигуаа, В.Ш. Авидзба. Сухум: АбИГИ, 2015. С. 183–196.

359. *Щербакова М.И.* С.В. Максимов и его книги // С.В. Максимов. Очерки о белорусской земле. М.: «ИНДРИК», 2018. С. 429–473.

360. *Щербакова М.И.* Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 234–272.

361. Энциклопедический Лексикон А.А. Плюшара: в 17 т. [издание не завершено].СПб.: В тип. А. Плюшара, 1836. Т. 7. 523 с.

362. [*Эсадзе С.С.*]. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. Составил редактор Военно-исторического отдела Окружного штаба Семен Эсадзе. Печатано по распоряжению Наместника Е.И.В. на Кавказе. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. 616 с.

363. *Юркевич М.* На Новом Афоне. (Из дневника пастыря-паломника). СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. 35 с.

364. https://wikipedia.org./wiki/Шереметьев_Сергей_Дмитриевич (дата обращения: 19.09.2020).

365. https://wikipedia.org./wiki/Тартман_Рафаил_Карлович (дата обращения: 17.09.2020).

Абаза Н.С. – 342.
Абазов Ч.А. – 274, 435.
Абт Р. – 342.
Абульфреди – 265.
Авалиани С.Л. – 96, 405.
Аверинцев С.С. – 12, 405.
Аверкиев И.И. – 156, 165.
Авидзба А.Ф. – 9, 76, 84, 86, 87, 89, 94, 102, 317, 408, 422, 423, 428, 431, 434.
Авидзба В.В. – 72, 405.
Авидзба В.Д. – 199, 405.
Авидзба В.Ш. – 46, 216, 280, 284, 288, 297, 303, 348, 356, 357, 360, 367, 383, 405-407, 409, 420, 423, 429, 438-442, 444.
Авидзба Д.З. – 348, 406.
Авидзба Р.Л. – 10, 371, 406.
Агафодор [Преображенский], епископ – 278, 279, 280, 283, 406, 441.
Агафонов, епископ – 283.
Агерба – 190.
Агуажба Р.Х. – 9, 43, 77, 82, 234, 239, 240, 405, 415, 428, 432, 437.
Агумаа А.С. – 89, 257, 258, 280, 284, 288, 300, 314, 315, 375-381, 383, 390, 406, 428.
Аджинджал Е.К. – 311-313, 406.
Адзинба З.И. – 10, 324, 380, 407, 408, 431.
Адзинба И.Е. – 59, 304, 356, 400, 406.
Акаба Л.Х. – 400.
Акинфиев М. – 295, 436.
Акулов Селивестр – 191.
Алания Т.Г. – 360, 407.
Александр I – 35, 41, 47, 85, 373, 415, 426.
Александр II – 89, 182, 184.
Александр III – 247, 293, 326.
Александр Михайлович, великий князь – 290, 295, 296, 357, 379, 383, 396.

Александров Н.А. – 362-369, 407, 432.
Алекси И.Е. – 187.
Алексий II – 279, 441.
Алиева А.И. – 271, 407.
Алпатов В.М. – 255, 407.
Альбов Н.М. – 10, 287, 304, 321-323, 324, 367-380, 394, 395, 407, 431.
Амичба Г.А. – 220, 309, 310, 408.
Амичба С.А. – 400.
Андреев Л.Г. – 13, 427.
Андреев Н. – 453.
Андрей Первозванный – 112, 223, 248, 346, 367.
Андрей (Ухтомский), епископ – 438.
Андриевский И.Е. – 27, 411.
Андриевский Н.Е. – 288-292, 404, 408, 437.
Антелава И.Г. – 86.
Анучин Д.Н. – 16, 429.
Анчабадзе З.В. – 32, 42, 52, 356, 408.
Анчабадзе Мурзакан – 269, 270.
Анчабадзе Ю.Д. – 125, 145, 149, 220, 405, 408, 443.
Аргун М.Р. – 317, 423.
Аргун Ю.Г. – 125, 145, 220, 405, 408, 445.
Арсений Минин – 231, 234, 254, 444.
Арсений, настоятель – 212.
Асланбей [Арслан-бек] – 37, 60, 63, 171, 373, 428.
А.Л. [Архимандрит Леонид, Кавелин] – 213-235, 250, 251, 265, 297-305, 334-340, 367, 408, 409, 414, 418, 423, 425, 426, 430, 441.
Ацыбушев – 290.
Ачба Жана – 270.
Ачугба Т.А. – 9, 43, 77, 82, 234, 239, 240, 405, 415,428, 432, 437.
Ашинов Н.И. – 244-246, 409, 427.
Ашуба А.Е. – 317, 323.

Бабель И.Э. – 8.
Бабкин А.М. – 416.

Бабст И. – 492.
Багапш Н.В. – 392, 393, 409.
Баграт III – 219, 220.
Багриновский В.И. – 377.
Бакрадзе Д. – 226, 227, 235, 265, 320, 325, 326, 335, 346, 347.
Балахнинский, епископ – 279.
Балашов А.И. – 253.
Балашов В.С. – 280, 408.
Балашов Н.И. – 13, 427.
Баллас М. – 108.
Бальби Адриан – 45.
Барков И.М. – 253.
Барский П.Н. – 390.
Бартоломей И.А. – 96, 149, 208, 230, 330, 417, 428.
Барятинский А.И. – 130.
Басария С.П. – 302, 303, 315, 409, 440.
Баторевич Н.И. – 353, 415.
Бгажба О.Х. – 126, 216, 288, 297, 337, 345, 349, 373, 406, 409, 414.
Бгажба Салуман – 71, 72.
Бгажба Х.С. – 71, 126, 303, 304, 330, 400, 409, 423, 432.
Бебиа Е.Г. – 258, 409.
Бебия С.М. – 357, 409.
Бебутов В.О. – 102.
Безбородов В. – 359, 442.
Белецкий Д.В. – 350, 409, 410.
Белинский В.Г. – 15, 170, 276, 410.
Бенецкий Г.Ф. – 169.
Берадзе Т. – 356.
Бердяев Н.А. – 87, 88, 144, 410.
Березин И.Н. – 13.
Берже А.П. – 77, 98, 128-140, 410, 435.
Беркутов А. – 403.
Бестужев-Марлинский А.А. – 7, 8, 17.
Бжания М.Г. – 9, 405.
Бигуаа В.А. – 315, 410, 444.

Биттерли Е. – 342.
Блаватская Е.П. – 208.
Бларамберг И. – 17, 118, 430.
Бобова М. – 361, 437.
Бобринский А.А. – 299, 426.
Богданович М.И. – 151.
Боград В.Э. – 276, 412.
Болдина Л. – 399, 410.
Бондаренко Н.А. – 144, 410.
Борев Ю.Б. – 11, 411.
Ботаревич Н.И. – 413.
Боткин С. П. – 290, 360.
Ботяков Ю.М. – 75, 411.
Боханов С. – 226.
Бочаров А.Г. – 13, 427.
Боярский А. – 253.
Браккер В.А. – 239, 240, 391.
Брейтуэйт Дж. – 164, 411.
Брокгауз Ф.А. – 13, 27, 38, 39, 44, 55, 130, 131, 149, 167, 170, 200-202, 245, 275, 276, 292, 358, 361, 409-411, 416, 419, 421, 422, 427, 429, 435-437, 443.
Бромлей Ю.В. – 432.
Броневский С.Б. – 27, 411.
Броневский С.М. – 5, 24-33, 35-38, 44-58, 59, 132-134, 411, 432.
Бронзов А.А. – 254.
Броссе М.И. – 222.
Брун Ф.К. – 31, 371, 411.
Будберг А.И. – 67, 75, 76,88,89, 422, 434.
Буз-оглы – 192.
Бунге И. – 192.
Буслаев Ф.И. – 259.
Бутба З.Р. – 77, 411.
Бутлеров А.М. – 245, 290.

Варлаам, иером. – 283.
Васильев, журналист – 239.

Васюков С.И. – 255, 298, 300, 411.
Введенский А.Н. – 96, 160, 161, 223, 290, 293, 295, 296, 321, 324, 325, 347, 348, 357, 379, 380, 394-396, 412.
Введенский Б.А. – 350, 413.
Вебер В.Н. – 252.
Величко К.И. – 92, 149, 414, 419.
Вельяминов А.А. – 62.
Венгеров С.А. – 130-132, 368, 369, 410, 412.
Верещагин А.В. – 4, 180-198, 236, 264, 412, 413, 428, 446.
Винеке А.Э. – 341, 415.
Виноградов А.Ю. – 350, 409, 410.
Виноградов В.В. – 438.
Винокур Г.О. – 438.
Вирхов Р.Л.К. – 290, 360, 429.
Владимиров И.А. – 343-353, 413, 418, 426.
Владыкин М.Н. – 169-173, 175, 176, 191, 371, 413, 420, 427.
Воейков А.И. – 252, 371.
Волин Б.М. – 438.
Волхонский М.А. – 21, 414, 416, 439, 443.
Вольф М.О. – 12, 416.
Воробьев – 378.
Воробьев Н.И. – 299, 301, 414, 424.
Воронов Ю.Н. – 126, 213, 336-338, 345, 349, 356, 373, 409, 414.
Воронов Ю.Н. – 252.
Воронцов М.С. – 54, 55, 75, 76, 94, 97, 130, 176, 177, 178, 243, 377, 379, 422.
Воскресенский Г.А. – 337, 414.
Восторгов Иоанн, священномученик – 141, 142, 414.
Вяземский П.А. – 292.
В. Р-в. – 414.

Габричидзе М. – 433.
Габуния З.М. – 147, 255, 414.
Гавриил, преосвещенный – 202, 281, 283.

Гаврилов Н.А. – 199, 443.
Гамба – 64.
Ган К.Ф. – 322, 326.
Ган Е.А. – 208.
Гарсеванов – 174.
Гартман Р.К. фон – 253, 340-343, 415, 445.
Гаспаров М.Л. – 12, 405.
Гассан (Хасан) Маргания – 231, 232.
Гассан-бей (Хасанбей) – 62, 63, 83-86, 415.
Гегия И. – 330.
Гей Н.К. – 276, 410.
Гейдук Ф.И. – 184.
Генко А.Н. – 255, 274, 415.
Георгиев В.А. – 141, 431.
Георгиева Н.Г. – 141, 431.
Георгий I – 94.
Георгий Победоносец – 157.
Гечба Решид – 178, 190, 191.
Гилинский Я. – 164, 411.
Гладков Ф.В. – 8.
Гоголь Н.В. – 169.
Головин Н.Н. – 97.
Гончаров А.И. – 276.
Горлов И. – 192.
Городецкий М. – 201, 429.
Гродецкий М. Д. – 429.
Городищев (Селиванов) А.Ф. – 298, 300, 415.
Горчаков В.П. – 292.
Горький М. – 7, 8.
Григоренко С. – 13, 415.
Грот Я.К. – 144, 410.
Губер П.Е. – 342.
Губжоков М.Н. – 25, 30, 440.
Гудович И.В. – 26.
Гукасянц Л. – 239, 240, 415.
Гуланян Т.А. – 357, 409.
Гулиа Д.И. – 81, 223, 245, 274, 303, 330, 398, 400, 415.

Гулин А.В. – 144, 411.
Гумба А.Р. – 330, 423.
Гумба М.В. – 86, 415.
Гунба М.М. – 356.
Гурандухт(а) – 219.
Гурьева Т.Н. – 14, 416.
Гусарова Е.В. – 245.
Гюльдинштедт И.А. – 17, 24, 38.

Давид – 220.
Давид – Завоеватель – 342.
Давид Сослан – Георгий – 220.
Давыдов Д.В. – 17.
Дадиани Григорий – 152.
Дадиани Д. – 94.
Дадиани Леван – 152, 153.
Дадиани Тамара – 86.
Дадиани Цотне – 133.
Даль В.И. – 12-14, 416.
Дамения И.Х. – 8, 416.
Данкевич – Пущина Н.А. – 74, 356, 419.
Дарий Гистасп – 354.
Дбар А.Я. – 6, 301, 369, 370, 403, 404, 414, 416, 434, 438.
Дегоев В.В. – 150, 189, 416, 443.
Демаков В. – 55, 65, 433.
Державин Н.С. – 298, 299, 416.
Дестунис – 218.
Джопуа А.И. – 166, 349, 351, 416.
Дзидзария Г.А. – 9, 10, 25, 42, 51, 52, 60, 74, 84, 85, 88, 124, 173, 174, 181, 195, 133, 232, 234, 305, 330, 377, 393, 403, 408, 415-418, 421, 427.
Дзидзария Г.Г. – 417.
Дик Э. – 252.
Диоклетиан – 219.
Дирр А. – 399, 400, 418.
Дмитрий (Шервашидзе) – 82, 84, 86, 87.
Дмитрий II – 94.

Дондуков-Корсаков А.М. – 294, 325.
Дорофей (Дбар) (иером.; архим.) – 112, 213, 311–315, 418.
Дружинина И.А. – 350, 351, 418.
Дубровин Н.Ф. – 21, 149-165, 172, 175, 321, 412, 419, 421.
Дудко А.П. – 256, 419.
Дукмасов А.М. – 246.
Дукмасов И.А. – 236, 237, 239-247, 419.
Дьяченко Григорий – 319.
Дьячков-Тарасов, майор – 239.
Дюбуа де Монперэ, Фредерик – 74, 201, 265, 355, 356, 358, 359, 371, 419.
Дюваль – 332, 333.

Евдокимов Е. – 415.
Евецкий О.С. – 43-52, 419.
Евреинов Н.Н. – 8.
Евтушенко Е.А. – 405.
Егунов А.Н. – 79, 435.
Елизавета Петровна, императрица – 236.
Емельянова Н.М. – 9, 433.
Ендольцева Е.Ю. – 315, 383, 406, 420.
Еремин М.П. – 15, 434.
Еремин П.М. – 15, 434.
Ермолаева О.Д. – 254.
Ермоленко Л.П. – 317, 423.
Ермолов А.П. – 17, 62, 84, 222.
Ефимов Г.Д. – 248-250, 320.
Ефимов И. – 211, 313, 319, 409, 423, 436.
Ефрон И.А. – 13, 27, 38, 39, 44, 55, 130, 131, 149, 167, 170, 200-202, 245, 275, 276, 292, 358, 361, 368, 409-412, 414, 419, 420, 421, 422, 427, 429, 435-437, 443.

Жаринцов Д.Ф. – 179, 180, 404, 420.
Желиховская В.П. – 208, 209, 210, 420, 430.
Желиховский В.И. – 208.

Желтяков А.Д. – 31, 441.
Журавлёва А.И. – 170, 420.

Завадский М.Р. – 147, 420.
Завадский Ф.А. – 77, 78, 169, 420.
Загурский Л.П. – 322, 442.
Зандер А. – 403.
Захарий, католикос – 224.
Захаров Н.В. – 302, 338.
Званба С.Т. – 113, 163, 165, 306, 416.
Зейдлиц Н.К. – 322.
Зеленин А.В. – 253, 403.
Змеев Л.Ф. – 12, 13, 421.
Зозуля И.В. – 317, 423.
Золотницкий Н.Ф. – 382, 412.
Зулулян М.К. – 441.
Зыков С. – 151, 421.
Зыкова Г.В. – 204, 205, 421.
Зябловский Е.Ф. – 38-42, 50, 423, 421, 422.

Иващенко М.М. – 356.
Игнатьев, граф – 246.
Иереней, священник – 382.
Иерон, архиандрит – 232, 343.
Иерон, игумен – 231, 294, 326, 333.
И.Н. (Иван Никифоров) – 235, 253, 297-312, 314-331, 333-340, 422, 423.
Иероним, духовник – 210.
Иероним, настоятель – 212, 237, 238.
Измаилов – 173.
Ильин А. – 205, 429.
Инал-ипа Ш.Д. – 107, 108, 126, 138, 139, 306, 307, 356, 403, 418, 422.
Иннокентий – 226.
Иоана, монах – 231, 332.
Иоанн Златоуст – 254, 280, 298, 305, 314, 329, 381, 418, 425.

Ираклий, император – 219.
Исленьев В. – 169, 413.

Кавелин Д.А. – 213.
Кавелин Д.К. – 213.
Казбек – 264.
Кайтан Ш.Г. – 356, 423.
Калабухов Н.Г. – 252, 403.
Каменский В.В. – 7, 8.
Каменский П.П. – 8.
Капба Р.Х. – 71, 423.
Капустин Платон – 319.
Карлгоф Н.И. – 66-72, 74-76, 78, 80, 81, 90, 92, 123, 423.
Касландзия А.М. – 303, 440.
Касландзия Н.В. – 317, 423.
Катков М. – 168, 236, 419, 429.
Кащеев А.А. – 334-336, 423.
Кварчия В.Е. – 184, 346, 423.
Квициния И.И. – 7, 405.
Квициния П.К. – 300, 428.
Келеш-бей (Келешбей, Кялым-бей) – 35, 36, 51, 62, 82, 86, 123, 152, 153, 171, 222, 373, 415.
Керопян А.С. – 403, 404, 434, 437.
Керсновский А.А. – 19, 423.
Кибрик А.Е. – 146, 423.
Кирилл – 344.
Киршбаум В.Ф. – 300, 427.
Клапрот Ю. – 17, 44, 120, 272, 424.
Клепшау – 187.
Климова М.В. – 15, 410.
Клинген И.Н., фон – 108, 284.
Кнорринг К.Ф. – 35.
Княжна-Тараканова – 236, 237.
Князева А.А. – 9, 405.
Ковалевский Е.П. – 169.
Когониа И.А. – 126, 127, 422.
Кожевников В.М. – 13, 14, 424, 427.

Кожинов В.В. – 14, 15, 120, 121, 234, 424, 446.
Козловский К. – 298, 387, 400, 416, 418, 442.
Колбая Г.Н. – 301, 424.
Колесникова Е.В. – 277, 424.
Колесникова М.Е. – 317, 423.
Константин Багрянородный – 28.
Коньяр В.М. – 116, 172-175.
Короленко П.П. – 298, 424.
Корсая С.В. – 71, 423.
Косвен М.О. – 17, 18, 23-26, 44, 92, 165-167, 307-308, 318, 424.
Котляровы М. и В. – 9, 78, 79, 96, 113, 121, 249, 379, 393, 397, 405, 420, 428, 433, 434, 436, 442, 445.
Кравцов Н. – 298.
Кравченко, генерал – 232, 240, 267.
Краевич П.Д. – 96, 425.
Краевский А. А. – 142, 425.
Край К. – 13, 275, 278, 405, 437.
Кременецкий А. – 253, 298, 300, 425.
Кренеберг И.Я. – 15, 16, 425.
Криницкий, ген.-м. – 291, 293.
Крубер А.А. – 403.
Крутова М.С. – 339, 340, 425.
Крылов А.Б. – 311, 425.
Крылова Г.А. – 209, 430.
Ксаверио Г. – 32.
Кудрявцев К.Д. –356.
Кузьминых С.В. – 261.
Кукба В.И. – 256.
Кулешов В.И. – 276, 410.
Куправа А.Э. – 9, 42, 52, 76, 84, 86, 87, 89, 94, 102, 116, 408, 417, 422, 425, 428, 431, 434.
Купряшина Т.В. – 440.
Купфер А.Я. – 17.
Курдюмов Е.Д. – 253.
Курмансеитова А.Х. – 277, 426.

Курцикидзе Г. – 330.
Кушнерев И.Н. – 355, 437.

Лаврентьев А.Н. – 91-95, 97-101, 103-107, 109-113, 116, 117, 119, 121-123, 125-129, 217, 426.
Лагорио – 190.
Лазарев С.Е. – 351-353, 426.
Лакербай С.С. – 227, 231, 250, 269.
Лакербай Хусейн – 233, 234.
Лакоба С.З. – 8, 199, 301, 373, 414, 426.
Лакрба (Лакербай) М.А. – 79, 81, 426.
Ламберти А. – 34, 426.
Ларин Б.А. – 438.
Латышев В.В. – 299, 300, 309, 426.
Лачинов Е.Е. – 17.
Леван, князь – 51.
Левенсон А.А. – 245, 263, 298, 379, 439.
Ленц Э.Х. – 17.
Леон I – 94.
Леон II – 94.
Леонов Л.М. – 7.
Леонтьев И. – 295, 436.
Лисовский Н.М. – 358, 427.
Лисовский Ф.Я. – 9, 420.
Литвинов – 152.
Лихачёв Д.С. – 361, 435.
Лобанов М.Е. – 15.
Лопухин А.П. – 299, 445.
Лукина О.А. – 440.
Луночкин А.В. – 245, 246, 427.
Лысенкова Авдотья – 207.
Ляховецкий – 378.

Маан О.В. – 306, 384, 422, 427.
М. М. [Мазаев М.Н.] – 470, 427.
Майков А.Н. – 276.
Майков В.Н. – 276.

Макарий, игумен – 210, 327, 333.
Макаров А.Г. – 82, 438.
Макарова С.А. – 82, 438.
Макаров, граф – 120.
Максимов В. – 384, 401.
Максимов Л.М. – 433.
Максимов С.В. – 166, 167, 427, 444.
Максимович Л.М. – 431.
Малания Л.О. – 396.
Мальбахов К.А. – 120, 424.
Мамонтов А.И. – 262, 266, 414, 439.
Мамонтов Н.Н. – 182, 185, 189, 412.
Маргани Д. – 330.
Марков Е.Л. – 371.
Маркович В.В. – 252.
Марр Н.Я. – 19, 255-257, 287, 427, 433.
Маршания Херпыс – 126, 136.
Масанов И.Ф. – 370.
Мачавариани Д. – 96, 232, 234, 239, 282, 393, 428.
Мачавариани К.Д. – 227, 228, 232, 249, 282, 299, 300, 330, 392, 393, 428.
Машанова Ю.И. – 181, 428.
Маяковский В.В. – 7.
Медвенский Н.И. – 360, 429.
Меликсет-Беков Л.М. – 254.
Метакса – 192, 401.
Мечников Л.И. – 114, 429.
Мещанинов И.И. – 433.
Миклухо-Маклай Н.Н. – 16, 429.
Митридат Евпатор – 354, 355.
Михаил Николаевич, великий князь – 130, 184, 202, 231, 236, 393.
Михаил Чачба (Шервашидзе) – 62, 64, 72, 73, 75, 83, 84, 86, 102, 123, 172, 173, 222, 224, 244, 343.
Михайловская А.М. – 387.
Михайловский Г.Н. – 208.
Мишкевич Ю., проф. – 192.

Модест, иеромонах – 283.
Молчанов А.Н. – 202-207, 236, 421, 429.
Молчанова Л.Л. – 10, 324, 380, 407, 408, 431.
Мордовцев Д.Л. – 8.
Мостовский М.С. – 167, 168, 429.
Мошнин, ген. консул – 239.
Муравьев, ген.-майор – 96.
Муравьев-Карский Н.Н. – 102, 130.
Мурзакевич Н.Н. – 200-202, 414, 429.
Муханов В.М. – 21, 414, 416, 439, 443.

Надыршин, издатель – 118.
Назарова И.М. – 118, 119, 430.
Наполеон – 20.
Нахимов П.С. – 213.
Неверов Я. М. – 142, 143, 430.
Нейдгардт А.И. – 88, 89, 434.
Некрасов В.Н. – 170, 420.
Некрасов Н.А. – 169.
Немирович – Данченко В.И. – 8.
Нессельроде К.В. – 84.
Нестор, летописец – 28, 132.
Нефляшева Н. – 149, 408.
Никитин Н.В. – 264.
Никифоренко Н.Е. – 236.
Николаев П.А. – 13, 14, 170, 205, 209, 368, 370, 420, 421, 424, 427, 430, 433.
Николаев, столоначальник – 239.
Николаи А.П. – 55.
Николай Павлович I, император – 54, 65, 141, 142, 236, 324, 359, 380.
Николай, святитель – 295.
Никольская Т.П. – 209, 430.
Никольский А. – 337, 430.
Николюкин А.Н. – 13, 14, 424, 427.
Никон, епископ – 254, 315, 318.
Нифонт – 311-313, 315, 318, 335.

Новиков Н. – 24, 431.
Новицкий В.Ф. – 92, 414.
Ноев Ф.Ф. – 296, 357.
Носович Т. – 361.
Н.М. – 201.
Н.Т. – 178.
Нюшков В.А. – 266, 349, 351, 416.

Ожегов С.И. – 438.
Олонецкий А.А. – 402, 431.
Ольга, княгиня – 348.
Ольденбургский А.Н. – 389.
Омер-паша – 86, 87.
Орлов А.С. – 141, 431.
Ортега – и – Гассет Х. – 251, 431.
Островский А.Н. – 169.
Остроумов А.М. – 290, 360, 390.
Отец Евстихий – 296.
Ошис В.В. – 442.

Павел, священник – 326.
Павлова И.К. – 24-28, 432.
Паллас П.С. – 17, 24.
Панафидин А.Я. – 362, 407.
Пантюхов И. – 322, 328.
Папаскир А.Л. – 8, 313, 314, 432.
Паскевич И.Ф. (Эриванский) – 43, 44, 84, 85.
Пастернацкий Ф.И. – 252, 253, 371.
Паустовский К.Г. – 7.
Пахомов А.В. – 86, 431.
Пачулиа В.П. – 7, 304, 305, 356, 432.
Пейссонель К-Ш. – 37, 432.
Пенская Е.Н. – 368, 432.
Петров А.П. – 383.
Пикуль В.С. – 277, 433.
Пиленко Д.В. – 184.
Платон – 79, 433.

Плетнев П.А. – 144, 410.
Плеханова А.С. – 271, 433.
Плещеев А.Н. – 369.
Плиний Старший – 345, 371, 372.
Плюшар А. – 25, 44, 444.
Полиевктов М.А. – 16-19, 55, 56, 65, 433.
Половцов А.А. – 55, 130, 435.
Полунин Ф.А. – 431.
Полухина Т.Н. – 419.
Помпей – 354, 355.
Попко И.Д. – 364.
Поррет И.Г. – 17.
Потемкин – 243.
Потто В.А. – 367.
Прац Эдуард – 84, 442.
Пржевальский Н.М. – 16, 433.
Прогульбицкий В.К. – 379, 433.
Прокопий Кесарийский – 218, 265, 345, 348.
Просвирин А., прот. – 311, 313, 434.
Прохоров А.М. – 350, 413.
Проценко Ю.П. – 196, 322, 328.
Птолемей – 345, 382.
Путуридзе Г.В. – 441.
Пушкарев С.И. – 78, 79, 108, 113, 165, 358, 434.
Пушкин А.С. – 15, 16, 17, 434.

Радищев А.Н. – 16, 434.
Раевский Н.Н. – 176, 222, 377.
Разумовский Алексей – 237.
Рамзес – 354.
Ратушняк В.Н. – 243, 434.
Реад Н.А. – 102, 130.
Решид Иналипов – 190.
Рихтер В.Ф. – 213, 300, 314, 319, 408.
Родзевич И. – 169, 413.
Розен В.Р. – 222.
Розен Г.В. – 222, 230.

Романов В.П. – 273, 274, 435.
Рубинштейн Н.Г. – 259.
Рудаков В. – 130, 132, 147, 435.
Руммель (Нарольская) Валерия – 361.
Руммель В.Ю. – 353-361, 435.
Руммель Зофья – 361.
Руммель Ю.-Е. В. – 361.
Румянцев Н.П. – 27, 275.
Рыбак Е.А. – 277, 435.
Рыбинский Г.А. – 78, 283-287, 304, 321, 323, 324, 396, 397, 404, 435, 436.
Рыкгоф – 152.

Саблин С. – 282.
Савинов В.И. – 8, 165.
Саврасов А.К. – 259.
Сакания С.М. – 316, 436.
Салакая С.Ш. – 9, 76, 84, 86, 87, 89, 94, 102, 317, 395, 408, 417, 418, 422, 428, 431, 434.
Салакая Ш.Х. – 126, 132, 330, 393, 432.
Салтыков-Щедрин М.Е. – 208.
Саманба Л.Х. – 275, 400, 436.
Сатунин К.А. – 252.
Сафербей (Сефир-Али-Бек, Георгий) – 37, 47, 51, 60, 62, 82, 83, 85, 101, 124, 221, 222, 224, 375, 415, 426.
Сафонов С.В. – 54-60, 62, 63, 65, 172, 201, 433, 436.
Св. Антоний Печерский – 285.
Св. Василиск – 280.
Св. Пантелеимон – 295, 315, 316.
Свифт Дж. – 16, 436.
Селивановский С. – 24, 411.
Семенов – Тян-Шанский П.П. – 16.
Сенковский О. – 276.
Серафимович А. – 7.
Сергеев М.В. – 252, 371.
Сердюченко Г.П. – 255.
Сивохина Т.А. – 141, 431.

Сидоров В.М. – 294-296, 436.
Сизиков М.И. – 210-213, 249, 250, 313-315, 436.
Сизов В.И. – 264, 296, 356.
Симон Кананит – 112, 212, 223, 231, 232, 248, 266, 293, 295, 316, 346.
Симонов К.М. – 398, 415.
Скаков А.Ю. – 316, 317, 436.
Скаси Р. – 23.
Скилакс Кариадский –354.
Скороходов И.Н. – 272, 437.
Слушкевич З. – 363.
Смалленбург – 342.
Смецкой Н.Н. – 253, 383, 388, 396, 406.
Смирнова И.Ю. – 216.
Соллогуб Вл. – 7.
Соловьев Л.Н. – 356.
Солодов Н.В., иерей – 339, 437.
Сорокин А.К. – 352, 426.
Спинаки Г. – 401.
Срезневский В.И. – 359, 442.
Стамова И.И. – 150, 416.
Станкевич З.А. – 426.
Старосельский Д.С. – 196, 236.
Старчевский А.В. – 13, 271, 272, 275-278, 405, 435, 437.
Стасюлевич М. – 443.
Статковский Б. – 291, 293, 404, 437.
Стерликова С.А. – 257, 437, 438.
Страбон – 218, 345, 373.
Стражев В.И. – 8, 303, 438.
Суворин А.С. – 149, 411, 419.
Суринович – 173.
Сурков А.А. – 13, 415, 424, 425.
Сытин И.Д. – 92, 149, 414, 419.

Тавризян Г.М. – 440.
Таиар-паша – 373.
Тамара (Тамар) – 220.

Тамерлан (Тимур-ленг) – 49, 133.
Тания И.В. – 46, 438.
Тарнава М.И. – 299, 301, 438.
Татаринов П.Е. – 285, 290, 357, 378.
Тванба Л.Р. – 277, 444.
Тези И.М. – 253, 369-376, 378, 379, 381-386, 406, 416, 438.
Темир – Хан – 133.
Тиглет-Цилизер – 354.
Тимофеев Л.И. – 13, 436.
Тимофеев М.И. – 406.
Тимофеев М.Т. – 281.
Тихомиров Л.А. – 204.
Токарев Н. – 328.
Толстой А.Н. – 7.
Толстой Л.Н. – 205, 259, 438.
Томашевский Б.В. – 440.
Торнау Ф.Ф. – 5, 10, 74, 82, 111, 165, 176, 217, 371, 406, 417, 421, 438.
Тотлебен – 36.
Трапш М.М. – 373, 438.
Трапш Н.А. – 199, 367, 439.
Требелева Г.В. – 316, 436.
Трубецкой Н.С. – 114, 115, 119, 439.
Туманов Г.Д. (Ахан-ипа) – 296.
Тумановы Г.М. и К.М. – 296.
Тураев С.В. – 13, 436.

Уваров А.С. – 259-262, 272, 274, 299, 407.
Уварова П.С. – 145, 245, 259-271, 298, 356-367, 371, 381, 407, 433, 441, 443.
Уманец С. – 298, 299, 439.
Урушадзе А.Т. – 20, 439.
Услар П.К. – 145-149, 208, 230, 272, 273, 275, 410, 420, 423, 439.
Ушаков Д.Н. – 13, 438.
Ушаков Н.И. – 84, 85, 440.

Фадеев А.А. – 7.
Фадеев А.М. – 208.
Федин К.А. – 7.
Феодосий I – 94.
Феодосий II – 219.
Фесенко Е.И. –248.
Филипсон Г. – 32.
Флавий Арриан – 62, 200, 218, 346.
Флавий Велизари – 355.
Флямер М. – 164, 411.
Фомилиант В.И. – 371.
Фон-Дервиз Евгений – 389.
Фон-Дервиз Н.В. – 386-399, 401-403, 430, 440.
Фурманов Д.А. – 7.

Халбад Т.Х. – 274, 415.
Халиков А.Х. – 373, 438.
Хан – Гирей С. – 29, 30, 31, 440.
Хан М.А. – 210, 420.
Хашба А.К. – 256.
Хашба М.М. – 303, 440.
Хёйзинга Й. – 20, 440.
Хитрово Г. – 253.
Ходоровский М.И. – 203.
Храпова Л.Е. – 259, 440.
Хрушкова Л.Г. – 265, 271, 308, 309, 316, 441.

Цвижба Л.И. – 10, 199, 420, 433, 441.
Цицианов П.Д. – 26, 120, 152, 153.
Цуриков П.Г. – 215.
Цыпин Вл., прот. – 279, 280, 441.

Чагин А.И. – 444.
Чайкин Е.В. – 338.
Чанба Р.К. – 108, 441.
Чанцев И.А. – 179, 420.
Чарая П.Г. – 255.

Чарторыйский А.А. – 26.
Чацба Чагу – 77, 411.
Чачхалиа Д.К. – 310, 312, 441.
Челеби Э. – 31, 32, 230, 441.
Черепов – 173.
Черкасов А.А. – 183, 442.
Чернецов Н.Г. – 65, 201.
Чернышев К. – 121, 122, 123, 442.
Чернявский В. И. – 208, 265, 273, 322, 328, 340, 347, 348, 358, 359, 381, 442.
Чехов А.П. – 7, 8.
Чечевишников А.Л. – 416, 439, 443.
Чирикба В.А. – 125, 145, 443.
Чиркин Г.Ф. – 199, 445.
Чкок-Эшба Э.М. – 315, 316, 443.
Чуйков – 378.
Чулков М.Д. – 431.
Чупров А. – 192.
Чуркин В.Л. – 9.
Чуркин В.Ф. – 9, 420.
Чурсин Г.Ф. – 304, 400, 443.
Чхаидзе В.Н. – 350, 351, 418.

Шавров Н.А. – 199, 328, 443.
Шакрыл П.С. – 81.
Шамба Г.К. – 373, 443.
Шамба О. – 116.
Шапсугов Д.Ю. – 9, 408.
Шарапов С.Ф. – 252.
Шарден Ж. – 129, 326, 371.
Шафранова О.И. – 189, 317, 423, 443.
Шахматов Б.М. – 204, 205, 421.
Шервашидзе (Чачба) А.К. – 135, 287, 288.
Шервашидзе Г.А., ген.-лейт. – 292-294.
Шервашидзе Г.М. – 174, 175, 443.
Шервашидзе Зураб – 373.
Шервашидзе Л.А. – 60, 406.

Шервашидзе Леван – 36, 373.
Шервашидзе Мурзакан – 96.
Шереметьев С.Д. – 292-294, 443, 445.
Шершеневич В.Г. – 8.
Шидловский В.И. – 404.
Шифман А.И. – 259, 438.
Шишлова Е.Э. – 277, 444.
Шмидт О.Ю. – 349, 413.
Шомахова А.Р. – 274, 435.
Штриттер И.М. – 222.
Штырков С.А. – 411.
Шуберский В.П. – 253.
Шуберт, ген.-лейт. – 65.
Шульгин Н.И. – 368.

Щербакова М.И. – 3, 5, 14, 166, 234, 254, 257, 258, 339, 340, 371, 405, 406, 425, 438, 440, 444.
Щербатов М.П. – 55.
Щербатов Н.С. – 260.
Щербатов С.А. – 259.

Экзеков М.Х. – 9, 433.
Энгельгардт М.Ф. – 17.
Эсадзе С.С. – 82, 97, 446, 444.

Юркевич М. – 253, 298, 300, 445.
Юстиниан I – 32, 112, 133, 171, 201, 219, 341, 346, 355, 382, 385.

Яблонский Н.И. – 252, 403.
Яковлев Н.Ф. – 255.
Якубович Лукьян – 56.
Яхонтов А.Н. – 208.
Яхонтов Н.Н. – 208.
Яхтанигов З.Ф. – 9, 408.

С. М. Броневский

Новейшия известия о Кавказе

Собранныя и пополненныя
Семеном Броневским

НОВѢЙШІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ

И

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О

КАВКАЗѢ,

Собранныя и пополненныя

СЕМЕНОМЪ БРОНЕВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1823.

НОВЪЙШІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ,

И

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О

КАВКАЗѢ,

Собранныя и пополненныя

СЕМЕНОМЪ БРОНЕВСКИМЪ.

НАРЫШКИНСКАЯ
ОСОБАЯ БИБЛІОТЕКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1823.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ДЛЯ ВСѢХЪ СОСТОЯНІЙ,

Санктпетербургскаго Педагогическаго Института

Ординарнаго Профессора

Евдокима Зябловскаго.

ЧАСТЬ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ

1810 года.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ
съ предварительными понятіями о Статистикѣ
и
съ общимъ обозрѣніемъ Европы
въ Статистическомъ видѣ,

Санктпетербургскаго Педагогическаго Института Ординарнаго Профессора, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера
Е. Зябловскаго.

ОБЩЕСТВО ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
20 СЕН 74

3750

Изданіе второе,
исправленное и дополненное.

ЧАСТЬ IV и V,
содержащія въ себѣ: Государственное богатство изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, рукодѣлія, фабрики, торговлю, монету, вѣсъ и мѣру.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Правительствующаго Сената.
1815

ГЕОГРАФІЯ

РОССІЙСКОЙ

ИМПЕРІИ

Заслуженнаго Профессора

ЗЯБЛОВСКАГО.

42195

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1837.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗАКАВКАЗСКАГО КРАЯ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ СТАТЬИ:

Политическое состояніе Закавказскаго края въ исходѣ XVIII века и сравненіе онаго съ нынѣшнимъ.

Составилъ

Орестъ Евецкій.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1835.

Slav 3423.195

Печатано съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 1 1967

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ

съ предварительными понятіями о Статистикѣ

и

съ общимъ обозрѣніемъ Европы

въ Статистическомъ видѣ,

Санктпетербургскаго Педагогическаго Института Ординарнаго Профессора, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера

Е. Зябловскаго.

ОБЩЕСТВО ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
20 СЕН 74

3750

Изданіе второе,

исправленное и дополненное.

ЧАСТЬ IV и V,

содержащія въ себѣ: Государственное богатство изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, рукодѣлія, фабрики, торговлю, монету, вѣсъ и мѣру.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Правительствующаго Сената.

1815

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

ЗА КАВКАЗОМЪ,

ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ,
ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И ФИНАНСОВОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

произведенное и изданное
по
ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ЧАСТЬ I.

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

ЗА КАВКАЗОМЪ,

ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И ФИНАНСОВОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ,

произведенное и изданное

по

ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ЧАСТЬ II.

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

ЗА КАВКАЗОМЪ,

ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ,
ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И ФИНАНСОВОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

произведенное и изданное
по
ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ЧАСТЬ III.

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

ЗА КАВКАЗОМЪ,

ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ,
ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И ФИНАНСОВОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

произведенное и изданное
по
ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ЧАСТЬ IV.

НИКОЛАЯ I
ИМПЕРАТОРА ВСЕЯ РОССІИ
ВЪ 26 ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Издаваемое по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

при 1-мъ Отдѣленіи

Департамента Генеральнаго Штаба

ТОМЪ XVI.

ЧАСТЬ 5.

—

КУТАИССКОЕ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВО

1858 ГОДА.

ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Издаваемое по Высочайшему повелѣнію

при 4-мъ отдѣленіи

Департамента Генеральнаго Штаба.

ТОМЪ XVI.

ЧАСТЬ 10.

—

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Департамента Генеральнаго Штаба.

1855.

СУХУМСКІЙ ОКРУГЪ.

АВХАЗІЯ

ВЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ И БЫТОВОМЪ ОТНОШЕНІИ

ДОКЛАДЪ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЕТЪ НЕМУ

Г. А. Рыбниковъ

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МУЗЕЯ ПЛОДОВЪ ПОЛЬЗЫ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ СУХУМЪ.

Напечатано по опредѣленію Правленія 20 Января 1901 г. въ типографіи Екатеринодарскаго отдѣла Кавказскаго общества сельскаго хозяйства, подъ наблюденіемъ члена Правленія статистика-экономиста Г. А. Рыбникова.

ТИФЛИСЪ.
1904.

ИСТОРІЯ
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
ВЪ
АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ
ВЪ
1828 и 1829
ГОДАХЪ.

ВЪ ДВУХЪ

ЧАСТЯХЪ

„Поразившимъ знаменемъ
„Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
„Надъ средоточіемъ Царствомъ Митридата
„Летаетъ и тяготѣетъ „Луну"
Державинъ.

Санктпетербургъ.
1836.

ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА ЧЕРНАГО МОРЯ.

По рекогносцировкамъ и матеріаламъ, собраннымъ на мѣстѣ, составлялъ
Генеральнаго Штаба Полковникъ Карлыофъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ CIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1859.

СУХУМСКІЙ ОКРУГЪ

АБХАЗІЯ

ВЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ И БЫТОВОМЪ ОТНОШЕНІИ

ДОКЛАДЪ И ПРОИЗНЕСЕННЫЙ ИМЪ

Г. А. Рыбинскимъ

въ Императорскомъ Кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства

и послѣдовательно организованнаго

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ СУХУМѢ.

Напечатано изъ числа докладовъ прочитанныхъ 20 января 1901 г. въ общемъ собраніи отчетнаго отдѣла кавказскаго общества сельскаго хозяйства, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ отставного почетнаго опекуна тов.-мин. М. А. Яковлева.

ТИФЛИСЪ.
1901.

М. О. КОСВЕН

ЭТНОГРАФИЯ и ИСТОРИЯ КАВКАЗА

ИЗД

E 100 — 1066

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

ГОРСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ НА КАВКАЗѢ.

Des peuples simples, pauvres, libres, guerriers, pasteurs qui vivent saus industrie et ne tiennent á leurs terres que par des cases de jonc, suivent des chefs pour faire du butin, et non pas pour payer ou lever des tributs.

Montesquieu: De l'esprit des lois t. V, chap. XII.

составленный

Ад. Берже,

Правителемъ дѣлъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТИФЛИСЪ.
въ типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго.
1858.

Военно-статистическое обозрение Российской империи.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ

ОПИСАНІЯ

ГУБЕРНІЙ и ОБЛАСТЕЙ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

ТОМЪ XVI

КАВКАЗСКІЙ КРАЙ.

ЧАСТЬ 5.

КУТАИССКОЕ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ

Кутаисской губерніи, владѣній: Мингрели, Абхазіи и Сванетіи, и приставствъ: Самурзаханскаго и Цебельдинскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Департамента Генеральнаго Штаба.

1838.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОПИСАНІЕ

КУТАИССКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА.

СОСТАВЛЯЛЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

П. К. УСЛАРЪ

АБХАЗСКІЙ ЯЗЫКЪ

П. К. Услеръ.

ЭТНОГРАФІЯ КАВКАЗА.

4 / У-75-Т 9(47) / У-75

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Абхазскій языкъ.

Съ приложеніемъ статей:

1) О распространеніи грамотности между горцами, 2) Предположеніе объ устройствѣ горскихъ школъ, 3) О составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ, 4) Замѣтки о черкесскомъ языкѣ, 5) О языкѣ убыховъ, 6) Грамматическій очеркъ сванетскаго языка.

Инв. 572

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ТИФЛИСЪ.
Типографія канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.
1887.

70.
17.

А. ВЕРЕЩАГИНЪ.

Значеніе путей сообщенія въ дѣлѣ колонизаціи и развитіи черноморскаго прибрежья Кавказа.

СООБЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВОЛЬНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ ВЪ ЗАСѢДАНІИ III ОТДѢЛЕНІЯ ВЪ ФЕВРАЛѢ 1878 Г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Большой Подъяческой, д. № 39.
1878.

ГА * ВЕ
МОМ

ПУТЕВЫЕ ЗАМѢТКИ

ПО

ЧЕРНОМОРСКОМУ ОКРУГУ

А. В ВЕРЕЩАГИНА.

309612

Съ приложеніемъ двухъ фасадовъ, плана и разрѣза Сочинской церкви, — и карты Черноморскаго округа.

ИЗДАНІЕ Н. Н. МАМОНТОВА.

Dbl F II 13600

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1874.

И 277/201

ВЛІЯНІЕ

СУХОПУТНЫХЪ И МОРСКИХЪ СООБЩЕНІЙ

НА

КОЛОНИЗАЦІЮ И РАЗВИТІЕ

ЧЕРНОМОРСКАГО ПРИБРЕЖЬЯ КАВКАЗА.

А. В. Верещагина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.
1885.

Инв. № 57459

371
1209

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

КОЛОНИЗАЦІИ

ЧЕРНОМОРСКАГО ПРИБРЕЖЬЯ КАВКАЗА

и

ЕЯ РЕЗУЛЬТАТЫ

А. В. Верещагина.

№ 901
М. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.
1885.

Uvarova, Praskovia Sergeevna, graf.

Kavkaz'

КАВКАЗЪ

АБХАЗІЯ, АДЖАРІЯ, ШАВШЕТІЯ,

ПОСХОВСКІЙ УЧАСТОКЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

Графини Уваровой.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ, Петровка, д. Левенсонъ.
1891.

АБХАЗІЯ

И ВЪ НЕЙ

НОВО-АѲОНСКІЙ СИМОНО-КАНАНИТСКІЙ

МОНАСТЫРЬ.

Съ планомъ Абхазскаго приморскаго берега, съ 21-мъ рисункомъ памятниковъ христіанства въ Абхазіи и съ планомъ Ново-Аѳонскаго монастыря.

ВЪ ПОЛЬЗУ СТРОЯЩЕЙСЯ ОБИТЕЛИ.

Составилъ А. Л.

МООКВА.
Типографія В. Ѳ. Вихтеръ, Тверская, у Стар. Тріумф. воротъ, д. Мартынова.
1885.

АБХАЗІЯ

И ВЪ НЕЙ

НОВО-АѲОНСКІЙ СИМОНО-КАНАНИТСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Съ планомъ Абхазскаго приморскаго берега, съ 21-мъ рисункомъ памятниковъ христіанства въ Абхазіи и съ планомъ Ново-Аѳонскаго монастыря.

ВЪ ПОЛЬЗУ СТРОЯЩЕЙСЯ ОБИТЕЛИ.

Составилъ А. Л.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Михаилъ Александровичъ
Мельниковъ.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, у Стар. Тріумф. воротъ, д. Мартынова.
1885.

У65/3

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА.

СОБРАННЫЕ

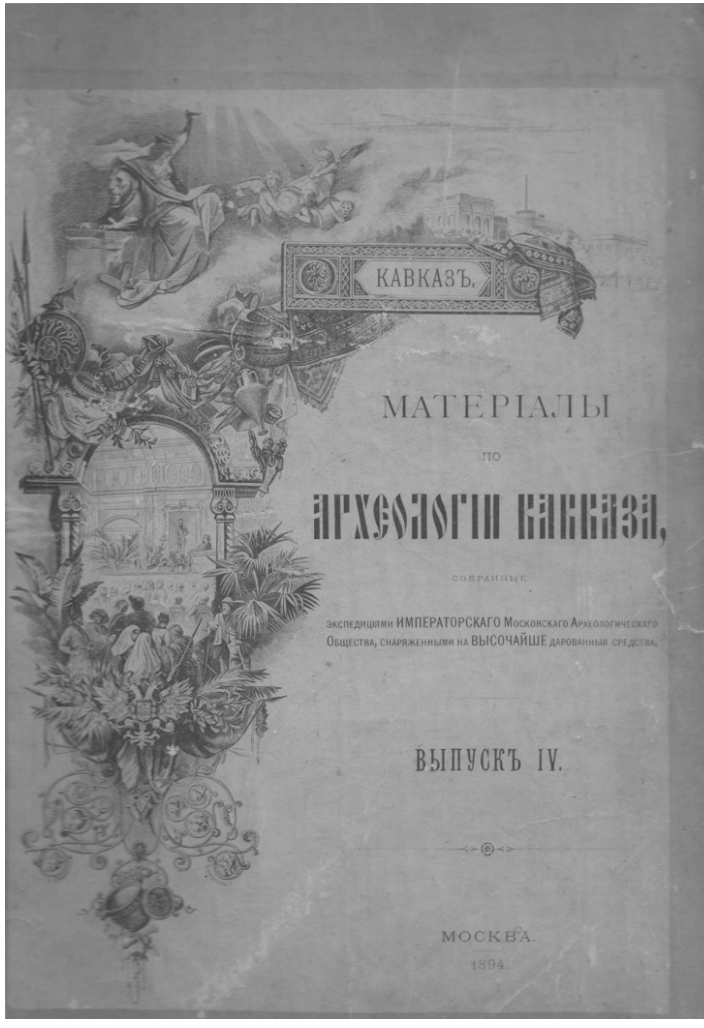
экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества,
снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ IV.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1894

ХРИСТІАНСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Графини Уваровой.



КАВКАЗЪ.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

ЭКСПЕДИЦІЯМИ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ IV.

МОСКВА.
1894.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

[47]

ГОЫ и МОРЕ.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

АБХАЗЦЫ или АЗЕГА, СВАНЕТЫ или ШАНЫ.

Порты Чернаго моря: Новороссійскъ, Сухумъ, Поти и Батумъ.

(ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА).

Н. А. Александрова.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго склада А. Я. Панафидина.
Покровка, Лялинъ пер. соб. домъ.
1901.

ДРЕВНОСТИ
ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ
КАВКАЗА.

К. А. Владиміровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1900.

Digitized by Google

91(с)
Д-36
355334

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXV, выпускъ 8-й (и послѣдній).

Н. В. Фонъ-Дервизъ.

СУХУМСКІЙ ОКРУГЪ.

Цѣна 30 копѣекъ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго. Головинскій просп., № 12.
1906.

32.
612.

О ЗАСЕЛЕНІИ

ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

КАЗАЧЬИМЪ ВОЙСКОМЪ.

ИВ. ДУКМАСОВА.

МОСКВА.
—
1887.

ИЗДАНІЕ

КОМИССІИ ПО УСТРОЙСТВУ КОММЕРЧЕСКИХЪ ПОРТОВЪ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ ВѢДОМСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.
18
30 АПР. 1913
№ 142

МАТЕРІАЛЫ

ДЛИ ОПИСАНІЯ РУССКИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ПОРТОВЪ

и

ИСТОРІИ ИХЪ СООРУЖЕНІЯ.

Выпускъ XX.

КЕРЧЬ, ГЕНИЧЕСКЪ, ЕЙСКЪ, ТЕМРЮКЪ, АНАПА.

Результаты изысканій, произведенныхъ
въ 1893—1894 г.г.

Составилъ

В. Ю. Руммель,

инженеръ путей сообщенія.

Съ атласомъ чертежей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1896.

КАВКАЗСКІЙ ТОЛМАЧЪ

(Переводчикъ съ русскаго на главнѣйшіе кавказскіе языки)

Заключающій въ себѣ 27 языковъ:

Абхазскій, Аварскій, Андійскій, Армянскій, Грузинскій, Дарго, Джарскій, Дидойскій, Ингушскій, Кабардинскій, Кубечинскій, Кумыцкій, Лазскій, Лакскій (Казикумыцкій), Лезгинскій (Кюринскій), Мингрельскій, Ногайскій, Осетинскій (Тагаурскій), Осетинскій (Дигорскій), Сванетскій, Талышинскій, Татарскій-Кавказскій, Тушетскій, Удинскій, Хирканскій (Хюркилинскій), Черкесскій и Чеченскій.

(По каждому языку до 2400 словъ, до 300 фразъ и грамматическій очеркъ языка).

Все напечатано русскими буквами.

Составилъ **А. В. СТАРЧЕВСКІЙ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1891.

Изданіе 1-е.

Русская Ривьера.

СУХУМЪ.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по городу и окрестностямъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Историческій очеркъ Сухума, Сухумъ въ настоящее время, Справочный отдѣлъ, Климатъ Сухума, Сухумъ—климатическая станція. II. Ботаническій садъ, Садъ Синопъ, Гора Черниявскаго, Гора г. Юрьевича, Венеціанскій мостъ, Сѣрный источникъ, Женскій Василиско-Златоустовскій монастырь, Сталактитовая пещера, Келласури, Ольгинское, Цебельда, Драндскій монастырь, Кодоръ, Старый Сухумъ, Чиловская сталактитовая пещера.

Составилъ Г. М. Тези.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія М. Зильберберга и С-вья.
(Рыбная ул., д. № 30-й).
1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Глава I. Абхазия в сочинения русских авторов
1810-х — 1850-х гг.. 7
Глава II. Абхазия в трудах русских авторов
1860-хх — 1880-х гг.. 141
Глава III. Абхазия в книгах русских авторов
1890-х — нач. XX в. 251
Источники и литература 405
Именной указатель 446

Василий Шамониевич Авидзба

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО АБХАЗИИ
(Обзор книг русских авторов XIX — нач. XX в.)

Редактор *А. Дбар*
Корректор *С. Аргун*
Компьютерная верстка *А. Бereнджи*
Художник *Р. Габлиа*

Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 27.
Заказ №